

2012

битва за человека

Апокалипсис уже близко!

УИТАН СТРАЙБЕР

Уитли Страйбер — популярный американский писатель, автор более чем двадцати фантастических, приключенческих и мистических романов. Его роман «2012. Битва за человека» будет экранизировать Майкл Бэй — режиссер блокбастеров «Остров», «Перл-Харбор», «Армагеддон» и «Трансформеры».

21 декабря 2012 года.

День, когда, согласно календарю майя и их древним сакральным текстам, завершится эпоха четвертого солнца и наступит новая эра...

Что ждет человечество в этот день?

Переход на следующий уровень развития?

Глобальная катастрофа?

Или война с пришельцами из параллельного мира, которых мы веками считали лишь персонажами мифов и легенд?

Правду об этом знает только один человек: писатель Уайли Дейл, который утверждает, что его когда-то похищали «чужие».

Но кто ему поверит? Ведь книги Дейла читают только наивные подростки, а над его предостережениями смеются даже самые близкие друзья.

Неужели 21 декабря 2012 года докажет его правоту и только немногие выжившие будут способны ее подтвердить?

Я не знаю, что произойдет 21 декабря 2012 года, но теперь не смогу спокойно думать об этой дате!

Дуглас Престон

Роман, словно специально предназначенный для превосходной экранизации!

«Variety»

УИТАИ СТРАЙБЕР

2012

битва
за човека

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Полиграфиздат
МОСКВА

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Coe)

C83

Whitley Strieber
2012: THE WAR FOR SOULS

Перевод с английского И. Судакевича

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Barot International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 15.01.10. Формат 84х108/32.

Усл. печ. л. 20,16. Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № СК 0397.

Страйбер, У.

C83 2012. Битва за человека : [роман] / Уитли Страйбер; пер. с англ. И. Судакевича. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. – 381, [3] с.

ISBN 978-5-17-062146-0 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-403-02579-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-4215-0090-2 (ООО «Полиграфиздат»)

21 декабря 2012 года.

День, когда, согласно календарю майя и их древним сакральным текстам, завершится эпоха четвертого солнца и наступит новая эра...

Что ждет человечество в этот день?

Переход на следующий уровень развития?

Глобальная катастрофа?

Или война с пришельцами из параллельного мира, которых мы веками считали лишь персонажами мифов и легенд?

Правду об этом знает только один человек: писатель Уайли Дейл, который утверждает, что его когда-то похищали «чужие».

Но кто ему поверит? Ведь книги Дейла читают только наивные подростки, а над его предостережениями смеются даже самые близкие друзья.

Неужели 21 декабря 2012 года докажет его правоту и только немногие выжившие будут способны ее подтвердить?

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Coe)

© Whitley Strieber, 2007

© Перевод. И. Судакевич, 2009

Школа перевода В. Баканова, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2010

Памяти Роберта Антона Уилсона

ЧАСТЬ I И СДЕЛАЛАСЬ ТЬМА ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ

*Душа, что с нами восходит,
Нашей жизни Звезда
Помнит иные рассветы.
Далек ее путь, но она не нага —
Хранит и былого заветы.
Мы в мир этот входим
Облаком славы от лика Творца —
Держателя нашего дома.*

Уильям Вордсворт
Обещания бессмертия

*Сверхъестественного не су-
ществует. Есть лишь мир есте-
ственный, и ты обладаешь пол-
ным к нему доступом. Души че-
ловеческие — часть природы.*

Хозяин Ключа

ПРОЛОГ ТЕМНАЯ ЛИНЗА

21 ноября

Хотя Мартин Уинтерс уже бывал в пирамиде Хуфу, отделаться от чувства изумления и приступов клаустрофобии не получалось. Его исследованиям суждено революционизировать археологию, и это, конечно, очень здорово, однако предстоящий спуск в крошечный раскоп под основанием титанического сооружения вызывал страх.

Сегодня предстояло взять образцы из стыков между каменными блоками для новой методики радионуклидного анализа, который позволил бы наконец раскрыть последнюю тайну. За прошедшие три года его лаборатория при Канзасском университете в Юрайа выполнила датировку доброй дюжины древних объектов Южной Америки; сейчас они девятый месяц подряд работали над Великой пирамидой. Результаты расходились со взглядами маститых ученых и угрожали ниспровергнуть их любимые теории. Мировая археологическая общественность уже подняла вой: методика-де ошибочна и никуда не годится.

Дело в том, что полученные выводы противоречили общепринятому мнению: пирамиду возвели не за несколько лет, а, напротив, ее строительство продолжалось десятки столетий, как минимум в четыре этапа, причем древнейший из них начался по меньшей мере шесть тысячелетий назад. Фараон Хуфу из IV династии действительно построил ту секцию, где позднее был найден его картуш, однако сама пирамида покоилась на основании, заложенном за три тысячи лет до его правления.

Итак, сейчас наступило время заняться нижним колодезем, который, по всей видимости, являлся ранней погребальной камерой. Именно здесь Мартин надеялся поставить точку в исследованиях поля пирамид, поскольку возникало впечатление, что колодец был самым первым творением человеческих рук в Гизе.

Параллельно он работал и над другим объектом, чрезвычайно древним зданием, именуемом Озирион, где в свое время проходили ритуалы, связанные с воскрешением египетского божества Озириса.

Выводы напрашивались настолько ошеломляющие, что Мартин пока воздерживался от публикации. Еще не время подставлять свою методику нападкам критиков, которые обязательно взвоят, когда вскроется, что пирамиду построили 18—20 тысяч лет тому назад. Мартин также попробовал выполнить датировку Сфинкса, но, к сожалению, тот был

высечен из единого массива известняка и не мог дать образцы для анализа. Годились только крошечные фрагменты глыб, по которым прошли инструменты каменотесов, после чего их зажали другими глыбами и с той поры не двигали.

Перед ним лежал узкий коридор, уходящий куда-то вниз. Власти не разрешали публике сюда спускаться, и не без оснований. Случалось, посетителей выносили из туннеля в состоянии истерической паники, да и воздух в колодце был слишком спертым. Легенды, ходившие об этом месте, намекали на то, что египетские жрецы использовали его в качестве камеры инициации, где человеку полагалось преодолевать возникшие страхи.

— Хорошо, — сказал Мартин, проверяя исправность фонарика. Затем еще раз: — Хорошо.

Ахмад Махфуз фыркнул:

— Нормально.

— Мерзавец ты. Ничего, отольются кошке мышкины слезы.

Ахмад рассмеялся:

— Сам виноват. Твой бурильный агрегат кого хочешь с ума сведет.

Махфуз был не только одним из самых талантливых археологов в Египте, но и обладал замечательной склонностью к технике, а посему понимал, что датировка по усредненному массовому полураспаду не может ошибаться. Метод Мартина, можно сказать, был Святым Граалем археологии: он позволял определить, когда камень проходил механическую обработку в последний раз — при условии, что материал затем не подвергался воздействию воздуха. Вот почему, собственно, приходилось глубоко забираться в древние сооружения и бурить каменные стыки, чтобы взять образцы керна.

В Перу, где инки подгоняли камни с ювелирной точностью, это было несложно. Зато в пирамидах и Озирионе бур направлялся с помощью ультразвука, так что пришлось обвешаться оборудованием.

В тесном коридоре царила крошечная тьма, и за спускавшимися людьми охотилось безумие.

— Проверка связи, — сказал Мартин, углубившись едва ли на десяток шагов.

— Еще рано. Я совсем рядом.

— Извини... Слушай, Ахмад, если я выберусь отсюда живым, выпивка за тобой.

— По твоим же словам, прошли тысячелетия; гораздо дольше, чем это предполагали раньше. Так с какой стати пирамида обрушится именно сегодня?

Чувствуя себя идиотом, Мартин двинулся вперед. Вскоре его охватила тишина, равной которой он никогда еще не испытывал, а ведь сколько раз уже доводилось забираться под землю...

Разница в том, подумал он, что здешняя тишина была весьма непривычной. Как бы агрессивной. Словно колодец знал, что ты в него хочешь спуститься, — и вот он тебя ждет. Знает и ждет.

Разумеется, это все воображение. Никакого зловредного присутствия здесь нет — да и откуда ему взяться? Нет ни привидений, ни богов. Просто естественная реакция, когда ты лезешь в узкий туннель под шестью миллионами тонн камня.

Древним египтянам надо отдать должное: они знали этот эффект, потому и устроили колодец именно здесь. Ортодоксальная археологическая мудрость гласила, что мы имеем дело лишь с древней усыпальницей, однако это еще большой вопрос. Половину погребальной камеры занимала казавшаяся не к месту, грубо обработанная платформа с выпуклостями на верхней грани — явно не для размещения саркофага, а что касается остального интерьера, то помещение в целом производило странное впечатление. В нем доминировала непонятная диагональная прорезь в полу глубиной порядка шести футов. Вообще говоря, Мартин надеялся в первую очередь на стены, где могли встретиться плотно подогнанные каменные блоки, столь важные для успеха исследования.

Он достиг камеры и находился сейчас на глубине восьмидесяти футов под основанием пирамиды. Воздух был про-

хладным, каким-то густым — даже, можно сказать, вязким. Универсальный газовый детектор уверял, что — несмотря на довольно высокий уровень двуокиси углерода — Мартин в относительной безопасности. С собой у него имелся аварийный респиратор с часовым запасом кислорода, что более чем достаточно для выхода на поверхность, если вдруг он использует весь воздух в этом крайне небольшом, замкнутом пространстве. Или, если брать наихудший вариант, позволит задохнуться не сразу, а потянуть удовольствие.

— Я на месте, — сказал он в рацию.

Тишина. Долгая-предолгая тишина.

— Ахмад!!!

— Ах, прошу прощения, эфенди. Я тут чай пью. Отдыхаю.

— Что за шутки?! У меня чуть сердце не прихватило!

— Знаю-знаю — и всеми силами стараюсь, чтобы ты не скучал.

Классный парень, замечательный ученый... и мусульманин, который вырос, когда эта территория была еще под турками, а нынче терпела владычество британцев. Да, культурная пропасть — но сейчас не время для розыгрышей.

— Ты не забывай, что я американец, — пробурчал Мартин.

Он сделал пару глубоких вдохов, раскрыл инструментальную сумку и вынул ультразвуковой зонд. Прибор позволял на десять футов заглянуть в толщу известняка, выдавая детальную картинку, что таится внутри, или, другими словами, помогал найти швы в каменной кладке.

План был таков: углубиться буром примерно на одну восьмую дюйма за границу шва и вытащить кусочек камня на образец.

Мартин не стал светить фонариком кругом себя. Он и так знал, что здесь имеется, к тому же не хотел лишнего напоминания о том, насколько тут тесно. С другой стороны потолок возвышался на десять футов, и в отличие от коридора в колоде не надо было сгибаться в три погибели.

Поясничные боли — вечное проклятие археолога. Ты просто не можешь приступить к работе, пока не втянешь голову

в плечи или не застынешь в согбенном положении, зачастую на протяжении многих часов подряд, да еще в крайне стесненных условиях — и чем старше становишься, тем больше внимания обращаешь на подобные неприятные ситуации. В свои тридцать четыре года Мартин почти не думал об этом, чему немало способствовало увлечение плаванием, теннисом, сквошем и... пожалуй, Линди тоже надо бы сюда зачислить. С другой стороны, он в достаточной степени натрудил себе спину и в качестве доказательства мог предъявить двух детей и жену, которая изо всех сил старалась получить одну из самых удивительных работ в мире. С тех пор как НАСА в 2010 году объявила, что НЛО действительно представляют собой управляемые летательные аппараты — не исключено, что инопланетные, а может статься, из параллельной вселенной, — Международный комитет перспективных направлений пропульсионной физики без передышки трудился над вопросом, как они работают.

Линди с головой ушла в научно-политические интриги, потому что страстно желала попасть в состав упомянутого комитета.

Каким образом это может сделать обычный преподаватель, да еще из колледжа, стоявшего почти в самом низу рейтинга «Ю-Эс ньюс», оставалось для Мартина загадкой. Впрочем, она была человеком одержимым. Хотела, чтобы мы все покинули эту планету весьма радикальным и нетривиальным образом.

Мартин тоже глубоко подкопался под археологический истеблишмент, и вот почему та революция, которую он готовил по мере своих скромных сил и возможностей, вызвала такую неприязнь. Но с числами не поспоришь, и факт оставался фактом. Человеческую историю необходимо пересмотреть: все наиболее загадочные сооружения, которые прошли датировку новым методом, оказались намного старше, чем считалось ранее...

Компьютер ультразвукового зонда наконец разобрался сам в себе, и на крошечном экране вспыхнуло вполне осмысленное изображение.

— Есть картинка, — передал Мартин по рации.

— Вот и славно. Ты идешь по графику.

Имперская Служба древностей выделила им ровно один час, с четырех до пяти утра, когда начинались так называемые рассветные туры; исследователям никак не улыбалось вести работу в период наплыва туристов. Практика показала, что кто-нибудь из них обязательно даст взятку охране и залезет внутрь — и это означало головную боль для бедного археолога, не говоря уже про всяческие опасности для любопытствующей деревенщины, вздумавшей устроить здесь молитвенные песнопения.

Мартин бросил взгляд на часы. «Ровно половина пятого. Скоро включим дрель, углубимся до нужной отметки, захватим образец, и тогда можно будет подниматься». Словом, он не просто шел по графику, а мастерски его вытанцовывал.

Только опытный, наметанный глаз мог разобраться в мешанине теней на экране. Мартин спустился до второго яруса колодца, подальше от глубокой дыры, оставшейся еще с девятнадцатого века после работ итальянца Кавильи, а затем и британского исследователя — вернее, пожалуй, мародера — полковника Говарда Вайза. Зеленый прямоугольник мерцал, давая яркий свет там, где камень был плотным, в то время как более рыхлые или нарушенные участки выглядели темнее.

Наконец он обнаружил искомое: почти черную прямую линию. Несомненно, какой-то стык или шов, хотя при взгляде на стену ничего особенного в этом месте не было. Многие десятилетия считалось, что камеру выбили в цельном массиве известняка. Лишь после того как ультразвуковое зондирование с поверхности выявило наличие структурированных поверхностей, стало ясно, что облицовка колодца была выполнена из карьерного камня.

— Начинаю бурить.

— Принято.

Мартин извлек длинный тонкий стержень и вставил его в патрон. Бур стоил тридцать тысяч долларов, имел алмазную коронку и был изготовлен из самой надежной инструменталь-

ной стали: микротвердость по Кнупу составляла 920 единиц. Диаметр он был с три булавки, и более мягкая сталь не позволила бы заглубляться в камень.

Пока дрель трудилась, Мартин размышлял над тем, каким образом древним египтянам удавалось высверливать полости в диоритовых урнах, хотя пользовались они бурами ненамного толще этого. Если на то пошло, сверло Мартина вообще бы не взяло диорит. Даже здесь, на граните, оно заглублялось с превеликим трудом, и его приходилось то и дело вынимать, чтобы оно остыло. С собой он захватил три бура, но, конечно же, не хотел целиком израсходовать бюджет на один-единственный образец: ведь в планах стоят раскопки по всему миру. Пусть Линди тянет человечество к звездам; он занимается ревизией истории, и это занятие ничуть не менее важно...

Задумавшись, Мартин лишь сейчас заметил вибрацию. Дрожь шла снизу, через подошвы кроссовок.

— Ахмад?

— На связи.

— Тут у меня что-то происходит. Какая-то вибрация.

— Из-за дрели? Наведенные гармоники?

— Возможно... Но ведь она выключена...

Он замер, прислушиваясь к ощущениям. Дрожь превратилась в тряску, пульсации. Ритм быстрый, регулярный, как бы механический. Если бы не текущие обстоятельства, следовало бы заподозрить, что под камерой установлен компрессор.

Должно быть, в Каире началась утренняя смена на одном из предприятий. Не исключено, что таким вибрациям подвержено все известняковое плато Гизы.

— Понял. Это из города, какая-то фабрика.

— В километре от нас недавно открыли станкостроительный завод.

— В точку.

Вибрация. Новый вид загрязнения окружающей среды, очередная напасть для местного археологического заповед-

ника. Охваченный невеселыми мыслями, Мартин вернулся к работе.

Сейчас, когда коронка остыла, он добился неплохого темпа, не надавливая на дрель, а лишь слегка касаясь разбуживаемой поверхности. К тому же камень по мере продвижения становился менее твердым. Через несколько минут сверху посыпалась пыль. Мартин вновь выключил инструмент и фонариком посветил над головой. Источником помехи являлся потолок.

Странно. Обычный, облицованный камнем потолок — но сейчас из него били крошечные гейзеры пыли. Такое впечатление, что по нему кто-то прыгает.

— Ахмад!

— Да?

— Ты чем там занимаешься?

— Интересно отметить, что я только что видел шакала. Мне казалось, в Каире от них уже давно избавились.

Вздохнув, Мартин продолжил трудиться. Осталось буквально несколько миллиметров — дрель углубляется... Ага! Есть. «Сейчас вытащим бур и засунем в шурф ловильный шуп: тоненький прут с клешневым зажимом все из той же сверхтвердой стали».

Он вынул серебристый стержень из чехла, подключил его к переносному блоку питания на воздушно-цинковых элементах, затем вставил собранный инструмент в узкое пробуренное отверстие. Вернее, попытался вставить, потому что из-за пульсаций это оказалось сложнее, чем попасть ниткой в игольное ушко.

— Ты не знаешь, на этом проклятом заводе хоть когда-то есть перерыв?

— Давай-ка вылезай.

— Почему?

— Да потому что я сам уже начал это чувствовать, а такого попросту не должно быть.

Сейчас с потолка сыпалась не просто пыль, а мелкие камушки, и Мартин знал, что это событие крайне неординар-

ное. Причиной для такой уверенности служил пол. Он был чистым, камера также выглядела совершенно неповрежденной. Стало быть, происходило нечто абсолютно новое, и Ахмад прав: надо немедленно уносить ноги.

Но ведь до конца работы остались какие-то жалкие миллиметры! Мартин бросил взгляд на экран — вибрации передались и компьютеру, — попробовал изменить настройку.

— Мартин, ты вылезаеть или нет?

— Подожди-ка...

— Я спрашиваю, ты вылезаеть? Ты что задумал?

Он даже не стал отвечать. Пульсации нарастали — появился звук, какое-то гулкое уханье — бу-ух! бу-ух! бу-ух! — а Мартин меж тем изо всех сил старался вытащить кусочек камня. Тот самый, заветный, крошечный кусочек, который так необходимо...

Раздался мерзкий хруст, скрежет — и фрагмент потолка весом, наверное, с четверть тонны пролетел мимо и грохнулся в яму, оставшуюся после Кавильи.

— Эй! Здесь полиция, они говорят, чтобы ты вылезал!

— Иду-иду...

Мартин отчаянно крутил щуп, следя за изображением на экране, но ловильная головка никак не желала хватать образец. То, что висело сейчас над головой, давило на психику подобно громадной, удушьющей длани.

Он подумал о Линди, о Треворе и Уинни — и выдернул стержень. Сверху свалилась очередная глыба, и Мартин понял, что на этом все, дальше оставаться нельзя. В сумку полетел наспех собранный инструмент.

Бу-ух! Бу-ух! Бу-ух!

Какое там землетрясение! Разве землетрясение таким бывает? Нет, внизу явно машина, наверняка машина...

Из туннеля донеслась серия резких звуков, походивших на выстрелы. Пробиваясь сквозь пыльные клубы, свет фонарика выхватил на стене зазмеившиеся трещины.

Пригнувшись, Мартин нырнул в коридор, споткнулся и, то бегом, то на четвереньках, в кровь обдирая колени и лок-

ти, лихорадочно полез наружу, пока весь туннель гнулся и скручивался подобно резиновому шлангу в руках безумного гиганта.

Поля под ногами просел, кругом бушевал камнепад, пришлось замедлиться. Пульсации стали вовсе титаническими, словно сама земля забилась в припадке.

И тут появились чьи-то руки, его тащили люди, он выбрался, он свободен — очутился вне пирамиды. Отчаянно кашляя, ничего не видя из-за толстой корки пыли в глазах, Мартин стоял пошатываясь и пытался прийти в себя.

Во имя всего святого! Что здесь происходит?!

— Мартин, бегом!

Он почувствовал, что его дергают в сторону, протер глаза, обернулся и увидел самую удивительную вещь в своей жизни.

Северный склон исполинского сооружения колыхался крупными волнами, словно каменные блоки превратились в студень и угрожали накрыть их всех противоестественным потоком.

От изумления он не мог вымолвить ни слова и только шевелил губами: пирамида обрушивается!

Взревели сирены, сначала одна, затем еще и еще; воздух заполнился воем. Вдалеке, на подъездной дороге, пытались развернуться неуклюжие туристские автобусы.

Вслед за Ахмадом и тремя полицейскими Мартин побежал к стене, отделявшей доступ к археологической зоне. За спиной бушевал рев, словно мир зашелся криком, словно на них валился реактивный авиалайнер, словно миллион безумцев горели живьем.

Он обернулся на бегу и увидел что пирамида распухла, превратилась в подобие титанического параллелепипеда, на глазах теряла форму и извергала из себя каменные глыбы, которые недвижно покоились тысячи лет, и вот теперь какая-то сила срывает их с мест и уносит в сторону сладкого расцветного солнца.

По всему Каиру, по всей прилегающей долине Нила люди вскидывали головы и смотрели на источник звука, на Гизу,

хотя увиденное было для них совершенно незнакомым, непостижимым: рвущийся в небо гейзер, громадная черная колонна, чьи стенки испещрены рыжими точками.

Каждая из них была камнем весом от одной до трех тонн, размером с автомашину. И все эти точки вот-вот должны были рухнуть на беспомощные миллионы, набившиеся в город Каир.

Это Мартин понимал ясно и отчетливо. Наверное, террористы подорвали атомный заряд прямо под пирамидой. Невслыханное невезение — оказаться внутри в тот момент, когда это многовековое сооружение, самая важная постройка на Земле готовилась встретить свой конец.

Когда колоссальный фонтан из камней достиг своего апогея на высоте двух миль, Мартин залег под стенкой. Он не был религиозен и поэтому сам поразился тому умиротворенному покою, который на него снизошел. За Мартином пожаловала смерть. Это совершенно точно.

Но тут, охваченный пароксизмом ужаса, он вцепился себе в волосы и завопил, внося собственную лепту в чудовищный грохот непрерывного, продолжающегося взрыва.

Через несколько секунд он умолк. Перед глазами встало лицо Линди, самой прекрасной и мудрой женщины в его жизни. Должно быть, он умрет вот так, с ее образом в мыслях.

А затем он услышал Тревора; голос сына звучал так ясно, словно тот стоял рядом: «Когда папа вернется?» Рассудительный ответ Уинни: «Тревора, ты такой нетерпеливый. Он вернется, когда закончит работу».

Мартин ничуть не удивился: сейчас ему казалось, что нет на свете ничего более естественного, чем слышать эти голоса. А вот и бой старинных часов, что стоят у них в прихожей, — восемь звучных, глубоких ударов.

Свистящий звук над головой превратился в визг, затем хриплый рев, и в пустынную почву — в каких-то тридцати футах от него — впечатался каменный блок. Земля подпрыгнула и выбила воздух из груди. Он увидел Ахмада: глаза археолога остекленели от потрясения, зубы оскалились, зрачки неподвижны, смотрят прямо на него.

Упал очередной блок, затем еще — и пошел дождь из камней. Вопли, стоны, звон, хруст сминаемых автобусов и автомобилей, далекий гул камнепада в долине Нила, и взрывы бомбардируемого Каира. Жилой квартал, расположенный в четверти мили от них, исчезает в облаке пыли; шоссе разбито; подпрыгивая на выбоинах, машины паническим стадом рвутся в пустыню; один из автобусов, уже свернувший с дороги, получает попадание в заднюю часть салона и проседает, умоляюще вскинув передние колеса, — и окутывается пламенем, стирающим жалкие, захлебывающиеся крики.

И это все длится, и длится, и длится... Кажется, прошло уже несколько часов, даже суток — взрыв вечный, он не имеет конца. За одним камнем валится другой, после одного зубодробительного сотрясения почвы следует другое, и тогда в какофонию человеческих криков вливается еще чей-то иступленный хор...

Затем наступает безмолвие, с которым не сравнится даже тишина в погребальном колодце. Частично в этом повинна онемевшая левая барабанная перепонка, да и в правом ухе стоит неумолчный звон, который будет его преследовать на протяжении нескольких дней. И еще, наверное, это из-за психического шока, потому что там, где был Ахмад — буквально в одном футе от Мартина, — сейчас высится какой-то утес. Неподалеку лежит на спине полисмен, невидящим взглядом вперившись в небо. В сторонке бродит какой-то немецкий турист, выкрикивая:

— Наступило утро, наступило утро.

Действительно рассвело. С востока, над задымленными, разбитыми террасами Гизы, громовым облаком вставало солнце.

Мартин поднялся на ноги. На время командировки он обосновался в гостинице «Мена-хаус», напротив пирамид, и направился в ту сторону. Его сильно шатало; впрочем, другие привидения на усыпанном обломками плато вели себя точно так же.

Резким контрастом к этому зрелищу были сады Мены. С полдюжины каменных глыб, зарывшихся в площадку для гольфа, будто находились здесь всегда.

Сам отель оказался в целости и сохранности; во дворе толпились гости вперемешку с местным персоналом — разглядывали громадный черный столб, который висел в небе, медленно склоняясь к югу под действием сезонных ветров. Над головами безмятежно реяли британские и египетские имперские штандарты, пострадавшие ничуть не больше гостиницы.

Ноябрь в Египте может быть замечательным, и даже Каир тогда наслаждается редкостными кристально чистыми днями.

Мартин миновал вестибюль и поднялся на второй этаж, в ресторан «Хан и Халили». У окна стоял одинокий официант.

— Я хотел бы чашечку кофе, — сказал Мартин.

Официант даже не шевельнулся. Прошло несколько долгих секунд, и мужчина наконец повернул голову. В его глазах стояли слезы.

Только тут Мартин осознал, что сам плачет. Они обнялись и замерли, как сраженные горем дети.

— Я только что потерял друга, — сказал Мартин.

— Я потерял мой Египет, сэр. Наше сердце разбито.

В середине дня Мартин поднялся на крышу отеля, чтобы воочию увидеть то, что было предметом разговоров всех и каждого — вернее, каждого, кто не был занят на тушении пожаров и на расчистке разбомбленного города.

Перед ним расстилалось плато, а там, где раньше возвышалась пирамида, теперь находился новый объект: гигантская черная линза. День был в разгаре, но солнечный свет выглядел робким из-за витающей кругом пыли.

На полоске земли, которая отделяла гостиницу от пирамидного комплекса, тут и там виднелись торопливые фигурки, по большей части в зеленой форме Королевской египетской полиции, а также британские солдаты в обмундировании цвета хаки. На шоссе возле гостиницы стоял великолепный «роллс-ройс», и среди глыб можно было различить генерал-губернатора, вышагивающего во главе толпы офицеров.

Но основное внимание Мартина привлекала, конечно же, загадочная линза: идеально круглая и выпуклая, высотой при-

мерно футов двадцать по центру. Он ломал голову, пытаясь отыскать в своей ментальной энциклопедии хоть какую-то опорную точку, к которой можно было привязаться.

В удивительное совпадение — что линза возникла в точности под Великой пирамидой случайно — не верилось.

Для чего здесь поставили пирамиду? Чтобы закрыть линзу — если не сказать закамуфлировать?

Тайна на тайне, причем самой главной загадкой было назначение этого нового объекта. Он, безусловно, являлся продуктом продвинутой технологии — к тому же технологии очень древней. Плато Гизы не знало вмешательств на протяжении тысячелетий. Понятное дело, после строительства пирамид никто не мог закопать здесь столь громадный объект.

На редкость древняя вещь, иначе просто быть не может, к тому же поражало не только строительное искусство давно минувших веков. Для того чтобы взметнуть в небо все эти каменные глыбы, необходима чудовищная энергия. А вместе с тем за многие годы, когда грунт под основанием пирамиды прорезали многочисленными ходами и туннелями и просвечивали сонарами и радарам, не было обнаружено никакой линзы или хотя бы взрывного устройства.

Если на то пошло, количество находок вообще оказалось крайне скудным. В 50-х возле южного склона Великой пирамиды были раскопаны так называемые солнечные барки, однако с той поры не прибавилось ни одного артефакта. Кое-какие затемненные области на экране зондов вроде бы говорили в пользу пещер или пустот — и на этом все.

«Господи, да вы только взгляните на нее! Сверкает под солнцем. Зловещая до изумления».

Воздух наполнился скорбным воем сирен. В голову пришла мысль: пусть Британская империя обветшала и полуразвалилась под собственным весом, зато по крайней мере каирская служба «Скорой помощи» оснащена прекрасным автопарком. С другой стороны, как обстоят дела с больницами и госпиталями? Смогла ли национальная система здравоохранения охватить протектораты, как это, например, было предусмотрено для настоящих колоний? Точного ответа Мар-

тин не знал. Так или иначе, ему сильно повезло выбраться из переделки без ранений. Даже звон в ушах успел пройти.

Он отвернулся, не желая — а может, не находя в себе сил — разглядывать раскрытый темный глаз, который подменил собой одно из великих чудес света. Вечную пирамиду, построенную на тысячелетия.

Сколько ушло времени на ее уничтожение? Не более пяти минут.

Кошмарный сон?..

Мартин обернулся. Увы, все как есть. Линза. А как ее называть иначе? Громадная, блестящая, смотрит в небо, в которое перед этим зашвырнули пирамиду.

Пусть она страшно древняя, но выглядит как новенькая, свежая и чистая — ни дать ни взять глаз демона, распахнувшийся после многовекового сна.

ГЛАВА 1

ТАНЦЫ В ТЕМНОТЕ

22 ноября

Генерал Альфред Уильям Норт зашел в роскошный офис своего вышестоящего руководителя в недрах Пентагона. Год назад генерала Самсона назначили новым председателем Объединенного комитета начальников штабов, и Ал вместе с ним вознесся в заоблачный мир высшей военной политики.

Генеральского адъютанта на месте не оказалось, докладывать было некому. С учетом нынешней неразберихи в войсках сей факт не был из ряда вон выходящим. Наверное, его отправили с каким-то поручением и никого не нашлось на замену.

До совещания в Белом доме оставалось не больше десяти минут, поэтому Норт решил не церемониться и, постучав-

шись один раз, распахнул дверь кабинета. С Томом Самсоном они познакомились после назначения того на должность начальника штаба ВВС. Прекрасный офицер, к тому же весьма представительный.

Сейчас, когда Самсон занимал главнейший пост в ОКНШ, а Норт был всего лишь его замом, дела пошли по-другому. Том оказался ледяным, бездушным служакой, который любит кричать, терпеть не может провалов и отличается невыносимой требовательностью. Ал до сих пор считал его грамотным офицером, однако такой подход к работе был зачастую слишком негибким. Говоря по правде, Норт сам надеялся получить эту должность. Откровенно рассчитывал на нее. А обернулось все серьезным унижением и печальным концом отличной карьеры. С президентом они были знакомы много лет, и, если честно, невозможно понять, с какой стати тот выбрал Тома. Ведь свои обязанности Ал выполнял с блеском.

Разница в том, что Самсон служил в истребителях. Ал с ними вместе проходил обучение, однако всю карьеру провел в качестве штабиста. Самсону дали «Пурпурное сердце» и «Медаль ВВС» за участие в Кубинском переполохе. Вопрос: завидовал ли ему Ал, который в жизни не слышал выстрела, сделанного в ярости?

Короткий ответ: а как же! Будь он на месте Самсона, его карьера не оборвалась бы в одном шаге от вершины.

— Том, это я, — сказал он. Без особой настойчивости.

Тишина.

Дверь в ванную была приоткрыта, и Ал подошел поближе.

— Том?

В ванной послышалась какая-то возня.

— Секундочку, — донесся знакомый голос, в котором отчетливо читались нотки раздражения.

— Том, извини, Ленни куда-то делся, и я...

— Пошел вон!

— Виноват!

Направляясь к выходу, он заметил на столе Тома прямоугольный серебристый предмет, похожий на старомодный

портсигар. Крышка его была откинута, внутри лежало шесть узких золотых цилиндров. По соседству — шприц с широким основанием и гнездом, куда явно что-то вставляется. Надо думать, один из этих цилиндров. С противоположного конца — игла, но такая тонкая, что походила скорее на волос.

Ал в два прыжка вылетел из кабинета. Неужели Том наркоман? Может, онкология?.. Какая, однако, необычная форма у этого шприца...

Секундой спустя Том с такой яростью захлопнул дверь, что задрожали стены.

Ал, впрочем, этого почти не услышал. Итак, если Том сидит на игле, то — будем откровенны — это может пойти на пользу. Да-да, очень полезная информация.

Тут вернулся Ленни.

— Генерал, я сейчас о вас доложу, — сказал адъютант.

— Он уже знает.

Ленни побелел.

— Как?..

Ал кивнул. Наступило тягостное молчание, но через минуту из кабинета вышел Том. Безукоризненно сидящая форма, глаза устремлены вперед, на физиономии ноль эмоций.

Ленни вытянулся во фрунт.

— С вами я еще побеседую! — на ходу прорычал ему Том.

— Да, сэр!

— Я вам покажу «да, сэр!». Распустились!

Тяжелыми шагами Том направился в противоположный конец офиса.

Ал последовал за ним, и лифт доставил их в подвальный гараж, где уже поджидал штабной автомобиль с распахнутой задней дверцей. Все в полном молчании. Если на то пошло, с Томом никто не заговаривал первым. Он не реагировал на светскую болтовню, шутки и сплетни — хотя занимал наиболее политизированную должность в вооруженных силах. Вопрос о том, каким образом мерзавец исхитрился это проделать, занимал умы всех без исключения генералов в его подчинении — хотя бы для того, чтобы найти способ насолить руководству.

Вплоть до последнего времени Объединенный комитет начальников штабов был прочной, солидной, гладко функционировавшей организацией. Том превратил всю систему в гнездо ренегатов, в банку с пауками. Люди, которые годами работали вместе, нынче враждовали друг с другом, как будто угодили в смертельную ловушку.

За один только год после появления Тома произошло пять случаев увольнения якобы «по собственному желанию», а на деле людей попросту вышвырнули, самым жесточайшим, бесцеремонным и порой даже загадочным образом. Хуже того, их как бы в наказание перевели на мелкие должности, созданные явно для еще большего унижения жертвы. Возьмем, к примеру, генерала Халффа, бывшего начальника штаба сухопутных войск. Сейчас он «отбывает срок» командиром гарнизона Форт-Силькер в Миссисипи. А ведь Форт-Силькер давно закрыли, так что нынешняя работа Гарри заключалась в организации мероприятий по экологическому восстановлению территории и продаже остаточных активов.

Ал забрался в машину. Он знал, что сегодняшнее совещание носит важный характер, но понятия не имел, в чем дело. Возможно, это знал Том, но упорно хранил молчание. Не исключено, что подошла очередь Ала класть голову на плаху. Не исключено, что его специально выставят перед президентом неподготовленным — своего рода прелюдия перед казнью.

Есть, правда, один момент: Ал лично знаком с Джеймсом Уэйдом еще с тех времен, когда они были соседями по общежитию академии ВВС. В последние годы их дружба по необходимости многое потеряла, однако они до сих пор были достаточно близки, чтобы Джимми мог порой пригласить Ала на партию в сквош. Обычно это случалось в те периоды, когда в и без того бурной президентской жизни наступал особенно неприятный поворот. Впрочем, прямо сейчас Джимми летал без помех и очень высоко, так что на сквош со старым товарищем рассчитывать не приходится. Тем более с товарищем, которого — как прекрасно знали они оба — предали.

Машина свернула на Четырнадцатую улицу, проехала мимо знакомых изумрудных арок «Макдоналдса», затем оказалась на территории Белого дома.

— Сегодня будем не докладывать, а слушать, — наконец подал голос Том. — Разведотчет.

— На какой предмет, сэр?

Том всем корпусом развернулся к нему, но промолчал. Секундой позже машина остановилась. Они прошли коридоры Белого дома до правительственного зала, насквозь пересекли офис Морриса, замначальника секретариата, и отсюда уже попали в президентский кабинет.

Совершенно неподходящее, попросту невероятное место для расширенного совещания — хотя, как выяснилось, совещание было весьма узким.

— Привет, Ал, — улыбнулся президент. Даже не глядя, Ал мог сказать, до какой степени окаменел Том. Отличный признак; надо полагать, президент наконец-то осознал свою ошибку и понял, что Ал был прав, назвав это назначение неверным, — пожалуй, единственный случай, когда с Нортон поделились политическими планами.

Президент повернул голову к Тому:

— Доброе утро, генерал.

— Доброе утро, господин президент.

Минутой позже появился Бо Уолдо, начальник Национальной разведслужбы, в сопровождении двух штабистов-ассистентов, которые тут же принялись колдовать над телевизором.

Слово взял Уолдо:

— Вчера в Каире произошел крупный взрыв, в результате чего погибло как минимум сто тысяч человек. Масштаб разрушений чрезвычайный. В частности, уничтожена пирамида Хеопса.

— И? — резко спросил Том.

Президент бросил на него недовольный взгляд.

Впрочем, нетерпеливость генерала была вполне понятна. О каирской катастрофе рассказывали все новостные каналы

в мире. Вернее, никаких иных тем вообще нельзя было найти ни по телевизору, ни по радио, ни в Интернете. Ал подумал: «Ага, они узнали, кто из террористов за этим стоит, и сейчас нам объявят, что бритты собрались нанести ответный удар. Нас попросили оказать поддержку, понятно, но проблема с подобного рода делами всегда одна и та же: каким образом одна сверхдержава может осуществить желаемое, не раздражая при этом другую сверхдержаву?

Уолдо кашлянул.

— Господин президент, вот уже полчаса, как они перестали появляться.

В голове Ала завихрились мысли. «Они»? Это он насчет чего?

— Сколько их на данный момент?

— Четырнадцать, сэр. Включая ту последнюю, в Камбодже.

Ала страшно тянуло спросить, о чем речь, однако он не мог этого сделать, не обнаружив собственного невежества. Судя по глазам Тома, начальника обуревали те же мысли. Объединенный комитет контролировал не менее пяти разведслужб, не считая Филиппинского колониального агентства и Кубинского разведывательного корпуса. Как же вышло, что их собственные подчиненные не удосужились поставить руководство в известность? Самсону наверняка захочется узнать причину, и на этот раз Ал был с ним полностью согласен. Непростительная недоработка.

Президент спросил:

— И они... что, одинаковые? Дистанции там... и так далее...

— Каждая расположена ровно в шести тысячах двухстах двадцати милях от осевой точки, отстоящей на тысячу сто миль от Северного полюса. Все появились на месте древних руин. Институт Индо-Шинуа-де-Культюр уже приступил к обследованию в Прэахвихеа. По последним данным, твердость составляет не менее трех тысяч единиц, то есть как и в Каире. Против таких объектов у нас ничего нет. Может подойти только водородная бомба.

— А у нас найдется?

— Так точно, сэр, — сказал Том. — Утаили несколько штук от бриттов.

Британские инспекторы из состава Королевских ВВС являлись безжалостными исполнителями пакта о безъядерных зонах, заключенного пятью империями, из которых Америка была самой маленькой и наименее вооруженной — а посему именно ей полагалось подчиняться растреклятому договору. Французы, к примеру, на него просто плевали. А уж про царя или помешанного на секретах японского микадо так и вовсе говорить не приходится: кто знает, что они там выделяют в своих тайных берлогах и логовищах? Не исключено, что даже у какого-нибудь китайского диктатора тоже отыщется тот или иной ядерный боеприпас.

Президент подошел к окну.

— Меня беспокоит, не выскочит ли такая штука в Вашингтоне. Ваши мнения?

— Если предположить, что не последует второй фазы, — начал Уолдо, — то процесс, похоже, завершен. Удивляет, правда, что в каждом случае феномен проявился на месте древнего святилища.

— Стало быть, они знали... — сказал президент. Резко обернувшись, он уставился на генералов.

В его глазах Ал видел мольбу, словно весь американский народ сейчас насел на своего президента, требуя только одного: объясните нам!

— Линзы! — выпалил Норт. Том кинул в его сторону раздосадованный взгляд, но Ал упрямо продолжал: — Линзы отражают и преломляют. У нас есть какая-нибудь идея, для чего они появились?

Уолдо покачал головой:

— Пока что они просто сидят, ничего не делают. МИ-3 сообщает, что каирская линза не испускает и не поглощает энергию, по крайней мере в известных нам формах. Институт то же самое заявляет про камбоджийскую.

— Кто-нибудь может сказать, это естественный феномен?

— Нет, господин президент, мы так не считаем, — ответил Уолдо.

— Но тогда возникает вопрос, — вмешался Ал. — Если они сотворены человеком, то кем? И с какой целью?

— Да, это вопрос крайней важности, — отрывисто бросил президент. — Может статься, самый важный в истории. — Он обежал глазами генералов. — Том, я вижу, вы как-то вяло реагируете.

— Сэр, если мы ничего про них не знаем, то разве можно делать какие-то выводы?

Президент резко выпрямился:

— Интуиция, черт возьми! Во мне говорит интуиция!

— Сэр, есть кое-что еще, — торопливо добавил Уолдо. — Прошу внимания на экран.

Телевизор мигнул, появилась картинка. Ал увидел людей, бредущих по ухоженной сельской местности. Одеты кто во что горазд, на одних пижамы, другие в нижнем белье, два-три человека в пальто, а кто-то вовсе в чем мать родила. Мужчины, женщины, дети.

За группой медленно катили полицейские автокары, окрашенные в характерную зелено-белую шахматную клетку, с включенными проблесковыми огнями ярко-синего цвета.

— И что вы тут мне показываете? — спросил президент Уэйд.

— Глочестершир, — ответил Уолдо.

— Когда снимали?

— Прямое включение, сэр. Прошлой ночью всех этих людей накрыло каким-то голубым лучом, исходящим от дисковидных объектов над головами. И теперь они тянутся на север. Прошли четырнадцать миль за одиннадцать часов.

— От дисковидных объектов? Тех самых, которые, по словам НАСА, управляются чьим-то разумом?

— Неизвестно. Сведений практически нет.

— Я так понимаю, этих людей остановить не удастся? — спросил Том, сочась сарказмом.

— Нет, не удастся, генерал Самсон, — огрызнулся Уолдо. — Их можно обездвижить только химическими препаратами.

Медосмотр одного из них, проведенный в местном госпитале, показал полную норму с точки зрения физиологии, за исключением результатов сканирования головного мозга. Без отклонений только треть функций.

— Стало быть, они что-то потеряли, — отреагировал Том. — Разум?

— Мы не знаем, — пожал плечами Уолдо.

— У нас есть видеозапись нападения? — спросил президент.

— Очевидцы сообщают о светящихся дисках тускло-оранжевого цвета.

У Ала промелькнула мысль.

— Где находится ближайшая к Глочестерширу линза?

— Да какая разница? — нахмурился Том. — Уж извините за прямоту, генерал.

— Нет-нет, это хороший вопрос, — кивнул Уолдо. — И ответ таков: ближайшая к ним линза находится в пустыне Тассили, Алжир. Я также хотел бы добавить, что, согласно донесению от Иностранного легиона, из этой линзы зафиксирован выброс огненно-оранжевых шаров. За четыре минуты до атаки на Глочестершир, так что...

— Они между собой связаны, — закончил за него Ал и тут же прикусил язык. Слишком поторопился.

— Генерал, я не понимаю, откуда... — начал было Том.

Его прервал президент:

— Согласен. Один Бог знает, имеют ли алжирские огненные шары отношение к тому, что случилось в Глочестершире. С другой стороны, прослеживается очевидная связь. Во-первых, диски, которые мы наблюдали последние пятьдесят лет, во-вторых, диски, атаковавшие всех этих людей, и, наконец, линзы. И я мог бы добавить, что нам, похоже, придется допустить самую мрачную гипотезу.

— Пока что я вижу только британские и французские проблемы, — сказал Самсон. — Если только линзы не появились и в Японской империи.

— Еще нет. Все они находятся в пределах имперских границ Британии и Франции, а также в некоторых южноамериканских странах.

— В таком случае я предлагаю подождать, — объявил Том голосом проповедника. — Может, это какое-то тайное оружие. Мы тут ни при чем. А вот у царя, к примеру, есть кое-какие любопытные разработки, и он хотел бы отхватить себе кусочек Африки. Скажем, Египет — хотя бы для того, чтобы натянуть нос туркам.

Президент резко обернулся к Самсону:

— Том, а вы здесь зачем? Вот объясните мне, какого черта вы тут делаете? В мире творится бог весть что. — Он показал на экран телевизора: — Это, знаете ли, будет расползаться.

Том уперся:

— У нас нет никаких оснований так считать, сэр.

— А я говорю, будет расползаться!

— Это не атака на Соединенные Штаты. И нет доказательств, что такая атака неизбежна.

— Том, — нахмурился президент, — как только вернетесь к себе, объявляйте уровень боевой готовности «Дефком-один» всем нашим подразделениям. По всему миру.

— Сэр, я...

— На нас напали, неужели вы не понимаете, глупец?! На сине-бело-красный флаг, черт бы вас побрал! Не на какую-то парочку империй и банановые королевства. На нас!

Том окаменел. Его глаза буквально светились смертоубийственным бешенством.

Однако президент еще не закончил.

— Джентльмены, я все-таки человек военный и знаю, когда противник пытается прощупать мою оборону. Именно это случилось в том городишке в самом сердце наиболее могучей империи на планете. Бо, поручаю вам связаться с бриттами, французами, всеми прочими империями, и еще я хочу, чтобы ЦРУ следило за всеми улицами мира на предмет других аналогичных инцидентов.

Ал физически чувствовал страх, царивший в комнате, и искренне надеялся, что президент Уэйд не поддастся панической поспешности.

— Ал, вам я поручаю организовать оперативно-тактическую группу. Приказываю: найти способ уничтожить линзы, все до единой. Сделать это быстро и со стопроцентной гарантией успеха.

— Сэр, — подал голос Том, — разумно ли на них нападать? Мы пока что в полных потемках.

— Обвешанный медалями человек предлагает отступление... — покачал головой президент. — Ладно, ваше мнение я выслушал. Ал, когда будете готовы атаковать, немедленно поставьте меня в известность. Напрямую. — Он ткнул пальцем в телефон и еще раз повторил: — Напрямую.

— Слушаюсь. Но... Сэр, у нас только четыре бомбы. Потребуется британская и французская поддержка.

Президент вздохнул:

— Уолдо, сколько у меня ядерных бомб?

— Двадцать три, сэр. Четыре заряда в руках военных, остальные под землей в...

— Том, Ал. Вы сами знаете, что эта информация не для вас.

— Сэр, разрешите возразить, — сказал Том. Шея у него побагровела, на висках пульсировали вены. — Мы должны знать. Стратегическое планирование, военно-тактические игры... разумеется, мы просто обязаны знать!

— А вот я обязан сделать все, чтобы не пришлось встречаться с квартетом взбешенных имперских послов, требующих в один голос сдать весь свой ядерный арсенал. У вас, Том, дырки в системе. Никому из ваших подчиненных вы не нравитесь, и это означает потенциальную угрозу утечки информации!

Ал кусал губы, чтобы не расплыться в улыбке, потому что малейшее выражение удовольствия от выволочки, полученной начальством, означало бы расстрел еще до захода солнца.

Один из штабистов Уолдо прижал палец к наушнику, после чего кивнул шефу разведки.

Уолдо немедленно сказал:

— Господин президент, у нас имеется дополнительный актив. В момент взрыва один из археологов находился внутри пирамиды. Вся его рабочая группа погибла, уцелел лишь этот человек. Ожидает под дверью.

— Отлично сработано, Бо, — кивнул Уэйд. — Вот вам наглядный урок, генерал Самсон. Наш Бо хочет впечатлить своего президента. И мне нравится такой подход. Вам есть смысл принять это к сведению.

Том ошетинился, затем нацепил на лицо натянутую улыбку. В комнату вошел симпатичный, но до предела измотанный и запыленный молодой человек. Он замер, обводя присутствующих широко распахнутыми глазами.

На борту самолета Мартину дали перекусить лишь парочкой вареных яиц, зато кофе было вдоволь. С ума сойти: спецрейсом ВВС его доставили сначала в Ле-Бурже, а затем сюда. С Линди и детишками удалось поговорить по видеофону прямо из салона. В обычное время это было бы невероятно здорово и увлекательно, однако от недавних событий настроение упало, и он до сих пор с трудом верил в реальность происходящего. Великой пирамиды больше нет, ее заменила эта... штуковина. Линза, как ее все теперь называют. Вернее сказать, как он сам ее окрестил в интервью для Би-би-си непосредственно перед вылетом из Каира. Очевидно, именно с его легкой руки термин и прижился.

А вот сейчас он угодил в Белый дом, причем в Западное крыло. И в каком виде, спрашивается? Одежда грязная, от самого пахнет, наверное... Времени переодеться или принять душ ему не дали. Если на то пошло, на волосах еще лежала пыль Гизы.

Какой-то мужчина в черном костюме отвел его в комнату, заставленную книжными шкафами. Мартин лелеял надежду увидеть Овальный кабинет, но здесь, по-видимому, был

внутренний санктuariй, святая святых Великого Американского Глупца, президента Джимми Уэйда, который срезал бюджет национальной Академии наук и отменил гранты для десятков университетов, в том числе и Канзасского. Человек был готов вбухать миллиарды, лишь бы поддержать американские торговые ассоциации в их вечной войне с более крупными экономическими системами, в то время как образовательная программа страны дышала на ладан, проекты адресной помощи увядали на корню, а его собственный интерес к точной науке был не просто нулевым, а прямо-таки отрицательным.

С приходом Уэйда зачали даже экзобиологические и ксенологические исследования НАСА, хотя теперь стало ясно, что НЛО управлялись чьим-то разумом, а посему две эти программы являлись, пожалуй, самыми важными научными работами в мире. Не говоря уже про комитет перспективных направлений пропульсионной физики.

И все же он был руководителем американского народа и одним из наиболее видных мировых лидеров, так что лицезреть его здесь, во плоти, как обычного и уязвимого человека, было непривычно. Уэйд поднялся из-за стола и протянул руку. Мартин ее пожал и заглянул в странные, пустые глаза профессионального вождя.

Несмотря на присутствие двух внушительных генералов, в комнате все же доминировал другой человек — крупный, лысый, который потянул Мартина за рукав и усадил напротив президента.

— Мы знаем, что вы пережили сильное потрясение, — пробормотал он. Ладонь его была мягкой, а глаза сверкали. Внимательно наблюдали. Мартин, конечно же, узнал Бо Уолдо: шеф разведки постоянно фигурировал в новостях.

— Доктор Уинтерс... Или, с вашего разрешения, Мартин?..

— Да-да. Мартин.

— Итак, наш Мартин — выдающийся представитель археологических кругов Америки. Ему удалось организовать свою собственную, небольшую революцию.

Положим, очень даже крупную, но Мартин не мог, конечно же, об этом сказать.

— Вы пережили катастрофу с пирамидой? — спросил президент. — А где же вы там находились? Потому что, знаете ли, я сам там побывал, и выбраться наружу не так-то легко.

— Я работал в погребальной камере на глубине ста футов.

— Так как же вам удалось унести ноги? — поинтересовался один из генералов. Лицо у него было узким, почти жестоким, а маленькие уродливые глазки сверкали полированными бусинками черного обсидиана.

Мартин решил не реагировать на вопрос, потому как он был совершенно неуместным и, если честно, идиотским.

— Генерал Самсон хотел сказать, что...

— Ал! Я сказал именно то, что хотел!

Второй генерал немедленно замолк. Очевидно, этот статный мужчина с седыми волосами занимал менее высокую должность. Его лицо с аристократическим орлиным носом выглядело поблагороднее и — решил Мартин — несло на себе печать скорби.

— Выжил я потому, что находился очень глубоко. Мы уловили необычные пульсации грунта минуты за три до взрыва, так что было время выбраться.

— Доктор Уинтерс, если я скажу вам, что точно такие же линзы появились и в других местах планеты, общим числом четырнадцать штук, на одинаковом расстоянии от общего центра неподалеку от Северного полюса...

Стены комнаты словно раздвинулись, голос звучал теперь как бы из глубин памяти...

— Доктор Уинтерс?

Мартин встрепнулся, беря себя в руки. Первым в фокусе зрения проявился генерал с бусинками в глазных орбитах. Он в упор пялился на Мартина, словно тот был опасным заключенным, а сам генерал — тюремным охранником.

Мартин сглотнул, пошарил глазами в поисках воды. Безрезультатно.

— Ладно, — устало сказал он. — Понял. Это сакральный круг. В него еще входят Ольянтайтамбо, остров Пасхи, Прэ-ахвихеа... Значит, все эти сооружения уничтожены?

— Да, — кивнул президент. — И нас интересует вот что: опасны ли линзы? И если да — в чем я совершенно уверен, — какие у вас есть соображения насчет оборонительных мер?

СМИ подавали Уэйда как законченного идиота, однако его вопрос впечатлял своей рациональностью.

— Сэр, нам известно, что пятнадцать тысяч лет тому назад на Земле имелась некая высокоразвитая цивилизация, исчезнувшая в результате внезапной катастрофы. Все эти сооружения — исключая пирамиду — были возведены позднее в определенных геодезических точках. Но по какой причине? Мы не знаем.

Змееподобный генерал Самсон, можно сказать, выплюнул ремарку:

— А я думаю, это притянута за уши.

— Генерал, — возразил президент, — вы здесь для получения информации, которая должна помочь в исполнении моих приказов.

— Этот человек занимается крайне сомнительными делами, — не сдавался Самсон.

— Да вообще-то нет, — обиделся Мартин.

— Я, между прочим, тоже читаю научные журналы! И говорю, что сомнительными!

Мартин не знал, что полагается делать, когда на тебя кричит генерал. Хотя от подобной грубости тянуло впасть в бешенство.

Вмешался президент:

— Доктор Уинтерс, расскажите нам, что, по вашему мнению, эти линзы собой представляют?

— С точки зрения чистой археологии я понятия не имею. Но если обратиться к древним хроникам, такая линза могла служить инструментом разрушения.

— Разрушения чего?

— Цивилизации. Та исчезнувшая цивилизация погибла буквально за один день. Случилось это в июне, и на все ушло пять минут. Или даже меньше.

От такого заявления притих даже неистовый генерал.

— И что нам сейчас угрожает?

А вот здесь, сообразил Мартин, надо повнимательнее отнестись к возложенной на него ответственности.

— Если честно... я еще не совсем пришел в себя... Психологический шок, опять же эти новости...

— Позвольте мне переформулировать вопрос, — сказал президент. — Видите ли вы сейчас какую-либо угрозу, и если да, на чем основано ваше мнение? Так будет легче ответить?

— Существует календарь — майянский, — согласно которому конец нашей эпохи наступит через месяц, двадцать первого декабря. В день, на который приходится зимнее солнцестояние, Земля пересечет как плоскость галактического экватора, так и солнечную эклиптику. Очень и очень редкое совпадение.

— Что меня здесь бесит, — вставил Самсон, — так это предположение, что майя знали-де о существовании галактик. В толпе охотников за головами нашлись астрофизики, да? Вся ваша идея курам на смех!

Сейчас Мартин твердо решил, что ненавидит генерала, хотя сильные эмоции — любовь, например, — он приберегал для жены и детей. Ненависть вообще была ему чужда.

— Какая разница, что знали или не знали индейцы майя? Дату никто не отменял, и движение Земли тоже.

— И что это значит? — нахмурился президент. — Доктор Уинтерс, по вашим словам, целая цивилизация погибла за один день. Так какой мне отсюда надо делать вывод?

Один из помощников наконец принес воды, и Мартин разом осушил стакан.

— Все равно в горле першит, — пожаловался он.

— Смелее, — вмешался добрый генерал. — Давайте, у вас получится. Скажите нам.

— Да... Итак. Это пророчество — насчет 2012 года, я имею в виду, — всегда вызывало удивление своей невероятной точ-

ностью. Тут кроется загадка. Требовались колоссальные расчеты, чтобы составить такой сверхдолгосрочный календарь, и к тому же майя должны были располагать знаниями о положении Земли относительно остальной галактики. И если это кого-то оскорбляет, мне остается только посочувствовать.

— Астрофизики, между прочим, до сих пор не сошлись на этот счет в едином мнении, — высказался Самсон.

— Том, вы когда-нибудь прекратите вступать со своими замечаниями?

— Господин президент, я просто пытаюсь оказать посильную помощь!

— Доктор Уинтерс, прошу вас, продолжайте.

Мартин сглотнул. Во рту было сухо, как в пустыне. Он не привык к такому напряжению. В глазах каждого собеседника читался страх.

— Да-да... Не могу отделаться от мысли, что очень многие древние культуры повествуют о существах, которые пришли к нам сквозь некие врата...

— Вы про чужаков? В духе НАСА?

— Во всяком случае, не с другой планеты. Принимая во внимание астрономические расстояния, современная наука склоняется в сторону гипотезы о том, что НЛО — своего рода проекции из параллельной вселенной. Или вселенных. Они существуют прямо сейчас, здесь, вокруг нас.

— Да бросьте вы! Господин президент, почему мы должны выслушивать весь этот бред? — сказал Самсон.

Президент взорвался:

— Генерал, вы замолчите наконец или нет?!

Самсон стоял на своем:

— Я считаю, этого человека надо вывести отсюда, он мешает нам обсуждать...

— Том, я вам приказываю его слушать! — взревел президент.

У Самсона с лязгом захлопнулась челюсть.

— Продолжайте, доктор Уинтерс, — мягко обратился к нему Бо Уолдо.

— Ну... В общем, шумеры их называли «аннунаки», вавилоняне — «акпаллус», иудеи — «нефилим», и так дальше. Список длинный. Во всех случаях это был могущественный народ, немедленно захватывавший себе полную власть и внешне во многом напоминавший людей, если не считать глаз, которые были как у рептилий. Приходили они из другой реальности. Вели себя порой враждебно, порой более благожелательно, словно представляли собой две противоборствующие стороны, чьи взгляды в отношении нас расходятся диаметрально. Как-то раз между ними произошла битва — после чего они все куда-то исчезли.

— И это связано с нашей ситуацией?

— Возможно, столь точное предсказание конца мира древними календарями объясняется неким астрономическим феноменом, из-за которого пресловутые «врата» распаиваются. Возможно, что линзы как раз ими и являются. И если так, то ничего более страшного мы и представить себе не можем.

Тишина.

Произнесенные слова обладали... как бы это выразиться... правильным вкусом, что ли. Мартин сделал паузу, затем решил нырнуть в омут с головой:

— Э-э... И поэтому я бы предположил, что машину включили. То есть, как мне кажется, начиная с данного момента, мы можем ожидать рост их активности, а конкретно двадцать первого декабря наступит конец нашей цивилизации. Вернее, попытка конца.

Президент встал, подошел к окну.

— Бо?

— Сэр, у нас нет такой информации.

— Том?

— Все эти... Кхм. Да, я не могу назвать это полными бреднями по очевидной причине. В конце концов, линзы у нас под носом. И все-таки торопиться нельзя. Если дойдет до войны, нам потребуется знать, с кем мы воюем и какими способами.

— Ал? Я хотел бы скорректировать вашу задачу. Итак, приказываю: нанести ядерный удар по наиболее удаленной из этих штуко...

Том вскочил на ноги:

— Категорически возражаю!

— Том, вам уже отдали распоряжение.

— Сэр, если я вижу, что вы планируете опасный, импульсивный шаг... Нет, я отказываюсь, сэр!

— А вы, Ал? Готовы выполнить приказ?

— Сэр, надо мной есть начальство.

— Вот оно что... Я вижу, что вы кое-чего тут недопоняли. Во-первых, я не слышу слов, которые должен бы слышать. А во-вторых, можете забыть про отставку. Через тридцать секунд я приступаю к арестам. Прямо здесь.

Он гневно уставился Тому в глаза, и Мартин подумал, что не хотел бы поменяться местами с генералом.

Ал вспорхнул с кресла:

— Сэр, разрешите приступить!

— А вы, Том? Верны присяге?

— В той степени, в которой я ее понимаю.

— «...и беспрекословно выполнять приказы командования...» Не забыли еще текст?

— Сэр, я разошлю приказы о приведении войск в полную боеготовность, но вместе с тем убедительно прошу вынести этот вопрос на заседание Совета по национальной безопасности и поставить в известность Робби. Не оставляйте в неведении министра обороны. И Бога ради, дайте знать британцам и французам — всем империям. Не устраивайте для них сюрпризы, сэр.

— Кому надо, все узнают, — буркнул президент. — А теперь я хотел бы сообщить нечто невероятное. Догадываетесь, чем я намерен заняться прямо сейчас? Нацеплю улыбку на собственную физиономию, отправлюсь в Розовый сад и подпишу указ об амнистии индеек! С Днем благодарения вас, джентльмены!

Глава нации покинул кабинет, и археолог подумал, что за таким человеком он готов идти куда угодно. Мартин полностью пересмотрел свое мнение о президенте. Уэйд умен, решителен и способен мастерски управлять властными людьми, например, вот этими генералами.

Вслед за президентом из комнаты вышли офицеры. Остался только Мартин, про которого совершенно позабыли. Его роль в совещании, по всей видимости, не войдет в историю, однако сам он понимал, что сделал. Если требуется остановить надвигающуюся угрозу, жизненно важно действовать решительно и без проволочек.

Более года прошло с тех пор, как НАСА объявила о своих выводах, и сейчас Мартин задавался мыслью о разумности такого шага. Если бы речь шла о чужаках с другой планеты, то и ладно. Однако если тут фигурируют параллельные вселенные, то — верим мы в них или нет — сообщение НАСА повлияет на их способность проникнуть в наш мир. Не исключено, что настроения умов могут сыграть здесь определенную роль — и совершенно неожиданную. Что, если наши взгляды крайне важны для отпирания этих самых «врат»? Скажем, НАСА могла непреднамеренно открыть некую дверь, которую мудрые древние захлопнули и завалили сверху сакральными постройками, которые были только что уничтожены.

Мартин вытащил мобильник. Интересно, сигнал здесь проходит? Так, отлично. Он набрал номер Линди.

— Крошка, я скоро буду дома.

— Я думала, ты давно в самолете!

— Пришлось сделать крюк. Очень впечатляющий.

Он осмотрелся и заметил в дверях агента секретной службы, которому, надо полагать, поручили за ним присматривать.

— Прошу прощения, мне надо попасть в Канзас-Сити... — сказал Мартин.

— Рекомендую Национальный аэропорт. В Канзас-Сити летают «Ти-эй-ти» и «Бранифф», так что место на рейс найдете.

— Знаете, вообще-то меня привезли сюда на самолете ВВС, и я подумал...

Агент улыбнулся:

— Нам поручили вас сюда доставить. Вы здесь.

— И все?

— Все.

— Мартин, что случилось? — раздался из телефона голос Линди. — Ты с кем разговариваешь?

— Я позвоню еще раз из аэропорта, когда узнаю время вылета.

Мартин попытался проглотить вдруг накативший страх. Ему отчаянно хотелось верить, что он успеет попасть домой, что еще есть время...

ГЛАВА 2

ПОСЛЕДНЯЯ НОРМАЛЬНАЯ НОЧЬ УАЙЛИ ДЕЙЛА

6 декабря

Дрожь не унималась. Такого дикого страха он никогда еще не испытывал. Все, выжат до предела, в голове продолжают мелькать яркие картины; такое впечатление, что все это не выдумка, а происходило на самом деле.

Господи, пальцы молотили и молотили по клавишам. А Уайли наблюдал как бы со стороны.

Сейчас по крайней мере они уже не двигались. Он взглянул на часы.

— Ах ты черт!..

— Что? — долетел сонный голос Брук из спальни.

— Ничего-ничего, скоро приду.

Уайли Дейл провел за ноутбуком шестнадцать невероятных часов кряду. Он знал, что было написано, однако не чув-

ствовал себя автором. Он не творил, не сочинял роман, а записывал историю, причем крайне пугающую.

Уайли включил небольшой телевизор, который стоял на краю письменного стола. Несколько минут смотрел репортаж «Фокс-ньюс», переключился на Эм-эс-эн-би-си, затем вновь вернулся на Си-эн-эн.

Очередная порция ерунды: какого-то актера застрелила банда его же поклонников, торнадо, буря с градом и наводнение снесли практически все трейлерные поселки в Арканзасе... Зато никаких тебе европейских империй и никто не разглагольствует о загадочных линзах, выскочивших из-под земли.

Он просмотрел сегодняшний кусок — более полусотни страниц.

Что за чертовщина? Никогда за раз столько не делал... Да на такое вообще никто не способен...

Господи, что с ним происходит? Творить и выдумывать крайне сложно: порой уходят часы на одно-единственное удачное предложение.

От стука по клавишам ныли костяшки пальцев.

Он еще почитал. Если это не выдумка, то что? Ведь нет никакого президента Уэйда, в небе висит только одна луна, а уж про царя и говорить не приходится.

Должно быть, реалии из параллельной вселенной каким-то образом просачиваются в особо восприимчивый мозг — его собственный.

Твари, которых он видел в лесу пять лет тому назад — и которые стали темой его нашумевшей книги «Дни чужаков», — были покрыты чешуей, в то время как Мартин, описывая древнебиблейских нефилимов, утверждал, что они напоминают рептилий. В нашей Библии ничего такого и близко нет, хотя Уайли совершенно точно видел чешуйчатые морды, прямо здесь, в соседнем лесу, до которого едва ли с четверть мили...

В кабинет скользнула Брук и коснулась его щеки.

— Послушай-ка, давай спать.

Наваждение пропало, и организм заявил о себе. Уайли просидел в этом проклятом кресле чертовски долгое время, так что организм требовал срочных действий.

Он пулей вылетел из комнаты, еле успел добежать до уборной и расстегнуть брюки.

— О-ох...

— Да что с тобой такое?

— Ничего. Сейчас ничего.

— Ты сидишь за книгой с завтрака, ты знаешь?

Он закончил свои дела, открыл аптечный шкафчик, проглотил пару капсул «миланты» и запил глотком «пепто-бисмола».

— Нектар богов!..

— Поздно уже, спать пора, — обняла его со спины Брук.

— Мне надо подышать. Пойду прогуляюсь.

— Эта книжка тебя с ума сведет.

— Нет.

— Вот уж да, Уайли, и я не готова к повтору. Той инопланетной дряни хватило с избытком.

Брук, конечно, имела в виду ненавистные «Дни чужаков». Если на то пошло, он тоже их ненавидел. Нет ничего приятного, когда из тебя делают посмешище.

— То, что я пишу сейчас, вовсе не про инопланетян.

— Я тебя знаю, Уайли Дейл. Ты что-то задумал, иначе не стал бы так себя вести. Хватит, я говорю. Надоели твои тарелки.

— Нет там ничего про инопланетян. И раньше тоже не было. Просто мне так показалось.

— «Дни чужаков» были про писателя, который ведет себя на людях как ненормальный. стыдобища!

— Инопланетян не существует.

— Ага, наконец-то признал правду!

— Происходит что-то куда более странное, чем прибытие чужаков с другой планеты. И нынешняя книжка... Ох, я от нее как одержимый.

— Ты сочиняешь истории, а потом сам же начинаешь в них верить. И в процессе всю семью сводишь с ума. Хватит, я говорю.

— Брук...

— Все! Разговор окончен! От собственной писанины с катушек едет... Хва-а-тит! Мне это уже вот здесь!

— Мам? Пап?

Появился заспанный Николас.

— Доигрались, — пробормотал Уайли.

— У отца опять изжога.

— Вы ссоритесь.

— Я слишком сильно люблю твою маму, чтобы ссориться. Поэтому безоговорочно подчиняюсь. — Он сложил ладони домиком и церемонно поклонился жене.

— Папочка, ты все врешь. — Вот и Келси пришла, его славная дочурка. — Он свои сигары в лесу прячет.

— Неправда!

Брук переплела руки на груди. Дочь последовала ее примеру.

— И на каких же чужаков ты в лесу натыкаешься, Уайли Дейл? На кубинских?

— Сигары не мои, а Мэтта.

— Ага. И он прямо сейчас там тебя поджидает. Покуривает «монтекристо» и попивает «Джим Бим». Так вот почему тебе вдруг захотелось погулять... чтобы до рвоты насосаться табаком и дурацким бурбоном!

— Кубинские сигары лучшие в мире.

— А ну быстро в постель! И вы двое тоже марш по комнатам! Не то придет серенький волчок.

— Я уже вырос, — пренебрежительно сказал Ник.

— А я нет, — возразила ему Келси. — Я просто маленькая девочка и до сих пор в это верю.

— Сынок, никогда не перечь женщинам. Весь праздник им испортишь.

— Да, сэр.

Уайли зашел в спальню и выудил из-под кровати фонарик, который держал там вместе с ружьем.

— Лапочка, мне нужно немного свободы. Книжка, которую я сейчас пишу... Да, она на меня действует, что правда, то правда. Это история про нас и про людей, которые живут в параллельном мире, в другой версии нашего дома. По крайней мере мне так кажется. Я здесь скорее читатель, а не писатель. Читаю, что набивают мои пальцы.

— Про нас? В каком смысле?

— Ну, возьмем, к примеру, этот разговор. Он тоже будет в книге. Потому что мы каким-то образом втянуты в историю. Пока не знаю, как именно, но мы точно там участвуем.

— Я запрещаю тебе использовать наши имена! Одного раза было достаточно!

Ой-ой. Здесь надо поаккуратнее.

— Ну... э-э... люди в параллельном мире — не мы. Их зовут по-другому. Живут в доме, который похож на наш, да и городишко тоже называется Харроу, однако они другие.

— Я так от этого устала...

— Не заводись, ладно? Параллельный мир. У «Макдоналдса» арки зеленые. Эмблема «Таргета» синяя. Президента зовут Джеймс Ханна Уэйд, а то семейство носит фамилию Уинтерс. Мы — Дейлы, если позволишь напомнить. И у наших «Макдоналдсов» арки золотистые. К тому же нет никакой Британской империи, не говоря уже про разные мелкие детали. И у них две маленькие луны, а у нас одна большая.

— А в той части, где все происходит в нашем мире? Какие имена у персонажей?

Она его отлично знала и не была тупой. Отнюдь.

— Ну-у... здесь-то, конечно, я наши имена использую...

— Нет!

— Так ведь... это же мы. Они — это мы.

— Не будет имен моих детей в твоих книжках! Хватит! Ты знаешь, что сказал Николас? Он сказал, что ты самый позорный отец на свете! Мало того, что ты заявил, будто тебя похитили «пришельцы», так ты еще и его сюда приплел! Когда ре-

бенку было всего-то семь лет от роду! Уайли, ты угомонишь-ся наконец?!

— Имена... Пойми, они всего лишь обозначения, как маркеры в тех или иных местах. Когда закончу, то все их поменяю.

— Писать романы про самого себя может только законченный графоман!

— Черт возьми, Брук, удар ниже пояса! Ты сама знаешь, что случилось.

— Милый мой, а по нашей семье как это ударило? Хочешь повторения? Нет, я не смогу. Дети не смогут. В особенности твой сын. Мальчик он отважный, но очень страдает.

— То есть как?

— Другие дети его поедом едят! Подумать только, родному отцу засунули ректальный зонд! Попробуй-ка переживи такое в двенадцать лет.

— Виновата не книга, а глупые насмешки. — Уайли помолчал. — Просто я чуть-чуть ошибся...

Накатывало странное чувство, будто его тянут: иди в кабинет, садись, пиши...

После шестнадцати часов подряд?! Эдак и до инфаркта недалеко. Или до инсульта.

— Да пойми, я же говорю: я не автор этой книжки, я ее узник.

— Ты за это ответишь, Уайли Дейл. Ох, ответишь!

— Ну хватит! Пойду прогуляюсь. Бог даст, ты будешь спать, когда я вернусь.

— Если я хотя бы вот настолечко замечу табачную вонь...

— В Келси, должно быть, есть индейская кровь. Следопытка. Шпионила за мной, а я ни сном ни духом... Но мы с тобой оба белые. И чем тогда ты это объяснишь?

— Тем, что в тебе на двести процентов похвальбы, а все остальное — слабоумие. — Брук подошла ближе. — Парочка причин, почему я от тебя без ума.

И она его поцеловала. Уайли еще злился, однако ответил на поцелуй. Такая ранимая, такая... В общем, Брук есть Брук. Он крепче прижал жену к груди.

Что и говорить, шумная семейка, но для Уайли — именно то, что надо. Порой не мешает, чтобы кто-то выбил глупости из головы, и Брук не терзалась угрызениями совести. Однако он не собирался менять имена, ни в той части книги, ни в этой.

— Ты такая славная...

Дробный стук убегающих голых ножек. Шепот Келси:

— Целуются. Тьфу, какая гадость!

Супруги еле сдержали смех.

Когда Уайли направился вниз по лестнице, Брук все же попыталась его остановить, но ему в самом деле хотелось на воздух. Если не отойти от клавиатуры подальше, можно всю ночь за компьютером проторчать.

Он вышел из дому, радуясь знакомому лесу под знакомым звездным небом — и старой доброй луне, старому доброму другу. Не очень-то романтично иметь две луны.

Уайли глубоко вдохнул, чтобы рассеять туман, поднявшийся в голове из-за писанины. Передернул плечами. Ночь выдалась теплая, однако в крови засел холод.

Он на себе испытал чувства Мартина, когда тот задышался под пирамидой, ежился от страха под дождем каменных глыб и в самом деле не знал, удастся ли выжить.

Жутковато, но еще страшнее был тот факт, что присутствие Мартина ощущалось до сих пор. Он его словно видел воочию. Археолог находился сейчас в Харроу, и дела в его мире пошли очень и очень плохо с момента разговора в Белом доме... Когда это было? Одиннадцать, двенадцать дней назад?

Да, Мартин был в Харроу, жил в обстановке неимоверного ужаса — и Уайли знал, что стоит вернуться в кабинет, как он сам окажется раздавлен страхом.

Дело в том, что ему удалось заглянуть в линзы, и он увидел в них нечто вроде очередной параллельной Земли, третьей по счету. Вот что было очень скверно. По-настоящему скверно.

Впечатление было смутное, однако он почувствовал, что тот мир — подлинный ад — искал путь наружу. Больной мир,

алчущий выбраться из-под руин, в которые превратил сам себя.

Как ни удивительно, им было еще хуже, чем нам.

— Они очень древние, — пробормотал Уайли себе под нос, возвращаясь к давно его мучающей мысли. В голову пришло, что сейчас ему известна тайна тех странных существ, которых он встретил в лесу несколько лет тому назад, тех самых, кого вывел на страницах «Дней чужаков». Нет, они вовсе не инопланетяне. Они отсюда. Однако в их версии Земли динозавры не вымерли; темные рептильные мозги разрастались, эволюционировали, менялись и наконец привели к появлению гладких тварей — гениальных, необоримых и до предела бессердечных.

«Ох... Спаси, Господи, люди твоя...

С нашим состраданием и робостью духа мы не справимся с этими гениальными рептилиями, ни в мире Мартина, ни здесь.

Они все приберут к рукам».

В лесу стояла мертвая тишина, ранняя декабрьская ночь лишь намекала на грядущую прохладу. Как всегда, Уайли направился по старой лесосеке, что проходила по гребню ложины, где пять лет назад — почти день в день — он заметил какое-то странное, неприятное свечение.

Он остановился, посмотрел вниз. Вот здесь он их встретил. Там, в каких-то пятнадцати футах под уклон, стояло нечто вроде ведьминой избушки, которую никто не видел ни до, ни после. Стояло и светилось.

Охваченный любопытством и тревогой, что в лесу завелись бродяги, Уайли приблизился — и угодил в чешуйчатые лапы. На него уставились омерзительные глаза. Последовало крайне бесцеремонное обращение — и, да, в ход пошел печально известный ректальный зонд, после чего он очнулся на земле, лачуга пропала, а в воздухе трещало электричество.

По крайней мере так это помнило его сознание. Сны... тут другая история. Во сне им завладевали неистовые эмоции, чувство утраты и тоски, являлась жена... хотя Брук клятвоу уверяла, что в ту ночь ничего не видела и не слышала.

Он углубился в чашу, подсвечивая путь фонариком. Предметом его поисков была «сигарная пещера». Надо покурить. В гараже имелся кальян, которым он пользовался перед тем, как лечь в кровать к жене. Запах сигары изо рта — и ночь на кушетке обеспечена.

Уайли посветил на окружавшие его деревья — дубы с золотистыми листьями, красные клены, узловатые жесткие сосны, которые встречались тем чаще, чем дальше он уходил по гребню лощины.

До пещеры оставалось едва ли с полсотни ярдов, когда впереди возникла плотная тень.

Он остановился, прищурился. Сегодня Мэтт на дежурстве, так что это, наверное, олень. Хотя силуэт... напоминает человека, прижавшегося к вон тому дубу.

Черт возьми, а вдруг рептиляне узнали про книгу, которую он сейчас пишет, — и это им не понравилось?

Едва пересиливая страх, дрожащей рукой Уайли направил свет фонарика на фигуру...

Та и не шевельнулась.

Может, ветка?

Он ступил ближе.

— Эй?

И тут она на него прыгнула.

Уайли упал, выронил фонарик, а фигура стояла уже в ногах, пялилась во все глаза и хохотала.

— Чтоб ты провалился!

— О, Уайли, Уайли, Господи, ты бы себя видел! С ума сойти!

Он поднялся.

— И ты еще зовешь себя копом? Торчишь в лесу зазря, пока мы тут налоги платим... А если в городе котенок потеряется? Или еще чего-нибудь? Что тогда будешь делать?

— Послушай-ка, у тебя сколько батареек в фонаре?

— Ну... несколько.

— Мне Бека говорит, мол, там кто-то прожектором светит позади коттеджа Дейлов. Seriously. Народ в Холкомбе решил было, что пожар начинается.

— Отсюда до Холкомба пятнадцать миль.

— А я о чем?

— Ты хочешь сказать, что мой фонарь видно из вашего дома?

— Вот именно.

— И ты сюда добрался... за сколько? Минут за пять? Ну уж нет, врешь. Я знаю, ты давно здесь, а все потому, что захотел разжиться кубинскими палочками.

— А ты сам-то зачем пришел? Уж не за тем ли?

— Скотина ты.

— Сам скотина. Это ты можешь себе позволить кубинскую контрабанду, а для бедного копа сигары — непозволительная роскошь.

— Можно подумать, у меня масса денег.

— Детишки твои куда ходят, в эксклюзивную частную школу в Канзас-Сити? Не говоря уже про навороченный джип, на котором ты их туда-сюда возишь. Ежедневно.

— Кто сказал, что навороченный? Слегка только.

— Машина с телевизором. И это в нашей сельской местности!.. Ладно. Слушай, давай заберемся в забегаловку моей жены и наклюкаемся? Сигары с собой возьмем, там все равно сейчас закрыто, никто и не узнает.

— Нет, Брук всполошится, если я слишком долго буду гулять. Да я и так уже слишком часто приходил домой пьяненький.

— Подумаешь, на коротком поводке его держат... Мне бы твои печали.

Они пошли обратно, прикидывая в голове будущие табачные набеги, желательно более успешные. Полагалось выкурить больше половины сигары за раз. Тот, кто делал это первым, считался победителем.

Когда мужчины добрались до гребня, который выходил надом Уайли, он заметил свет в собственном кабинете. В окне что-то мигнуло, ярко вспыхнуло и тут же погасло.

Он остановился.

— Видел?

— Ну да.

— А семья-то спит...

Огонек зажегся вновь, померцал, опять погас.

— Похоже, у тебя там короткое замыкание.

Пока Уайли торопливо шагал вниз, Мэтт держался рядом. Пусть он и скотина, но к своим полицейским обязанностям относится серьезно.

Они вышли на двор. В бассейне никого. Вновь вспыхнул свет, и на сей раз сквозь открытое окно донесся скворчащий звук.

В дом попали через заднее крыльцо с сетчатой дверцей. Пока Уайли бежал в кабинет, Мэтт доставал из чулана огнетушитель.

Вот письменный стол, вот провода... Ничего не светится, не горит.

— Что тут? — В дверях появился Мэтт.

Может, рептиляне? Решили помешать писать книгу? Они ведь и раньше сюда попадали.

Мэтт нагнулся, вытащил из-под стола изжеванный провод. Потряс, и тот заискрился.

— Сади постаралась?

Их бурманская кошка славилась пристрастием грызть провода.

— Дверь не закрыл.

— Дружок, она тебе могла весь дом спалить.

— Ладно, спасибо, что помог...

Они попрощались, и Мэтт затопал вниз по лестнице.

Уайли собрался было покинуть кабинет, когда его оставили звуки, которым не следовало раздаваться в этот час. Шаги. Кто-то бродил по спальне. Но ведь Брук спит?

Тут он понял, что слышит Линди Уинтерс.

Если физики правы, их миры бесконечно близки друг к другу, и тем не менее не хватило бы всей энергии обеих вселенных, чтобы они соприкоснулись.

А вдруг физики ошиблись? Что тогда?

Уайли сел в кресло. Откинулся на спинку, прикрыл веки — и в то же мгновение его обволок мир Мартина, укутывая, мягко массируя, словно живой и плотный туман.

Линзы — крюки, которые зацепили вселенную Мартина, и вскоре они проделают это с нашим миром...

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что прошло почти два часа. Давно за полночь. Надо поспать, но внутри стоял тошнотворный комок, словно он оказался в падающем самолете и ждет теперь удара.

Они приближаются. Вот в чем дело.

В том, другом человеческом мире НАСА объявила, что НЛО существуют. По-видимому, тем самым они изменили баланс, позволили рептилиям проникнуть внутрь на волне верований и взглядов людей.

«Пока что нет признаков, что наша собственная НАСА собирается проделать нечто похожее».

Сейчас-то он понимал, почему правительство отрицает вполне очевидные свидетельства НЛО. В секретных коридорах знают, сколь важными являются психологические настроения: это масло на петлях дверей между обоими мирами.

Снаружи донесся звук, как будто стукнули чем-то металлическим. Хотя и очень тихо. Что это?

А вот опять... Он подошел к окну, прижался к противомоскитной сетке.

Еще раз, уже более отчетливо — сейчас он мог безошибочно сказать, что это такое: церковный колокол. Ясным днем его голос доносится даже до их холмов, но кто будет звонить в такой час?

Мэтт живет ближе к городу; может, из их дома слышно лучше?

Уайли поднял трубку, но тут его объяли сомнения. Уже поздно, Мэтт разозлится. А с другой стороны... Мэтт — начальник полиции, в том смысле, что он единственный коп в городке. Если кто-то залез на звонницу, то не потому ли, что не мог воспользоваться телефоном?

Он набрал номер.

— Ну?

— Слушай, я тебя не разбудил?

— Я ночами сижу у телефона, жду, когда ты мне позвонишь, дурень! Чего надо?

— Ты не мог бы подойти к окну и сказать, что слышишь?

— Нет!

— Ты ведь полицейский. И разве тебе не любопытно?

— Ни капли. Спокойной ночи.

— Мэтт! Мэтт! — Это почему-то уже не казалось шуткой.

Он просто обязан знать.

— Ну?

— Я тебя прошу.

Тишина. Долгая-долгая. Наконец Мэтт вернулся.

— Ничего.

— Хоть что-то ты слышал?

— Листья падают. Опоссум фыркнул. А может, это был енот.

— А колокол?

— Нет... Хотя постой. Да, точно, звенит... В твоей пустой башке!

— Я серьезно. Кто-то бьет в колокол.

— Еще раз меня разбудишь, я приеду, нацеплю браслеты и суну тебя в обезьянник.

— Из всех обезьянников у нас есть только вырезатель, да и тот давно закрыли. Сам же говорил.

— Откроем. Для хорошего человека ничего не жалко.

Уайли повесил трубку. Щелкнул выключателем полицейского сканера, глядя, как красные светодиодные огоньки бегут по крошечному индикатору. Всякий раз, когда сканер пересекал несущую частоту окружного шерифа, на миг раздавалось негромкое шипение.

Одинокий звук. «Одиноко тут у нас».

Но колокол звучал. И он его слышал.

Хотя и не в этой версии городка Харроу, штат Канзас. Если бы Мэтт тоже слышал, то отправился бы проверить. Слыш-

ком ответственный человек, чтобы махнуть рукой на такое необычное событие. В лучшем случае — дело рук местных хулиганов, а в худшем... Пожар?

Если бы он мог сесть за ноутбук — если бы осмелился, — то наверняка узнал бы ответ. Уайли включил компьютер. Задвигались, заплясали пальцы над клавиатурой. И наконец коснулись клавиш. Все равно что следить за тем, как разогрывается машина перед работой. Это не его руки.

Пальцы что-то наступали. Замерли.

Уайли посмотрел на экран. «В то время были на земле хозяева неба, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им».

«Постой-ка... Из Библии? Или из какого-то древнееврейского текста?»

Он прогуглил строчку — нулевой результат.

Хозяевами неба были нефилимы, те самые создания, которые вышли из воздуха, чтобы опустошать и грабить, которые причинили разрушения, описанные в древнеиндийских ведах, где фигурировали самонаводящиеся ракеты, летающие тарелки и ядерные бомбы.

Согласно легендам, пришествие нефилимов знаменовало собой конец последней эры человечества.

И если на то пошло, 21 декабря 2012 года, если верить древним майя, будет последним днем текущей эпохи. По майянскому календарю — 13.0.0.0.0.

Все гуру в один голос предрекали тотальное уничтожение носителей разума. Уайли же полагал, что речь идет об очередной, искусственно раздутой истерии вроде проблемы смены тысячелетий, когда с наступлением 2000 года ожидался полный хаос.

Когда он закрыл глаза, возникло ощущение, будто из кабинета исчез письменный стол. Вместо него стояли два кресла с торшерами по бокам, а в том месте, где был маленький телевизор, высился книжный шкаф, набитый томами по археологии и физике. Книги он видел настолько ясно, что смог бы, пожалуй, разобрать названия на корешках.

К звону колоколов присоединился рев сирены гражданской обороны.

Он непроизвольно начал читать молитву по другому Харроу и всем тем, кого город потеряет этой ночью, прямо сейчас, 1 декабря 2012 года.

«Погоди-ка. Здесь кто-то есть».

Уайли попытался открыть глаза, но не смог. Совсем. Хотя в самом деле пытался. Попробовал позвать Брук, однако изо рта не вылетело ни звука.

Комната в доме Мартина и Линди проявлялась отчетливее с каждой секундой.

Сейчас он мог видеть женщину — Линди. Так себе. Не столь эффектная, как Брук. Типичный научный работник.

Она тоже, судя по всему, услышала звон колокола и теперь стояла возле окна. Осунувшаяся, в руках ружье десятого калибра — не такое роскошное, как у него, а куда более старенькое, выдавшее лучшие дни.

Тут Уайли обратил внимание, что продолжает печатать. С ума сойти, он и не замечал. Глаза хоть и закрыты, но хруст клавиш ни с чем не спутаешь. Не говоря уже про боль в кончиках пальцев.

Он попробовал отвести руки от клавиатуры — опять ничего не вышло.

— Линди, — произнес он. Приятное имя. Женщина оглянулась через плечо в сторону двери.

В ее версии комнаты зазвонил телефон. Уайли не мог его видеть, зато слышал настолько отчетливо, что даже пальцы замерли. И еще он мог слышать ее дыхание — чуть ли не спазматические вдохи — между настойчивыми звонками.

Из коридора донеслись вздохи и бормотание. Брук спокойно ворочалась в постели. Может, она тоже услышала звук телефона?

Линда положила руку на аппарат. Напряглись пальцы. В ее лице читались такие муки, что становилось не по себе. Женщина подняла трубку.

ГЛАВА 3

НОЧНОЙ ДОЗОР

1 декабря

То, что так странно началось в Глочестершире 21 ноября 2012 года, двадцать девятого числа превратилось в подлинный ужас. Ужас ударил в ту ночь по миллионам больших и малых городов и поселков по всему свету, после чего принялся расползаться дальше. К сегодняшнему дню, первому декабря, Белый дом был уже эвакуирован, в Вашингтоне царил хаос, так же как и во всем мире. Рассказы очевидцев потрясали. Обезумевшие от страха жители Нью-Йорка, Чикаго и других мегаполисов десятками тысяч выбрасывались из окон, до груды трупов на улицах никому не было дела. Связь по всей стране была нарушена, топливо и продукты питания перестали циркулировать по дорогам, забитым толпами беженцев, но это были еще цветочки.

С другой стороны, канзасский городок Харроу не пострадал. Все населенные пункты округа организовали оборону по мере сил и возможностей, однако пока что проблемы не затронули штат Канзас — во всяком случае, эту его часть. С другой стороны, в отсутствие связи они не знали толком, что происходит хотя бы на расстоянии тридцати миль.

Мартин нес дежурство на колокольне методистской церкви, что располагалась на Третьей улице, когда в час ночи заметил проблеск света в облаках, затянувших темный западный горизонт. Он присмотрелся внимательнее. Действительно, какая-то недолгая вспышка. Впрочем, тучи были грозowymi, и потому неудивительно, что там сверкают молнии.

Очередной неторопливо погасший огонь. Мартин знал археологию, а не метеорологию, но все равно никогда не слышал про столь медленно угасавшие молнии.

Он включил портативную рацию, которую захватил на случай, если откуда-то все же поступит радиосигнал. Три последних дня мир хранил полное молчание. Нет ни радио, ни телепередач, ни Интернета, даже система GPS почти не работала. Проводная телефонная связь стала крайне ненадежной, а сотовые охватывали лишь местную зону, да и то если повезет. Даже коротковолновые приемники ловили одну только статику, а на более высоких частотах неслись бесконечные потоки однообразных звуков, напоминавших машинный язык.

На горизонте опять полыхнуло, на сей раз гораздо ближе к земле, затем свечение расширилось и стало более ярким.

Тяжело трепыхнулось сердце. Они заявили в округ Лотнер. Свет разливался над Холкомбом, до которого не больше двадцати миль.

Самих тварей еще никто не видел. Известно было, что по ночам четырнадцать линз извергали из себя тысячи тускло-багровых дисков, которые веерами разлетались во все стороны, неся с собой самую отгалкивающую и странную форму смерти.

Мартин взял в руку мобильник и набрал номер городского шерифа, своего друга Бобби Чалмерза.

— Бобби, я засек подозрительные вспышки в облаках.

Потом он позвонил Линди и, не желая ее пугать, постарался говорить непринужденно:

— Эй, доктор Уинтерс!

— Эй, доктор Уинтерс...

— Извини, что пришлось разбудить... Ты не могла бы собрать детей? И давай-ка сюда. Похоже, в западной стороне что-то происходит.

Едва он дал отбой, мобильник пискнул, требуя ответить на входящий звонок. Мартин нажал кнопку.

— А, Бобби... Ты где сейчас?

— К тебе еду. Послушай, Рон Терпин из Паркера...

Паркер располагался между Харроу и Холкомбом. Даже не поселок, а так, горстка трейлеров и обветшалый дежурный магазинчик на перекрестке дорог.

— Да, я его знаю.

— Ну так вот. Он говорит, что вспышки движутся вместе с тучами, как в боевом строю. И в Холкомбе никто не берет трубку.

— А телефон-то работает? Ты уверен?

— Гудки есть, но никто не отвечает. Ни копы, ни шериф, ни «Скорая помощь»...

— Господи Боже...

— Мартин, тебе лучше спуститься. Уноси-ка ты ноги.

Он немедленно побежал вниз по лестнице, через четыре пролета добрался до хоров, окинул взглядом темное помещение церкви, затем направился к выходу. Бобби уже приехал и сейчас копался в силовом щите. Щелкнули тумблеры, неф осветился, через секунды зажглись наружные фонари.

Мартин откинул крышку мобильного и набрал номер священника.

— Рег, похоже, сегодня нам достанется.

— Что вы говорите?..

— Несколько минут назад был атакован Холкомб, и сейчас Бобби не может туда дозвониться. Диски прошли над Паркером, движутся в нашу сторону...

— Еду.

Мартин вышел на улицу.

— Я звонил на ферму Денниса, — сказал Бобби. — Похоже...

Загудел его мобильник. Шериф несколько секунд слушал, затем резко щелкнул крышкой.

— Это Ларри Деннис. Зовет на помощь, говорит, что-то случилось с Салли, свет на них падает дождем... а потом его линия... — Он замолчал, вытянув вперед ладонь с телефоном.

В головах обоих мужчин крутилась одна и та же мысль: «Не может быть, только не здесь, не у нас... О таких вещах мы привыкли лишь слышать, это дела городских, новости из Европы, китайское стихийное бедствие...»

— Буди людей, — приказал Бобби. — Нас атакуют.

Мартин вернулся в церковь и запустил мотор, управлявший колоколом. Что-то зажужжало, затем в ночи раздался

размеренный, величественный звон. Палец Мартина завис над кнопкой сирены. Ее не включали с сентября, когда торнадо разрушил силосную башню Конагры и трейлерный парк «Кан-Зас».

Наконец он решился. Низкий рев через несколько секунд превратился в вой, от которого вздрогнула ночь. На той стороне улицы распахнулась дверь, оттуда выглянул Сэм Госсет, одетый лишь в пижамные брюки.

— Что, началось? Серьезно?

— Только что разбомбили Холкомб и ферму Денниса! — крикнул Бобби. — Серьезней не бывает.

Подкатил джип, из машины выскочили Уилсоны и еще одно семейство, с которыми у Мартина было только шапочное знакомство. Люди торопливо укрылись в церкви. Наверное, они даже спать ложились в одежде.

Тимми Уилсон бросил на ходу:

— Я их видел над Шестой милей. Летят низко и медленно.

От этих слов Мартина чуть не вырвало. Он тут же позвонил Линди.

— Послушай, как там у вас?

— Сейчас выйдем.

— Линди, пожалуйста, поторопись. Они уже над Шестой милей.

— Господи, Мартин...

По утверждениям министерства национальной безопасности, люди поодиночке не выживали, не было еще таких случаев, а вот группы предположительно могли рассчитывать на какие-то шансы. Так говорилось в листовках, иногда разбрасываемых с воздуха. Мартину пришло в голову, что тут чувствуется рука Бо Уолдо. Вот человек, который не даст себя сломать — в отличие от тех двух блистательных генералов.

— Линди, на трассу выезжай напрямую, через Уолкеров.

— У них же там огород...

— Давай!

Она положила трубку — если только не случилось чего-то другого. От приступа тошноты Мартин чуть не подавился.

- Ты как? — спросил Бобби.
- Линди с детьми... А где Роза?
- Аналогично. Мчится что есть сил.
- Но не по Шестой миле?
- Черт возьми, разумеется, нет.

Бобби встретил его взгляд. Они были закадычными друзьями с детства, только Бобби остался в городке, а Мартин уехал учиться в университет. Впрочем, в конце концов Мартин вернулся, обнаружив после Беркли и Стэнфорда, что не так-то легко навсегда позабыть Канзас.

— Никогда не думал, что до такого дойдет, — сказал Бобби, пока они стояли, разглядывая небо и людей, стекавшихся в церковь.

— Тототша, боюсь, мы уже не в Канзасе. Считай, что нас унесло ветром.

— Думаешь, всех до единого?

Мартина захлестнула волна тягостной скорби.

— Помнишь листовку, которую сбросили на той неделе? Там написано, что есть шанс выжить, если мы соберемся вместе.

— Меня лично тянет куда-нибудь спрятаться. Чует мое сердце, именно так надо делать.

— Рискну предположить, что игры в прятки не помогут.

Листовка, сброшенная — подумать только! — с дирижабля, была единственной помощью, которую смогло предоставить правительство. Если на то пошло, самым жутким во всей этой истории был факт, что Вашингтон и Топика хранили полное молчание.

Прибежала запыхавшаяся чета Филдингов, Джордж и Мойра. На женщине были только лифчик да ночная рубашка, а ее муж оказался в семейных трусах и шлепанцах.

— На том конце Конститушн какие-то крики, — отдуваясь, сообщил Джордж.

Дом престарелых «Сиренити-лодж». Сорок беспомощных стариков. Мартин взглянул на Бобби.

— Съездишь?

В голову пришло, что путь Линди и ребятишек проходит как раз мимо того места.

— Я нужен здесь.

Нет, это не трусость. Тут чистая правда.

В противоположном конце города зажглись фонари на звоннице Первой Церкви Слова Христова, заговорил еще один колокол. Из-за громадных дубов, что росли вдоль Эванс позади Главной улицы, не было видно церкви Святого Петра, но Мартин знал, что там тоже должны гореть огни. Впрочем, у них колокола не было.

Из машины выскочила Эмма Херд:

— Я видела свет, про который нам говорили! Ужасный, просто ужасный!

— Вы прямо из пансионата?

— Я сидела в офисе, когда... Господи, я пыталась помочь, они все были по своим комнатам...

Женщина захлебнулась рыданиями, и Мартин бросил взгляд на Третью улицу, надеясь обнаружить синий «дождь» Линди.

— Вы видели саму атаку? — спросил Бобби.

— Когда я выбежала, на здание падал свет... сверху, из этих штук, из дисков. И не то чтобы свет, а какая-то противная липкая масса, светящаяся мембрана, очень яркая... Помните, в «Вечерней строке» был репортаж? Я побежала что было сил... — Эмма зажмурилась. — А свет стал прилипать к окнам, и я слышала... такие... о-о, Бобби, такие крики!

Женщина перевела дыхание, затем еле слышно добавила:

— Они сейчас все идут на север... каждый, кто в состоянии переставлять ноги... в одних пижамах...

Она заметила Мартина и шагнула ближе. Эмма и в сорок лет выглядела красавицей. Когда Мартину исполнилось шестнадцать, а ей двадцать, у них было... кое-что. Обнимались, тискали друг друга... Именно через нее Мартин приобщился к таинствам, которые до сих пор вызывали в нем глубокую радость от близости с женщинами. Вернее, сейчас только с Линди, только с ней одной.

Эмма вплепалась ему в рубашку. Мартин взял ее за плечи и развернул лицом к церкви:

— Давай-ка иди туда.

Она повиновалась, ступая каким-то странным, скользящим шагом. Проследив за ней взглядом, Мартин спросил:

— Ты как думаешь, она... нормальная? Ее не задело?

— Просто шок, — покачал головой Бобби. — Как из учебника.

— Христос с нами... — донесся из-за спины женский голос. — Он нас не оставит...

Не останавливаясь, выпучив невидящие, остекленевшие от ужаса глаза, мимо мужчин проследовала миссис Оутс.

— Что-то последнее время Господь про нас позабыл, — сказал Бобби, но очень негромко, как если бы делился грязным секретом.

Став научным работником, Мартин вырос из бывшей детской набожности. Хотя он и не имел ничего против религии, ему не удавалось заметить божественный механизм в действии.

Бобби и Роза своих детей каждую неделю водили в методистскую церковь, а Мартин с Линди решили не взваливать на Уинни и Тревора бремя организованной религии. Сын был просто счастлив, что не нужно вливаться в ряды последователей англиканской церкви Америки. Он терпеть не мог латынь.

То страшное, что творилось в мире, люди повсеместно принимали за прямое свидетельство существования души. Не кто иной, как сэр Роджер Пенфолд, светило современной физики, самолично назвал ее «всепроницающим органом», поскольку душа, судя по всему, управляла памятью и эмоциями. Принимая во внимание, что она целиком состояла из электронов, издревле бытовавшие взгляды о ее бессмертии оказались абсолютно верными. Энергия в самом деле бессмертна. Однако способна ли душа самостоятельно, отдельно от тела, нести в себе сознание? Может ли она сохранять свою когерентную структуру после смерти брэнной оболоч-

ки? Мартин не понимал, как такое возможно, и сомневался, что ответ вообще известен.

Зато он отлично видел издевательскую иронию в том, что как раз нападение на человеческую душу и привело к ее открытию. Научные круги прозрели лишь после того, как у людей начали отбирать души, — и теперь все мы смогли узреть, услышать и на себе ощутить последствия.

С точки зрения Мартина-ученого, это вовсе не означало, что боги тоже существуют. С другой стороны, для обывателя реальность души автоматически подразумевала наличие того или иного Верховного Существа. Вот почему церкви и храмы повсеместно были день и ночь переполнены молящимися, которые зывали к своим божествам.

Мартин же видел эту картину под другим углом. Его завораживал тот факт, что из тела можно высосать плазму души; как и все прочие, он был потрясен изменениями, которые при этом происходили. Но в самом ли деле сей феномен дает основания говорить о египетской «ка», индуистской «дживе» или китайской «хунь», о всех этих концепциях души из фольклористики? Вопрос оставался открытым. Иными словами, речь шла о ранее непризнанном органе особого рода, обладающем некоей очень глубокой функцией; более того, именно эта функция позволяла объяснить, почему мы отличаемся от животных, ибо наделяла нас способностью сохранять воспоминания и передавать их в мозг на обработку. Однако она не подтверждала реальность богов (по крайней мере для интеллектуалов), к тому же не было ясно, выживает ли она в том или ином связанном виде после смерти.

Впрочем, отчетливо было видно, что изъятие души приносит организму адские муки, и эти-то муки нынешней ночью обрушились на Канзас, — а может, на всю страну. С другой стороны, перед окончательным отказом связи стало понятно, что подлинный ад царит в перенаселенных странах третьего мира — диски стаями саранчи вырывались из темных громадных линз, и людей косило миллионами.

Мартин достал из кармана листовку министерства национальной безопасности. «Приближаться к пострадавшим индивидуумам следует с предельной осторожностью. Несмотря на обычную пассивность, они могут внезапно приходить в буйство».

Ему уже довелось увидеть кое-кого из «обездушенных», как их называли СМИ перед своей безвременной кончиной. Кучка оборванцев плелась от самого Гарланда; атака на техасский городишко ознаменовала собой начало кошмара для всей Америки. «Обездушенные» двигались гуськом — смердящие, грязные существа, которые пили из канализационных стоков, питались падалью, бормотали и огрызались друг на друга, машинально переставляя ноги. Не исключено, что они чувствовали некую потерю, однако уже не понимали, чего лишились.

Не в силах справиться с искушением взглянуть поближе, Мартин остановил машину. Несчастные не внушали никакого страха. Ни капельки. Скорее, их можно было принять за мигрирующих лосей.

Он попробовал некоторых окликнуть. Бесполезно. Двое мужчин, три женщины, дети — один сидел на закорках отца, остальные держались за руки матерей. Мартин вышел из машины, прошел немножко вместе с ними, затем коснулся плеча женщины:

— Как вас зовут?

Она повернула к нему голову и — трудно поверить — улыбнулась. Улыбка была странной, жуткой. От нее несло фальшью. Ослепительный оскал, лишенный каких-либо чувств. Полнейшее слабоумие; так улыбался в детстве бедолага Джим-Том Стивенс. С другой стороны, Джим-Том был умственно отсталым, а эти люди не производили впечатление клинических идиотов.

Жертвы не потеряли разум; их лишили информации, причем не знаний о том, как, скажем, считать или читать, — нет, потерянная информация в свое время лежала гораздо глубже. Они потеряли то, что отличает нас от животных, — потеряли стрелу сознания, направленную внутрь. Несчастные бродяги до сих пор воспринимали внешний мир и могли

в нем разобраться; но если раньше они знали, что были людьми, то теперь это знание исчезло, и они превратились в гениальных животных.

Несмотря на всю свою интеллектуальную убогость, Джим-Том сознавал, кем является. Если позвать его по имени, он не просто приходил на знакомый звук, как свойственно, к примеру, домашним любимцам; нет, он поворачивался к тебе, и в его лице читалось фундаментальное человеческое выражение: «Это я».

В голове всплыла строчка из какого-то стихотворения. «Вся тварь земная множеством очей глядит в открытый мир...» — а самое себя нисколько не замечает. Нет у твари собственного «я».

Они торопились за горизонт, куда уходили все прочие бродяги. На северо-северо-запад.

Мартин затем до вечера просидел на веранде, рассеянно наблюдая за опавшими листьями, которые ветер гонял по двору, и пытался найти хоть какой-то смысл в увиденном.

Линди он сказал, что эти люди напомнили ему Джим-Тома, который был настолько слабоумным, что мог пообедать трупом сбитого на дороге животного.

— Как ты думаешь, если заняться их воспитанием, они могли бы чему-то научиться? — спросила жена.

— К примеру, водить машину? Наверняка. Но только не концепциям. Нет.

— Значит, их сделали глупыми.

— Мне так не показалось.

— А что тогда тебе показалось?

Над ответом пришлось поразмыслить. Наконец он ответил:

— Разница между нами и гениальным животным... Животное понимает, что *это* такое, однако понятия не имеет, что это может означать. По-моему, те люди вернулись к состоянию, в котором мы все пребывали до превращения в людей. Нет, Линди, их нельзя назвать людьми. Они просто... существуют.

Специалист по прошлому, он отлично знал, что тело и мозг человека развились за сотню тысяч лет до появления ци-

визации. Мы были гениальными животными долгое-предолгое время, и Мартин подспудно чувствовал — вернее, боялся, — что людей не просто лишают души, как считали многие. Дело обстояло гораздо проще: из нас делают рабов, и все эти беженцы бродят по дорогам не просто так. Они двигаются к месту сбора.

Если говорить конкретно про души, то их извлечение из тела напоминало процесс выпуска воздуха из надутого резинового шарика. Душа становилась частью фонового электромагнитного потока. По сути дела, дезинтегрировала...

К этому моменту церковь была полна людей. В пижамах, в нижнем белье. Одни наскоро набросили пальто на плечи, другие успели прихватить шляпы... Одно было общим: все держали в руках оружие, некоторые обвешались целым арсеналом. Пистолеты, винтовки, ружья, несколько автоматов. Внушительное зрелище.

Мэй Уитт села за орган. Инструмент издал пару бормочущих звуков и разразился смелой интерпретацией песни «Что за друга мы имеем?».

Минутой позже на улице раздался истошный крик, который перекрыл даже вой сирены, звон колокола и бравурные ноты органа. Десятилетняя Крисси Пейлен показывала рукой в небо. Поначалу Мартин видел лишь первую луну, бледную и безмятежную, окутанную рваными облаками. Но через мгновение Том Пейлен вскинул свой «спрингфилд» и принялся палить. Глаза Мартина повернулись в направлении, куда показывали длинные дульные вспышки, и он разглядел темно-оранжевый яйцевидный предмет, зависший до того неподвижно, что с таким же успехом его могли прибить к небосводу гвоздями.

Мартин взглядом прочесал улицу в поисках пикапа Линди. Попробовал было позвонить, однако сигнал не проходил.

— Прочь с улицы! — крикнул Бобби. — Скорее внутрь!

Несмотря на отсутствие религиозных чувств, Мартин обнаружил, что в своем сердце молит Господа о том, чтобы семья успела добраться без приключений. Он причитал на вдохе

и выдохе: «Господи, пожалуйста, Господи, пожалуйста...» Хоть чем-то помочь, создать какую-то защиту для жены и детей.

Яйцевидный предмет скользнул над аптекой, метнулся в сторону универсама «Таргет» на том конце города.

И тут появилась Линди; она уже вылезала из машины вместе с Тревором и Уинни, когда наверху возник новый диск, скользнувший по небу, как тарелка по клеенке кухонного стола.

— Бегом! — завопил Мартин. — Том, стреляй, стреляй, к чертовой матери!

Винтовка выпала раз, затем еще — и штуковина скользнула обратно в тьму. Да, ходили слухи, что пули могли их задержать, но только ненадолго. Очень ненадолго.

Семья бежала к Мартину — почему-то неторопливо, словно в кошмарном сне, в замедленной съемке, как на балетной сцене, как дрейфующая лодка в штиль...

Яйцо выскочило вновь, уже на уровне крыш. Края диска трещали и плевались электрическими искрами. Пейлены бросились в церковь, и Мартин понял, что семья добежать не успеет. Тогда он кинулся им навстречу; кровь стучала в висках, ноги мелькали над асфальтом, но все же медленно, ох как медленно... а диск уже пикировал в сторону Главной улицы и был сейчас на расстоянии не более сотни ярдов, приближаясь с каждой секундой. Мартин знал: вот-вот по ним ударит светом.

— Линди, скорей!

И на этот вопль жена — дай Бог ей здоровья — резко повернулась, вскинула ружье и выдала четыре полновесных заряда картечи.

Диск вроде бы и не пострадал. Только пули могли хоть как-то замедлить эти штуковины, а дробь, пусть даже и крупная, на них не действовала.

Меж тем к Мартину успели подбежать дети.

— В церковь, в церковь! — крикнул он, толкая их к освещенной двери. Бросив взгляд на Линди, он увидел, что жена мчится назад, к «доджу», где остался рюкзак с припасами.

Колокол звенел не умолкая, сирена заходилась воем, собравшиеся нестройным хором пели: «...в руки Свои тебя Он

возьмет, укроет от бурь и невзгоды; найдешь ты в них радость, покой обретешь, воспрянут душою народы...»

Рядом кричал Бобби:

— Быстрее, быстрее, быстрее!

Линди выскочила из кабины — и, споткнувшись, упала. Мартин метнулся к жене.

Рег Тодд крикнул:

— Мы закрываем двери!

Сообразив, что происходит, Тревор и Уинни всполошились:

— Мама! Папа!

— Мартин, оно прямо над тобой, начинает светиться! — Бобби извлек свой табельный револьвер и принялся стрелять. Освещение изменилось, улица вокруг Мартина побагровела. Но он по-прежнему мчался к Линди, в голову и мысли не приходило, чтобы бросить жену на произвол судьбы.

Ее кожа окрасилась багрянцем от изливающегося с неба света. Мартин выбросил руку и дернул Линди к себе. На ступеньках церкви она обрела равновесие и даже сама стала ему помогать. Они ввалились в притвор, в заботливо подставленные руки Мэгги Хастерт, которая подхватила Линди, и обе женщины, спотыкаясь и пошатываясь, побрели к последнему ряду скамеек, пока Бобби с Мартином торопливо захлопывали двери.

— Мам! — вновь крикнул Тревор.

— Мамочка! — взвизгнула Уинни. Крошка наконец поняла, что в ее мире творится нечто неправильное.

— Мамочка в порядке, — еле выдавила из себя Линди.

— Ты плачешь, — нахмурился Тревор.

— Мы все плачем, — сказал Мартин.

— А мы тоже должны? — спросила Уинни.

Мартин подошел к скамейке, где обнимала детей жена. Чета Хастертов потеснилась, давая ему место присесть. Он увидел Розы с детишками, стало быть, семья Бобби тоже в порядке — пока что.

Рег Тодд поднялся на кафедру. Священник импонировал Мартину; они, бывало, еще детьми вместе ходили на охоту.

— Сейчас молится весь мир, взывает к Господу о защите души человеческой. Мудрость обрести мы можем в Библии, книге, написанной Богом. Написанной именно для этого времени, когда люди обнаруживают в себе душу, потому что начинают ее терять. Так слушайте же! Если появится свет...

Раздался чей-то вопль. Все завертели головами, однако прозвучал он явно на улице, точнее, над зданием церкви. Вновь тот же крик, заплакали маленькие дети. Взвизгнула и Пег Тарр. Бобби потянулся было к ней, желая успокоить, но женщина оттолкнула шерифа:

— Это мой муж! Я знаю, это он! Сердцем чувствую!

Пег шарахнулась в сторону, толкнув при этом доктора Уиллерсона.

— Где ВВС? Где истребители? — закричала она.

Ее перепуганный сосед сжался в комок и суетливо шарил руками в поисках слетевших очков.

— Самолеты! Самолеты! — не унималась Пег. Она схватила доктора за плечи и затрясла с такой силой, что у него лопнули швы на пальто. Тогда мужчина размахнулся и врезал ей в челюсть. Голова Пег дернулась, брызнула слюна.

Вопль снаружи повторился. В голосе человека звучало столько муки, что она передалась каждому, кто был сейчас в церкви. Многие дети потеряли сознание от страха, их матери продержались немногим дольше. Рон Биггс, тракторист в четвертом поколении, в потолок разрядил свой «ремингтон» двенадцатого калибра, чей приклад украшали насечки — память о четырех десятках лосей и счастливых днях.

Сверху посыпался дождь из кусков штукатурки с облаками и ангельскими ликами; что-то прокатилось по черепице и грузно обрушилось в церковный садик.

Наступила тишина. Хотя нет, маленькая Кимберли Уилсон вполголоса напевала «...на охоту, на охоту мы идем, мы идем...», пока наконец не вмешалась ее мать.

Итак, полная тишина. Такого, судя по всему, никто не ожидал. По рядам поплыли негромкие голоса.

Бобби повернулся.

— Ну, какие мысли?

Мартин только головой покачал. Не думал он, что дело дойдет до сбрасывания людей на крыши, однако иначе тот звук объяснить не получалось.

— Доктор, — сказал Бобби, — пойдемте вместе наружу и посмотрим.

— Нет! — всполошилась Роза.

— Послушай, я...

— Бобби, нет! Сиди здесь!

Супруги обменялись выразительными взглядами. Роза знала, в чем состоит служебный долг мужа, и через пару секунд с мокрыми глазами отвернулась.

Бобби и доктор Уиллерсон пересекли неф, вышли наружу через ризницу. Тело — если это и вправду было человеческое тело — упало именно с этой стороны здания.

В ожидании все стояли на ногах, кто-то опустил голову в молитвенном поклоне, другие просто смотрели в пустоту.

Когда мужчины вернулись, доктор сказал в притихшие, застывшие лица:

— Похоже, это мэр Тарр. Разбился насмерть. С собой у него была винтовка. Наверное, он дежурил наверху и поскользнулся.

Пег упала в обморок.

Сидевшие рядом Джинджер Форест и ее приятель Линдон Линч кинулись помогать, когда снаружи донеслась очередная серия воплей, приглушенных, правда, расстоянием, однако из гораздо большего числа глоток.

Бобби подошел к главному выходу, приоткрыл дверь, послушал секунду-другую и вернулся.

— Это из церкви Святого Петра.

Мэл Холмс заявил:

— Чего мы здесь сидим?! Тарр был прав. Пошли наружу, дадим отпор. Господи Боже, мы должны сражаться!

— Наша сила в молитве! — прокричал Рег.

Голос миссис Джеймс поднялся над перепалкой. Старушка взвизгнула и потрясла кулачком — жест, который за по-

следние недели был, наверное, миллиарды раз повторен на Земле.

— Сейчас я прочту проповедь! — заявил Рег. — Текст у меня с собой. А потом помолимся. Вот именно. Молиться будем всю ночь. Дети могут поспать на скамейках.

— Ага. Спать я буду, как же, — буркнул Тревор.

— И я, и я! — присоединилась к нему Уинни.

— Дети, тихо! — нахмурилась Линди.

Уинни подергала отца за штанину.

— Мне пить хочется, — пожаловалась она.

— Ой... — сказала Линди. — Я все на улице оставила... когда эта штука...

— Пейте, — вмешался сидевший по соседству мужчина, протягивая бутылку минеральной воды «Айерс». — Ничего-ничего, мы запаслись.

— Итак, — объявил Рег, — это из Книги пророка Исайи. Слушайте внимательно. У кого нет с собой Библии, поищите на скамейках. Страница четыреста тридцать пять.

Он начал читать:

— «Ты призовешь народ, которого ты не знал, и народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе ради Господа, Бога твоего, и ради Святого Израилева, ибо Он прославил тебя. Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко. Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник — помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив».

Внезапно погасли лампы. Люди завопили от страха.

— Будем молиться! — крикнул Рег, пересиливая всеобщий рев. — Молиться!

Голоса притихли, кое-где вспыхнули ручные фонарики.

Впрочем, был и другой свет. Он полз по западным витражным окнам, которые рассказывали о рождении, юности и пастырских деяниях Иисуса.

Оцепенев от кошмарного зрелища, Мартин не мог найти в себе силы отвернуться.

Когда все поняли, что происходит, исчез малейший шум. Всцарилась абсолютная тишина. Никто не мог отвести глаз

от самого страшного — и самого загадочного — оружия в мире.

Мартин попытался задействовать все свои аналитические навыки, обретенные за долгие годы научной работы. Этот свет вел себя подобно вязкой жидкости. Человек научился замедлять свет, останавливать его, оборачивать вспять, однако ничего подобного у нас не появилось.

Когда свет начал просачиваться внутрь, раздался коллективный вздох. Совсем не громкий, едва слышный.

— Мама, мама! — донесся тонкий голосок девочки. — Смотри, солнечный зайчик на Боженьке!

Поцарапанный витраж с фигурой на кресте, угрюмыми скалами и камнями, молящейся Девой Марией в синей одежде — все это озарилось светом какой-то новой жизни. Луч вышупывал контуры, скользил дальше, словно что-то искал, оценивал, пробовал на вкус... и наконец наткнулся на вскинутые лица.

— Пап, это пришелец? — спросил Тревор.

— Это Люцифер, — высказалась Уинни. — Сиди тихо, не то он за нами придет.

Поднялся детский плач, по собравшимся прокатилась волна паники. Родители крепче обняли малышей.

Мартин сразу увидел, что эта штука движется как живая — причем ей, похоже, нечего было бояться. По крайней мере возникало такое впечатление, потому что свет нагло лился сквозь окна, заполняя церковь ослепительным туманом. Свет завораживал, от него нельзя было отвести глаз. Как мембрана, он расплзается как мембрана, подумал Мартин.

И тут луч как бы прыгнул, настолько резко и неожиданно, что вокруг раздались крики обезумевших от ужаса людей.

Старик Майклз мешком рухнул на пол. Лицо его посерело, и Мартин подумал даже, что он умер. В воздухе расплылась вонь испражнений. Дети вырывались из родительских рук и неслись к дверям, не понимая, что снаружи избавления нет. Мамаша Леонард бросилась за своим Кевином, однако мальчишка оказался проворнее и распахнул дверь в ризницу.

Оттуда хлынул свет. Ребенок, взвизгнув, отпрыгнул назад, но поздно: его окутало туманом. Мартин увидел лишь небольшое мерцание, однако Кевин застыл с распахнутым ртом. Его мать отбежала к дальнему концу нефа и теперь заходила там криками.

Рег повысил голос:

— «...мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших...»

Светящаяся пелена распахнулась, туман накрыл алтарь и полился вдоль нефа. Люди запрыгивали на скамейки, чтобы уберечь ноги, но Мартин понимал, что это бесполезно. С минуты на минуту последует проклятая вспышка, и тогда... А что тогда? Он и сам не знал. Не мог даже вообразить.

Никаких признаков биологического материала. Определенно это самая настоящая плазма, обладающая, однако, стабильностью высокоорганизованной мембраны. Мартин попытался вспомнить, не встречались ли ему какие-нибудь похожие барельефы, фрески, скульптуры — любой эпохи, из любой точки земного шара... Нет, ничего припомнить не удавалось.

Человечество впервые столкнулось с подобным феноменом.

— Молитесь, — меж тем призывал Рег. — Молитесь! Обнимите своих детей. И подготовьте оружие.

Линди посадила Уинни на колени. Мартин похлопал Тревоора по плечу и залез в свой карман. Пистолет на месте. Один выстрел в голову ребенка... Мартин сомневался, что способен совершить последний шаг. Если будет на то Божья воля, мнение министерства национальной безопасности докажет свою состоятельность, и собравшиеся здесь люди выживут.

Кто-то сказал:

— Стреляйте! Стреляйте в эту штуку!

— Нет! Нельзя! — крикнул Бобби. — Она лишь будет расширяться, мы все об этом читали. Здесь надо...

Внезапно произошло самое странное в их жизни событие: людей накрыла мерцающая цветная масса, несущая боль и уют одновременно. Словно кто-то наблюдал за ними, и не

то чтобы со злым умыслом, а как бы с профессиональной отстраненностью.

Мартин подумал: «Нас уничтожили, мы вымерший биологический вид. Оказывается, вот он какой, наш конец». И еще в голову пришло, что каждый день то же самое творится на скотобойнях. Творилось, вернее.

Ему показалось, будто в его сторону скользнул незнакомый мужчина: худой, в надвинутой на глаза шляпе, со змеиной физиономией... Мартин потряс головой, отгоняя наваждение. Просто-напросто мозг норовит преобразовать немыслимое в нечто знакомое, чтобы знать, как бороться.

Тревор крепко зажмурился, пару раз недоуменно моргнул.

— Отец, я только что змею видел... Прямо у меня в голове...

Со всех сторон доносились голоса детей:

— Мама, мама, тут кобра... Дракон... Папочка, я видела удава...

Мартин понял, где берет начало древняя легенда про змия лукавого. Мозг человека силился облечь бесплотное зло в понятную форму.

Раздался глухой раскатистый удар — не взрыв, а словно в глубине леса упало дерево. Что-то изменилось. Точнее, изменился Рег. Там, на кафедре, где миг назад стоял проповедник с Библией в руках — обычный человек в поношенном сером костюме без галстука, — сейчас высился мужчина в самом цветастом, переливающимся одеянии, которое когда-либо видел Мартин. Но это не ткань: цветные разводы своим существованием были обязаны крошечным, до мелочей проработанным воспоминаниям, каждое из которых плавало вокруг Рега подобно живому самоцвету. Священник откинул голову и взревел голосом обезумевшей гориллы.

На ум Мартину пришел отрывок из Библии, где повествуется о разноцветной одежде. Сейчас он понял: пестрые ризы Иосифа были его душой. Выходит, древние библейские авторы знали, как она выглядит. Теперь и другие люди могли видеть, как из Рега вытягивают душу: так обезьяна могла бы высасывать сладкий сок из апельсина.

Никто не издал ни звука. Каждый в своем сердце питал надежду, что этого хватит, что на этом все, после Рега кошмар уйдет, оставит людей в покое...

Священник на их глазах претерпевал физические метаморфозы: лицо удлинилось, глазные орбиты растянулись в желтые вертикальные овалы, разъехались в стороны губы, обнажая распахнутый рот, — и то же самое сейчас происходило со всеми остальными. Куда ни кинь взгляд, повсюду гримасничающие физиономии, тела будто сочатся разноцветным гноем; массовое недержание, вонь испражнений, рев и вой, люди оплывают на скамейках, рвут глотки скрюченными пальцами...

Бах! Одним выстрелом Милли Фишер снесла полголовы собственному сыну.

— Мамочка, мамочка! — кричит Уинни в лицо матери. — Что это?!

Потрескивание превратилось в скрежет, затем в сосущий звук, хлюпанье разверстой раны в груди, причмокивание потаскухи; церковь наполнилась мельтешением света и корчащихся теней. Кто-то рвал на себе кожу вместе с мясом, кто-то исходил криком, иные не могли совладать с оружием в трясущихся руках, пытаясь убить тех, кто и так уже погибал, — словно это хоть что-то изменит...

Кадр из хроники Апокалипсиса. Ползут люди на четвереньках, через них перепрыгивают другие, несутся к залитым светом дверям — как в глотку. Толкаются, лезут в теплое призрачное нутро...

Приходит тьма, а вместе с ней наступает тишина, прерываемая одиноким всхлипом.

Затеплились лампочки, через миг вспыхнули люстры, неся с собой облегчение, которое бывает после миновавшего шторма.

Проповедник до сих пор стоял у кафедры. Кто-то в среднем ряду спросил:

— Рег, вы в порядке?

Мужчина выронил Библию, и книга грохнулась на пол, издав звук, похожий на выстрел. Люди ожили, принялись торموшить соседей, кричать в застывшие лица

— Анджи, милая! Анджи, что с тобой? Она в порядке, ее не задело, не может быть...

Мартин увидел, что супруга, с которой Карл Брайт прожил тридцать лет, смотрит на него с выражением полнейшего слабоумия. Как новорожденная.

Кто-то стонал, другие истерически смеялись, расползаясь по углам. Точно так же вел себя и священник. Негромко посмеиваясь, он брел к стене. Знакомое его лицо утратило всякое выражение. Глаза остекленели, пялились в никуда.

В центральный проход вышел Бобби:

— О'кей, слушайте сюда. Закон и порядок на нашей стороне, так что сейчас мы должны...

Его прервал женский крик:

— Деточка моя, что с тобой?! Люси, очнись! С ней все хорошо? — Бекки Линднер трясла за плечи двенадцатилетнюю дочь. — Люси! Не смей притворяться! Люси!

Девочка, которая за секунду до этого сидела в ступоре, вдруг набросилась на мать, царапаясь и кусаясь как собака, которую загнали в угол. Бекки взвизгнула и, не удержав равновесие, повалилась на семейство Бейкеров. Юный Тимоти Бейкер подхватил ее на руки в последний момент.

Закричал Карл Брайт, лишь сейчас сообразив, что сын Роберт, мальчишка-подросток, также оказался среди умалишенных. У Мартина разрывалось сердце: прямо на его глазах погибали семьи. Брайты, к примеру, жили на холмах, в большом уютном доме. В нескольких милях от Уинтерсов, буквально рукой подать. Глава семейства писал статьи в технические журналы, его супруга держала интернет-магазинчик с кустарными поделками.

Как львица на антилопу гну, без какого-либо предупреждения, миссис Хаггерти со спины набросилась на Линди, и та упала на Мартина. Он не устоял на ногах, все трое оказались на полу, но даже это не остановило обезумевшую женщину. Она продолжала выдирать волосы из шевелюры Линди, пока наконец мистер Хаггерти не оттащил свою бесноватую супругу подальше.

— Дети, отвернитесь! — крикнул Мартин, когда юный Хаггерти в упор застрелил мать.

Линди вместе с детьми переместилась в дальний конец церкви. У Мартина голова шла кругом.

— Линди, ты что? Эй?

Очередной выстрел, где-то за алтарем. Над трупом отца стоял и молча плакал один из младших Десмондов.

— Мама, я застрелил его, застрелил... — Он потянулся к матери, и та прижала голову сына к груди.

К Мартину подбежал Фил Ниппа, чья жена тоже пошла к дальнему выходу, где уже собралась порядочная кучка людей.

— Что происходит?

Мартин бросился к семье.

— Эй, вы чего? — Его Линди стояла уже возле самой двери, среди множества других людей. — Линди... Нет!

К нему подскочил Бобби:

— Послушай, подожди...

— Но они... Да ведь с ними ничего не случилось! — Мартин попытался рассмеяться. — У нее просто шок, вот и все. Эй, Линди! — Он нагнулся к детям. — Бобби, видишь?.. Они просто пошли за мамой, да? Уинни! Тревор! Немедленно перестаньте! Слышите?!

Фил бормотал:

— ...В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим, и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское...

Возле выхода толпилась новая партия умалишенных; они давили на двери, стучали по ним — и то же самое делала его семья: Линди, Тревор и Уинни. На плечо Мартина опустилась ладонь — старый верный друг Бобби протягивал ему револьвер. Мучительная боль пронзила Мартину сердце, он запрокинул голову и взвыл — а в том тихом уголке его существования, в уголке, который есть в каждом из нас, который видит все и знает все, звучал голос: «Да, это случилось. С этим тебе придется жить».

Разлученные влюбленные, жены, мужья, дети — все они кружили рядом, пытались заговорить с теми, кого потеряли... Церковь была полна слез.

Бобби открыл им дверь, и они побрели на улицу, где присоединились к сонму, потрясающему множество других людей, которые уходили в ночь. Мартину показалось, что здесь не меньше половины города. Три четверти.

Еле переставляя шаркающие ноги, они молча двигались в сторону Малого моста, откуда проселочная дорога вела на Коптящие холмы; те в общем-то и не были настоящими холмами, но с дальнего расстояния, особенно сейчас, выглядели зловеще.

Вслед за ними устремилось несколько человек — двое знакомых мужчин, женщина, еще кто-то... Все они когда-то поклялись близким выполнить просьбу: «Если это случится со мной, убей. Не дай мне остаться в таком виде». Пакт, скрепленный любовью и кровью.

Мартин тоже подбежал к детям, попытался удержать жену, кричал своим:

— Ребятки, назад, ко мне, это папа, я приказываю!.. Линди, очнись! Любовь моя, очнись!

Но никто из них не приходил в себя, никто. Мартина обняла чья-то рука, рука человека, которого он отлично знал, но теперь воспринимал как Спасителя. Он прижался к чужой груди и зарыдал. Небольшие группки выживших стояли на улице и плакали, а безумцы все шли и шли, растворяясь в темноте.

Мартин вновь кинулся следом, потом замер, упал на колени и что было сил выкрикнул ее имя. «Линди!» Он вылетел от ярости и боли, а жена, ни разу не обернувшись, уходила в ночь сама и забирала с собой его детей, его любовь и все то, что имело хоть какой-то смысл.

Потрясенный город утонул в предрассветных сумерках. Церкви были полны плачущих, на газонах рядками лежали тела убитых, которым на скорую руку попытались придать какое-то подобие человеческого достоинства. Впрочем, подавляющее большинство пострадавших остались жить, пото-

му что у людей рука не поднималась на любимого, давно знакомого человека, в каком бы он состоянии ни был. Жертвы нападения беспрепятственно ушли в ночь. С рассветом их примутся разыскивать, понесут хлеб и воду, попробуют накормить, завести разговор — с пустой оболочкой. И они будут улыбаться, эти несчастные, а порой кто-нибудь огрызнется, как испуганное животное. За ними будут следовать по пятам, умолять, взывать, просить — лишь бы вернуть назад. Что может быть мучительнее, чем прощаться с мертвым телом дорогого тебе человека... когда он еще жив?

Мартин поднялся на ноги и в эту минуту дал себе клятву. Он не пойдет за ними, он будет сражаться. Каким-то образом, пока неясно, как именно, он вызволит свою любовь и детей. Отправится туда, в темноту — и будь что будет. Он готов отдать кровь, жизнь и даже собственную душу — какая разница? — но спасет семью.

К рассвету похолодало, утро осыпалось жемчужной росой на осенние листья и позднюю желтеющую траву, на аккуратные ухоженные домики, на пустые улицы — и на бродяг, ушедших далеко-далеко в шелестящие поля. На их бледной коже тоже сверкал жемчуг.

ГЛАВА 4

ОТРАВИТЕЛЬ

2 декабря

Уайли подскочил в кресле, выдвинул нижний ящик стола, схватил оттуда спрятанную бутылку и принялся хлестать виски из горлышка.

— Господи, вот дураки несчастные, неужели не ясно, что это была ловушка?

Нет, они не понимали, даже Мартин и Линди. Все скопились в церкви и просто сидели, поджидали, пока их... Бед-

ное семейство Уинтерс, бедный Харроу... Добрые, замечательные люди...

Умалишенные бродяги. Это хуже смерти. Почему с ними такое сотворили, куда они направлялись? Похоже, Мартин был прав по крайней мере в одном: люди шли к неким определенным пунктам. Пунктам сбора, скажем. Например — идя наобум, — к газовым камерам. Не дай Бог, чтобы такая судьба поджидала Линди и ее детей. Уайли уже успел привязаться к ним, к славной маленькой девочке, ее брату... их матери, полной любви, отваги и ума.

— Этого не может быть. Я отказываюсь верить, что это происходит на самом деле.

Что, если он не записывает события, происходящие в другой человеческой вселенной, а, напротив, создает их? Что, если он выступает орудием рептилян? Потому-то они и пришли к нему пять лет назад — что-то с ним сделали, подготовили его. Но каким образом?

Уайли знал, что тонкие, хитроумные перемещения между параллельными мирами связаны с верованиями людей. НАСА, которая отрицала существование НЛО, предоохранила, спасла человечество — по крайней мере пока что. Однако это правило, очевидно, не распространялось на Уайли.

Да только дело в том, что чем ближе подходим мы к 21 декабря, тем легче становится проникнуть сквозь порталы. И в этот день ад воцарится в той, другой человеческой вселенной. Вот о чем идет речь, вот она — суть происходящего. Подготовка плацдарма к вторжению... Возможно, то же самое имеет место и у нас, что бы ни утверждала или отрицала НАСА.

Уайли просмотрел написанные страницы. На Дальнем Востоке мира Мартина разворачивалась подлинная катастрофа, чьи масштабы, говоря попросту, не поддавались описанию. Не видел он лишь деталей. Не получалось рассмотреть. Хотя ощущение совершенно отчетливое: ужас охватил миллиарды.

Что произойдет, когда все превратятся в бродяг?

Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул. Дурацкие правила Брук! Сигара сейчас ох как не помешала бы...

Возможно, Мартин прав и у них шел сбор урожая рабов. Шесть миллиардов невольников, надо полагать, кое-чего стоят на параллельной Земле рептилян. Да, но если из них забирали душу, то зачем? Что потом с ней делали? Мартин полагал, что души попросту дезинтегрируются, распадаются. В этом Уайли не был столь уверен. С другой стороны, иных идей в голову не приходит. Он вообще никогда не верил ни в душу, ни в Бога. Как и Мартин, он учился в Стэнфорде; как и Мартин, вернулся в родной город с прочным багажом рационализма и фундаментального презрения к недоказуемым утверждениям.

Чудовищные создания хотели людские тела, в этом он был убежден.

С другой стороны... Сколько вообще параллельных миров? Если гипотеза мультиверсума Хью Эверетта верна, тогда вторжение могло быть развязано из любой вселенной, число которых в буквальном смысле бесконечно.

Впрочем, вряд ли. Наверное, рептильные формы, которые на краткий миг стали доступны глазам собравшихся в церкви, были единственными в своем роде. Он прав насчет этих тварей и того мира, где они обитали. Уайли чуть ли не физически ощущал их алчность, мог видеть немигающие, безжалостные глаза столь же отчетливо, как и пять лет назад, когда они попытались... Попытались что? Чего они хотели? В самом ли деле он попал в их лапы?

Нет-нет, здесь что-то не так. Уайли написал об этом целую книгу, и все же картина выглядела неполной. Да, та ночь была для него жуткой, но... кое-чего недоставало. Вертится на кончике языка. Проклятие, никак не получается вспомнить...

Может, здесь какую-то роль играет тот факт, что в дело вовлечены три Земли? Триада.

Бакминстер Фуллер назвал треугольник строительным блоком вселенной именно благодаря его структурной целостности. Кроме того, идея триединой ипостаси, существующая в жизни разумных существ, также несет в себе структурное

обоснование. Триада обладает позитивной стороной, негативной стороной и балансирующей, то есть уравнивающей. Если двухлунную Землю считать стороной позитивной, тогда к негативной следует отнести рептилий с их адской алчностью.

О Господи, но ведь нельзя же считать его самого уравнивающим фактором! Нет, серьезно, давайте взглянем на эту ситуацию здраво: посредственный автор, зацикленный на пришельцах, способен поддерживать баланс вещей?

Он не годится для такой работы, чтобы... что? До сих пор Уайли мало чего делал, помимо написания исторической хроники, которую его мир сочтет, разумеется, вымыслом.

Если есть хоть какой-нибудь бог, пусть избавит своего раба Уайли Дейла от проклятия, которым обернулась эта писанина.

Но чем больше он пытался оттолкнуть от себя другой человеческий мир, тем глубже испытывал его страдания.

Теплый и уютный дом, где живет славная семья Уайли Дейла, в том мире был холодным, темным и заброшенным. У нас здесь близится рассвет, начинают щебетать птички — словом, олицетворение мирной сельской жизни. А там? Сгрудившиеся в кучки люди рыдают от невыразимых страданий. Уайли и сам сейчас плакал, только тихонько. Нельзя, чтобы его слышали дети и Брук.

А вот и она, кстати. Вошла неслышно, встала в дверях кабинета. Как ангел, честное слово. Он повернулся к ней вместе со скрипучим древним креслом, соскользнул на пол и, стоя на коленях, обнял жену за талию, утопив лицо в ее кислото-сладком запахе.

Женские руки мягко легли ему на плечи, словно желали убаюкать.

— Любовь моя, тебе надо ложиться.

— Который час?

— Птички уже поют.

Получается, он просидел здесь чуть ли не двадцать четыре часа общим счетом.

— Ой, мамочки...

— Уайли?

Она стояла в одной лишь ночной рубашке, такая бледная в предрассветных сумерках, что могла сойти за привидение или воспоминание.

— Мы с тобой путешественники, идем по длинному, длинному мосту, — пробормотал он, — ты и я, моя радость, ты и я...

Ее теплая рука скользнула ему в ладонь. Он поцеловал ей пальцы, вдыхая знакомый домашний запах.

Затем поднялся на ноги, прижал ее к груди, и Брук замерла. Уайли закрыл глаза, уплывая вдаль под парусом близости любимого человека.

— Ты плачешь, — сказала супруга.

— Книжка... понимаешь...

— Уайли, она опять сводит тебя с ума.

Он молча кивнул, уткнувшись носом ей в плечо.

— Твое воображение должно быть инструментом, а не оружием разрушения, особенно против себя самого.

— О-ох... — горестно протянул он.

— Уайли, это все выдумки, ничего реального здесь нет. Не запутайся, слышишь?

Он вновь кивнул. Руки Брук скользнули по его бедрам, коснулись сокровенного места — но игриво, на краткий миг. Уайли почувствовал напряжение в паху. Брук была его домом, да, домом его души.

И в ту ночь, пять лет назад, она тоже была здесь. О, если бы в самом деле это случилось с ними обоими. А ведь так и было... разве нет?

— Давай-ка я покажу тебе кусочек подлинной реальности, — прошептала она ему на ухо. — Пойдем займемся нашим утренним патрулем.

Так они в шутку называли занятия любовью в предрассветные часы. В это время детский сон самый глубокий, и родители менее всего могут опасаться, что их застанут врасплох. Как правило, тело Уайли звало своего хозяина погрузиться в женский океан именно ранним утром.

Взявшись за руки, они уже шли к спальне, когда снизу донесся звук открываемой двери. Кто-то вошел, повернул за собой ключ и направился в гостиную, что-то горько бормоча себе под нос. Судя по голосу, мужчина-невидимка. Затем все стихло.

— Ты слышала?!

— Пеночку? Они как раз в это время и начинают петь.

— Нет-нет, это вовсе не пеночка...

Брук направила его пальцы к знакомой розовой ленточке на шее. Он распустил узел, и ночная рубашка скользнула на пол. Непревзойденные округлые прелести Брук сияли в рассветных лучах, соски зарделись розовым цветом, отвердели... Она была для него самым прелестным существом, красотой, которая, отдавшись его крупным, широким ладоням, должна была нести в себе силу, связанную с вечностью, иначе она бы просто растаяла, растеклась тенью при малейшем прикосновении.

Расстегивая ремень мужа, Брук мурлыкала знакомую мелодию, припев из старого церковного гимна «Никогда не состаримся, никогда не состаримся, вечно будем юны...», который был лейтмотивом всей ее жизни. Нет, они не постареют, любовь не даст. Та же самая любовь некогда владела Мартином и Линди, но ее уничтожили только что, вместе с детьми, сотканными из их плоти.

Они легли, тесно прижавшись друг к другу возле распахнутого окна, откуда тянуло прохладным утренним ветром, и соединились под щебетание пеночек, славок и голубей, когда первые солнечные лучи уже касались половиц.

Хотя ему следовало полностью посвятить себя жене в тот миг, когда тело светилось от наслаждения, глаза впитывали в себя ее лицо, сильные бедра работали, заставляя Брук негромко хныкать, в этот сугубо интимный момент он услышал еще один голос — его собственный и в то же время чужой, — голос потерянного, понесшего невосполнимую утрату человека. Он исходил снизу, из гостиной, из вселенной, которая была столь близко и одновременно столь далеко.

Уайли решил не останавливаться, однако через секунду хлопнула задняя дверь дома, и вновь раздался тот же голос. В нем читалась такая боль, что настроение мгновенно улетучилось, и Уайли отпрянул в сторону.

Задыхаясь, он упал на спину.

— Что ты, мой родной, что ты... — потянулась к нему Брук. Но Уайли уже не мог лежать и резко вскочил с постели.

— Это он!

— Кто?

На заднем дворе кричал мужчина. Уайли бросился вниз.

— Мартин! — крикнул он. — Мартин!

Уайли пронесся через гостиную и выскочил на двор, в росистую траву.

— Куда ты? Что происходит?

И тут он их услышал: медленной, шаркающей походкой мимо проходили умалишенные жители Харроу. Он стоял в столбе туманного света, но видел лишь подрагивающие ветви кустарников, слышал бормотание и хныканье Мартина.

Шум усиливался с каждой секундой.

— Брук, ты слышишь?

— Что?

Сейчас они должны быть прямо напротив; доносится шепот, дыхание, шарканье множества ног.

— Брук, смотри! Смотри на траву!

— Уайли! Прекрати, ради Бога!

Шаги звучали все ближе и ближе.

Тогда он вытянул руку и потрогал воздух в том месте, где должен был находиться один из бродяг. Пальцы нащупали плечо.

И тут он различил человека. В момент прикосновения взгляд прямо из пустоты выхватил рубашку, часть шеи, мускулистое предплечье.

— Боже мой, ты посмотри, ты только посмотри!

Уайли вскинул руку, коснулся чужого лица — и увидел остекленевшие, пустые глаза, безвольно обмякший рот. Мужчина продолжал идти, совсем, похоже, его не замечая.

— Линди! — раздался голос. — Тревор! Уинни!

Да, это Мартин. Тот находился очень близко, можно было разобрать даже жалобные причитания: «...крошка моя, пожалуйста, очнись...»

Уайли пошарил рукой, под пальцами проявилась куртка защитного цвета, затем показалось лицо — Мартин! До предела реальный, настоящий, прямо здесь!

— Мартин, Мартин! Ты не можешь им помочь, вас всех обманули, вам надо прятаться, ты слышишь?! О Господи, кто-то в правительстве вас предал, они на чужой стороне, Мартин! Неужели ты не понимаешь, они специально так подстроили!

Но Мартин уже исчез. Вокруг Уайли продолжали появляться бродяги, он нащупывал все новых и новых людей. Вот миссис Суит из аптекарского магазина, вот старый пастор Реджинальд Тодд, а это доктор Уиллерсон — городской врач.

— Боже мой, Боже мой...

Рядом неожиданно выросла Брук и хлестнула по лицу с такой силой, что Уайли ослеп от боли.

Он схватил ее за кисть руки:

— Ты чего?!

— Я чего? Это ты выскочил за дверь в чем мать родила — и вот, пожалуйста, даже зрители появились.

Из окна своей комнаты выглядывал Ник. Сын стоял неподвижно, лицо его было бледным и мрачным, как у судьи при вынесении приговора. Уайли взял из рук жены халат, который она захватила с собой, прикрыл собственную наготу и направился в дом, уже не оглядываясь на шаркающие звуки шагов, крики Мартина и молящие призывы других людей. Последнее, что он услышал, был сдавленный голос ребенка, двенадцатилетнего мальчика, который мужественно пытался держать себя в руках и просил родителей остановиться.

— Уайли, пойдем скорее, ты меня пугаешь! — Брук потянула мужа за рукав.

Подойдя к дому, он махнул рукой сыну в окне.

Войдя внутрь, она его обняла.

— Уайли, что случилось? Что с тобой?

— Моя книжка... Я в ней захлебываюсь.

— Тебя предупреждали.

— Ничего не могу с собой поделатъ!

— Ты должен показаться доктору Кратчфилду. Сегодня же.

— Он превратился в бродягу.

— В кого?!

— Нет-нет, извини. Конечно. Это я про доктора Уиллерсона из двухлунного мира... Ладно, я позвоню Кратчфилду.

— Что за двухлунный мир?

— Место великой красоты, которое сейчас оказалось в лапах тварей, не ведающих жалости. — Он схватил жену за плечи. — И они идут к нам. Сюда.

Брук отшатнулась. Побледнела.

— Вот, — сказал он. — Ты сама об этом знаешь, чувствуешь сердцем.

— Ничего такого я не знаю!

Из спальни спустился Ник и внимательно посмотрел на родителей.

— Во сне я видел нечто ужасное, — пожаловался он. — А когда проснулся, все стало еще хуже.

— Что ты видел, сынок?

— Пап, мне показалось, что мы куда-то ушли. Ты пытался пойти с нами, но не смог. И мы тоже не могли остановиться, а потом я проснулся... и ты был на заднем дворе. Отец, что происходит?

Брук подарила мужу пристальный суровый взгляд. Если учесть ее мягкий характер, дело принимало серьезный оборот. Наверное, она решила, что сын страдает по вине Уайли.

Затем, потряхивая кудряшками, в розовой ночной рубашке, вниз спустилась и Келси. Выглядела она как ангелочек с открытки. Уайли раскрыл объятия и подхватил дочь на руки.

— Мне приснилось нехорошее, — сообщила она. — Как будто на нас с мамой надели поводок и заставили ходить всю ночь. Я очень устала, но не могла остановиться, а ты бежал

сзади, кричал, и еще у тебя была бутылка минеральной воды «Айерс». И когда я ее увидела, то подумала, что мы не покупаем такую воду, потому что она очень дорогая.

— Ну вот видишь, — ласково улыбнулась Брук. — Значит, у тебя был всего лишь сон. Есть вода «Эвиан», «Перье», «Озарк»... другие названия, но воды «Айерс» не существует.

— Правда?

— В нашей вселенной, — пояснил дочери Уайли и поцеловал ее в носик-путовку, изо всех сил стараясь спрятать тошнотворный страх. Да, в том мире была вода «Айерс», он сам видел такие бутылки среди припасов, которые люди захватили с собой в церковь.

Но каким образом об этом узнала Келси? Остается предположить, что стена между двумя человеческими вселенными осыпалась — как он и боялся! — и что к ним быстро приближался ад.

Вся семья зашла в кухню, он включил радио, а потом вместе с женой занялся приготовлением завтрака. Мысли Уайли вертелись вокруг единственного вопроса: откуда узнала Келси? Что это может означать?

— Ты смотришь в пустоту, — заметила Брук.

Уайли потряс головой.

— Не сердись.

— Я стараюсь.

— Для физики здесь нет ничего странного. Параллельные вселенные реально существуют.

— Конечно, конечно. Но я уверена, что они не заставляют людей... не будем показывать пальцем, кого именно... так вот, они не заставляют людей скакать голыми по двору. Твоя встреча с Кратчфилдом состоится в полдевятого, так что будь добр поторапливаться.

— В полдевятого? Ты смеешься!

Брук молча посмотрела на него, и огонь в ее глазах почему-то успокоил Уайли. Хотя понятно почему. Ему хотелось, чтобы хоть кто-то сохранял здравый рассудок, коль скоро сам он уже терял контроль над ситуацией.

Уайли доел яичницу и пошел наверх одеваться. Не исключено, что визит к доктору — дело правильное, так как произошедшее может означать, что он попросту сходит с ума... и, если честно, такой расклад в сто раз лучше пугающей альтернативы.

Он не стал тянуть время и поспел в город как раз вовремя.

Проезжая знакомыми улицами, Уайли подспудно ожидал встретить разрозненные группы перепуганных людей, однако глаза видели лишь небольшой канзасский городок средней руки, жители которого торопились по своим делам. К примеру, в недавно открытое кафе «Старбакс». Ничего из ряда вон выходящего, никто не бродит с остановившимся взглядом, все нормально...

Дверь в методистскую церковь на Третьей улице была закрыта, вокруг царило спокойствие. Сильвестр обрабатывал садовым совочком клумбы вдоль дорожки. Уайли притормозил и помахал священнику: «Привет, Сил».

Тот помахал в ответ. Полный порядок.

«Да нет же, дурень ты несчастный! Это в нашей вселенной полный порядок — пока что...»

Когда он добрался до офиса Кратчфилда, который располагался над мясной лавкой Данфорта, одного из немногочисленных мелких торговцев, до сих пор державшихся за центр города, стрелки показывали без двадцати девять.

— Прошу прощения, Марла, я чуточку припозднился.

— Брук говорит, у вас опять заскоки начались.

— Нет дыма без огня.

— Тогда должна напомнить, что у меня под рукой газовый баллончик.

Эта девушка с фарфоровой кожей и ярко-зелеными глазами ему нравилась. Как-то раз Уайли даже чуть-чуть приударил за ней. В шутку, разумеется. Он бы никогда не решился изменить жене. Хотя Марла — с ее черной гривой и кремовой кожей — действительно воодушевляла, чего уж греха таить.

Кратчфилд тоже выглядел нормально. Седые волосы, крошечные очки, весь так и сочится терапевтической аурой.

— Итак, вы резвились на заднем дворе нагишом. С этого и начнем?

— Понимаете... Ох, Господи... В общем, вокруг меня что-то происходит, но я не могу толком разобраться.

— Похоже, у Брук та же самая проблема.

— Похоже, творится нечто колоссальное по своим масштабам, и это «нечто» каким-то образом связано с моей новой книгой. Более того, хотя ничего хорошего эта вещь с собой не несет, я не в силах остановиться. Как будто я превратился в инфермальную пишущую машинку.

— Вы превратились в пишущую машинку?

— Я не в состоянии контролировать собственное тело. Сажу и печатаю. На автопилоте. Однако книга эта не моя. Я ее пишу, не думая. Могу при этом читать, смотреть телевизор или просто закрыть глаза — не важно. Пальцы сами по себе набивают текст.

— Если это не ваше произведение, то чье?

— Вопрос на миллион. Ответ: понятия не имею.

— И вы никак не вовлечены в процесс?

— Ну... в какой-то степени, конечно, да. В том смысле, что я могу видеть их мир, слышать их голоса... Черт! Дурак! Ну ты и дурак!

— Я дурак?!

— Я! Забыл, что психиатрам нельзя говорить про голоса.

— Голоса не хотят, чтобы вы про них мне рассказывали?

— Тьфу ты! Ну я и попал!.. Ладно, короче, голосам на это наплевать.

— Так-так. И что же они говорят?

— Эти люди плачут. От страшных мук. Некоторые из них прошли по нашему дворику; когда я к ним прикасался, то мог их даже видеть — руки, лица... Это звучит просто дико? Или на редкость дико?

— Звучит так, что я, похоже, смогу позволить себе тот «лексус», на который давно положил глаз.

— Вы знаете, что такое параллельная вселенная?

— Та штуковина, которая живет в кишочках швейцарского суперколлайдера в течение миллиардной доли секунды?

— Генри, я плачу вам не для того, чтобы вы упражнялись в остроумии за мой счет. Вычту за легкомыслие из вашего гонорара три минуты.

— Вы опасаетесь, что я над вами посмеиваюсь... Зря.

— А что тогда?

— Всего лишь пытаюсь найти смысл в ваших словах.

— Вас не беспокоит тот факт, что прямо сейчас в том параллельном мире врач по фамилии Уиллерсон — ваш двойник, кстати, — бредет на северо-запад в компании с большинством жителей города, причем у него нет души?

— Пожалуй, лучше оставить метафизику в покое. Давайте-ка сначала разберемся, кто мы такие и чем занимаемся — помимо того, что сидим в этой комнате. Или вас здесь нет? Уайли, признайтесь, вы не проекция из параллельной вселенной?

— Послушайте, несколько лет назад я пережил столкновение с тварями из третьей параллельной вселенной, и вот почему я... э-э... этим занимаюсь.

— Чем конкретно?

— Наверное, следовало бы сказать «понятия не имею», но это не так. Не совсем так. Я играю роль уравнивающей силы между позитивной и негативной Землями.

— Ага! Конечно же, сейчас все гораздо понятнее. Итак, вы — Бог? Или Иисус?

— Наполеон.

— Ну, Уайли, не надо. В карьере каждого психиатра наступает такой момент, когда он обязан наконец провести границу. Мне лично Наполеоны давно уже не интересны.

— Я сумасшедший?

— Разумеется.

— И что мне делать?

— Почаще сюда приходите. И не забывайте оплачивать мои счета.

— Вы циничный и злой человек.

— В точку.

— Послушайте... Я, между прочим, принес извинения жене — за свою выходку. Если вам нужен компромисс — пожалуйста.

— И это вы называете компромиссом?

— Когда вам скучно, вы берете слова пациента и тут же их повторяете в вопросительной форме. Заметили такое за собой?

Генри вскинул запястье, отдернул обшлаг и взглянул на часы:

— С облегчением должен сообщить вам, Уайли, что мы подошли к концу нашего сеанса. Дальнейшее расписание согласуйте с Марлой.

— А поймать ее можно?

— Если намерены продолжать лечение со мной, то нет.

— Я вижу, вы меня не очень-то жалуете.

— А вам хочется, чтобы было иначе?

Он покинул кабинет, не записываясь на следующий прием. Какой смысл? Добрый доктор не верит ни единому его слову. Черт возьми, он сам себе не верит.

На обратном пути Уайли принял решение. Надо изменить сюжет. Да-да, он сейчас вернется домой и попросту переписшет текст. Потому что тогда — может быть — изменятся и события. Не будет больше погибших семей, несчастных Уинтерсов, разоренного мира...

Он прибавил скорость, думая лишь о своем компьютере, о срочной необходимости вернуться к работе над книгой, которая сейчас буквально хлынула ему в голову, словно прорвало дамбу за их коттеджем, перед глазами настоящий поток слов...

...и яркие вспышки в зеркале заднего вида.

Проклятие, ему совершенно не улыбается получить очередной штраф! Теперь отправят заново слушать курсы, а это целая куча напрасно потерянных часов, не говоря уже о диком раздражении...

— Эй, Мэтт, привет, слушай, извини, чуть превысил...

— Уайли. Ты шел за сто десять.

— Ух...

— Как ты знаешь, я обычно своих не останавливаю, но...

— Так там Ребекка?

— Прекрати.

— Слушай, давай я тебе подарю целую коробку «партагас», а? Или хочешь, деньгами отдам? Пятнадцать сотен баксов... Давай?

— Давай. Возьму и то и другое. Только сначала штраф выпишу.

— Черт, Мэтт, ну ты... Эх!

— А ты чего так летел?

— Да как тебе сказать... Я ведь ненормальный.

Мэтт заполнил квитанцию и дал Уайли расписаться.

— За такое превышение снимают четыре балла. У нас тут город... Ты же в пределах городской черты, понимаешь? Голова садовая... Сто десять миль в час. Уж извини.

Четыре балла плюс к тем восьми, которые у него уже накопились, означали не только принудительный курс вождения, но и встречу с судьей.

— Сейчас наберу номер Джорджа Пикколо и скажу ему, что ты безосновательно придираешься.

— А я тебе за это задницу надеру, сопляк.

Когда они были детьми, Мэтт всегда одерживал верх. Он был массивнее, обладал лучшей реакцией... зато Уайли отличался способностью в большей степени выходить из себя, прямо как сейчас.

— Давай сюда треклятый квиток, только не вздумай брякнуть об этом моей жене. Она грозилась меня выпороть.

— Может, тебе понравится.

— Да? Тогда слушай. Я сейчас поеду домой на скорости тридцать, а потом отправлюсь в пещеру покурить. И буду тебе названивать на мобильный с рассказами о том, как мне хорошо.

— Тронешь мои сигары, заставлю проглотить окурки, ясно? Смотри у меня. Я закончу дежурство через час и лично проверю запас.

Тщательно спрятав квитанцию, Уайли поехал домой. Ничего, он отыщет способ, как закамуфлировать в «Квикене» кругленькую сумму, которую придется перечислить за штраф. На то компьютеры и придуманы.

Очутившись в своем кабинете, он из нижнего ящика стола вытащил припрятанную бутылку виски «Вудфорд резерв» и отхлебнул глоток. Надо отдышаться, прийти в себя...

Что это? Какие-то голоса? Он встрепенулся. Неужели задремал? На миг Уайли почудилось, что он попал в параллельный мир. Хотя нет, голоса знакомые. Из гаража возвращается Брук с детьми. Привезла их из школы.

Он взглянул на часы и с изумлением обнаружил, что уже полпятого и солнце близится к закату. Просидел здесь целый день. Опять печатал? Никакого понятия.

Уайли прислушался. Келси взахлеб рассказывала матери, как на уроке у них было задание «покажи и объясни» и что кто-то из детей изображал из себя змею. Ник уже поднимался по лестнице на второй этаж, всюю топая ногами.

Затем наступило молчание. А затем появились слова — шепот, крики, мольбы из другой вселенной.

Это Мартин. Разговаривает сам с собой, и Уайли знал почему. Бедолага сидел дома и уговаривал себя не ходить за семьей.

Сейчас он плакал в голос. Мартин был самым несчастным из всех людей, кого когда-либо знал Уайли.

ГЛАВА 5

БУНКЕР

3 декабря

Уайли смотрел в окно и видел деревья. Траву. Он отлично понимал, что находится очень далеко от городка Харроу.

Его тянуло вернуться к Мартину. Уайли чуть ли не физически ощущал бешеную круговерть его мыслей, одержимость поиском хоть какого-то решения... Сюда же примешивалось отчаянное желание схватить ружье и вышибить себе мозги, но Мартин не мог, не имел права так поступить, потому что предал бы тех, кого любил, — и сейчас страдал от безысходности.

Уайли сделал глубокий вдох, закрыл глаза и обнаружил, что находится на темном лугу возле опушки соснового леса. У самой земли виднелись отверстия каких-то вентиляционных шахт, откуда исходил негромкий гул. Из лесной тени, настороженно поводя ушами, показались два лося.

Тут он решил, что, по-видимому, знает, где очутился. Стало быть, Мартин все же последовал за семьей. Наверное, нагрузил машину продуктами, водой и отправился через поля и леса родного Канзаса. Итак, Уайли в двойнике Канзаса.

Так, секунду. Очень уж здесь тихо и... жутковато? Да, гадкое, противное чувство, от которого ползут мурашки. Лоси тоже вели себя беспокойно, потряхивали хвостами, их крупные глаза пугливо косились.

Спускалась ночь, западный горизонт затянуло тучами... и в них мерцали вспышки. Мрачное напоминание о дисках.

Внезапно он очутился совсем в другом месте, не на лугу, а в длинном сером коридоре, освещенном затянутыми в сетчатые колпаки лампочками. От стен исходил приглушенный рокот.

Послышались чьи-то торопливые шаги, и через секунду из-за угла вынырнул человек в военной форме. Генерал Ал Норт спешил по тоннелю, явно проложенному в некоем военном бункере. Когда он приблизился, Уайли смог разглядеть его поподробнее: лицо блестело от пота, а глаза — серо-стальные и полные решимости, когда он был в Вашингтоне, — сейчас шарили по сторонам с крысиной подозрительностью.

Получается, он выжил при нападении. Интересно, что произошло? В конце концов, Вашингтон попал под удар одним из первых.

Норт ворвался в кабинет Тома Самсона.

— Президент об этом знает? — крикнул он, швыряя скомканный листок на стол своего прямого начальника.

— Что ты себе позволяешь?

— Ты велел им собираться? Вместе собираться, целыми общинами?! Ты спятил?

— Да я тебя...

— Мне плевать на твои угрозы. Том, ты серьезно вляпался. Тебя нельзя было назначать, сам знаешь, но вот это... это уже не просто профнепригодность. Это смахивает на измену, и я требую объяснений, которые меня удовлетворят — или я вас арестую, генерал!

— Ты? У тебя нет на это власти.

— Идет война. Связь с высшим командованием нарушена, а посему...

— Президент Соединенных Штатов находится через две комнаты отсюда.

— Зато у меня пистолет с собой, а у тебя нет. И я не моргнув глазом тебя пристрелю, если ты не объяснишь свои чертовы листовки... Сколько людей их получили?

— К великому сожалению, слишком мало, коль скоро я вынужден рассылать их с попутными грузовиками, разбрасывать с дирижаблей и самолетов малой авиации и надеяться на сарафанное радио.

— Хорошо, зайду с другого конца. Три часа назад мы получили сообщение из Форт-Рили: прошлой ночью целая группа небольших населенных пунктов к северо-западу от Топики подверглись жесточайшему налету. У них были твои листовки. Люди собрались в церквях, и сейчас восемь из десяти превратились в умалишенных бродяг. Спасибо тебе, Том, большое. Благодарю тебя от их имени, от имени разбитых семей и страны в целом... Откуда вообще взялась эта канзасская операция? С какой стати ты решил засыпать их листовками? Ты знал, что округ Лотнер подвергнется нападению?

— Конечно, нет.

— Ну разумеется. Потому что ты их сам и выбрал. Два дня назад ты приказал одному из дирижаблей сделать облет этой территории.

— Стандартная процедура. Обычное патрулирование с воздуха.

— Вот как? А почему не было облета Топики? Почему Канзас-Сити остался в стороне? Нет-нет, ты намеренно послал дирижабль именно в этот крохотный округ... Я обязан спросить, Том: на чьей ты стороне?

— Не будь кретином!

— Командование войсками дезорганизовано, иерархическая линия полетела в тартарары в дыму и пламени. Повсеместно, по всему миру. Диски регулярно устраивают набеги на наши военные базы, дезертиров десятки тысяч... Нам конец.

— У нас есть оружие.

— Какое? Бомбардировщики? Ядерные посылочки вроде той, которая ни черта не сделала линзе на острове Пасхи? Замечательный вышел фейерверк! Мы им на голову водородный заряд, а они в ответ на это в сотню раз увеличили свою активность. Так что не удивляйся, если я про твое пресловутое оружие и знать ничего не хочу.

— Ничего, придет время — захочешь.

Норт взял в руку листовку:

— Зато меня очень интересует вот это.

— Господи... Тебе хоть раз говорили, какая ты заноза в мягком месте?

— Вот и расскажи мне.

— Ал, твои высосанные из пальца обвинения — прямое нарушение воинской дисциплины. За одно только упоминание о Канзасе тебя следует отправить в Левенуэрт.

Не проще было бы вытащить пистолет и застрелить Самсона? Что скажет на это президент?

— Том, людям следовало прятаться, укрываться в местах, куда не проникает свет. Надо было заставить этих тварей разворачивать полномасштабную атаку, на которую требуется много времени. А мы знаем, что они всегда уходят с наступлением рассвета.

— Рыбы сбиваются в косяки потому, что доля выживших при нападении хищников на любую крупную популяцию выше, нежели в случае разрозненных экземпляров. То же самое распространяется и на травоядных, которые всегда держатся стадом. А в текущих обстоятельствах, друг мой, люди ничем не отличаются от животных.

— Это решать президенту.

— Мы самым интенсивным образом распространяем листовки, и эта операция будет продолжена. Ты знаешь, откуда такой интерес к округу Лотнер?

— Нет, не знаю.

— Там живет тот самый археолог, твой дружок. И могу тебя заверить, что они хотят его убрать. Перманентно.

— «Они»? Мне известно про линзы, которые каждую ночь выбрасывают тучи дисков. А что такое «они»?

— Кто-то стоит за всеми этими линзами и дисками, можешь не сомневаться. Твой археолог находится в опасности, потому что он парень сообразительный и многое знает о прошлом. Не исключено, что он сумеет нащупать уязвимое место врага. Они это понимают и устроили на него охоту.

— Так они добились своего?

— В округе царит хаос, связи нет.

— Неудивительно.

— Ты по-прежнему готов меня застрелить?

Ал отмолчался.

— В таком случае советую проявить уважение к моей должности. Согласно уставу, включая отдавание чести и обращение «сэр».

Криво улыбаясь, Ал потряс головой.

— Выполнять. Я приказываю.

Они уставились друг на друга. Ал упорно отказывался отдавать честь.

— Послушай. Я просто делаю свою работу. По мере сил и возможностей. В самых худших обстоятельствах, с которыми когда-либо сталкивался американский генерал.

Очень медленно, словно рука отказывалась подчиняться, Ал поднес ладонь к виску.

— Да, сэр.

— О'кей. У меня сейчас совещание с президентом, и я хочу, чтобы ты присутствовал.

Это настолько поразило Норта, что он чуть не поперхнулся. Все шло к тому, что его отправят, скажем, в Диего-Гарсия заведовать складом горюче-смазочных материалов. Если, конечно, Диего-Гарсия еще существует вместе с военной базой, не говоря уже про топливо.

Сейчас, однако, он получил настоящий подарок: возможность лицом к лицу встретиться с президентом. В обычной ситуации для этого требовался вызов сверху, да и настроение Уэйда было таким, что на игру в сквош рассчитывать не приходилось. Хотя, конечно, здесь есть приличный корт, Ал сам его видел, когда они только-только сюда прибыли. В те первые часы все было очень интересно и увлекательно, они собирались забросать ублюдков ядерными бомбами, превратить их в клубы светящейся пыли, а затем вернуться домой с триумфальной победой...

Шагая по коридору, Том положил руку ему на плечо.

— Мы не друзья, — произнес он.

— Так точно, сэр.

— Однако свои личные разногласия мы должны отложить в сторону. Идет война, и ситуация крайне сложная. Предстоит услышать доклад, который наверняка тебя расстроит. С другой стороны, не исключено, что в нем удастся увидеть и луч надежды. А теперь главное: на совещании соблюдай строгую воинскую дисциплину. Президент спросит твое мнение. Оно будет полностью совпадать с моим.

— Да, сэр.

Норт понимал, что именно так и нужно, и всем сердцем надеялся, что Том прав. Впрочем, история насчет скопления людей до сих пор выглядела подозрительно и пахла диверсией.

Они миновали приемную. Никакой вычурной мебели — это место создали исключительно для работы. Если президент находился здесь, то можно быть уверенным, что дела идут

катастрофически плохо. Вдоль коридора выстроились вооруженные автоматами агенты спецслужб. Молодые люди, чей мрачный взгляд ни на секунду не отрывался от проходивших мимо генералов. Злые, горькие глаза. Семьи большинства этих парней проживали в городках типа Арлингтон или Бетесда, которые на протяжении целой недели подвергались нападениям, и теперь все автотрассы в тех районах были забиты машинами беженцев.

Тот, кто стоял за вторжением, хорошо знал свое дело. Если разрушить организационную структуру врага, то тем самым будут нейтрализованы его боевые возможности.

Здесь, разумеется, свет не представлял никакой угрозы.

Конечно, Ал знал, что есть множество корпоративных и частных убежищ, не говоря уже про правительственные бункеры, разбросанные по всей планете, однако сейчас, когда пожгли спутники на орбите, а подавляющее большинство наземных станций были настолько перегружены атмосферным шумом, что выходили из строя одна за другой, практически единственным каналом связи стали курьеры — да и то они могли передвигаться лишь в светлое время суток.

Генералы вошли в президентский кабинет, и Ал был потрясен увиденным. Президент похудел, наверное, на полсотни фунтов. Глаза его выглядели темными, мрачными пятнами, как у загнанного в ловушку животного.

Сам он производил впечатление дворняжки, которую живодер собрался сунуть в клетку.

Президент вскинул голову, и выражение тоскливой муки немедленно сменилось кривой улыбкой. Сейчас он напоминал торговца поддержанными автомобилями, который уже не знает, как и о чем дальше врать.

— Извините, — сказал он, показывая на разложенные бумаги. — Подписываю смертные приговоры. Дела дезертиров, целые сотни.

— Вы дали команду на расстрелы, сэр?

— Ал, сделайте одолжение, зовите меня просто Джимми... Да, так вот. А что мне остается? Это все с подачи ЦРУ, даже не

минобороны. Нет у нас больше минобороны... И Бо Уолдо куда-то пропал. Что у меня за работники такие, я вас спрашиваю?

Он раздраженно смял лист бумаги и швырнул его в сторону.

— У людей руки чешутся, лишь бы кого-то убить...

— Я слышал, Уолдо со своими людьми остался в Мериленде, — произнес Том. — Причем не в подземном бункере, а на поверхности... Черт возьми, что это?

Все уставились вверх. От потолка исходил низкий, но достаточно громкий звук, мешавший разговору.

— Напишите рекламацию строителям, — кисло посоветовал президент. — А если хотите настоящий сюрприз, попробуйте разок спустить воду в моем унитазе. — Он вздохнул. — Эх, кто бы мне сказал, где моя жена и дети... А вам известно что-нибудь про свои семьи?

— Ее нет, Джимми... давно уже, — сказал Ал. Сисси умерла, когда он был еще младшим офицером и мотался с одной военной базы на другую. Второго брака не последовало. Ни к чему. Военно-воздушные силы заменили ему и жену, и детей, и любовницу — и много-много чего еще. Что касается физиологических потребностей, то он удовлетворял их в одиночку, на монастырский манер.

— У меня нет сведений о местонахождении моей супруги, — посетовал Том.

Удивительно. Ал работал с ним уже давно, но лишь сейчас узнал, что генерал Самсон, оказывается, женат. Впрочем, для подобных разговоров и повода не было. Если вдуматься, они ни разу не сыграли дружескую партию в гольф или хотя бы в сквош... даже не выпивали. Том вообще, наверное, не пьет. Ведь наркоманы не пьют?

Вновь раздался тот же звук, на сей раз ниже и не в потолке, а где-то в стене.

Президент поднялся с кресла.

— Вы как думаете, это нормальное явление?

— Канализация, — сухо произнес Том. — А теперь, с вашего разрешения, хотелось бы поговорить о делах. Мне нужен этот археолог, Мартин Уинтерс. И многие другие, кто

обладает знаниями о глубоком прошлом. Я подготовил список. Грэхем Ханкок, Уильям Генри, Лорпенс Гарднер, Джон Дженкинс — те ведущие эксперты, чьи взгляды раньше считались ошибочными. Их надо разыскать.

Президент подошел к стене, приложил к ней ладонь.

— Горячая, — задумчиво пробормотал он. — Такого не должно быть.

— Вызовем охрану? — предложил Ал.

Генерал Самсон подарил ему взгляд, красноречиво говоривший о том, что Норт только что переступил границы. Подал голос без разрешения.

— Я пришел к выводу, что нынешние события каким-то образом связаны с далеким прошлым, — продолжил Том.

— Это не новость! — раздраженно бросил президент. — Дайте мне то, с чем бы я мог работать! И не надо больше испрашивать у меня разрешений. Том, мне наплевать, с кем вы будете говорить, — главное, спасите наши задницы! Господи милосердный, министерство нацбезопасности — вернее, те рожки да ножки, которые от него остались, — заявляет мне, что каждую ночь мы теряем полмиллиона человек. И это только в Соединенных Штатах! Умалишенные бродяги... хотя, конечно, настоящими бродягами их тоже не назовешь. Они идут в три строго определенных места: северная Невада, центральная Небраска и северная Индиана. И я вас спрашиваю — почему? Как вы думаете, Ал, есть смысл задаться таким вопросом?

— Так точно, сэр!

— «Так точно, сэр»... ФБР развалилось, и у нас остается что? Правильно, только военная разведка. И вот, друзья мои, я вас спрашиваю: хоть какие-нибудь ресурсы в вашей системе остались?

— Остались, — сказал Ал.

— О, замечательно! В таком случае будьте любезны обеспечить меня сводками.

Он издал короткий смешок и вновь стал похож на побитую дворняжку, которая решила наконец огрызнуться всерьез.

— Или посоветуйте им собраться в кучку вокруг нашей последней ядерной бомбы и нажать кнопку. А чего оттягивать? Говорят, долгая ходьба утомляет ноги.

Из ящика стола президент извлек именной «кольт» сорок пятого калибра с серебряными щечками. Положил его на столешницу.

— Ребята, вы представляете, что значит сейчас быть беременной? Там, снаружи? — Он всосал воздух сквозь стиснутые зубы, и его лицо до такой степени налилось кровью, что Ал заподозрил апоплексический удар. — Насколько же наша жизнь была замечательной, а мы этого даже не замечали. Вопли, интриги, деньги... Господи, деньги! И что в результате? Я пришел к выводу, что один-единственный кленовый листик значит больше, чем все, чем мы занимались. Ребенок смотрит на листик и хлопает в ладоши, потому что раньше он был зелененький, а теперь красненький...

— Господин президент...

— Да-да, конечно, Том, я спятил. А в нашей ситуации сумасшествие и есть форма здравомыслия. Милли, крошка моя, неужели ты тоже идешь сейчас по темной дороге? О, Милли... Да, ребята, сорок четыре года рука об руку. Отдала все. Все, что у нее было. И я даже боюсь подумать о Марке. Бедный мой сын... — Он взял пистолет. — Джентльмены, не хотите ли присоединиться и попробовать пулю на вкус?

— Господин президент!

— Альфред, а знаете, вы самый симпатичный человек из всех. — Он рассмеялся. — Вот почему я отдал вашу должность мерзавцу. У него получится, он у нас ублюдок хладнокровный. А вам, Ал, достался только окурочек от жизни. Опоздали, нет больше места для хороших людей. — Президент вздохнул. — «Что за чудище, дождавшись часа, ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме...» Мой двоюродный дедушка лично знал Йитса. Представляете, приехал в Дублин и запросто постучался в его дверь. О Боже, какой голос был у человека! Голос Йитса!

Он расплакался, и Ал закусил губу.

Неожиданно послышался новый звук, нечто вроде гоготанья. Очень странный звук, очень необычный; Ал сразу понял, что никто на Земле не слышал его раньше — во всяком случае, не в этом историческом цикле.

Голова президента резко дернулась влево. Он устоял на стену. Затем повернулся, и в его глазах можно было отчетливо прочитать мольбу: «Почему?!»

По непонятной причине Уэйд адресовал этот вопрос Тому. Но с какой стати вызывать к генералу Самсону, ведь он был всего лишь подчиненным...

Затем случилось нечто вовсе удивительное. Должно быть, с таким же изумлением ацтеки встречали испанских конквистадоров, прибывших верхом на лошадях. На глазах Ала в комнате появилась вещь, которой попросту неоткуда было взяться, разве что из звука, который по-прежнему доносился из глубины стены. Ал не мог решить, на что это похоже: некая скорлупа, причем настолько черная, что впитывала в себя свет. То ли машина на гигантских ногах, то ли исполинский паук. Вещица в духе тех ужасов, которые вылезают из шкафа, когда тебе четыре годика, и пропадают вместе с детством.

Донеслись слова — *Agnus dei*, Агнец Божий, — прозвучавшие до того ясно и чисто, что должны были исходить от самого возвышенного, далекого и неизъяснимого из всех голосов. Уэйд поднялся со стула как марионетка.

— ...*qui tollis peccata mundi*, — прошептал президент, — ...уносящий прегрешения мира.

Выстрел прозвучал выдохом Сатаны, чья свирепость заставила Ала вскрикнуть; грохот был настолько силен, что бетонные перекрытия бункера, казалось, едва не рухнули.

Он успел подхватить тело. От президента пахло сырым мясом, левое веко трепетало крылом недобитой мухи.

Комната заполнилась агентами секретной службы. Один из них вскинул автомат на Тома, который стоял совершенно невозмутимо и даже вроде бы чуть-чуть улыбался. Генерал ни малейшего внимания не обратил на этого парня, так же, как и на прочих телохранителей.

— Ал, у меня для вас поручение, — сказал он. — Хватит нянчиться с трупом, вы отправляетесь немедленно.

Ал положил президента — Джимми — на тонкий палас и вытянул руки по швам.

— Слушаюсь, сэр, — ответил он и отдал честь своему командиру, ныне лидеру свободного мира.

ГЛАВА 6

ВНЕ ЗАКОНА

3 декабря

Мартин гнал джип, не обращая внимания на глухие удары под колесами и скрежет стернины о днище. На востоке занимался оранжевый рассвет, означая тем самым, что совсем скоро погаснут огоньки последователей и он лишится шанса их нагнать — не исключено, что навсегда.

Прошлой ночью он вернулся из города, надеясь по дороге домой найти свою семью, однако ничего не вышло. Бродяги ушли в другую сторону. Их было много, очень много, даже больше, чем он думал. Семья затерялась где-то в этой толпе.

Мартин справился по компасу. Штурман из него был тот еще, однако поддерживать общее направление на северо-запад все же удавалось. Бродяги двигались строго по прямой, по крайней мере так говорили люди...

Поначалу, сразу после катастрофы, он пытался урезонить Линди, убедить ее остаться. Подхватил Уинни на руки и понес дочь к машине, получив в награду несколько укусов. Тревор вообще как сквозь землю провалился, что лишь усугубляло и без того крайнее беспокойство.

Тут и там раздавались крики, люди умоляли родственников не уходить, пытались привести их в чувство, каким-то образом пробудить...

С Третьей улицы колонна свернула к двум магазинам с заколоченными окнами. За домами тянулась Дубовая улица, затем пара-другая переулков, поля, выходившие на Коптящие холмы, затем многочисленные равнины, за которыми лежала уже Канада. И где-то на этом пути, чувствовал Мартин, находилось то, что припасла для них судьба.

Он торопливо вернулся к машине, сел за руль — и вдруг увидел Бобби.

— Эй, дружище, не вешай носа!

Мартин уставился на старого приятеля, словно их разделяла широкая черная река. Вот перед ним стоит человек, чья жизнь протекает на берегу, где не ведают горя. Он сморгнул слезы, однако когда Бобби просунул руку в окно и дружески похлопал Мартина по плечу, тот уже не сумел сдержаться. Бобби не отходил от него до тех пор, пока со стороны Дубовой улицы не послышались вопли, затем пара выстрелов. Кто-то из последователей застрелил бродягу, скорее всего в исполнение заранее данной клятвы. Обычное дело, которое не считалось преступлением.

— Схожу-ка проверю, — сказал Бобби. — А ты сиди здесь, понял? Потом к нам поедем.

Мартин подождал пару минут, потом все же завел мотор и направил машину в переулок. Впереди, среди невспаханных полей, посверкивал медленно передвигавшийся сгусток огоньков, понемногу теряясь в ночи. Оттуда доносились крики и плач. Через минуту-другую послышался одинокий высокий голос, полный того чувства, которое, предположил Мартин, называется верой — «...я пойду и долиною смертной тени...», — но тут же потерялся в порывах ветра и долгом громоухании, шедшем с запада.

Мартин решил не возвращаться к методистской церкви на Третьей улице. У него попросту не хватит сил смотреть на счастливиц Чалмерз.

Вместо этого он отправился в ночь, к Коптящим холмам. Здесь ему была знакома каждая пядь, здесь он жил. Мальчишкой ходил на охоту с отцом, приносил домой диких индеек, а порой и белохвостого оленя — дары той земли, на которой

построил свой дом. Впрочем, он уже давно не охотился, по большей части оттого, что Тревору это было неинтересно. Сын предпочитал высокое искусство рыбной ловли; буквально в позапрошлую субботу они ездили на реку Канзас, ловили сомов на кусочки форели, и очень даже неплохо получилось — если, конечно, оставить в стороне мнение Линди и Уинни, которые считали за блажь расходовать форель на сомов, но женщины есть женщины и... о, проклятие!

Мартину пришлось притормозить, потому что глаза опять застили слезы.

К моменту возвращения домой он и сам понимал, что переживает серьезный психический шок. Необходима медпомощь. Однако Уиллерсон был единственным врачом в городе, и разве он не ушел вместе с бродягами?

Мартин бродил по дому как привидение, то в одну комнату зайдет, то в другую. Подержал в руках любимую мягкую игрушку дочери — слоника, которого Уинни окрестила почему-то Грубияном... Уткнул лицо в подушку Тревора... И в конце концов очутился на семейном ложе, накрыв голову ночной рубашкой Линди. Так он пролежал до самого утра.

Солнце двигалось к полудню, когда кто-то позвонил в дверь. Жена Бобби Чалмерза. Роза держала в руке судок вроде тех, которыми пользуются в столовых для бездомных.

— Мы организовали городской комитет. Собираем последователей, чтобы идти вслед за... ну, вы понимаете. Приглашаем и вас. С собой надо взять еду, воду... Кое-кто намерен пройти за ними до самого конца.

— А известно, где они сейчас находятся?

— Мы выслали вперед Хелен с рацией. Говорит, что они в двадцати милях от города, движутся со скоростью три мили в час. Их опередили бродяги из Холкомба. Похоже, группы соединятся к полудню, и тогда общим счетом их станет около двух тысяч человек.

— Две тысячи?!

— Милый мой, в нашем Харроу осталось всего-навсего восемнадцать целых семей. И ни одного человека в Холкомбе.

Бобби туда ездил и говорит, что не нашел ни единой живой души. — Она помолчала. — Ходят слухи, что начала пропадать молодежь. Из тех, у кого ушли родители. Малышня осталась, а многие подростки — от пятнадцати лет и старше — куда-то делись. Мы их найти не можем. Точно известно, что они не превращались в бродяг, но сейчас попросту исчезли.

Очередная неизвестность. Очередной ворох ледяных, пугающих мыслей.

Рози помогла ему нагрузить джип теми припасами, что нашлись в доме. Любая съедобная вещь, любая пригодная для питья жидкость — все пошло в дело. Шестибаночная упаковка газировки «Доктор Пеппер», два пучка салатного сельдерея, пиво, молоко, галеты, апельсиновый и клюквенно-яблочный сок («клюкяб», как его называл Тревор), соевое молоко (которое обожала Уинни), все пачки с хлопьями для завтрака, готовые блюда для микроволновки — словом, все подряд, даже тесто для оладий из морозильника. При виде улыбающегося пекаренка Пилсбери на полуизрасходованной коробке Мартина прошибли злые слезы.

Он выехал сразу после полудня, добрался сначала до холмбовского перекрестка, затем свернул в поля. Несколько часов ушло на безрезультатные зигзаги — в виду ни единого человечка. Расстроенный, раздраженный и испуганный, он все глубже топил педаль газа, рыская по жнивью, сворачивая на проселочные грунтовки, однако за все время не увидел никого: ни бродяг, ни последователей, ни просто местных жителей.

И вот сейчас солнце клонится к закату, а бензина осталось едва ли с четверть бака. Приглядевшись, Мартин понял, что попал на участок Деннисов, одну из ферм, которые угодили под удар перед налетом на Харроу. Он был знаком с этим семейством и решил заехать, позаимствовать горючее. У них обязательно должен быть запас для тракторов. Когда он наконец отыскал топливораздаточный стояк, выяснилось, что насос не работает. Чертыхнувшись, Мартин обогнул сарай, нашел дизель-генератор, запустил его, вернулся — и топливо

охотно полилось. Пока бак заполнялся, Мартин смотрел на темный молчаливый дом.

Выключив насос и генератор, он уже собирался садиться вджип, как вдруг ему показалось, будто что-то чавкнуло. Пришлось идти к дому, только очень медленно, потому что Мартин не знал, чего следует ожидать. Деннисы вырастили десяток детей, но все они уехали, превратились в адвокатов, врачей, корпоративных руководителей и так далее — лишь бы держаться подальше от фермерства.

Вновь раздался звук, какое-то механическое гоготанье. Доносится из дома? Не обязательно. Может быть, из-за угла?

— Эй? Есть кто-нибудь?

Звук повторился, на этот раз более отчетливо, и Мартин сообразил, что слышит его с двух сторон: с севера, из-за низкого холма, который отделял дом от полей, и со стороны мелкого ручья.

Создавалось впечатление, будто два грязных извращенца смеются над его горем.

— Эй, люди!

В небе что-то стремительно прошелестело. Он тут же вскинул голову. Надвигалась туча, черная, как тушь.

Рот мгновенно пересох, сердце заработало в странном, диковатом ритме, выдающем нарастающий страх. Мартин бегом кинулся к машине, заскочил внутрь и заблокировал все дверцы. Поди разбери, что или кто может здесь находиться. Может статься, даже пришельцы — закулисные архитекторы нынешних событий. Как там выразился один ученый? «Когда появятся инопланетяне, своей странностью они превзойдут любые наши ожидания». Или что-то в этом духе. Существа из параллельной вселенной вообще, наверное, ни на что не похожи... а может, ровно наоборот: до удивления привычны.

Он как можно быстрее покинул ферму, стараясь все же придерживать северо-западного направления. Подпрыгивая на бороздах, машина неслась по жнивью в клубах пыли. Мартин не раз ездил этой дорогой, чтобы купить индейку ко Дню благодарения, и при виде старика Денниса, занятого

уборкой урожая, в голову приходили невеселые мысли о том, что никто из местных детей не желал продолжить семейную традицию. Кое-кто поговаривал, что Деннисы собираются продать ферму и переехать во Флориду, хотя сам он был уверен, что старшее поколение так и умрет на своей земле.

Солнце скользнуло за облака, и наступившая ночь принесла с собой такую безысходность одиночества, что для Мартина она стала чуть ли не новым видом человеческой эмоции.

Он ехал практически наугад, хотя и старался соблюдать общее направление на северо-северо-запад.

Через некоторое время на горизонте появилось сияние, но Мартин не сразу догадался, что это свет от чьих-то автомобильных фар. Он остановил джип, вышел и залез на крышу кузова. Впереди, на расстоянии двух миль, медленно двигался сгусток огоньков: легковые машины и грузовички последователей. Конечно, не из Холкомба, потому что всех его жителей лишили души. «Получается, мы имеем дело с контингентом из Харроу».

Где-то там должна быть Линди... его родная Линди, а с ней Уинни и, может статься, даже Тревор. Мартин вновь посмотрел в черное небо. Что, если он вспоминает мертвых и души родных людей сейчас находятся в каком-то лучшем мире?

Господи, спаси их и сохрани, Боже милосердный, если б только Ты был с нами, Ты нужен нам. Ты нужен нам...

Вздыхнув, он слез на землю и поехал дальше, но уже с включенными фарами, чтобы было легче заметить караван. А вот и они. Двигутся очень медленно, но это неудивительно. Через пару минут он оказался рядом с другими машинами. Впрочем, их было всего лишь пять. Похоже, бродяги потихоньку теряли своих последователей.

— Эй, собиратель черепков! — раздался чей-то голос. Из помятого «бьюика» Терпинов высовывалась женская голова.

— Хелен!

— Припасы захватили?

— А как же!

— Мой Рон обожает «Орео». У вас нет, случайно?

— Есть шоколадная смесь для домашних печений...

— Ладно, черт с ним, давайте смесь. Может, сгодится. Мне, кстати, давеча показалось, будто он признал свое любимое пойло. Есть надежда, что ему мозги-то промоет.

— А вы не встречали мою Линди?

Послышался другой голос:

— Видели, видели. Мы их даже покормили пару раз. А знаешь, Мартин, похоже, твоя дочка обожает соевое молоко.

Точно, так и есть!

Он обвел взглядом спины, выхваченные из темноты светом фар, но людей было слишком много, целая толпа... колонна, которая растянулась далеко вперед.

Мартин остановил джип и вылез. Схватил пакеты с соевым молоком и апельсиновым соком. Им нужно поддерживать силы, организму требуется жидкость... они наверняка находятся в состоянии психического шока, к тому же бредут не останавливаясь почти сутки.

— Вы там поаккуратней, не ровен час... — посоветовал кто-то из последователей.

Мартин углубился в сумрачную толпу.

— Уинни! — позвал он. — Соевое молоко, соевое молоко! Тревор Уинтерс, здесь папа! Я принес «клюкяб»!

Тут он увидел знакомую спину, знакомую шевелюру. Перешел на бег, расталкивая одышливые, спотыкающиеся фигуры. Куда они бредут, к смерти? Не лучше ли будет убить их сразу, сейчас, и избавить всех и каждого от мук?

— Линди! Линди!

Медленно повернулась чья-то голова, и Мартин увидел пустую ухмылку Берил Уолш, которая заведовала местным отделением банка. Он не стал останавливаться.

— Линди! Тревор! Уинни!

Вновь мелькнули знакомые волосы, и на этот раз Мартин был уверен, что это она.

— О, Линди! Это я! У меня машина, сейчас все поедem домой!

Он пошел с ней рядом. Да, это Линди, вот ее зеленые глаза, прямой и гордый нос. Линди с белокурыми локонами.

— Господи, наконец-то... Слава Богу, я тебя отыскал... — Мартин оглянулся по сторонам: — Где дети? Уинни! Где Уинни?

В ответ — ни взгляда и ни звука. Он выскочил перед ней, пошел спиной вперед.

— Линди, ты слышишь меня? Я спрашиваю, где дети?

Она продолжала идти, не меняя выражения лица. В отличие от многих других бродяг в ней не осталось даже слабоумной улыбки. Просто двигалась вперед. Как валькирия, сильная, физически крепкая женщина... из которой, пришло ему в голову, получится отличная рабыня.

А может, их заберут в другой мир, как в свое время это проделали работорговцы с жителями Африки... Вот что, должно быть, испытывали те, кто остался позади и смотрел вслед уходящим невольничьим судам. Раньше все это было для него лишь исторической хроникой, зато сейчас миллионы разлученных семей стали частью его сердца.

Вспомнилось еще кое-что. Нефилимы, загадочные исполины из Книги Бытия, что в древнеиудейском Священном Писании упоминаются под именем «падших»: ведь они уже поработали нас в добиблейские времена, не так ли? Да-да, превратили в рабов, а потом взяли и попросту исчезли. Тайна, покрытая мраком.

В последние годы, по мере того как накапливались результаты его исследований, Мартин все больше склонялся к гипотезе, что в далеком прошлом люди сталкивались с пришельцами, что и привело к катастрофе четырнадцать тысяч лет тому назад, когда строители великих каменных монументов словно сквозь землю провалились.

Может, произошла война или нечто, напоминавшее текущие события? И посему все эти люди направляются в какое-то далекое место, где их поджидает бог знает какая страшная судьба?

И тут — чудо из чудес — он заметил Уинни. Дочь в буквальном смысле ковыляла по дороге. Прихрамывала. Мар-

тин вскрикнул, подбежал к ней, подхватил и прижал лицо к хрупкому детскому тельцу. Тельце это подрагивало — потому что ноги продолжали двигаться. Девочка по-прежнему шла, только в воздухе, повиснув в отцовских руках.

Тогда он повернулся лицом к машинам и поставил ее на землю, как заводную ходячую куклу. Уинни сделала несколько шагов, а затем, словно подчиняясь какому-то внутреннему гироскопу, резко развернулась и присоединилась к остальным бродягам. Мартин двинулся следом.

— Лапочка, смотри, что я тебе принес, — сказал он, на ходу вытаскивая из кармана пакет с соевым молоком.

Дочь молча взяла предложенный напиток и осушила все до капли.

— Спасибо, — прошептал он, — спасибо...

Затем он поднял голову и выкрикнул:

— Тревор! Тревор Уинтерс! Папа пришел! И принес «клюкяб»! Ты слышишь? «Клюкяб»!

Горло перехватило, пришлось остановиться и взять себя в руки. Через секунду Мартин закричал снова:

— Тревор Уинтерс! Тревор Уинтерс!

Он сновал в толпе, выискивая сына. Внезапно по глазам ударил яркий свет.

— Мартин!

— А? Что?!

— Успокойтесь, это Джордж Матьюз, сантехник. Помните меня?

— Да-да, конечно... Господи...

— Тревора ищете?

— Ну да. Сейчас вот Уинни нашел, дал ей попить.

— Это уже не Уинни. И Тревора тут нет.

— Нет?

— Я к тому, что он не ушел с бродягами.

Мартин вцепился мужчине в плечи.

— Джордж, вы уверены?!

— Здесь что-то другое. Дети пропали.

— Что значит пропали? Что с ними? Они в порядке?

Джордж взглянул ему в глаза:

— Откуда ж я знаю? Жена моя здесь, а вот дочери нет.

— Но вы уверены? Вы точно уверены, что Тревор не здесь?

— Сейчас никто и ни в чем не уверен. Но я с этой группой провел целый день, тут моя Молли. И Линди с Уинни я видел много раз, но вашего сына тут нет. Не видел я его, в смысле после церкви... Он направлялся в сторону Коптящих холмов, и с ним была моя дочурка, да еще несколько школьников. Говорю вам, он не бродяга.

Мартин бросил взгляд на свой джип — пожалуй, стоит вернуться к дому, — и в эту секунду на машины последователь обрушился плотный столб света.

— Боже милосердный... — прошептал он.

Джордж тоже это увидел, замер на мгновение и бросился бегом в сторону колонны, которая продолжала мерно двигаться вперед, ни на что не обращая внимания. Мартин дернулся было за ним, однако сверху прилетело золотое копьё, пронзило Джорджа, и тот вспыхнул мерцающим облаком, после чего перешел на такой же неторопливый шаг, присоединяясь к остальным бродягам.

Сработало как по щелчку пальцев. Мартин усилием воли запретил себе бежать, вместо этого постарался прикинуться таким же умалишенным, затесаться в толпе. Вот и Линди. Он пошел рядом, как во время прогулки. Вопли за спиной дали понять, что свет «перестрелял» прочих последователей. Любовь и сострадание привели их в ловушку.

Через несколько минут на его глазах упала Уинни. Девочка вскрикнула от боли, но Мартин продолжал идти, хотя сердце и душа рвались из тела от невозможности помочь собственной дочери.

Бродяги несколько не замедлили шаг. Приглядевшись внимательнее, Мартин заметил, что кое-где падают люди. Остальная толпа просто шла по ним.

Жестокий — и эффективный — процесс селекции, подумал он. Только сильные преодолеют путь, и вполне очевидно, что требовались как раз крепкие рабы. Над головой он

вновь услышал стремительный шелест. Какая-нибудь совасипуха увязалась за ними? Нет, конечно. Совы летают неслышно...

Где-то слева, в полусотне шагов впереди, метнулась скачущая тень. Вопль, фарш из слов, причитаний и мольб, визг — затем одно лишь натужное кряхтенье. Проходя мимо этого места, Мартин не повернул головы, просто продолжал двигаться дальше. Последние звуки человеческого голоса сменились тем странным, хотя и знакомым механическим гоготом, который он слышал возле фермы Деннисов. Вскоре все стихло.

Он понимал, что до Линди ему не достучаться, а Уинни... Уинни наверняка осталась позади. Мартин, некогда либеральный интеллеktуал, позабыл прежние псевдофилософские рассуждения о Боге и теперь просто творил Иисусову молитву, повторяя ее вновь и вновь. Он знал ее из любимой книги Линди, «Фрэнни и Зуи» Сэлинджера, который, в свою очередь, взял ее из «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу»: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

В щедром величии кружили над головой звезды, а Мартин брел и брел, подчиняясь ритму беспрестанных повторений. Порой сверху падал луч и вырывал душу из очередного последователя, затесавшегося в толпу.

Ритм помогал переставлять ноги, но все же часа через два стало ясно, что он не может сохранять скорость ходьбы. Шептальная молитва ушла в подсознание, и Мартин уже прикидывал свои шансы выжить, когда откуда-то издалека донесся человеческий голос, но с гулким, электронным оттенком. Он прислушался, пригляделся — и с изумлением обнаружил источник. На обочине, по ходу колонны, стоял полицейский автокар с включенным проблесковым фонарем, а рядом — его хозяин, одинокий полисмен. Мужчина поднес к губам мегафон:

— Вы вторглись на территорию природного заказника. Немедленно вернитесь на шоссе. Дамы и господа, вы вторглись...

Из облака высунулся светящийся язык и облизнул блюстителя порядка. На краткий миг вокруг полисмена вспыхнула прелестная россыпь крошечных звездочек. С этого рассто-

яния было прекрасно видно, как свет в буквальном смысле вырывает душу из тела. В голову Мартина пришла мысль, что душа людская является поистине микрокосмом, ибо все эти упорхнувшие в забвение звездочки были воспоминаниями, мечтами и надеждами несчастного патрульного. Мужчина выронил мегафон и повернулся лицом к северо-западу.

Мартин достиг критической точки. Идти дальше не получается, надо остановиться. Альтернативы нет. Он и так уже порядочно отстал, но ничего не мог с этим поделать.

— Прощай, Линди, любовь моя, — сказал Мартин в глубинах своего сердца. — Прощай, душа Линди, где бы ты ни находилась, и да примет Господь тебя в лоно Свое... Крошка моя Уинни, бедная девочка, ты даже жизни не видела...

С этими словами он рухнул ничком, как это делали обессиленные бродяги. Глаза закрывать не стал, а просто уставился в землю.

Спустя недолгое время мимо него перестали проходить люди. Он продолжал лежать. Призывно просвиристела какая-то ночная птица. А потом — все громче и громче — начало доноситься знакомое гоготанье. Такое впечатление, что подлетает стая диких гусей.

Чужаки. Наверняка. Этот звук — визитная карточка тех неуловимых пришельцев, что сейчас следуют за людским стадом. Погонщики. Ковбой.

Что-то тяжелое придавило ему спину. В следующий миг какая-то острая штука, прорвав джинсы, вонзилась в бедро. Дикой болью свело мышцы, но Мартин заставил себя не двигаться.

Через секунду все кончилось, и краешком глаза он заметил, что возле лица на землю опустилось подобие членистой лапы, как у насекомого. Еще одна лапа перемахнула через его распластанное тело, затем гоготанье переместилось вперед, а вместе с ним ушел и шелестящий звук, который все время сопровождал их с неба...

Кругом разлился могучий свет. Мартина охватил невероятный гнев от сознания полного поражения, потянуло коснуть-

ся этого света, узнать наконец, на что это похоже, когда ты теряешь собственную душу. Ты уходишь вместе с ней или остаешься в теле?.. или, пришло ему в голову, попросту исчезаешь?

В ухо ткнулся чей-то нос. Принюхивается. Появился новый запах, причем знакомый. Мартин открыл глаза, чуть-чуть повернул голову и обнаружил, что прямо в лицо ему смотрит здоровенный скунс.

Изумление вышло обоюдным, и зверек задрал хвост, готовясь обдать едкой струей. Мартин тут же перекатился в сторону, вихрем сорвался с места и помчался не разбирая дороги. Скунс, в свою очередь, тоже бросился наутек, подпрыгивая мячиком в золотистых лучах — да только, оказывается, свет этот нес с собой не смерть, а зарю.

Да, наступил рассвет. Солнце лежало еще очень низко, прямо на горизонте, но при этом сияло так чисто, что — конечно же! — правы были древние египтяне, приписывая ему божественность. Мартин повернулся лицом к светилу и преклонил колени, как перед ликом Господним.

На обратном пути к джипу он обшаривал длинные неглубокие рытвины и складки местности, надеясь увидеть тело Уинни — жалкий брошенный комочек, ворох одежды на бескрайней прерии.

Вместо этого он нашел чужой окровавленный труп. Не просто упавший бродяга, с этим человеком сотворили нечто особенно жестокое. Мартин присмотрелся. Похоже на школьную курточку... Очень гладкая кожа на кистях рук... Да это же подросток! Он перевернул его на спину — и с криком отпрыгнул в сторону, поняв наконец, во что тот превратился.

Спohватившись, Мартин зажал рот рукой. Свет пришельцев не появлялся в течение дня — по-видимому, он терял свою эффективность на солнце, — однако, как выяснилось, у них имеются многие другие возможности, и Мартин не был уверен, что они ведут исключительно ночной образ жизни.

Наверное, этому мальчику не больше пятнадцати-шестнадцати лет. Изуродован он был страшно. Губы исчезли, из разверстого рта кто-то вырвал язык. Глаза тоже отсутствова-

ли, а нижняя часть туловища была залита кровью. Мартин не рискнул приглядываться, но создавалось впечатление, что подростка к тому же кастрировали.

Он заставил себя расстегнуть рубашку на трупе и искал знакомую родинку, которая означала бы, что он нашел сына.

На посеревшей коже ни единого пятнышка.

Мартин выпрямился и пошел было прочь, но через несколько шагов вернулся и поднял несчастные останки на руки. Отнес тело на другой конец поля, к пустому хозяйственному двору, и положил труп на крыльцо.

— Эй! Кто-нибудь?

Ни звука в ответ. Мартин зашел в дом, отыскал в холодильнике яйца, разбил подряд шесть штук прямо в рот. Съел также кусок сыра и обгрыз пучок салата. От теплого грейпфрутового сока его чуть не вырвало.

После этого он пошел дальше и не останавливался, пока солнце не поднялось и стало горячим. Радость, которую оно принесло даже самому подавленному из всех человеческих сердец, заставила его закрыть глаза и вскинуть лицо навстречу.

— Старый добрый друг, — прошептал он.

В скором времени Мартин нашел свой джип... и обнаружил, что двигатель до сих пор включен. Он прыгнул в кабину и выдернул ключ зажигания.

Весь бензин потратил! Идиот! Ну что за идиот!

Хотя постой-ка. Стрелка топливомера на волосок не дошла до красной черты, стало быть, еще что-то осталось, примерно на милю.

Он вернулся к дому, однако местный хозяин явно не был настоящим фермером, а просто баловался огородничеством, и поэтому запасов топлива не нашлось. Мартин забрался в джип, включил мотор и направился в сторону Харроу. Бензин кончился, когда городок уже показался в виду.

По дороге он высматривал ферму Деннисов, но безуспешно. Должно быть, слишком далеко углубился к востоку.

Через полчаса ходьбы Мартин наконец пересек последнее поле и перелез через последнюю изгородь. Впереди лежал

чей-то задний дворик. Он обогнул дом, оказался на подъездной дорожке — и увидел совершенно пустые улицы. Колыхание занавески в доме за спиной было единственным признаком, что здесь живут люди.

Он успел миновать банк, когда рядом притормозил знакомый автомобиль.

— Бобби!

Шериф просто сидел за рулем и молча разглядывал старого приятеля. Глаза его выглядели странно, и на секунду в голову Мартина пришла пугающая мысль.

— Бобби?..

— Чего?

— Как там... семейство?

Машина остановилась.

Господи, должно быть, прошлой ночью он потерял своих...

— Бобби, дружище... Они... тоже?..

Шериф молча покачал головой.

— А что тогда?

Бобби протянул ему листовку. Мартина чуть удар не хватил, когда он увидел собственную фотографию. Подпись гласила: «Объявлен вне закона. Имя: Мартин Тревор Уинтерс. Последний раз был замечен в районе округа Лотнер. Крайне опасен. Министерство национальной безопасности гарантирует вознаграждение в десять миллионов долларов любому, кто предъявит бесспорные доказательства его смерти».

Мартин поднял лицо, они встретились взглядами — и Бобби тут же отвел глаза. Но все можно было прочесть по лицу: это не розыгрыш.

— С полчаса назад такие листовки были разбросаны с воздуха.

— Погоди, я... Здесь какая-то ошибка!

— Дружище, ты знаешь, что я тебя люблю. Но работа есть работа, да и половина города уже охотится за твоей головой.

— Да что я наделал?! Почему такое?!

— Тут не написало, чего ты натворил, но все знают, что ты был в Египте, когда взорвалась пирамида, так что здесь

наверняка есть какая-то связь... и вот почему я объявляю, что ты арестован.

— Бобби...

— Права твои я зачитывать не буду. Ведь у нас военное положение, и все гражданские права отменены.

— Эй, послушай!

Но старый друг тут же нацепил на него наручники, отвез в участок и сунул в единственную имевшуюся там камеру, которую пришлось для этого освободить от коробок с архивами. Затем Бобби поехал в город, чтобы всем объявить об успешной поимке Мартина, после чего добрым жителям Харроу предстояло собраться в Первой Церкви Слова Христова и решить, как поступить со злодеем.

ГЛАВА 7

ЗАПАДНЯ

4 декабря

Уайли уставился на компьютерный экран. Проклятый кошмар явно вышел из-под контроля.

От психиатра он вернулся с твердым намерением стереть чертову писанину, но почему-то этого не сделал — и вот, пожалуйста, полюбуйте на результат. Дела с невероятной скоростью пошли из рук вон плохо. Уинни, наверное, погибла, а Тревор... Один Бог знает, что с ним приключилось. И вы только посмотрите на Мартина. Бедолага поджидает неминуемую смерть от рук своих же друзей.

Но проблема отнюдь не в одной несчастной семье. Поражал масштаб событий: целый мир подвергнулся разорению и уничтожению.

И мерзавец Самсон имел к этому непосредственное отношение. Ал Норт был прав: Том — предатель. Увы, по своей наивности он его не застрелил. Кретин. Н-да, генерал Норт,

вот вам урок: хорошие ребята отчего-то всегда прозревают последними...

Сейчас Уайли держал Си-эн-эн постоянно включенным, поджидая появление первых сообщений о загадочных событиях в сакральных местах своего собственного мира.

Пока что на Земле ничего особенного не происходило. Но как долго это будет продолжаться? «Чужаки о нашем существовании знают, иначе мы не видели бы пресловутые НЛО. Еще один толчок, — подозревал Уайли, — и они хлынут к нам. Пусть НАСА объявит, что летающие тарелки реально существуют. Пусть ВВС признаются, что не в состоянии объяснить кое-какие наблюдения, — бабах! — выскочат на поверхность растреклятые темные линзы, разнесут на куски четырнадцать сакральных построек с такой же легкостью, как они проделали это в двухлунном мире».

Когда он не занимался набивкой текста, то искал информацию и размышлял. Его мысли вращались вокруг смысла числа «четырнадцать». Это число Озириса, но также и число Иисуса, число воскресения. Семерка — это полная октава и полная жизнь. Четырнадцать — это жизнь и то, что находится за ее пределами. Это число цели человека, а именно проекции человеческого сознания в вечность. Озириса разрубили на четырнадцать частей. Крестный путь насчитывает четырнадцать стояний.

Уничтожьте человека, создайте человека.

Может быть, это справедливо также в отношении целых миров?

Уайли тяжело вздохнул. Что, утомился? Не то слово. Измотан, как никогда в жизни.

Вряд ли он даже близко может себе представить, через какие страдания проходит мир Мартина. К этому моменту каждый житель планеты, который еще не стал бродягой, потерял как минимум одного любимого человека. Размах горя поражал воображение. Потрясал.

Что он может об этом написать? Дескать, на глаза наворачиваются слезы, пересыхает во рту, а желудок заполняется огнем?

Описать такое не под силу даже великому романисту, а уж про Уайли и говорить не приходится.

Четырнадцать. Мысли упорно возвращались к этому числу. Имелось четырнадцать сакральных мест, чтобы позволить заново обрести то знание, которое сделает человека бессмертным. Гиза, Тассили, Ольянтайтамбо и так далее до острова Пасхи, Сукотаи, Персеполя и Петры, — для обретения знания, а также для защиты людей от собственного невежества.

В мире Мартина они потерпели неудачу. Припозднились — пусть даже чуточку. Он был близок к разгадке, но в недостаточной степени, во всяком случае, не во времени. Вот почему за ним охотился Самсон. Знание, которым Мартин обладал, было опасным до сих пор.

Сейчас наступил уже вечер — на этой Земле, на Земле Мартина и предположительно на всех Землях во всех вселенных, которые заполняли собой невообразимую небесную твердь — включая мир рептилий.

Его он еще не видел. Разве что кусочек, в ту самую ночь: почувствовал на себе хрупкие лапы монстров, оказался в их власти... над ним надругались...

Наверное, теперь он знает, зачем они это сделали. Им требовался рупор, через который можно будет о себе заявить. Только одна заковыка: не на того напали. В том смысле, что здесь надобен какой-нибудь нобелевский лауреат или великий политический лидер, а вовсе не романист, подвигающийся в жанре ужасов.

Что, съели? То-то же...

Веселые голоса за окном дали понять, что дела в его мире идут по-прежнему нормально, во всяком случае, в этом захолустье. Ник и Келси играли на улице. Брук возилась на первом этаже, готовя свое знаменитое тушеное мясо.

Сегодня ребяташки как-то особенно дружны, а ведь это случалось далеко не каждый день. И пусть дочери восемь, а сыну идет тринадцатый год, между ними до сих пор возникали стычки на почве ревности.

Пройдет год, и Нику уже не захочется, наверное, бегать взапуски с младшей сестрой, однако прямо сейчас он радо-

вался обычным детским забавам, не подозревая, что вскоре вырастет из детства.

День выпал несолнечным, с северо-запада на них надвигалась хмурая осенняя погода. Типичный Канзас, вечно опаздывает, даже в погоде. Уайли бросил взгляд на радиоприемник. Индикатор штормовых предупреждений горел зеленым, означая, что метеослужба не выдала никаких тревожных сигналов.

Тем не менее в небе мерцали синие вспышки, издали донесся громовой раскат. Гроза не успела добраться и до Холкомба, до нее было, пожалуй, не меньше полусотни миль. Возможно, к ночи пожалует.

Уайли не любил грозу. Он боялся, что вместе с ней появятся диски. Кто их знает, может, они в тучах прячутся?

Впрочем, нет. Линзы — вот где главные якоря. Если угодно, рыболовные крючки, которые впились в жабры. «А у нас тут никаких линз нет». Об этом приходилось постоянно себе напоминать.

А что, если все же есть парочка-другая линз? Плато Тассили находится посреди пустыни Наска на отшибе. Имеются и кое-какие другие труднодоступные места. Скорее даже большинство из них. Создали их так давно, что они кольцом окружали Северный полюс бог знает с каких незапамятных времен.

Уайли настолько сильно тянуло сейчас выпить, что он не рискнул открыть ликерный ящик. Ни за что. Тут только начини...

Он сидел, мрачно разглядывая текст, высвеченный на компьютерном экране. Линди и Уинни в беде, Тревор пропал, Мартина сажают под замок... Вот именно, прямо сейчас. Хотя он и прекратил печатать, хроника событий разворачивалась непосредственно в слепящем аду его сознания. Итак, в данную конкретную минуту Мартин наблюдает за тем, как Бобби — старый верный друг — со слезами на глазах запирает дверь на замок.

Ну все, дальше терпеть невозможно, пришла пора покончить с этой дрянью.

Уайли выделил одну главу и стер ее. Ох-хо-хо... кровь, пот и слезы — прямиком в сточную трубу. Ну да ладно, что сде-

лано, то сделано, к тому же вовсе не зря. Он ее перепишет, заменит на более удобоваримый сценарий.

Пустой экран смотрел в лицо, и Уайли сказал себе, что предпочитает как раз пустые страницы.

Черт знает что: губить собственный труд. Но ведь приходится, он уже не может наблюдать за страданиями своих персонажей.

И он начал новую главу. Через пару минут остановился. Что-то не тянет вот так с ходу бросаться в омут, да и надоело сидеть за ноутбуком. Уайли раздраженно захлопнул крышку. Писать тексты на компьютере — одна из форм наркозависимости, которых у него и так предостаточно. Взять хотя бы склонность к выпивке и тайному курению сигар, не говоря уже о том, что хотелось чего-то большего.

Уайли вернул свою любимую «Корону» на ее законное, почетное место. Вот это да, это действительно инструмент для писателя. Пишущая машинка грохотала, как старый товарняк, выплевывая слова и, можно сказать, в камне выбивая каждую ошибку. Все, что он создал — в смысле, из настоящих вещей, — было, напечатало именно на этой древней развалюхе. На заре своей карьеры он любил укладываться ночью на диван и набрасывать мысли в желтом блокноте, а с утра транскрибировал их с помощью пишмашинки. Цивилизованный метод работы.

Заправляя бумажный лист, он заметил, что ноутбук не выключился, как полагается, когда он захлопнул крышку. Надо думать, из-за того короткого замыкания.

Решив выключить его принудительно, Уайли поднял крышку.

На экране слова. Он прокрутил изображение. Все осталось на месте... от начала до конца. Он попробовал что-нибудь напечатать. Работает. А теперь попробуем их стереть... Слова выскочили обратно. Он повторил это еще несколько раз, но чем быстрее стирал строчки, тем быстрее они появлялись снова.

Ну это уже чистое безумие. Быть такого не может. Уайли повторно попытался стереть главу целиком.

Слова подпрыгнули на экране, затем вернулись на свои места. Опять он стер текст, потом еще раз и еще — пока наконец команда стирания вообще отказалась работать. Напрочь.

Так. Доигрался. Невозможное возможно.

Он закрыл весь файл «2012». Пора прибегать к радикальным мерам. На компьютере он держал одну программку, которая называлась «Зэтз» и позволяла уничтожить какой угодно файл, причем в ней использовался алгоритм, официально одобренный министерством обороны для уничтожения секретных документов.

Уайли запустил «Зэтз» и в ее окошко перетащил иконку «2012».

— А вот мы сейчас тебя нейтронной бомбочкой... — пообещал он зловредному файлу, устанавливая уровень «Дефкон-12», то есть высший из всех имеющихся.

Что ж, видно, придется писать другой роман. Подумаешь. Рано или поздно придет и новая идея, и вдохновение, и...

И файл «2012» выскочил обратно. Уайли еще разок его разбомбил. А он опять целехонек.

В программе не имелось уровня выше «Дефкон-12». Зато Уайли знал еще один способ, как совладать с упрямцем. Он зашел в систему в DOS-режиме и набрал команду «стереть».

Вернувшись в Windows, Уайли обнаружил, что все осталось на месте. Наверное, это некий знак свыше, потому что когда ты не можешь заставить работать функцию удаления на собственном компьютере, мир сошел с ума.

— Брук! — позвал он.

Из кухни:

— Чего?

— Зайди ко мне на секундочку. Важное дело.

— Уайли, я жонглирую миллионом проблем сразу!

— Ну я тебя прошу!

— Ладно, обожди немножко.

Его трясло, лоб прошибло холодным потом страха или лихорадки. Потому что в лицо паялилось доказательство, что все

эти кошмары и безумства имели под собой некое реальное основание. Все действительно оказалось так, как он опасался.

Уайли вскочил и выбежал из кабинета, словно здесь бушевал пожар. Скатился по лестнице и обнял Брук, целуя ее лоб, губы, шею.

— Эй! Сейчас ошпарю!

— Ради Бога, умоляю, ради Бога, никогда не оставляй меня!

Он еще крепче сжал ее в объятиях, прильнув к губам с такой силой, что у нее откинулась голова. Сейчас они стояли настолько плотно друг к другу, что он чувствовал все ее тело.

Когда Уайли наконец отпустил жену, ее глаза были влажными от удовольствия.

— Я так понимаю, нас ждет долгая ночь?

— Зацелую-замучаю. Вот увидишь.

Здесь к нему вернулись прежние страхи, и Уайли вцепился в Брук, словно она была спасательным жилетом в диком океане.

— Я люблю тебя всей душой, — прошептал он, потому что такую важную правду нельзя говорить в полный голос.

Возможно, она не поняла, что именно послужило источником вдохновения всей сцены, но этого от нее и не требовалось, пылкость и честность были на месте. Она потрепала шевелюру мужа, и мягкость ее руки на зарождающейся лысине можно было уподобить прикосновению крыла бабочки. На память пришли желтые фонарики на крылечке из детства, шелест порхающих мотыльков — единственный звук в тишине летней ночи.

Долгой, басовитой нотой проворчал гром, сопровождаемый мерцанием молний, и Уайли чуть не подпрыгнул от испуга. Он влетел в гостиную, на ходу задерживая шторы на всех окнах. Небо колыхалось от вспышек.

Он выбежал на крыльцо, вскинул голову на кипящие стенки каньона из туч, глазами нашел детей, которые скакали под сверхъестественным светом.

— Ребятки! Немедленно домой!

— Ну пап!..

— Видите молнии? Это опасно!

Дети продолжали играть.

— Ты чего расшумелся? — спросила Брук.

— Посмотри на небо!

— Смотрю. И что?

— Ты не понимаешь!

— Дорогой мой, до грозы несколько миль, ее едва слышно. Оставь их, пусть забавляются.

— Нет-нет, пожалуйста, ради меня. Потому что мне за них страшно. Брук, ты должна помочь.

— Тебе скорее Кратчфилд поможет.

— Ну хорошо, давай так. Если ты снизойдешь до моей просьбы и зайдешь в кабинет, то я покажу тебе доказательство, что у нас творится что-то странное. Неправильное.

Жена последовала за ним.

— Смотри: я только что стер седьмую главу. А она опять появилась. Тогда я стер всю книжку. Но она тоже выскочила обратно.

— Ты стер всю книгу?!

— Вот именно. Причем в DOS-режиме. Полное и абсолютное удаление файла.

— Ты с ума сошел?! Нам нужны деньги!

— На самом деле нам нужно... Черт, я даже сам не знаю, что нужно, но дело в том, что у тех людей — понимаешь, на той стороне — страшное горе, и если бы я смог стереть этот кусок, переписать его, то у них бы все исправилось... да и у нас, наверное, тоже, потому как надвигается кошмар, вторжение...

Она села в его кресло.

— Глупости это все... Вот она, твоя книжка.

— Сотри ее!

— Еще чего!

— Тогда смотри... — Он встал рядом, наклонился... и жена схватила его за руку. Пальцы давили на удивление сильно.

— Я вам запрещаю, Уайли Дейл!.. Ты закончишь текст и отдашь его в издательство, или я уйду вместе с детьми!

— Что?

— Сколько можно терпеть твои капризы? Ответь мне! Потому что мне лично это уже надоело. Сил моих не осталось. Как смеешь ты тащить меня сюда и шантажировать своими играми?! Мы можем потерять все! Нас выкинут на улицу! И меня уже тошнит разыгрывать из себя жену богатого писателя, у которого на самом деле ни гроша!

— Давай это останется между нами.

— Тогда напиши книгу, которая продается! Ты добытчик или кто? Неси хлеб в семью, чтоб тебе провалиться!

Брук вскочила и гневно вышла из кабинета.

— Ужин через десять минут, — бросила она через плечо.

— Можно подумать, в доме нет хлеба... — пробурчал он, только очень негромко. Затем вернулся к столу, отодвинул пишущую машинку и принялся отбивать чечетку на ноутбуке.

За окном сверкало электрическое небо.

Он продолжал работать ровно, не отвлекаясь. Все чаще и чаще грохотал гром, все ближе подползал источник молний, заполняя своим рокотом опускавшуюся ночь. Накрывшись простынями, на улице бегали дети, уже едва различимые в темноте.

Словно сама смерть отзывалась громовым эхом, ибо Уайли знал, что та же гроза по ту сторону перегородки между мирами несла с собой похитителей людских душ.

На первом этаже Брук напевала вполголоса, как она обычно это делала после перепалки с мужем: «Над ее могилкой ветвь склонил орешник, сладко тянет трели серый пересмешник...»

Она знает — и вот почему поет траурную песню. И дети, играющие в привидений, тоже знают в глубине своих сердец, что их копии в том мире потеряли душу.

— Ужин готов! — крикнула Брук. — Уайли, хотя бы сегодня не задерживайся!

Он подумал про запертого в камере Мартина, увидел его внутренним взором. Тот стоял, просто стоял с опущенными руками в коробке из бетона и стали.

Уайли знал, что Мартин слышит своих друзей, тех самых друзей, с которыми был знаком всю жизнь. Они находились

в соседней комнате — жалкая кучка, оставшаяся от жителей городка, — и спорили о том, следует ли его убить.

Их не интересовали десять миллионов долларов. Какая от денег сейчас польза? Но вместе с тем они верили сообщениям властей, до сих пор верили своему правительству.

— Глупцы! — крикнул Уайли. — Ведь Мартину что-то известно, вот почему генерал Самсон хочет его смерти! Мартин что-то знает!

— Хватит кричать, и давай спускайся! Ужин стынет!

— Слушаюсь!

Макс-техасец, местный контрабандист, на днях привез очень неплохую полынную водку, которую Уайли, разумеется, купил и, продегустировав парочку глотков, спрятал в ящике стола. Что и говорить, абсент — жуткая вещь, но насчет градусов все было без обмана. Он достал бутылку, скрутил пробку и освежился щедрой струей.

Брр!

Затем спустился к ужину и съел его в полном молчании.

— Папочка, а чем это пахнет?

— Что-что? Уайли, ты опять за свое?

— Э-э... Папочка угостился лакричной конфеткой.

Брук нахмурилась, но промолчала. В надежде отбить запах он пожевал несколько крошечных головок маринованного лука. Кстати, проклятый абсент остался стоять на столе. Надо срочно убрать его с глаз долой. Он хорошо помнил серьезные стычки с Брук по поводу его экскурсий в мир наркотиков, правда, это уже в далеком прошлом. Обнаружив, что на свете не осталось ни одного официального опиумного притона, Уайли в собственном гараже устроил нечто вроде опиокурильницы, ведь он обязан был знать, как это помогает при написании книг. Когда Брук застукала их с Мэттом полностью задубелыми, да еще Мэтт при этом был в своей полицейской форме, то жена от ярости на стенку полезла. Что же касается крэка, то даже Уайли не был настолько сумасшедшим, чтобы его попробовать — хотя трубочку на всякий случай приберег. Опять-таки форма исследования. Вроде той до-

минатриссы. Пришлось очень быстро молотить языком, когда проклятая амазонка ворвалась к ним однажды вечером, требуя денег за снимки. Слава Богу, мужчина, распяленный в хитроумном аппарате, смахивал на него очень отдаленно.

Лайла не потревожила безмятежность Брук. «Если хочешь кожаный костюмчик, я тебе подыграю, — сказала она. — Но будь осторожен, потому что если я разойдусь, меня потом не остановишь».

Сейчас жена возилась в кухне, выполняя его работу, а именно мытье посуды. К ней присоединилась Келси, до сих пор щеголявшая в одежде привидения, и их веселые голоса наполнили Уайли такой радостью, что он, наверное, смог бы продемонстрировать чудеса левитации. Он любил свою семью очень, очень крепко.

— Давайте-ка я этим займусь, — предложил он, поднимаясь из-за стола. Взял из рук жены кастрюлю и принялся ее тереть проволочной щеткой. Брук не любила тефлоновую посуду, предпочитала сталь и медь — лишь бы, по его мнению, как можно плотнее загрузить моечную команду.

Ну и ладно. Она была мастерской поварихой, умела превратить дюжину морковок и несколько фунтов говядины в манну небесную, что, собственно, и сделала сегодняшним вечером.

Увлечшись работой, он не заметил физиономию, которая показалась за окном, на краткий миг сверкнув темными зеркалами жутких глаз. Никто из них этого не увидел.

ГЛАВА 8

В ГЛУБИНАХ ЧЕЛОВЕКА

6 декабря

Генерал Ал Норт очнулся и обнаружил, что ему запрокинули голову и что-то засунули глубоко в рот. Даже дышать удавалось с превеликим трудом.

Инстинкт понудил разразиться воплем, однако Ал тут же подавился чем-то кислым и холодным. Наверняка какой-то металл. Глаза ничего не видят, кроме белой пелены. Что бы это могло быть? Простыня? Да-да, его собственная простыня, натянутая на лицо.

Мышцы его тела скручивались и натягивались, пока наконец ему не показалось, что они вот-вот лопнут как резинки. В легких забулькало, он испытал страшный воздушный голод, а затем чуть не захлебнулся рвотой, потому что трубка ещё глубже залезла в пищевод.

Обрушилась тьма. Без предупреждения, без малейших полутонов. Просто стало темно, и все. Ал не мог решить: его ослепило — или же кто-то выключил свет?

Затем он увидел небольшое красное сияние. Запахло табачным дымом.

— Кто вы? — попытался он протолкнуть слова мимо трубки в горле. Голос прозвучал жалким, придушенным бормотанием.

Что-то скользнуло по его обнаженному телу, сначала по лицу, шее, груди, затем по рукам, ногам, половым органам. Легкое щекотание, как от шаловливых женских пальцев. Затем пришло и самое долгожданное ощущение, неизъяснимое, глубочайшее облегчение: жесткую, пульсирующую штуковину выдернули изо рта. Внутрь ринулся воздух, он услышал булькающий звук, затем тонкий, визгливый крик, который прекратился, едва он захлопнул челюсть. Генералам ВВС США не полагается верещать.

В тысяче мест на его теле, которых коснулась щекотка, начало пощипывать, покалывать, под кожей заструился огонь. Он застонал, усилием воли пытаясь прогнать жестокие пальцы — тщетно.

Забормотали голоса на незнакомом наречии, странный негромкий говор с гнусавым оттенком, полный пришепетывания и посвистывания в смеси с мерзким гортанным клекотом. Язык, насыщенный нюансами, подрагивающий от эмоций, нечеловеческий.

В фокусе зрения проявилось лицо. Восковая кожа, обилие грима. Принадлежит женщине, однако глаза — золотые, с диковатым металлическим оттенком — пристально пялятся с бессодержательной, пустой яростью рептилии. Неумолимые глаза. Он даже подумал, что это, наверное, маска. Да, пластиковая. Или нет, она была эластичная, живая, напоминала кожу пресмыкающегося — с мерцающим, шелковым блеском, говорившим о том, что это не кожа, а чешуя, только очень мелкая. Глаза принялись бегать по сторонам, как у кролика-альбиноса, но при этом выглядели настоящими кусочками металла наподобие золотых коронок. Тошнотворное впечатление.

Фигура то врывалась, то выплывала из поля зрения. Норт увидел подрагивающие черные локоны. Это была женщина, сомнений нет, причем с недавно сделанной завивкой.

Он не хотел умирать вот так, в агонии невежества, уподобившись лабораторному животному, расчлененному во имя эксперимента, понять смысл которого нет никакой надежды.

Норт попробовал заговорить, однако изо рта не вылетело ничего, кроме клубков воздуха. Затем он почувствовал, что голову сжало шипастым обручем. Острия словно забуривались ему в череп. Золотые глаза мерцали и суетливо дергались, голоса зачастили. И тут какая-то штуковина ткнулась ему в задний проход, вернее даже, заползла.

Женщина что-то сказала — «Валусота». Затем повторила это же слово, но уже гораздо громче. Она с ним разговаривала.

— Я не...

Трубчатая штука опять оказалась у него во рту, проникла в глотку, сейчас он мог ее чувствовать в собственном желудке, а затем она встретилась с тем, что залезло в него через прямую кишку. Послышалось шипящее скворчанье, по краям рта поднялся дымок со вкусом подгорелого бекона. Боли не было, однако Норт решил, что его убивают, а посему дернулся, попробовал вырваться, встать, каким-то образом избавиться от этих штук, которые шуровали у него во внутренностях.

Донесся смешок — быстрое тонкоголосое хихиканье, которое ни с чем не спутаешь.

И тут началось... Документы. Он увидел документы. Ясно и четко вставляли перед глазами страницы рапортов, электронной почты, приказов и распоряжений. «Скачиваю информацию», — подумал Норт. Он видел каждый отчет, который когда-либо читал, каждый план, который поступал ему на рассмотрение, каждую утвержденную им спецификацию...

Наверное, они что-то ищут у него в голове, однако уловить направление поиска не получалось. За свою карьеру Норт курировал множество спецстроительных проектов, по большей части вполне безобидных, хотя имелось и кое-что особенное. Вскоре в его памяти нашли описание работ, выполненных в Шайеннском центре, сверхсекретном бункере НОРАД...

Его разбудил удушающий жар, настоящее цунами потных страданий, которое вынесло его из состояния, близкого к смерти, из сна столь глубокого, что в нем не имелось лазейки.

Что произошло?

Норт сжался комком, прячась в гудящей тишине. На спину давил поток кондиционированного воздуха. Посидев на корточках несколько секунд, он поднялся, зашел в ванную, встал перед зеркалом. На него смотрел затравленный человек с глубоко впавшими глазами.

Во рту кисло-жареный привкус. Подгоревшая рвота.

Норт открыл аптечку, нашел зубной эликсир, пополоскал рот, сплюнул — и с омерзением и ненавистью уставился на сотни извивающихся черных нитей, которые полезли в сливное отверстие. Он еще раз сплюнул, в раковину шмякнулся очередной трепещущий, кишаший сгусток червей, сползавший в канализацию подобно вываливаемым из кастрюли спагетти.

Норт вскрикнул — но тут же увидел, что раковина чиста, а флакон с эликсиром до сих пор в аптечке. Ему снится сон, вот в чем дело. Накатило облегчение, однако потом он заметил, что в воздухе стоит запах табака, а ведь он не курил, более того, ненавидел курение.

Норт присел на краешек постели. Табачный дым кажется вполне настоящим, однако это еще вопрос, не исключено, что

кошмарный сон продолжается. А может, все гораздо проще: курильщик живет в соседней комнате и дым втянуло к Норту вентиляцией. Возможно такое? Еще как. За то недолгое время, которое он здесь провел, стало совершенно ясно, что этот бункер строили по принципу жесточайшей экономии.

Запах постепенно улетучивался, и он слегка воспрянул духом. Попробовал разобраться в случившемся и найти смысл в том, что напоминало траление его памяти.

При инвентаризации этих ментальных образов выяснилась странная картина. Выуженные воспоминания не были очень уж важными: попросту ворох сведений, оставшийся от карьеры Норта в качестве военного администратора. Разумеется, некоторые из них были секретными, например, чертежи Шайеннского бункера, однако их легко можно было добыть и другим путем, не привлекая при этом внимание столь высокопоставленного лица, каким являлся генерал Норт.

А странным было вот что: подспудное чувство, что самым важным была здесь вовсе не информация. Он уставился на собственные руки — нынче заскорузлые, а ведь раньше его пальцы были гибкими, как у хирурга. Он ни разу не совершал боевых вылетов, однако читал где-то, что именно такими руками обладали великие пилоты вроде Альберта Болла и Буби Хартманна.

Руки раскрывают характер человека, он всегда верил в эту максиму, но сейчас задумался, отчего эта мысль промелькнула в голове. Впрочем, стоило едва задаться этим вопросом, как он уже знал ответ.

Норт едва не вскрикнул, когда почувствовал в кишках желвак боли и понял, что его душу вовсе не украли, а попросту надругались над ней.

Он знал, что все его тайны и интимные помыслы были вывернуты наизнанку, что по самым сокровенным местам прошли с лупой — вот что значит быть изнасилованным внутри собственной головы.

Не было никакого кошмара. Они пришли и выудили себе чертежи. Составили схему его обнаженной души. Губы Нор-

та скривились, он всосал воздух сквозь зубы, подавил рвущийся наружу вопль. Надругательство в своей самой глубокой форме, осквернение тайн детской песочницы, школьного двора, его рдеющей от смущения первой любви, потных экспериментов, открытия женского пола и знакомства с будущей женой... Копание в его утратах, столь драгоценных и непередаваемых, над которыми глумились и насмехались монстры со змеиными хвостами...

Он подвергся оценке и взвешиванию в лапах зла до такой степени темного, что одно лишь прикосновение оставляло после себя язву ужаса и боли.

И тогда он подумал: «Это негативная цивилизация. Целый мир, древний и развитый, но только он прошел путем распада, извращения и порчи».

Мир, который имел на него какие-то виды.

ГЛАВА 9

НОЧЬ ОХОТНИКА

8 декабря

Когда Мартин слышал колокола, то в панике соскочил с нар, вообразив, будто диски вернулись. Лишь через несколько секунд он понял, что сквозь окна крошечной камеры косо падают солнечные лучи. Выходит, несмотря ни на что, он все-таки заснул.

Звучала звонница методистской церкви на Третьей улице, те колокола, в которые несколько ночей назад бил не кто иной, как Мартин. А сейчас он сам угодил в жуткую переделку и понятия не имел почему. Ответственность за это несет кто-то из правительства, но кто? И вообще: с какой стати они решили, что археолог может нести в себе угрозу?

Он всю ночь промучился над этим вопросом, вспоминал собственные опубликованные работы, события в пирамиде

и Белом доме и в результате пришел к предварительному выводу, что в знаниях о прошлом имелось нечто такое, что делало его потенциально опасным. Опасным настолько, что даже в момент, когда вокруг рушится мир, они все равно готовы за ним охотиться.

Причем враги действуют вовсе не на основе гипотезы или предположения. Они знают.

Мартин считал, что линзы и диски представляют собой нечто вроде машины. Ему было известно, что четырнадцать тысяч лет тому назад погибла великая человеческая цивилизация. В отличие от нашей она не была технологической, но обладала глубокими научными знаниями, в том числе — и в первую очередь — высокоразвитой наукой о душе. После себя они оставили очень точное предсказание, что текущая эпоха закончится 21 декабря 2012 года. Цивилизация майя, унаследовавшая фрагментарное знание от гораздо более древней культуры, интегрировала эту дату в собственную календарную систему. По сути дела, в их календарях за точку отсчета бралась именно эта дата, вот насколько важной она для них была.

Мартин был уверен, что майя получили такие сведения из города, который ныне находится под водой неподалеку от Кубы. Гигантский метрополис, вероятно, являлся столицей государства, которое в легендах именуется Атлантидой, и с ней связана какая-то странность. Дело в том, что британский ВМФ никого не допускал в те воды, а канадской археологической группе, которая-то и совершила это открытие, не позволили вернуться домой.

По идее намеренное замалчивание находки — серьезный повод для скандала, однако мэтры от археологии были весьма довольны таким оборотом дел, потому как в противном случае это открытие опровергло бы результаты сотни лет теоретизирования и поставило бы точку в карьере кое-каких важных персон.

В каких только учреждениях Мартин не пытался пролоббировать необходимость начать научные исследования этого района... Даже опубликовал открытое письмо в «Археологи-

ческом вестнике» с осуждением военного присутствия, требовал объяснений...

Нет, убрать его пытались вовсе не потому, что считали повинным в разразившейся катастрофе. Напротив, гибель ему грозила оттого, что он являлся одним из немногих людей в мире, которые были способны понять находку.

Колокольный звон прекратился с такой внезапностью, что обрушившаяся тишина, можно сказать, чуть не сбила росу с трех желтых листьев, которые он видел за оконной решеткой. В сторону церкви потянулись автомобили. Люди сначала соберутся там, затем пожалуют за Мартином.

Он чувствовал себя крысой, настоящей крысой, однако с той разницей, что грызун думал бы только о побеге, в то время как Мартин мучился еще мыслями о семье. Всю ночь он страдал над судьбой Линди, несчастной, прихрамывающей Уинни и пропавшего без вести Тревора.

Те штуки, которые двигались позади бродяг... Он подумал, что это, наверное, нечто вроде группы зачистки, которая уничтожает безнадежно отставших. Изуродованный парнишка явно их рук дело.

А Тревор? Он тоже сейчас превратился в изуродованный труп?

Из офиса шерифа донеслись новые звуки. Кто-то повысил голос. А-а, это Бобби. Сердитый и раздраженный. Через пару секунд распахнулась дверь камеры.

— Пятьдесят шесть против пятнадцати, — пробурчал он, отказываясь смотреть в глаза Мартину.

— Привет, — сказал его пленник.

— Я понятия не имею, как вешают.

— Воспользуйся пистолетом.

— Мартин... — Бобби помолчал. Дернул кадыком, взял себя в руки. — Пора идти. Сделаем это возле банка. Там есть такое дерево...

— Иисусе Христе! Ты что, серьезно?!

— Они уже за веревкой пошли. Мне очень жаль. Очень. Дело принимало крайне нехороший оборот.

— Бобби, я же ничего не сделал...

— Я знаю. — Шериф поднял глаза. — А если это все-таки правда?

— Господи, клянусь!

— Мартин. Пожалуйста, не заставляй меня... ну, ты понимаешь... тащить тебя силой.

Мартин вышел из камеры, и шериф снял с ремня наручники.

— Бобби, ты издеваешься?

— Правила есть правила.

— В таком случае если ты нацепишь на меня браслеты, то меня придется нести на руках всю дорогу, и еще я буду орать и кусаться, потому как потерял все, а теперь вот-вот потеряю и собственную жизнь. Жизнь, Бобби! Ни за что ни про что. Зазря, понимаешь?

Шериф положил ему руку на плечо:

— Ладно. Некогда болтать.

Вешать они не умеют, и это означало, что ему просто накинута петля на шею и подтянута вверх, где он будет медленно задыхаться бог знает сколько времени.

Старый друг все же не стал надевать ему наручники, да и — обратил Мартин внимание — не очень-то придерживал возле себя, когда они пересекали городскую площадь, где некогда, в счастливые деньки, играл оркестр Лотнеровской супер-региональной школы.

Эх, славное было времечко. Дети и собаки носятся под ногами, в тенистом парке женщины из церковной общины продают домашнее печенье... Мир без конца, аминь.

Они приблизились к угрюмой, молчаливой толпе. Происходящее никому не нравилось, это Мартин мог видеть отчетливо. Люди упорно не желали смотреть в глаза.

— Бобби, тебе придется меня застрелить. Не надо никаких дурацких виселиц, никто все равно не знает, как это делается.

— Мартин, я тут ничего не могу поделать.

Хлопнула автомобильная дверца, появилась Роза, подошла к ним.

— Бобби, хватит. Немедленно езжай домой.

— Не мешай. Закон есть закон, — нахмурился ее муж.

— Это чистое убийство!

— У меня на руках извещение. Официальное. Все по закону.

— Значит, не прав твой закон, потому что Мартин, наверное, единственный человек в мире, который может помочь разобраться с этой ситуацией. Спроси себя, почему они хотят его смерти? Это бессмысленно! — Она повернулась к людям: — Идите по домам. Все расходитесь, нечего вам тут делать!

Супруги Фрир с двумя детьми забрались в свой «универсал» и уехали, не сказав ни слова.

— Ну вот, видите? По крайней мере не все еще разум потеряли. — Затем она понизила голос и добавила: — Бобби, здесь что-то очень не так.

Он снял руку с плеча Мартина. Неподалеку, в своем неизменном фартуке мясника, стоял Билл Уэст с бухтой толстой веревки. Все молчали.

Тут до Мартина наконец-то дошло, что сделал Бобби. Он знал, что ему подарили несколько секунд — но не больше.

Кроме того, за время сидения в камере Мартин понял еще кое-что. Действительно, он был уникалом, знал — или потенциально мог узнать — нечто настолько опасное, что враги желали его смерти. Вот почему этот захолустный уголок Канзаса подвергся такой ожесточенной чистке, вот почему сбросили те листовки.

Но Мартин не был бегуном. Не служил в армии, не участвовал в марафоне — черт возьми, он даже пробежками трусцой не занимался.

В отличие от Билла и Мэри Уэст, которых он видел каждое утро на улице. А если взять, к примеру, Уилла Симпсона, то он вообще обладатель черного пояса.

И все же Мартин рискнул. Крутанулся на каблуках и стремглав кинулся через площадь.

Грохот выстрела — удивительно громкий, — и свист срикошетиравшей пули в ветвях дерева.

Вопль Розы:

— Бобби, не смей!

Вообще-то шериф слишком хорошо владел пистолетом, чтобы промахнуться на такой мизерной дистанции, однако Мартин шмыгнул за угол банка в целости и сохранности. С другой стороны, за спиной уже слышался рев заводимых моторов и топот ног. Каждый человек в этой толпе имел с собой оружие, причем большинство из них были заядлыми охотниками.

Мартин пронесся по улице до кафе Харпера, где за все эти годы съел, наверное, тысячу гамбургеров, нырнул внутрь, выскочил через заднюю дверь, а оттуда уже метнулся в переулок. Что дальше? Никакого понятия. Тут он увидел пикап, загруженный ящиками с какой-то мокрой гнилью; надо думать, в свое время это были овощи. В голову пришло, что в городе должно иметься множество брошенных автомобилей. Мартин сунулся было в кабину грузовичка, но не обнаружил ключей. Где-то поблизости зарычал мотор. В переулке показалась машина.

Мартин кинулся ничком на пол кабины и подтянул ноги. Мимо неторопливо проехал Билл Уэст в компании с сыном Коулманом. У обоих по винтовке с оптическим прицелом для отстрела красного зверя.

Как мог Билл взять с собой тринадцатилетнего мальчишку охотиться на человека? Но ведь они сейчас испуганы, вне себя от страха — все до единого. Вот почему людишки с такой готовностью кинулись поучаствовать в сумасшествии. В каждом под самой поверхностью всегда прячется дикарь, и, если честно, Мартину срочно требовалось раздобыть оружие. И проклятую машину.

Найти машину с ключами проще всего около какой-нибудь церкви. Люди, прибывшие туда последними, были наверняка охвачены паникой и оставили ключи в замке зажигания, после чего многие из них превратились в бродяг.

От этого места до Первой Церкви Слова Христова рукой подать; вот туда-то он и направится. К тому же вряд ли ему удастся долго скрываться, а посему шансы добраться, к примеру, до Святого Петра вообще минимальны.

Он собрался было вылезти, как появилась еще одна машина, «приус» миссис Тарнауэр, причем ехала она медленнее, чем «линкольн» Уэста. Мартин прикинул шансы вытащить негодяйку из-за руля и даже свернуть ей шею, однако все же остался сидеть, прячась за дверцей. Старушка тоже хотела его смерти, эта противная Джесси Тарнауэр, бывшая учительница, а ныне библиотекарь.

Едва ее «приус» скрылся из виду, Мартин перебежал на другую сторону и через черный вход залез в заброшенный магазин детской одежды, выдавленный из бизнеса крупными сетевиками. Люди перестали покупать кружевные платица маленьким дочкам, мальчишки носили мешковатые футболки для взрослых, а вовсе не габардиновые костюмчики с декоративными носовыми платочками, вставленными в нагрудный кармашек.

Он осторожно приблизился к витринному стеклу. Через улицу виднелась парковка Первой Церкви Слова Христова, причем действительно забитая машинами. Кое-какие автомобили стояли криво, с распахнутыми дверцами, и были явно брошены владельцами в минуту великой паники.

Тут до Мартина донесся звук, вернее сказать, настоящий рев мощного мотора. Он прислушался. Что бы это могло быть? Крайне маловероятно, чтобы в погоню за беглецом решили пуститься на тракторе.

Мартин опасливо, на цыпочках, перебежал улицу и забрался в один из брошенных автомобилей, «бьюик-люцерн», насквозь пропахший сигаретами и цветочными духами того сорта, которым пользовалась Луиза Райт. Ее дочь Пам работала старшим продавцом в «Таргете». А сама Луиза была закоренелой алкоголичкой со знаком качества.

Машина, слава Богу, завелась с ходу. Он покинул парковку и направился на север. Свернул на подъездную дорожку Мейк-

писов, проехал по их заднему двору, затем пересек восточное поле на участке Морганов. После изрядного качания и подпрыгивания на бороздах машина снесла ограду из колючей проволоки и оказалась на той самой грунтовке, по которой в свое время ездили юные Мартин и Линди в поисках укромного местечка, где было бы можно пообниматься и так далее.

Здесь он вдавил педаль газа и притормозил лишь у въезда на 215-ю трассу. Любой, кто мог видеть его в этот момент, наверняка решил бы, что Мартин хочет покинуть город и штат по этой федеральной автостраде. Два-пятнадцать тянулась по прямой на добрые пять миль, затем загибалась длинным пологим поворотом. На этом участке Мартин выжал из машины все, на что она была способна: сначала девяносто, потом сто и, наконец, сто шесть миль в час.

Как только Мартин скрылся за поворотом от любых оставшихся за спиной глаз, он выжал тормоз, затем свернул на проселочную дорогу номер 2141, которая уходила к Коптящим холмам — и дому.

Затем он вновь сделал поворот, очутился на Шестой миле, откуда добрался до Западного района, где жила Луиза. Мартин отлично знал, в каком именно доме, даже бывал там. Дело в том, что — хотите верьте, хотите нет — она подрабатывала уроками французского, и Тревор был одним из ее учеников. Впрочем, как и отец, он не обладал способностью к языкам.

При этой мысли Мартин внезапно закричал и принялся бить кулаками по рулевому колесу. Разбушевался как лев, угловивший в сеть зверолова. Он и сам изумился, что способен на столь бешеную ярость. На секунду почудилось, что все это происходит с кем-то еще, однако завилявший «бьюик» тут же дал понять, что это не так, и Мартину пришлось брать себя в руки.

Он отдышался, подавил в себе очередной вопль и подумал: «В каждом из нас таится нечто, о чем мы даже не подозреваем. Глубоко-преглубоко». Мартин был крайне измотан скорбью, однако теперь она просто ныла тупой болью в животе, а вовсе не старалась выплеснуться наружу кипящей дикостью, как это только что произошло.

«Я не только готов убивать, я прямо-таки жажду этого», — сообразил он. Люди, его же соседи и друзья, с такой легкостью обернулись против него — а все из-за чего? Из-за куточка бумаги, которую сбросили либо враги, либо работавшие на них предатели.

К сожалению, он был вполне уверен, что враг стреляет из пушки по крохотному, вот такусенькому воробью, поскольку сам понятия не имел, что за чудо-оружие может предложить для борьбы с пришельцами. Если на то пошло, современный мир был так же готов к войне с ними, как ацтеки или инки к отражению нашествия испанских конкистадоров. Ацтеков, к примеру, хватило только на то, чтобы понять наконец, что лошадь с седоком была составлена на самом деле из двух разных существ, а с тем, как работает огнестрельное оружие, они вообще не могли разобраться. И конечно, приняли своих поработителей за богов. В конце концов, те вытворяли чудеса.

Индейцев завоевал порох, мы оказались бессильны перед светом. Мы не понимаем, что видим перед собой, и в этом смысле не отличаемся от ацтеков, которые не знали, что такое лошадь.

Кстати, ацтеки впервые столкнулись с испанцами как раз в тот день, когда, согласно их календарю — позаимствованному у майя, — должно было наступить второе пришествие их высокопочитаемого бога Кецалькоатля. А посему тем более они были убеждены, что конкистадоры являлись богами: уж очень хорошо те укладывались в ацтекскую космологию.

Некто, трудившийся за тысячи лет до этого события, знал, когда оно наступит. Но кто? И откуда у него такая прозорливость?

Лежал ли ответ на глубине одной мили где-то возле Кубы? Не оттого ли бритты не допускали туда исследователей?

Должно быть, так и есть. Наверняка. И если сюда присокупить попытку убрать Мартина, то вообще не остается сомнений в том, что враг пробрался в правительство — мало того, занимается в нем подрывной деятельностью много лет.

Как там звали этого генерала? Ах да, Самсон. Генерал Самсон, председатель Объединенного комитета начальников штабов. Тварь поганая..

Но нет ли здесь еще одной, даже более глубокой правды? К примеру, испанцы были куда более уязвимы, чем это казалось со стороны. Никого они не разбили. Напротив, ацтеки разбили сами себя, точнее говоря, оказались разгромлены собственным невежеством. По сути дела, испанская технология не так далеко ушла от ацтекской, а во многих отношениях ей вообще уступала. Возможно даже, весьма и весьма уступала. И даже мы, наверное, в чем-то до ацтеков не доросли...

Мартин свернул к жилищу Луизы и намеренно припарковал машину на ее привычном месте. Вышел, обогнул дом, очутился за кущей деревьев со стороны заднего двора. Надо спрятаться, отсидеться в укрытии — но ведь кругом сплошной Канзас: низенькие холмы, растительность редкая, преобладают луга и болотистые, заросшие высокой травой участки. Если кому-то придет в голову поискать Мартина в этом месте, то рано или поздно наверняка его засечет.

Он пробрался сквозь рощицу и стал подниматься на холмистый гребень, который через полмили вывел бы его к заброшенной дороге, куда он в свое время приводил студентов в поисках остатков разбитого почтового дилижанса девятнадцатого века.

Кроме того, здесь можно было найти массу окаменелостей и наконечников стрел, которые попадались десятками, причем некоторые из них восходили, ни много ни мало, к фолсомской культуре VIII тысячелетия до нашей эры. Он приходил сюда с Тревором, передавая сыну навыки, как найти то, что не попадает на глаза неподготовленного человека.

Мартин взобрался на гребень, откуда открывался вид на далекий город. Среди крыш домов отчетливо выделялись белые колокольни церквей, здание банка, а еще дальше, за кронами деревьев, высился Бернсайд-билдинг. Он прекрасно знал этот район, любил еще мальчишкой бродить по здешним местам, размышляя о времени, удаче и о том, что может принести с собой жизнь.

Нынче же на ум приходили совсем другие мысли. Например: людей отсюда убирают, а все остальное оставляют целе-

хоньким. Врагу достанется пустой, но неповрежденный мир, а также мириады рабов.

Отсюда становилось ясно, что хотя пришельцы в чем-то опережают нас технологически, их культура является более примитивной. Ни одно современное человеческое общество не пользовалось рабами и даже не нуждалось в них.

А вот интересно, что за создание будет стоять на этом же месте лет эдак через сто?..

И тут — трудно поверить, но это чистая правда — он внезапно услышал знакомый, но совершенно неожиданный звук. Где-то неподалеку летел вертолет, с востока на запад, то есть параллельно гребню, однако его не было видно. Напрашивался вывод, что винтокрылая машина движется в долине речушки Сондерс, что протекала под холмом.

У кого может иметься вертолет? Уж конечно, не у властей округа Лотнер. Может, это полиция штата? Прошлой ночью Мартин сам видел такого полицейского, причем тот совершенно не обращал внимания на опасность. Не исключено, что эта служба еще функционирует.

Гул мотора затих. Мартин подождал еще с минуту, затем пошел дальше. Если Тревор уцелел, то имелась более чем высокая вероятность, что он вернется домой. И вопроса нет. Если ему удалось выбраться из переделки, он наверняка сидит дома, поджидая возвращения остальных членов семейства.

Вертолет выскочил как бы из-под земли, на расстоянии едва ли пятисот футов. Мартин слетел с гребня, ничком бросился на каменную осыпь возле тропинки. Удар вышел тяжелым, левая тазобедренная кость и вся нога угодили в тиски боли.

Машина с ревом зависла над головой. Мартина пробил пот, от инстинктивного желания кинуться наутек мускулы напряглись так, что тело свело судорогой. Тогда он сказал себе, что страх, как ничто другое на свете, ведет к гибели. Страх превращает тебя в глупца. Вот почему Мартин не стал делать то, чего ему очень хотелось в данную секунду, а именно — скатиться пониже и, пригибаясь, отбежать в сторонку в на-

дежде найти по дороге какую-нибудь пещеру, которыми холм был испещрен, как пчелиные соты.

Ничего не выйдет, у них наверняка есть датчики движения, потому как инфракрасные приборы не будут работать среди нагретых солнцем камней. Словом, беглец замер на месте, пока вертолет медленно двигался вдоль гребня.

Мартин краешком глаза осмелился бросить на него взгляд. Тот был совершенно черным, включая иллюминаторы. Сплошные отражающие поверхности, внутри ничего не видно.

Минут двадцать он просто лежал. Наконец терпение подошло к концу. Вертолета не было слышно уже долгое время, а Тревора хотелось найти с такой силой, что Мартин не мог дальше терпеть.

Но вот что действительно беспокоит, так это собаки. Если предположить, что его ищут всерьез, преследователи могли догадаться, что, оставив машину Луизы возле ее дома, дальше он двинулся пешком. И коли так, по его следу пустят собак.

Он робко встал на ноги. Бедро болит, но, слава Богу, ничего себе не поломал.

Совершенно ясно, что в родном доме задерживаться нельзя. Мало того, он сомневался, что вообще сможет к нему подобраться. Но ведь надо удостовериться, там ли Тревор... Мартин не мог уходить, не выяснив ситуацию наверняка.

Пока он ковылял, все сильнее давала о себе знать жажда, усталость давила на плечи многопудовым мешком. И все же он понимал, что единственный шанс заключается в скорости, уж слишком много сил брошено на его поимку. С жителями одного лишь Харроу и то не удастся справиться, а тут еще вертолеты какие-то... В голову пришло, что это вряд ли полиция штата или военные, к тому же у них наверняка есть нечто куда более изощренное, чем традиционная авиация, пусть даже навороченная...

Но вот и его дом, дом Линди и всей его семьи. Чудесное жилище, которое он построил, когда получил должность штатного преподавателя. Мартин заслуженно гордился им: новый, славный домик, выполненный в стиле «Крафтсман»,

который так хорошо гармонирует с более старыми постройками в этой местности.

Окна темные, однако дом не был молчаливым и пустынным. Нет-нет, рядом стояли машины — два пикапа. Незнакомые.

Стало быть, его поджидают. Что ж, он тоже умеет ждать. Рано или поздно местные уйдут. Затем и военные отправятся восвояси. Обязательно, дайте только время.

Приблизившись к дому еще немножко, он услышал звон стекла. На его глазах из окна вылетело кабинетное кресло и угодило на клумбы, за которыми так тщательно ухаживала Линди.

Ясное дело, народ мародерствует. Ох, Господи, лишь бы они не тронули Тревора, если, конечно, он пришел. Мартин задумчиво посмотрел на убежище, сооруженное на случай торнадо. Может, Тревор там? Есть такая вероятность. Однако до убежища было ярдов пятьдесят, и он не решился пересечь открытую местность. Засевшие в доме людишки наверняка пристрелят его без предупреждения, вопроса нет.

Вернулся вертолет, завис над домом, из которого тем не менее никто не вышел. Сейчас Мартину показалось, что машина выглядит все-таки необычно, ее конфигурация отличалась от вертолетной. К тому же звук какой-то странный: мотор не пыхтит, а скорее шипит наподобие вырывающегося газа.

Вертолет облетел дом, затем быстро удалился в сторону Харроу.

Подумать только, даже приземляться не стали. Но ведь наверняка у них не было радиосвязи с теми, кто сидел внутри: там лишь одни местные жители. В таком случае чем они на самом деле заняты?

Оргия разрушения семейного очага продолжалась. Хорошо еще, народ не рискнет поджечь дом, в этом Мартин был вполне уверен. Стоял сухой сезон, а посему огонь мог перекинуться на холмы. Добровольческая пожарная команда, надо думать, приказала долго жить... словом, не будут подпускать красного петуха.

Из окон спальни Уинни полетели детские книжки, ее старые сокровища: «Зимние шумелки», «Кот в шляпе» и «Дженнифер и Джозефина». Судя по немзыкальным звукам в спальне Тревора, кто-то разбивал его синтезатор «Ямаха».

День тянулся, солнце пересекло небесную твердь, но Мартин продолжал выжидать, не в состоянии оставить за спиной опустошаемый дом, и с отчаянием, скорбью и томлением от неизвестности думал о том, что Тревор все это время мог прятаться в погребе, на чердаке или, скажем, в штормовом убежище.

В пятнадцать минут четвертого оба грузовичка уехали.

Он подождал еще, заодно методически обшаривая глазами небо. Мартин натренировался находить крошечные предметы в песке, а небо не очень уж сильно отличалось от совершенно ровной, невыразительной пустыни где-нибудь в Тунисе или Ливии.

Когда же Мартин наконец решил пойти к дому, откуда-то издалека донесся шелестящий гул. Он немедленно нырнул назад, под защиту деревьев.

Высоко в вечернем небе проплывала черная точка.

Они все еще здесь.

Мартин опять подождал, прислушиваясь к слабому звуку и не решаясь высунуть нос.

Солнце клонилось к закату, когда наконец все стихло. Он вышел к до боли знакомому дворику, который лично обрабатывал газонокосилкой тысячи раз.

Не исключено, что в доме кто-то остался. В конце концов, людей он так и не увидел, только пикапы.

Мартин двинулся вперед, морщась от довольно громкого шуршания травы под ногами. Господи, заброшенный дом — очень одинокое место.

В первую очередь Мартин проверил штормовое убежище. Открыл туда дверь, заглянул вниз, затем спустился. Все вроде бы на месте: вот керосиновый фонарь, вот коробка со свечками, два галлона воды, полная упаковка высококалорийных шоколадных батончиков... ничего не тронуто.

Значит, сын здесь не появлялся, и от этой мысли печаль придавила еще сильнее.

Он пересек дворик, подошел к крыльцу. Дверь распахнута. Мартин вошел, но перед этим не забыл проверить глазами прихожую на наличие каких-нибудь сигнальных растяжек. Прикасаюсь к двери он вообще не рискнул.

Огляделся, с каждой секундой изумляясь все больше и больше.

— Тревор, — прошептал он. Затем крикнул: — Тревор, это отец! Ты здесь? Тревор!

Наклонился, приглядываясь к останкам обеденного стола. Как такое может быть? Что сотворили с деревом? Мартин погладил рукой вздувшуюся, шишковатую поверхность.

Такое впечатление, что дерево расплавилось, по-другому не скажешь.

Нет, это не дело рук местных, тут вообще людьми не пахнет. Человечество не умеет плавить дерево. А взять хотя бы вот эти книги: превратились в порошок. Кухонные ножи выглядят оплывшими свечками.

— Тревор! — Он открыл погреб, посмотрел внутрь. — Тревор?

Никаких признаков сына.

Тогда Мартин поднялся наверх и распахнул чердачный люк.

— Тревор, ты здесь? Это я, твой папа.

Стянул раздвижную лестницу, взобрался, тщательно обшарил все углы, потому что их чердак славился массой укромных местечек. Двенадцатилетний мальчишка при желании может сделаться очень маленьким, залезть в самую невероятную щель, а Тревор был признанным экспертом по играм в прятки.

Поняв наконец, что никого здесь нет, Мартин обессилен окончательно, как паровоз, лишенный пара, и попросту плюхнулся на пол. Страдания его были невыносимы, такого, наверное, не переживал еще никто. Вот что, должно быть, называют душевной агонией: жгучее, мучительное чувство полнейшего бессилия. Всякий раз, когда перед мысленным

взором вставала бредущая куда-то вдаль Линди, прихрамывающая Уинни — его драгоценная, маленькая дочка, — у него все внутренности перекручивались. А Тревор... Знание, что мальчик где-то там, продуваемый ветрами, перепуганный и одинокий, делало Мартина совсем уж беспомощным, даже хуже, чем в той тюремной камере.

Усилием воли он подавил в себе позыв взобраться на крышу и оттуда позвать сына в полный голос. Хотя не исключено, что такой прием мог сработать.

Тревор отлично знал здешнюю лесистую местность, вполне мог прятаться неподалеку и поэтому слышал бы отца.

Мартин спустился вниз и, минуя свой кабинет, остановился в недоумении. Что это? Растерянный и изумленный, он вошел внутрь. Бумаги не забрали и даже не разодрали на клочки. Вовсе нет: их тщательно пропустили через какую-то мясорубку, превратив в перекрученный ворох тонких нитей. Сначала книги, от которых остался только порошок... а теперь вот это, уж вовсе удивительное...

Ноутбук лежал на своем месте, то бишь на столе. Мартин коснулся было крышки, желая ее закрыть, но тут же отдернул руку, когда под пальцами отвалился боковой кусок экрана. От одного тычка в клавиатуру весь компьютер рассыпался окончательно. Очередная горка пыли.

Понятно. Враги время зря не теряли, и сейчас Мартин лицезрел плоды их усилий. В тех двух пикапах, получается, и людей-то не было. Какие-то другие твари.

Тогда он кинулся к чулану, распахнул его — проклятие! Линди забрала с собой их единственное оружие, старенький помповик. До сих пор, наверное, валяется на полу церкви.

Мартин выругался, сплюнул от досады — и тут услышал знакомый звук. Поначалу тот самый клекот, который застиг его в толпе бродяг и последователей, но только сейчас он раздавался из рощи, что росла позади их дома. Через пару секунд клекот потонул в грохоте могучего двигателя — тоже знакомый звук, он слышал его на улицах городка.

Мартин пронесся по коридору, нырнул в их супружескую спальню, откуда мог видеть подъездную дорожку.

На его глазах три громадных черных «хаммера» подъехали к дому, из машин посыпались одетые во все черное солдаты. Лица спрятаны за пластиковыми щитками. Ни дать ни взять, группа спецназа, как из голливудского боевика. Впрочем, Мартин знал, что это впечатление ошибочно.

Он оказался лицом к лицу с пришельцами.

ГЛАВА 10

НЕВИННОСТЬ

11 декабря

Когда Уайли вернулся, настроение в доме царило подавленное.

— Что тут у вас случилось? — спросил он Келси, заходя в кухню с новым ноутбуком под мышкой.

Вместо ответа дочь крикнула:

— Мама, он пришел!

Появился Ник. Глаза испуганные.

— Пап, ты зачем изрубил компьютер? — В его голосе звучали слезы.

— Он приказал долго жить. Отработал свое.

— Дети, отправляйтесь наверх, — скомандовала Брук.

Келси на ходу бросила через плечо:

— Наш папочка ку-ку.

Брук выставила на стол коробку с останками его старого ноутбука.

— Чего вы так всполошились? — спросил Уайли.

— Он еще спрашивает! Набросился на компьютер с топором, а теперь удивляется, чего это, дескать, семья места себе не находит! Я требую объяснений, потому что твое поведение переходит уже всякие границы. Еще немного, и я заберу отсюда детей.

Уайли постарался ответить спокойно и рассудительно, даже улыбнулся.

— Жесткий диск отказывался удалять файлы.

— И ты решил проучить его топором?

— Я просто хотел, чтобы с него нельзя было извлечь ни байта. Разве можно выбрасывать на свалку компьютер, набитый информацией? Глядишь, а вся твоя жизнь уже в Интернете. Так что, любовь моя, я поступил здраво и поэтому не вижу никаких причин, чтобы ты отбирала у меня детей.

Брук покачала головой:

— Уайли, это становится неважноту. Просто невыносно. Я от этого так устала, что душа болит.

— Ну что ты, рыбка, ну извини, пожалуйста... Я с тобой, все у нас хорошо...

— Ладно, иди давай. Иди наверх и устанавливай свой дурацкий компьютер.

Вместо этого он шагнул к жене и крепко обнял. Брук отреагировала вяло, безразлично, но по крайней мере не стала вырываться.

— Деточка, ну будь ко мне поспнходительней, а? Ты все, что у меня есть. Потерпи.

Ее передернуло — а затем Брук уткнулась ему в плечо и всхлипнула.

— Ты только не кричи, ладно? — прошептал он. — Дети... не забывай про детей...

Наконец она взяла себя в руки. Слегка отодвинулась и взглянула ему в глаза. Они поцеловались.

С лестницы донесся возбужденный шепот Келси:

— Целуются! целуются!

Словом, подбрасываемый темным океаном семейный корабль Дейлов продолжал свой вояж без руля и без ветрил, с растревоженной командой — но все же на плаву.

Уайли купил себе на редкость замечательный компьютер, с быстрым процессором, огромной памятью, сверхъемким жестким диском... короче, со всеми опциями, которые могла предложить современная технология.

— Какой хорошенький, — прокомментировала Брук, когда он поставил новый ноутбук на стол и сунул шнур в розетку.

— А знаешь, и цена даже не очень-то высокая, — гордо сообщил Уайли. — И еще сюда можно добавлять всякие разные штучки.

Жена сидела за столом, пока он возился с подключением к локальной домашней сети. У них был Интернет, потому что из-за частых канзасских гроз беспроводная связь работала из рук вон плохо.

— А это что?

— Где? — Он подошел к столу и встал за спиной Брук.

— Двадцать двенадцать, — сказала она.

— Изрубил в щепки, как ты знаешь.

Она поднялась со стула и вытянула палец:

— Вот.

Уайли уставился на экран. Четкая крупная надпись: «2012. Битва за человека». До боли знакомый титульный лист.

Не веря глазам, он даже потрогал откинутую крышку.

— Но ты же... ведь... Уайли, ты меня пугаешь!

— Я пугаю?! Да я самолично расплющил старый жесткий диск, а эта машина и близко не была от нашего дома. Новехонькая, ты сама посмотри. Только что из коробки.

— Да? В таком случае послушай меня, потому что я готова тебе поверить. Повторяю еще раз: готова поверить. Но если ты врешь, если ты решил меня разыграть, свести с ума или еще чего-то... по каким-то там извращенным причинам... то знай, что между нами все будет кончено. И не важно, любим мы друг друга или нет, потому как я не могу — не могу *уже!*.. Меня тошнит от всей этой мистики, ты сам отлично знаешь, что это не для меня. Или успел забыть?

— Брук, честью клянусь, собственной душой, всем, что для меня свято! Я принес эту машину новехонькой. Не трогал я ее. Никаких текстов на ней не писал и категорически не понимаю, каким образом сюда попали вот эти слова!

Она кивнула. Затем поцеловала в щеку.

— Хорошо, Уайли, я решила тебе поверить. Потому что собственными глазами видела, как ты измочалил старый ноутбук. И если ты дашь мне слово, что не скопировал «2012» на внешний диск...

— Клянусь! Да и какой, к чертям, внешний диск?! Откуда он у нас мог взяться?

— Вот именно... Знаешь, мне кажется, что пришла пора расставить все точки. Мне эта ситуация крайне не нравится, здесь не просто твое типичное сумасбродство. И во мне работает инстинкт, я его чувствую. Он говорит мне: спасай детей. Будь настороже.

— А я разве против?

Она вздохнула:

— Ну хорошо. Уайли, мне нужно тебе кое-что показать. Не хотела, но... Пожалуй, тебе следует на это взглянуть. Ты только не сердись, что я это от тебя скрыла.

Брук сходила на кухню и вернулась с местной газетой, «Вестник округа Лотнер». В разделе новостей была опубликована фантастическая и довольно тревожная заметка. Во время поездки к озеру Кумбс, что лежало милях в тридцати к югу от Дейлов, пропал мужчина. «Местные жители, просившие не называть их имен, утверждают, что видели его возносящимся к небу в столбе исключительно яркого света. Поиски Уильяма Наннелли пока что не дали результатов. Собаки также не сумели взять след хозяина брошенной машины».

Уайли дочитал сообщение. Прodelал это еще раз. Схватился за телефон:

— Надо позвонить.

Мобильник Мэтта не отвечал, поэтому пришлось набрать его рабочий номер.

— Дежурная часть. Слушаю.

— Это я.

— Ты обалдел? Нашел куда звонить!

— Тогда держи мобильник включенным!

— Чтобы ты мне названивал со своими дурацкими вопросами? Тут люди работают, между прочим, а не кроссворды решают.

— Да при чем тут кроссворды?

— А кто меня домогался, когда Джо Райт упился до чертиков и стал гоняться за женой с кухонной теркой? Только я

туда приехал, а он мне звонит! Здравствуйте, пожалуйста! Или еще, бывает, выкроишь минутку перекусить, а он тут как тут — бз! бз!.. Надоело!

— Все? Закончил выступление?

— Я вешаю трубку.

— А я, между прочим, в полицию звоню.

— Если это начет набега скунсов, опоссумов или енотов, то будь добр обратиться в ФБР.

— Я насчет возможного набега НЛО на округ Мелроуз.

— Кладу трубку!

— Позвони им, а потом мне, ладно? Ну очень прошу.

— Черта с два. Это не наше дело.

— Там человек пропал. Считаешь, полиция должна на это глаза закрыть?

— Тот факт, что эта трагедия тебя интересует, вовсе не причина указывать нам, что и как делать. И мне, кстати, пора. Я серьезно. Звонили соседи Леонарда, говорят, его растреклятый дрессированный червяк опять ползает по деревне.

— Не смей вешать трубку, слышишь?! Эй? Алло!.. Тьфу! — Уайли в сердцах бросил телефон. — Пошел ученую змею ловить.

— Опять?! Господи, что за люди! Держать в доме пятнадцатифутового удава!

— У нас тоже такой есть.

— Ага, и после знакомства с ним у меня появились дети.

Зазвонил телефон. Трубку взяла Брук. Послушала, затем передала ее Уайли.

— Ты как в воду глядел, меня туда вызвали, если хочешь, присоединяйся.

— Шутишь?!

— Нет, но если будешь копать, уеду без тебя. Собаки странно себя ведут, меня просили посмотреть. Я ведь собаковод известный. Заеду к тебе минут через пятнадцать.

— А как же змея?

— Да ну ее... Тут человеческая жизнь, можно сказать, на волоске. Короче, жди меня через четверть часа.

Уайли повесил трубку. На него не отрываясь смотрела Брук:

— Ну и?..

— Съезжу туда вместе с Мэттом.

Жена бросила взгляд на газету. Медленно подняла глаза.

— Ты знаешь, что я тебя очень люблю, — сказала Брук. — Не забывай об этом.

Он потянулся к ней и коснулся руки.

— Я подумал... понимаешь, последнее время... трудно мне. И тем, кто рядом со мной... всем трудно.

— У тебя новая книжка, от которой ты сходишь с ума, а я... я жена писателя. Моя задача — не дать тебе съехать с катушек до тех пор, пока мы не получим деньги. А уж потом лови своих чертей. Когда надоест, возвращайся.

— А я всегда возвращаюсь?

Она погладила ему руку, легонько пожала пальцы.

— Всегда.

Уайли помолчал, робко глядя на Брук снизу вверх. Затем:

— Слушай, а чего наших детей не слышно?

— Они в укрытии. До окончания артналета.

— Ах да...

Брук вдруг нахмурилась, положила ладонь ему на лоб.

— Так. Ясно. У тебя жар. Марш в кровать.

С улицы просигналил Мэтт.

— Ничего, сейчас проглочу пару аспиринок, буду как огул...

— Ты без передышки работаешь вот уже несколько суток, никакой аспирин тут не поможет.

В дверях появился Мэтт:

— Эй, Уайли! Чего копаемся? Я тебе не таксист.

Между друзьями встала Брук:

— Мой муж больной как собака будет сидеть дома.

— Ой-ой. Семейная неожиданность... Знакомые дела.

— Да ты посмотри на него хорошенько! Весь выжатый, даже спать не в состоянии! — Она решительно взяла Уайли под локоть. — Заворачивайся в плед и быстро в кровать. Я больше повторять не буду.

— Извини, дружище, поправляйся скорей

Он стряхнул с плеча руку жены.

— Уайли, не смей!

— Я должен. Должен!

— Не лезь в чужие дела!

Уайли показал рукой на компьютер:

— А про это ты забыла? Я должен узнать, разобраться.

Вдруг здесь какая-то связь?

— Я запрещаю!

Тишина. Легчайший шорох осыпающейся с потолка штукатурки. Решение обожгло своей радикальностью.

— Я обязан это сделать, — негромко промолвил он, — или у меня отберут душу.

Брук заморгала, вытерла с глаз слезы, затем кивнула.

— Что ж, прощай, — прошептала она.

— Брук...

Жена покачала головой, отступила на шаг, внезапно повернулась и скрылась на кухне, где занялась мытьем посуды.

Отъезжая с Мэттом от дома, Уайли мог слышать звяканье тарелок и видел силуэт Брук в окне. Да, наверное, что-то действительно оказалось потерянным между ними. В их браке появился какой-то плавун, зыбучий песок. Чем больше пытаешься себя спасти, тем глубже в нем увязаешь.

Уайли молчал, Мэтт тоже воздерживался от болтовни. Они с таких давних пор были друзьями, что порой ничего не требуется говорить.

Машина пересекла Харроу, выехала на пахотные земли к югу от города.

— Буря идет, — наконец сказал Уайли, — смотри, какая сволочная туча.

Западное небо было битком забито облаками, и Уайли знал, что если в этом мире разразится шторм, то в той вселенной он будет в десять раз хуже. Его разбирало беспокойство за судьбу тех людей. Что станет с бродягами, застигнутыми ветром и дождем? А взять, к примеру, Мартина с его безнадежными поисками? Вот блестящий археолог, который

почувствовал, что может спасти свой погибающий мир, если только сумеет провести линию между разрозненными точками, но сейчас он хотел лишь одного: воссоединиться с сыном и каким-то образом выволить их обоих из опасности.

Хуже всего то, что Уайли ничем не мог им помочь. Про страдания и горе ведал, а вот как действовать, не знал.

Например, не имел возможности предупредить Ала Норта насчет генерала Самсона. Не мог помочь Мартину разыскать Тревора. Или вернуть потерянную душу хотя бы одному из бродяг.

Так что же с ним происходит?

Ехали молча, Мэтт по GPS-приемнику отыскивал совсем уже заброшенные дороги.

— Мы вообще где?

— Где, где... У черта на куличках. Я так думаю, здесь какие-то голодранцы живут.

— А, трейлерный поселок...

— А по мне все едино. Как дойдет до поножовщины, тогда начну их различать: вот шпана, а вот «терпилы».

Уайли почти его и не слушал. Потерял всяческий интерес к болтовне. Здесь не до шуточек.

— Мэтт, ты знаешь, что тот парень якобы исчез в столбе света?

— Угу. И еще я знаю, что собаки обнюхали сиденье, но с места не тронулись. Не берут след.

— Стало быть, его и вправду утащило через тот столб.

— Сначала надо собачек увидеть, а уж потом делать выводы.

Машина свернула на подъездную дорогу.

— С прибытием вас, — пробурчал Мэтт.

Они подкатили — но не к обшарпанному трейлеру, а к изысканному, ультрамодерновому зданию, настоящему шедевру современной архитектуры. Во дворе стояло с полдюжины полицейских автомобилей, кое-где даже с включенными проблесковыми фонарями. Царила полнейшая тишина, если не считать пощелкивания реле «мигалок».

— Ничего себе домишко, — заметил Уайли.

— Я бы сказал...

На визг тормозов появилась какая-то женщина, внешне такая же строгая, как и ее жилище, Уайли даже подумал, что она сильно смахивает на Хельгу Тесторф со знаменитых — и неизмеримо печальных — работ Эндрю Уайета.

С более близкого расстояния на ее лице стали заметны размазанные слезами потеки туши. В дверях, рядом с женщиной, возник мальчик-подросток. На нем были мешковатые джинсы и черная футболка.

Она подошла, молча встала рядом с Уайли, настолько близко, что он смог уловить кисловатый запах ее дыхания. Затем, не говоря ни слова, женщина припала к нему на грудь и обхватила обеими руками.

— Мне очень жаль... — пробормотал Уайли. — Поверьте...

Она заглянула ему в глаза:

— Я вас знаю.

Господи Боже, только этого не хватало...

— Я из городка Харроу. Наверное, вы меня там видели.

— Нет-нет, я вас знаю из вашей же книги. Вы говорили, что они добрые. Прямо в своей книге так и написали: они добрые.

— Скорее, странные...

— Ничего они не добрые. Нет, мистер Дейл, совсем наоборот. Он купил все ваши книжки. Хотел вступить с ними в контакт, отправился к скалам, на встречу... И вот что вышло...

— Миссис Наннелли, нам нужно всегда помнить, что мы ничего не знаем про пришельцев — даже не уверены, на самом ли деле они пришельцы. Вот почему моя книга не дает ответов, напротив, она ставит вопросы. Потому что мы ничего не знаем.

Женщина положила руки ему на плечи. Глаза угольками прожигали дорожку к его душе.

— Я видела свет, — прошептала она. — В позапрошлую ночь. Весь дом был окутан светом.

Господи...

— И этот свет... он что-то делал? — спросил Уайли.

— Все кругом загорелось ярко-ярко, а потом он пропал, только гроыхнуло, как во время грозы, хотя никаких туч я не видела. Словом, свет ушел, а муж мне и говорит, мол, это они. Назавтра отправился к скалам, свет опять спустился и забрал его с собой.

Получается, это не был убивающий свет, тут что-то другое... Но что?

— Об этом фермеры рассказали?

Она кивнула.

— Вы ведь общаетесь с чужаками, так написано на вашем веб-сайте. Поговорите с ними!

Сайт Уайли Дейла создал Ник в компании с друзьями. Выглядело все очень симпатично, однако там не было ни слова о том, что он до сих пор контактирует с пришельцами, к тому же и без его опусов имелось много других книг на эту тему.

Подошел подросток:

— Пожалуйста, мистер Дейл, скажите им, чтобы они вернули отца!

Ему, наверное, лет семнадцать. Долговязый, нескладный парнишка со страдальческим лицом. Создавалось впечатление, что он испытывал физическую боль — и, насколько мог судить Уайли, так оно и было.

В голову пришло, что он сваял дурака: не стоило здесь появляться.

— Позвоните им, — прошипел парень.

— Я не знаю как...

— Не увиливайте!

В этот момент из-за угла дома вышел полицейский. Лицо угрюмое.

— Миссис Наннелли...

— Нет! Нет!

— Мэм...

— Боже мой... Боже мой... — Женщина содрогнулась, словно ее только что вздернули на виселицу, и судорожно прижала к себе сына.

Со стороны болотистой низины к дому приближались люди. До них оставалось порядка тысячи футов, и Уайли успел в подробностях рассмотреть, как играет солнце на серебристых поручнях каталки, как подрагивает на рытвинах черный длинный мешок...

— Миссис Наннелли, нужно провести опознание.

Женщину чуть не стошнило от страха и горя, однако она не издала ни звука, отчего наблюдать за этими молчаливыми судорогами было еще труднее.

Какой-то мужчина в мокрых замызганных джинсах растегнул мешок, и Уайли увидел нечто настолько неожиданное, что чуть было не вскрикнул. Мужская голова, но с черными дырами на месте глаз, зубы скалятся из лишенного губ рта...

— Вы его узнаете? — спросил один из полицейских.

— Отец! — завопил юноша. — Что случилось с моим отцом?!

— Ускоренный распад тканей... Он пролежал на болоте...

— Что вы несете! — взвизгнула миссис Наннелли. — Над ним надругались, вот что это такое! Моего мужа изуродовали, как скотину!

Уайли отлично знал, что на протяжении последних пятидесяти лет имели место многочисленные случаи загадочных издевательств над домашним скотом. Фермеры находили мертвых животных с вырванными губами, языками, глазами, половыми органами, вырезанными прямыми кишками... Зачастую трупы выглядели так, словно их сбросили с большой высоты, причем в ночь перед этим люди видели над полем яркий свет. За период между 1970—2000 годами было зафиксировано свыше пятидесяти тысяч таких сообщений, но власти всякий раз отмахивались, заявляя, что во всем повинны-де койоты, что, разумеется, было чистой воды враньем, — а вот теперь дело дошло до человека, которого умертвили точно таким же образом.

В голове зашевелилась жуткая мысль: «У меня дом стоит на отшибе. Что, если они за мной вот так придут?»

Один из полицейских заявил:

— Мэм, вам нужно прямо сказать, на самом ли деле это мистер Наннелли.

Она кивнула. Затем еще раз, энергичнее:

— Да. Наверное. Мне так кажется. Ох-х, Господи... Боже... — Она вцепилась в Уайли. — Помогите же мне! Помогите!

С ней было очень неприятно находиться рядом, кислый запах пота с такой силой лез в ноздри, что Уайли едва не стошнило.

Залитый слезами парнишка пролепетал:

— А если они вернутся?.. Что с нами будет, мистер Дейл? Действительно, что?

Уайли не мог дальше отмалчиваться, однако понятия не имел, что сказать. В памяти всплыли те твари, с которыми он сам столкнулся, существо, сидевшее в комнате генерала Нор-та, — и он понял, о чем идет речь, иного объяснения не имелось. Чужаки пытались пересечь барьер, пролезть во вселенную, которая не хотела принимать их как реальность, и вот сейчас мы имеем дело с побочным эффектом этих мучительных усилий.

Мальчишка прыгнул, и Уайли вдруг оказался на земле под градом могучих ударов. Он попытался прикрыться, но парень своими кулаками насквозь пробивал защиту его суетливых, неумелых рук.

Мэтт с помощью других полицейских оттащил младшего Наннелли в сторону.

— Отец хотел с ними встретиться! И вот что вышло! Сволочь ты! Сволочь! Ты все наврал!

— Убирай его отсюда, — приказал Мэтту один из его коллег. — Вези этого урода назад. На кой черт ты вообще его сюда притащил?

— Думал, поможет чем-нибудь. Он вроде бы разбирается в таких делах.

— Ты только из меня дурака не делай, ладно? — Затем полицейский повернулся к Уайли: — Закон не запрещает писать всякую чушь и морочить людям голову... но должен сказать вам, мистер, что в аду обязательно найдется особое мес-

течко для таких лживых подонков, как вы! Этот человек погиб, и пока что мы не знаем, каким образом это случилось, но ваши зеленые человечки тут ни при чем! И зарубите это себе на носу!

— Нет, — промолвил Уайли, и в его негромком голосе было нечто такое, что заставило их всех прислушаться. — Я не лжец. А самое обидное в том, что если бы я побольше знал об этом или если бы к моим словам отнеслись серьезнее, то вот этот человек остался бы жив.

Он вернулся в машину и захлопнул дверцу. Подумав секунду, заблокировал замок: береженого, как говорится...

Мэтт сел за руль, и они уехали. Оглянувшись через плечо, Уайли бросил последний взгляд на сказочный домик у черта на рогах.

— Я кое-кого видел, — вдруг сказал Мэтт. — Возле твоего дома.

— Seriously?

— Прошлым вечером.

— А я никого не заметил...

— Ты в это время на кухне торчал.

— А... а ты где был?

— На холме. Хотел проверить, не лазал ли ты в мою сигарную заначку. Короче, иду — а тут этот парень шмыг через дворик. Подошел прямо к вашему окну, взглянул на тебя, потом свернул за угол к черному входу, а через несколько секунд зажегся твой компьютер.

— Когда это случилось? — спросил Уайли.

— Около восьми.

— В восемь часов?! Да у нас в это время все были на ногах!

— Во всяком случае, никто ни сном ни духом. Да и он был тихий такой. Пронырливый.

— Пришелец? Ты его разглядел?

— Человек как человек.

Мэтт вырулил на автомагистраль. Погода к этому времени успела резко ухудшиться. Он нажал пару кнопок на полицейской рации, и механический голос принялся докладывать

текущие штормовые предупреждения Национальной метеорологической службы. Шквалистый ветер в Хейл, некоторые дома в Холкомбе лишились кровли, в округе Мидвуд замечено торнадо... Да, быстро надвигалась опасная буря.

Мэтт прибавил скорость.

— Уайли, ты как думаешь, нам достанется?

— Боюсь, что да. Ты только посмотри, что там творится...

Ураганные тучи стояли стеной, чье основание было черным, с прожилками молний.

— Мэтт, мне так страшно, что дальше уже некуда.

— Слышу-слышу...

— Так ты говоришь, это был человек? Вроде нас с тобой?

— Скорее, пацан какой-то. Нику ровесник, я думаю. Примерно лет двенадцать-тринадцать.

— То есть местный? Зашел за Ником? Его приятель, наверное.

— Ну это вряд ли. Я же тебе говорю: он подошел к дому со стороны заднего двора, тайком заглянул в окошко, нырнул за угол...

Н-да, из местных мальчишек никто бы не стал себя так вести. К тому же в городке вообще насчитывалось где-то с сотню двенадцатилетних школьников, и Уайли их всех знал.

— Стало быть, не из наших сорванцов, — пробурчал он.

— Ни в коем случае. Выглядел он... даже не знаю, как сказать. Пожалуй, ближе всего будет «встрепанный и растерянный». Вот именно. Типа старался сообразить, что к чему, и не мог.

— Я не думаю, что он пытался забраться тайком. С какой стати? Мы ведь не запираемся до самой ночи. Вполне мог просто зайти через дверь.

— А я говорю, что он залез к тебе в кабинет, потом вышел и направился в сторону Сондерса. Я за ним. Думал, это какой-то мальчишка из города. Но представляешь, он подошел к ручью, стал его пересекать, но на том берегу не появился. Исчез.

— Как так исчез?

— Богом клянусь.

— Почему же ты нам об этом не рассказал? Почему не зашел?

— А вы там орали друг на друга.

— Но ты уверен, что он исчез? Вот прямо взял — и испарился?

— Он сделал несколько шагов там, где брод. А на середине пропал. Напрочь.

Господи милосердный, это же Тревор... Каким-то образом преодолел барьер между мирами и даже, наверное, не догадался об этом. Шел домой, а очутился здесь.

Уайли уже в течение долгого времени подозревал, что те черные пантеры, которых местные жители иногда замечали в лесной чаще и называли «кошкодлаками», появлялись из параллельной вселенной. Эти животные, по-видимому, выработали у себя способность перемещаться между мирами в минуту опасности.

Кроме того, он читал книгу «Охота на оборотня», в которой рассказывалось о событиях на одном из ранчо в Юте, где ученые задокументировали перемещения таких животных — но не между этой Землей и планетой Мартина, а еще одним миром, населенным созданиями, относящимися к нашему ледниковому периоду.

Мысли в голове Уайли неслись вихрем, только он не знал, куда они его заведут.

Повисло молчание. Уайли вспомнил про бедолагу, чьи изувеченные останки он только что видел. Как это все прикажете понимать? Надо думать, они что-то такое пытались сделать, чтобы попасть в наш мир. Но что конкретно?

Взяли и изуродовали несчастного отца семейства... Стало быть, забрали кое-какие его органы и так далее.

Уайли передернуло. Такое впечатление, что стоит немножко подождать, и ответ придет сам собой, причем ответ очень неприятный.

Буря принесла с собой длинные, шквалистые порывы ветра, и на полицейской волне все чаще раздавались вызовы, связанные с трейлерными поселками. Как было известно любому жителю Аллеи торнадо, трейлеры словно магнитом при-

тягивают смерчи, и вот, кстати, почему в сентябре оказался разрушен один лишь трейлерный парк «Кан-Зас».

— Что-то здесь не так, — наконец сказал Мэтт. — И меня совсем не тянет соваться в это дерьмо... Знаешь, Уайли, всяческая хрень за тобой будто увивается. Никогда тебе этого не рассказывал, но как-то раз — еще в детстве, было мне тогда лет одиннадцать-двенадцать, — ехал я поздней ночью на велике мимо дома Сью Вольф... Еду, значит, и мечтаю: может, она на крылечко выглянет и мы поболтаем или я наберусь смелости позвонить ей прямо в дверь, что-то в таком духе... Так вот, сворачиваю я на Уинклер — бац! — а над твоим домом столб света.

— Да что ты...

— Я было решил, что у вас пожар. А потом нутром почувствовал: смотрит оно на меня. Неприятно так смотрит, недовольно.

— Когда это было?

— Летом... э-э... кажись, восемьдесят восьмого.

— Да нет же! В котором часу?

— А-а, да поздно уже! Может, и за полночь. Как ты понимаешь, я не мог рисковать, чтобы она меня засекла. Жирдяй, а туда же: запал на первую школьную красавицу.

Они подъехали к дому Дейлов. Когда Уайли вышел из машины, то увидел на щеках Мэтта капельки — слезы? — но ничего об этом не сказал, а просто попрощался и проводил отъезжавшую машину взглядом.

Махнув рукой на близкий ураган, он спустился к Сондерсу, пробравшись между раскачивающихся деревьев.

Ручей как ручей, течет себе спокойно. Из-за дождя вода немного поднялась, но здесь тоже ничего странного нет.

— Привет, пап.

— Ник!

— Я тебя из дома заметил.

— Ну, я... просто гуляю.

— Тот парень пришел из другого мира.

От изумления Уайли потерял дар речи.

— Я читал твою книжку и знаю, что это все на самом деле происходит.

Ник вырос немножко замкнутым мальчиком. Сообразительным, что доказывали его оценки, но не очень общительным. Впрочем, с отцом у них было полное взаимопонимание.

— Ты прочел мою книгу?

— И не одну, а все.

— А этот парнишка... Ты его видел?

— Отец, пойдем-ка, я тебе кое-что покажу.

Ник подвел его к стремнине. Над головой уже сильно громыхало, бесновался ветер. Мимо летели листья, красно-желтый вихрь. Удивительно красивое зрелище, подумал Уайли, но все же совершенно нормальное.

— Смотри, — сказал Ник. Он подобрал речной голыш и плашмя метнул его над водой, будто играл в «блинчики», хотя при этом взял неправильный прицел, потому что галька подлетела слишком высоко.

На глазах Уайли произошло нечто странное: камешек подпрыгнул. Не очень сильно, но прямо в воздухе.

Сын кинул еще один голыш, и на этот раз, надо полагать, по правильной траектории, коль скоро камешек исчез, так и не коснувшись воды.

— Господи, сынок... Ты когда это обнаружил?

— Он это проделал сегодня днем.

— Он был здесь?

— В твоем кабинете... Пап, он совсем грязный и очень испуганный. И мне кажется, его зовут Тревор. Он читал твою книгу.

Мир покосился, и ураган был тут ни при чем.

— Боже милосердный... — выдохнул Уайли.

Он повернулся и бросился к дому. Ник за ним.

— Вы о чем думаете? — накинулась на них Брук. — Неужели не понятно, что на улице ливень?

— Они могут ею воспользоваться! — крикнул Уайли, взбежав на второй этаж. — Моей книгой!

— Что? Кто?! Ник, да что происходит?

Мальчик в нерешительности остановился и сказал:

— Чем ближе подходит двадцать первое, тем шире раскрываются порталы, и один из них расположен прямо на Сондерсе, над водой. Это дверь между нашей Землей и миром Мартина, и они ею пользуются. Его сын, например. Мы думаем, что это Тревор. Он хотел прошлым вечером попасть домой, но вместо этого прошел через портал.

Уайли добавил:

— Радость моя, вообрази только: если они смогут прочесть книгу, как это им здорово поможет! Мы могли бы рассказать им, что генерал Самсон — предатель...

— Отец...

— Могли бы помочь им разыскать бродяг... Да и вообще, а вдруг это позволит все исправить?..

— Отец, мне кажется, Тревор попал сюда случайно. Вот почему он был такой испуганный и озадаченный. Ему-то казалось, что он пришел домой, и поэтому не мог понять, отчего изменилась вся мебель, откуда взялись незнакомые люди в их доме... и так далее. А потом он наткнулся на книгу.

— Но ведь он вернется. Конечно!

— Пап, ну откуда мы можем это знать?

Уайли зашел в кабинет. Сел перед компьютером.

— Здесь что-то более крупное назревает. Иначе откуда мог взяться тот портал? К тому же загадочные, враждебные силы не дали мне уничтожить драгоценную рукопись.

— Э-э... понимаешь... в общем, это мы с мамой.

— Пardon?!

Ник кивнул:

— У нее есть флешка, она все время носит ее с собой, в кармане. Держит на ней твою книжку. — Он помолчал. — Не злись, ладно? Это ведь я написал код, который не позволял тебе стирать файлы.

— Ты умеешь программировать? Вот уж не знал...

— Да там ерунда, чуть-чуть только.

— Нам надо разыскать Тревора. Я должен о нем написать. Рассказать ему о том, где находится Мартин, дать план действий...

— Об этом лучше помалкивать. — В дверях стояла Брук, держа флешку на раскрытой ладони.

— Но ведь ты... мы...

Она приложила палец к губам:

— Ни слова об этом. Слышите? Обоим говорю. Не подготавливайте события.

Вошла Келси, залезла к отцу на колени.

Все замолчали. Уайли почувствовал, что творится что-то не то. Странное, непонятное впечатление.

— Что происходит вообще?

— Уайли...

Келси уткнулась носом ему в лицо, взяла за уши.

— Папочка, никогда-никогда нельзя об этом говорить. — Дочь помотала головой. — Ни за что.

С этими словами она подарила ему слюнявый поцелуй и, хихикая, убежала в коридор.

Жена с сыном пристально смотрели на Уайли. В голове вновь мелькнула мысль о семействе Наннелли и о том, насколько близко к их дому произошла эта трагедия.

Рептиляне атаковали там и вполне могут пожаловать сюда. Пять лет назад они открыли портал совсем неподалеку от жилища Дейлов. Спрашивается, что им может помешать пройти вслед за Тревором и пролезть через «дверь» на ручье?

— А что, если нам грозит большая опасность? — спросил Уайли.

— Вот именно, — кивнула Брук.

— Но я не знаю, о чем писать. Понятия не имею, каким должен быть сюжет.

— Тревор. Думай только о Треворе, — негромко сказала она.

Уайли зажмурился.

— Убери все мысли, расслабься, — посоветовал Ник. — И тогда оно само к тебе придет.

Перед внутренним взором появилась знакомая физиономия. Седые волосы, серые глаза, жесткие и высокомерные черты.

— Проклятие, мне не нужен Ал Норт!

И тут оно случилось. Уайли словно угодил в могучий поток, который захлестнул, подавил разум и силу воли.

Откинув голову как от удара в челюсть, он принялся печатать. Пальцы сами собой порхали над клавишами. Наконец он решился прочесть изливавшиеся из него слова.

— Ал, — прошептал он. — Ты хочешь, чтобы я рассказал твою историю?..

За окном гроыхнуло, с неба обрушился град, застонали деревья. Внутри себя Уайли беспомощно кричал на человека, который не мог его слышать, и эти вопли эхом разносились по дому, объятому мраком бури.

Жена принесла ему воды. Она всегда ухаживала за Уайли, когда он работал.

Ник спустился вниз, чтобы проверить оружие.

ГЛАВА 11

ГОРА ЛЖИ

11 декабря

Чем дальше углублялся Ал в лабиринт Шайеннского центра, тем лучше себя чувствовал. Текущее задание несло в себе смысл, наблюдался несомненный прогресс и даже имелись серьезные шансы на успех. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы сюда попасть, однако все в конечном итоге получилось. Проблема заключалась вовсе не в том, чтобы отыскать работающий самолет или даже подобрать экипаж. Нет, прежде всего требовалось найти достаточное количество топлива.

Но стоило очутиться в центре... О, здесь царил дух Военно-воздушных сил в самом подлинном его понимании. Эти люди не испытывали постоянной угрозы, и разницу можно было почувствовать хотя бы в том, каким твердым и четким звучал их шаг, непринужденно переливался смех в офицерской

столовой... Разительное отличие от пораженческих настроений в той западно-виргинской цитадели, где у каждого на уме была лишь самая мрачная картина. Зато здесь Норт видел настоящих триумфаторов, людей, привыкших побеждать. Они и понятия не имели, что находятся на борту «Титаника», и поэтому Ал старался демонстрировать уверенность, которой вовсе не чувствовал. Ничто не должно нарушать боевой дух.

Молодая женщина в чине капитана сопровождала его до тест-зоны. Выглядела она лет на тридцать, вся из себя чистенькая, очень ухоженная и улыбающаяся. Шла она чуть впереди под мягкий посвист подошв из антистатического материала.

Сегодня люди впервые попытаются извлечь живую душу из тела. После этого подберут нужный частотный спектр и уничтожат ее. Вот такой вид казни, пока что пробный вариант. Приговоренный был настоящим монстром, доставленным, кажется, из федеральной тюрьмы особо строгого режима, что расположена во Флоренсе, штат Колорадо, и после его умерщвления не останется даже того, что ранее считалось вечным и бессмертным.

Не исключено, что при этом удастся извлечь дополнительные выгоды, потому как если предположить, что реинкарнация существует, такая казнь будет означать, что его мерзкая душонка никогда не вернется к жизни. Как знать, может, тот факт, что человечество преследуют преступления, тем и объясняется, что души злодеев, так же как и других людей, всегда возвращаются и продолжают свои антиобщественные поступки. Более того, если, скажем, удастся-таки выиграть эту войну, мы научимся потом сортировать человечество на тех, кто достоин вечности, и тех, кому дорога туда будет отныне заказана.

Однако в этом состоял только один аспект данного эксперимента. Неизмеримо более важным было знание о том, как именно стыкуются между собой душа и тело, что позволило бы придумать механизм защиты от света. Диски следовали за границей дня и ночи, методично обрабатывая всю

Землю, беспрестанно атакуя, причем на данный момент ни одна попытка применить против них водородное, нейтронное или хотя бы обычное вооружение не увенчалась успехом.

Англичане и французы сосредоточили усилия на самых отдаленных линзах, подрывали ядерные заряды в воздухе и под землей, заливали потоками электромагнитного излучения и даже обстреливали из пушек.

США полностью сконцентрировались только на одной линзе, что была расположена на острове Пасхи, вновь и вновь возвращались к ней при полной поддержке со стороны других империй, однако результаты всякий раз оказывались нулевыми.

Рядом с линзой высадили морскую пехоту, которая попыталась было открыть огонь по вылетающим дискам, однако в конечном итоге все подразделение превратилось в свет, а пули и снаряды попросту прошивали диски насквозь, не причиняя им ни малейшего вреда.

Сейчас, впрочем, вся эта возня затихла. Связь накрылась в планетарном масштабе. Спутники молчали, широкоэвещательные передатчики не могли работать из-за искусственно наведенных изменений в ионосфере, а проводные коммуникационные каналы не пропускали сигналы из-за электромагнитных импульсов, излучаемых из космоса. Ответственные за это объекты — четырнадцать штук общим числом — окружали Землю на высоте двадцать одна тысяча километров над каждой из линз. Хотя они и не находились на точной геостационарной орбите, астрономы (вооруженные любительскими телескопами, потому что оборудование серьезных обсерваторий уже не функционировало) утверждали, что эти загадочные объекты не меняли своего положения. Военным приходилось довольствоваться капризной однополосной связью и парочкой волоконно-оптических сетей, которые пока что успешно выдерживали натиск излучаемой сверху электромагнитной энергии...

Красавица с погонями капитана остановилась возле стальной двери и вбила цифровой код. Дверь отъехала в сторону.

Впереди лежал туннель с заметным уклоном вниз. Возле входа располагался небольшой обтекаемый вагончик, поставленный на какую-то черную полосу, которая уходила, судя по всему, в недра Земли.

— Здесь наш вокзал, — пояснила она, приглашая Норта забраться внутрь.

Внешне это напоминало аттракцион в парке, однако когда капитан закрыла дверь, Ал отметил, что уплотнение было полностью герметичным. Сквозь небольшое лобовое стекло он видел бетонный туннель с кабелепроводом под потолком.

Она нажала кнопку, и вагончик удивительно плавно тронулся в путь, не создавая при этом никакого шума.

— Что это за система?

— Магнитная левитация.

Норту еще не доводилось встречать такие штуки, однако футуристическая атмосфера, создаваемая маленьким, бесшумным и высокоэффективным вагончиком, который все глубже забирался под землю, приободрила генерала настолько, что в сердце вновь встрепенулась надежда на победу.

— Сэр, мы выходим на крейсерскую скорость.

— Сколько?

— Двести восемьдесят километров в час.

— Вы шутите!

— Сэр, сегодня вы увидите множество чудесных образчиков техники. Я хочу сказать... Сэр, здесь у нас настоящий новый мир.

Он бросил взгляд на часы и прикинул цифры в уме. Двести восемьдесят... Другими словами, чуть больше четырех километров в минуту. Пока что они отъехали, получается, примерно на три мили. Норт засек время.

— Как вас зовут, капитан?

— Дженнифер, сэр. Генерал Берт Мазл мой отец. Я представляю собой ВВС в третьем поколении, сэр.

Он никогда не слышал про Берта Мазла, хотя по идее все генералы должны быть знакомы друг с другом. Пресловутый клуб избранных.

— Старина Берт, — кивнул он. — Ну конечно.

Кем бы он ни был, этот старина Берт, дочка его действительно хороша. Умница к тому же, иначе как бы она попала в центр? Ал не думал о сексе уже очень давно. Многие женщины привлекали его, но всякий раз, когда Норт пытался завязать отношения, он терялся и не знал, что делать дальше.

Генерал до сих пор носил в бумажнике карточку Сисси. На ней его жена ослепительно улыбалась за столиком в офицерском клубе, куда они ходили на танцы. Выражение лица чуть удивленное, как если бы фотограф застиг ее врасплох. Глаза светятся весельем. Кожа слегка поблескивает испариной, потому что они только что вернулись на свои места после энергичной румбы. Годом позже она сказала: «Ал, подойди-ка, пожалуйста...» — и упала мертвой посреди спальни. Обширная аортальная аневризма. Было ей в ту пору тридцать восемь...

— Генерал, как вы себя чувствуете?

— Спасибо, в порядке.

— Вы ведь раньше не входили в список допущенных к этому проекту?

— Судя по всему. Хотя сам считал, что знаю все.

Она улыбнулась:

— В таком случае рассматривайте это как удивительный шанс, который выпадает раз в жизни. Буквально.

— Какие последние сведения о нашем заключенном?

— Готовится к дуплексной смерти. Это мы такое название придумали.

— Что он совершил?

— Не знаю, сэр. Во всяком случае, мальчик он нехороший. Мы с такими не дружим.

— Хм. Пожалуй... А нам точно известно, что душа продолжает существовать отдельно от тела?

— Безусловно, сэр. Мы уже научились вынимать и класть ее обратно.

— Ого!

— Сэр, мы делаем колоссальные успехи в этом направлении. Мчимся вперед с каждой минутой. Теперь мы совершен-

но точно знаем, что если убить тело, душа не умирает и не теряет целостность. Впрочем, ее можно разрушить.

— Каким образом?

— На определенной частоте она разлетается на части. Превращается в триллионы электронов. Распадается вся ее структура, крошечные кусочки сознания навсегда раскидывает по космосу.

Н-да-а, прогресс удивительный. Прямо скажем, гениальный. Работы ведутся наперегонки со временем, но если дела пойдут так и дальше, не исключено, что можно успеть узнать достаточно много, чтобы выиграть войну.

— Сможем ли мы вернуть души обратно в бродяг?

— Теоретически... да.

— О! Вот это будет настоящая победа!

— Нам плюс, супостатам минус.

— Мы это делаем не для галочки.

— Так точно, сэр.

Очередной взгляд на часы сказал ему, что они преодолели семь миль и, стало быть, уже не находятся под Шайеннской горой.

Норт вытянул ноги и поудобнее откинулся на спинку кресла. Крошечный вагончик размером с джип сейчас проходил под самым могучим из всех кабелепроводов, которые он когда-либо видел: черная бесконечная река, прикрепленная к скальной породе толстенными стальными хомутами, чье мелькание на такой скорости создавало гипнотический эффект. По обеим стенам туннеля через каждые полсотни футов были подвешены фонари, но светили они столь тускло, что не рассеивали темноту. При взгляде сквозь лобовое стекло создавалось впечатление, что с обеих сторон путевая галерея была испещрена крошечными иллюминаторами, которые скользили мимо непрерывным потоком.

— Это силовой кабелепровод?

— Да, причем он передает энергию колоссальной мощности. Иначе не получится изменить картину распределения электронов. Если нарушить собственную частоту души, она

становится неустойчивой. После этого достаточно увеличить подачу энергии и — бабах! — душа разлетается на ошметки. Как яйцо в микроволновке.

— Кого-то уже доводилось убивать таким способом?

— Пару дюжин.

— Но это были только тела? Души оказались не затронуты?

— Их просто вынули. Психоэкстракция, другими словами, хирургическое извлечение души. Сегодня мы впервые пробуем довести дело до конца.

— А вот те души, которые вы... э-э... психоэкстрагировали. Где они сейчас?

Лицо его спутницы помрачнело, она погрузилась в угрюмое молчание. Можно подумать, вопрос ее чем-то оскорбил. Но почему? Разве это причина для обиды, если наука еще не получила все ответы?

К этому моменту они удалились на восемнадцать миль. Восемнадцать! Где расположена эта чертова лаборатория? Кто ее строил и когда? На память пришло заявление правительства от 21 декабря 2001 года, в котором утверждалось, что министерство обороны умудрилось «потерять» триллион долларов. Он тогда еще подумал, что деньги пустили на какой-нибудь проект — вроде этого, например.

Стало быть, работы велись в течение долгого времени, потому что комплексы такого масштаба строятся годами. А то и поколениями. И уж конечно, средства на это уходят триллионные.

Двадцать две мили.

— Я так понимаю, мы опускаемся?

— Да, сэр.

— И?..

— В настоящий момент находимся на глубине шесть тысяч метров, сэр.

Бог ты мой, это же двадцать тысяч футов! Восемнадцать миль в сторону и четыре мили вниз.

— А почему так глубоко?

— Не хотим, чтобы души разбежались. Очень уж они скользкие.

— Получается, они знают, что с ними произошло?

— Душа — штука живая, и об этом следует все время помнить. Если ей что-то не понравится, она тут же попробует улизнуть, пустится на хитрости. А если наружу вырвется хотя бы одна из них, то враг ее немедленно засечет и догадается, чем мы тут занимаемся. Вот поэтому такая глубина. Лучше места не придумаешь.

— И кто стоит в охране?

— Сэр?

— Кто-нибудь ведь присматривает за всем этим хозяйством? Спутники какие-нибудь? Так сказать, орбитальные попечители.

— Они не функционируют с прошлой недели. Впрочем, подходы оцеплены полицией, к тому же везде стоят специальные датчики.

Другими словами, этих ученых хоть голыми руками бери. Ну-ну. Если противник хотя бы чуточку пронюхает о том, что здесь творится, он пожалует с визитом. С ходу, не раздумывая.

Вагончик остановился.

— Сэр, мы достигли второго уровня. Дальше надо спускаться на лифте. Пожалуйста, оставайтесь на месте. Сейчас будет выровнено давление.

Дверь вздохнула, раздался свист воздуха, и у Норта заболели ушные перепонки.

— Что за черт?

— Сэр, на этой глубине давление составляет четыре атмосферы.

Когда спутники вышли, свод оказался настолько низким, что Алу пришлось втянуть голову в плечи. Помещение было выбито в цельном базальте, черные поблескивающие стены хранили на себе следы бурового инструмента. Норт поежился от мысли, что над ним нависло несколько миль камня. Не говоря уже о том, что во всех направлениях также сплошная скальная порода. Он словно внутри гроба очутился.

Каким образом им удалось устроить себе такой комплекс, не поставив в известность ОКНШ?

— С каких пор вы здесь работаете?

Она бросила на него косой взгляд, но отмолчалась и вместо ответа пригласила зайти в лифтовую кабину, напоминавшую морозильник на промышленной хладобойне. Очень тесно, зато повсюду чрезвычайно толстая изоляция. Вокруг стен расположились скамейки с сиденьями для четырех человек. В глаза бросились привязные ремни безопасности.

— Это действительно необходимо? — спросил Норт.

— Настоятельно рекомендую, — сказала она, пристегиваясь.

Раздался металлический лязг, затем возник жужжащий звук, вскоре превратившийся в свист, и генерал очутился практически в невесомости. Того и гляди прижмет к потолку. После нескольких суетливых попыток удалось наконец накинуть ремень.

— Три мили вниз, — сказала она.

Опять?! И так успели отъехать на тридцать пять миль вбок и опустились на девять миль — а тут еще три! Уму непостижимо! Он даже не слышал о существовании технологии, которая позволила бы такое проделать. Впрочем, кто-то другой явно знал больше, и эксперименты над душами проходили здесь с давних пор.

— Очередной Манхэттенский проект, только вместо атомной бомбы речь идет о человеческой душе, — поделился он своими соображениями.

— Так точно, сэр. И допущенных к нему лиц крайне мало.

— Самсон?

— Проектный директор.

Нет, каков мерзавец! Хотя, конечно, секреты он хранить умеет, в этом ему не откажешь.

— Впечатляет. Я даже не догадывался.

Лифт гудел и слегка подрагивал. От замкнутого пространства становилось не по себе. И если честно, чем ближе подходила минута, когда они займутся уничтожением души, тем большее беспокойство вызывала вся эта затея. Норт не понимал, как преступник — пусть даже самый отъявленный —

может заслуживать подобной участи. Уж не суются ли они в Божескую епархию?

Если на то пошло, Норту очень хотелось позвонить Самсону и попросить хотя бы отсрочку. Впрочем, начальник никогда на это не пойдет, не говоря уже о том, что связь почти не работает. Генерал Самсон сочтет такую просьбу за предательство и будет прав. «Нам требуется узнать все, что можно, иначе вражеский свет не побороть... а если в процессе поиска ответов кое-кому из преступников аннулируют путевку в вечную жизнь, то здесь ничего не попишешь. Раньше надо было думать».

Лифт остановился.

— Сейчас опять ударит по ушам, — предупредила капитан. — Советую открыть рот.

Она нажала кнопку, и дверь отъехала в сторону. На сей раз удар вышел жестким, и генералу показалось, будто в грудь угодил мягкий тяжелый мяч.

— Ничего себе!

— Семь атмосфер, — пожала она плечами.

Коридор вывел их в совсем уж крошечное помещение — пять футов в ширину, семь в высоту — с черными, отпотевшими стенами. Вот уж действительно, будто в гробу оказались. В торце имелась дверца, столь же черная, как и стены.

— Что это? Калитка в преисподнюю?

Она рассмеялась:

— Пожалуй.

Генерал проследовал за ней по небольшому, весьма покатоному тоннелю, который заканчивался металлической спиральной лестницей. Норт едва помещался на узеньких ступеньках. Спуск продолжался еще добрых двадцать минут, и генерал с тоской подумал, что на обратном пути придется помучиться.

Сейчас они оказались в очередном гробу, только для толстяков. Перед глазами — еще одна черная дверь, но с круглым выпуклым оконцем, напоминавшим выпученный глаз насекомого.

— Попрошу раздеться.

— Извините... мне послышалось, будто...

— Да-да, генерал. Надо снять всю одежду. Взамен нее вы получите специальный «душезащитный» костюм.

— А вы?

— Я останусь здесь.

Он пожал плечами, снял китель, развязал галстук, стянул рубашку, выполнив все эти манипуляции под ее бесстрастным взглядом. Выждал пару секунд, однако она и не думала отворачиваться. Он нахмурился, сбросил ботинки и расстегнул брюки. Опять подождал.

— Капитан, вы не могли бы... кхм...

Лишь теперь она повернулась лицом к стене. Что ж, ее тоже можно понять: разглядывать черный камень — не самое увлекательное занятие.

Когда Норт разделся совсем, он встал перед дверью. Темный иллюминатор производил жутковатое впечатление, словно принадлежал живому существу.

— Заключение подготовлен, — объявила она. И дверь начала медленно распахиваться.

Глазам Норты открылась самая поразительная картина на свете. Помещение было раскрашено в яркие цвета, с рельефными настенными изображениями, скопированными чуть ли не с интерьера знаменитых египетских гробниц: вереницы людей, божество в золотом головном уборе, замершие в деревянных позах пленники, странные объекты в форме гигантских старинных лампочек...

— Что здесь происходит?

Тут он увидел целый набор предметов, которые, по-видимому, и послужили моделями для нарисованных ламп. Кроме того, имелись и люди в черных униформах без знаков различия.

— Прошу прощения, господа, но мне нужно что-нибудь надеть.

Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Все стояли вокруг лампочек, к которым шли толстые шланги, протянутые от стен. Норт видел только спины.

У некоторых фигурок на рельефных изображениях аналогичные шланги торчали из глоток, причем их вторые концы заканчивались ярко-светящимися колбами. Кое-кого запечатлели прямо в момент интубации: головы этих бедолаг были запрокинуты, пока солдаты — такие же черные, как вот эти люди, — держали пленников за конечности и запихивали шланги в разверстые рты. Остальные поджидали своей очереди, отвернувшись в сторону.

— Послушайте... Мне действительно нужно чем-то прикрыться. Господа?..

Позади лязгнуло нечто тяжелое. Он оглянулся через плечо: дверь захлопнулась.

Юная женщина-офицер, оказывается, все-таки зашла внутрь. Норт гневно обернулся к ней, готовый взорваться гневом, и поперхнулся.

Ее глаза смотрели на генерала, но при этом были мертвыми, пуговичными. В памяти мгновенно всплыл недавний сон: то же самое лицо-маска, как у гейши, как у куклы...

Она. Она!

Кукла улыбнулась:

— И снова здравствуйте.

Генерал кинулся к выходу, и она даже не попыталась его остановить. Напротив, с грацией матадора услужливо отодвинулась в сторону.

Он хотел найти механизм открывания, шарил ладонями по гладкому металлу — ничего. Ни ручек, ни замков. Кукла меж тем бесстрастно стояла в ожидании.

Норт замер. Сердце колотилось с такой силой, что еще чуть-чуть, и он, наверное, повалится замертво от потрясения. Во рту пересохло, и даже при желании он не смог бы выдать ни слова. Страшно подумать, кем в действительности могли оказаться эти люди, но он заставил себя секунду поразмыслить. Да, это враги, вот почему темный цвет их униформы показался странным: они словно были одеты в ткань, сотканную из ночного мрака.

Сверкнула догадка, настоящее озарение, которое приходит, пожалуй, только в минуту смерти. Грех — вот чем на са-

мом деле является эта чернота, нет на них никакой униформы, они столь же наги, как и он сам.

— Не беспокойтесь, мы не станем убивать вашу душу, — прозвучало из-за спины. Ее голос был... м-м... пожалуй, мелодичным. И вместе с тем в нем читалось кое-что еще: сдерживаемая ярость, но столь глубокая, что ему в жизни не доводилось сталкиваться с подобной эмоцией.

Хотя нет, секунду... Слышал, да-да, он уже слышал похожий горький тон.

— Самсон — один из вас...

— Поздравляю, вы прозрели. — Она положила руку ему на плечо. — Итак, генерал, выбор за вами: можем сделать это по-хорошему, а можем и по-плохому.

Кажется, она немного встревожена. Видимо, знает, насколько он опасен.

— Советую не обольщаться иллюзиями. Вам отсюда не выбраться, — предостерегла она, после чего содрогнулась, как отряхивающаяся собака.

С нее соскользнула одежда, и Норт увидел, что на самом деле это была не военная униформа, а нечто вроде тонкого, быстро высыхающего кокона или сброшенной змеиной кожи, под которой приглушенно мерцала чешуя.

Изменилось и лицо. Она моргнула; глазные орбиты растянулись в стороны, стали удлинненными, поверх глазных яблок скользнула мигательная перепонка — и Норт оказался лицом к лицу с самым прекрасным и чудовищным существом, которое он когда-либо видел.

Голова сохранила вполне человеческий размер, однако физиономия напоминала змею или ящерицу, хотя и была более плоской, приглаженной, с мягкими углами. Губы неподвижные, как у рептилий. Впрочем, в золотистых глазах тлела улыбка, что в целом создавало эффект резкого контраста с глазами человеческими, которыми она обладала буквально минуту назад. В зрачках читались энергичность, чувство юмора и, как он сейчас мог ясно видеть, злорадство.

Имелся земной эквивалент этим созданиям — хамелеон, однако здесь шла речь о куда более продвинутой способнос-

ти менять внешний облик. Увы, лишь сейчас Ал сообразил, почему Самсон не расставался со шприцем. Наркомания тут ни при чем, им просто требовалась некая защита или поддержка, чтобы жить на поверхности. Аллергия, болезни... Наверное, Норт так никогда и не узнает, что является опасным для этих существ.

— Вы должны сохранять спокойствие. Чем больше будете сопротивляться, тем болезненней окажется процедура. И еще: мы не знаем, что такое жалость или милосердие. Помните об этом. — Золотые глаза вспыхнули. — Словом, теперь все зависит от вас. Страшная агония или более-менее гладкий процесс — решать вам. Только вам.

Остальные существа тем временем возились с оборудованием. Наконец ближайший солдат повернулся к генералу. Он был черным как ночь, кожа поблескивала полированным камнем и мерцала при всяком движении. Вытянув шипящий черный шланг из стены, он подошел к Алу. Наконечник шланга был сделан, по-видимому, из меди и распускал кругом себя странное зеленоватое свечение.

— Мы уже опробовали на вас свою методику, — сообщила Дженнифер, — и знаем, что она работает.

Генерала захлестнула волна эмоций. Его ждала не просто смерть, а окончательный, абсолютный конец. Умертвление души.

Боевыми искусствами он не занимался уже много лет, но все же попытался вызвать их к жизни из глубин мышечной памяти, перешел в заднюю стойку и рискнул нанести тычковый удар ногой.

Солдат с легкостью перехватил его голень и швырнул генерала на пол.

От падения зазвенело в голове, он постарался стряхнуть с себя полуобморочный туман — безуспешно. Самка, которая заманила его в ловушку, издала серию звуков. И тут же — в этом не было сомнения — окружающие засмеялись. Негромко и непринужденно. Это был смех палачей или, вернее сказать, мясников на скотобойне, которые обмениваются без-

злыми шутками на какую-то отвлеченную тему, пока сами режут горла свиньям.

Тот, кто сбил генерала на пол, отвернулся и продолжил свое занятие, а именно — возился с подключением медного наконечника к одной из «ламп».

Ал поднялся на ноги. Его охватила хмурая, безнадежная решимость. Подумать только, он очутился здесь по причине собственной жадности: ведь он сам уцепился за поручение Самсона, хотя отлично знал, что здесь дело нечисто. Понадеялся на повышение — и это несмотря на то что он понимал всю глубину распада государственной системы и мог видеть, что любые карьерные успехи теперь не значат ровным счетом ничего.

А вот они воспользовались его амбициозностью и очень ловко, аккуратно поймали в силочек.

Он с большой охотой пришел сюда, чтобы поучаствовать в убийстве души другого человека, так отчего сейчас дрожит за свою собственную?

А ведь это правда. Дрожит, и даже очень. В нем имелся кусочек вечности, Норт ощущал его отчетливо и не хотел, чтобы он погиб... не хотел до такой степени, что на этот раз прыгнул на ненавистную самку, которая стояла ближе всех. Удар вышел на славу, даже в локте отозвалось. Ее голова резко дернулась вбок, и он сократил дистанцию, работая уже обоими кулаками. Но странное дело: чем больше он бил, тем меньше выходило результатов. Словно ему подставили тугий валик мокрой ваты. Самка меж тем бесстрастно наблюдала на ним, и наконец Норт окончательно выдохся. Через несколько секунд он уже просто стоял с безвольно повисшими руками, точь-в-точь как пленники на барельефе.

Сейчас к нему неспешными шагами приближался солдат.

Самка вытянула палец в сторону одной из настенных картинок и что-то сказала. Нарисованному пленнику вырезали глаза.

Солдат подошел к картинке и некоторое время ее разглядывал, затем открыл некую черную коробку, напоминавшую

толстый перочинный нож. Раздалось чмоканье, затем шипение. Вещица в его руке вдруг вспыхнула крошечной, ослепительно яркой звездой.

Он направился к Алу. Глаза его были еще более пустыми, чем у самки, узкими и желто-зелеными, а вовсе не золотистыми. На крошечный миг по зрачкам скользнула мигательная перепонка.

Сейчас звездочка горела возле лица генерала, испуская сильный жар. Норт захотел отвернуться, но отчего-то не смог пошевелиться хотя бы на миллиметр. Ему обожгло губы, в следующую секунду раздался скворчащий звук, Ал попытался крикнуть, однако вместо этого подавился собственной кровью.

Когда свет выдернули из глотки, кровь хлынула густым потоком, заливая пол, ноги генерала и мясистые остатки губ.

В мыслях образовалась пустота. Он знал, что его убивают, но это знание было отвлеченным. Психологический шок, которому подвластны даже солдаты.

Мгновением спустя из предмета выскользнуло нечто вроде змеиноного языка, который облизнул ему левый глаз, отчего в мозгу сверкнула красная вспышка. Судорогой свело мышцы, мучительной болью обожгло шею, когда его тело попыталось, можно сказать, разорвать себя на куски в тщетном стремлении вырваться из невидимых пут. Норт не знал, что его поместили на электрически заряженную пластину, которая нейтрализовала функции нервной системы, блокируя связи между мозгом и телом. И он также не знал, что все это оборудование было не просто древним, но еще и примитивным — куда более отсталым в сравнении с большинством радиотехнических схем, которыми пользовалось человечество. Норт не догадывался, что эти твари не опередили землян в науках — за исключением науки о душе, той самой, одной-единственной дисциплины, из-за которой эти изнуренные, полуголодные и нищие существа выглядели, с его точки зрения, темными богами — точно так же, как больные, заморенные недоеданием и оторванные от дома испанцы в свое время казались богами народу ацтеков.

Он и помыслить не мог, что эти операторы смертельно устали, мучились скукой и ностальгией по дому, женам и любовницам, да к тому же сами не вполне понимали, зачем они здесь оказались и чем занимаются. Он не знал, что радость юной самки объяснялась лишь тем, что ей вынесут поощрение, наделят большей властью, если она преуспеет в создании необходимого для решения поставленной задачи монстра. Норт понятия не имел о конечном назначении всей этой процедуры: проникнуть в другую вселенную и покончить с возникшей там угрозой.

Речь шла о человеческой вселенной, о которой им было известно на протяжении тысячелетий. Они даже умели входить туда, но лишь отчасти, что никак не позволяло осуществлять сложные мероприятия вроде отыскания определенного компьютерного файла с его последующим уничтожением.

В той вселенной им удавалось орудовать лишь неуклюжими рывками, а не со столь необходимой, прецизионной точностью...

Мир потемнел, и Норта мучительно тянуло прорезаться воплем, выплеснуть в нем ярость и абсолютный ужас, однако сейчас он был лишен этих способностей. Да и всех прочих тоже. Он превратился в яркую искорку по имени Ал, и на этом все — если, разумеется, не считать волны, гейзера, кипящего океана боли.

Затем он почувствовал, как чьи-то пальцы перебирают его гениталии, последовал очередной укус боли, на этот раз восходящей снизу, и он понял, что его только что кастрировали.

Несмотря на агонию, Алу показалось будто он раскачивается туда-сюда, как если бы очутился в лодке или на качелях. Конечно, он не знал, что миг назад проделанная хирургическая операция перерезала особые нервные окончания, которые крепили один электромагнитный орган — его душу — к другим физическим органам, в совокупности именуемым телом человека. Вот такой способ, хотя имелся еще один, где использовался свет.

Когда выковыривание и вырезание нужных частей завершилось, покачивание превратилось в жуткое, не имеющее ни-

какого физиологического аналога швыряние из стороны в сторону, затем помещение завертелось, силуэты существ закружили, замельтешили в поле зрения, рамки которого уже не были ограничены возможностями человеческого глаза. Сейчас Норт видел все сразу. С ним проделывали манипуляции с такой же легкостью, с которой злой ребенок обрывает крылья и ножки зажатому между пальцами мотыльку.

И все же связь между телом и душой оставалась пока прочной. Один из самцов воткнул большие пальцы по бокам подъязычной впадины Норта, и у того самопроизвольно распахнулся кровоточащий рот.

Следующее по счету ощущение оказалось знакомым, Норт испытал его буквально на днях, во время ночного кошмара: что-то принялось бесцеремонно лезть ему в глотку. Вернее, не что-то, а один из толстых кабелей с древней, потрескавшейся изоляцией. Сейчас боль в тысячу раз превысила ту, прежнюю, и то же самое можно было сказать о происходившем в голове. Ала передернул рвотный спазм, он попытался выплюнуть из себя проклятую кишку, но сильные руки втокнули ее еще глубже.

Той ночью они просеивали его мысли, искали признаки: не догадался ли Норт, кто они такие и чем занимаются, не разгласит ли их планы по пути в ловушку?

Рвотные позывы стали невыносимыми, Норт замычал, сясь проорать на весь мир, что Соединенные Штаты действительно управлялись сейчас пришельцами.

Листовки Самсона, этого гнусного предателя, и вправду были обманом, они заставляли людей собираться вместе. Самсон каким-то образом сумел воздействовать на мозг президента, заставил пойти на самоубийство, а сейчас вот и Ал — пожалуй, единственный человек, способный остановить Самсона, — подвергался уничтожению.

Он оказался здесь именно потому, что вот-вот его должно было осенить: генерал Самсон являлся одним из них.

Подобно страницам книги, из тела Норта были вырваны страницы его живой души, переведены в новое состояние. Ок-

рест себя он видел синее стекло, а за ним сухощавые и глянцево отсвечивающие фигуры, которые двигались в психоэкстракционной камере, где бесформенным кровоточающим комком лежало мертвое тело генерала. На его глазах они принялись отрезать куски и бросать их в какую-то воронку. Сам же он был прикреплен к нити накаливания внутри одной из лампочек. Вернее сказать, не прикреплен, а насажен на нее — как на шампур. Нить горела, и вместе с ней пламенем была охвачена его душа.

— Что ж, неплохо, — сказала самка на человеческом языке. — Дело сделано, генерал.

Он заполнял собой всю колбу лампочки. Плазменное облако электронов его души переливалось миллионом разноцветных огоньков, которые вспыхивали искорками всякий раз, когда он ударялся о стекло, пытаясь выбраться.

Негромким журчащим голосом самка отдала серию приказаний. Два ее помощника подняли лампочку, а третий выдернул кабель из разъема в весьма потертом и изношенном бронзовом цоколе, после чего лампу переставили на более крупный постамент. Ал прекрасно всех их видел, но не мог говорить, стонать, вопить и — самое главное — не мог выбраться наружу.

Его тело запихали в мешок для трупов. Двое солдат взвалили ношу на плечи и понесли в какой-то коридор. Ал провожал их взглядом, пока не захлопнулась дверь.

И тут наступила темнота. Абсолютный мрак. Впрочем, нет. Еле заметное, тусклое свечение исходило от лампочки. Единственным проблеском света в этой адской камере был свет его души.

ЧАСТЬ II

ПОГИБЕЛЬ ДУШАМ

Святой Михаил Архангел, защити нас в бою, от бесчинств и козней дьявола будь нам защитой. Да явит Свою власть над ним Бог, смиренно молим. Ты же, князь войска небесного, сатану и с ним духов злых, на погибель душам в мире рыщущих, богоданной своею отвагою да низвергнешь во ад. Аминь.

Папа Лев XIII

Молитва к Святому Архангелу Михаилу

Это час свинца —

Если выживешь, вспомнится —

Как бы мог замерзавший в снегах рассказать:

Сначала холод. Вслед — оцепененье, а там уже плевать...

Эмили Дикенсон. После сильной боли ты в гостях

ГЛАВА 12

ДЕТИ ТАЙНЫ

18 декабря, вечер

артин лежал в полной неподвижности так долго, что ниже пояса его тело потеряло всякую чувствительность. Ноги чужие, туловище заоченело, как у остывшего трупа. Мучил голод и холод, сказывалось многодневное скитание по заброшенным домам, урывочный отдых на чердаках и в штормовых убежищах — где угодно, лишь бы в том месте имелась надежная защита от вечно возвращавшегося света.

Сейчас он был у себя дома, прятался в погребе.

Все это время Мартин безудержно искал Тревора. С надеждой спасти Линди и Уинни пришлось распрощаться, поскольку им ничем нельзя было помочь, а следовать за семьей по пятам означало верный способ угодить в ловушку.

Будучи американцем, он не страдал от уязвимости, которой в этом мире были охвачены столь многие люди, вечно опасаящиеся, что любимый человек может в одну прекрасную ночь попросту исчезнуть.

Здесь такого не происходило, и он не ожидал, что когда-нибудь доведется пережить невыносимые муки и страдания от потери дорогих и родных людей. Такие эмоции вытягивали все силы, и ему приходилось бороться с самим собой, чтобы оставаться хладнокровным.

Этого удалось достичь, когда он поставил перед собой определенную задачу. Цель: найти Тревора. К этому моменту он обшарил, пожалуй, половину всех домов на Коптящих холмах и даже запланировал в скором времени вылазку в город. Ночь за ночью свет зачищал канзасский Харроу, и Мартин очень сомневался, что там осталось много жителей. То же самое относилось и к холмам. Свет приходил сюда после захода солнца, рыскал, залезал во все углы и закоулки — к тому же появлялись и другие предметы, те самые штуки, которые он встретил, когда шел за семьей.

На улице громынуло. Надвигалась очередная буря. Очень скоро вновь пойдет ливень. Метановые испарения из вечной мерзлоты, таяние гренландских и антарктических ледников, переполнение полярных океанов, дикое состояние солнца — все эти явления словно специально объединились, чтобы сделать погоду опасной как раз к началу вторжения.

США из года в год обращались к другим державам с предложением ограничить выброс загрязнений, однако империи ни за что не хотели трогать свои зоны промышленного развития. Индустриализация африканских и южноазиатских регионов окончательно подорвала возможности планеты поддерживать экологический баланс.

Не рук ли это дело пришельцев? Не исключено. Мартин подозревал, что они просочились во все органы колониальной администрации Земли. Нет никакого сомнения в том, что как раз им-то будет очень комфортно в атмосфере, густо замешенной на тех веществах, которые люди привыкли называть загрязнителями.

Несмотря на влажный холод, царивший в погребке, от таких мыслей его пробил пот.

Сейчас кругом царила глубокая тишина. Часы сказали ему, что закат не за горами. Сегодняшней ночью его ждала ответственная задача: прячась от света и прочих угроз, Мартин намеревался разведать, что за звук такой временами доносится со стороны речушки Сондерс. Похоже на бой барабанов. Может быть, там кто-то есть?

Разумеется, в нынешней обстановке ничего нельзя было сказать наверняка. Источником этого звука могло быть что угодно. Какая-нибудь адская тварь или машина чужаков. А может, это люди, и если это так, их там явно несколько человек.

Мартин пошевелился, но очень осторожно. Вновь подождал. Сверху не доносилось ни звука. Он приподнял ладонь и прижал ее к откидному люку погреба.

Через несколько секунд Мартин надавил сильнее, заставив крышку немного приподняться. Убедившись, что на это не последовало никакой реакции, он откинул ее полностью.

Из кухни он пробрался в столовую, затем в гостиную, где в свое время так часто сидел с газетой в покойном кресле, читал книжки своим детям, слушал любимую музыку...

Дверь в дом была распахнута настежь. Он вышел на крыльцо, попытался закрыть за собой, однако из этого ничего не вышло: створка и без того каким-то чудом держалась на покореженных петлях. Мартин спустился на траву, в длинные вечерние тени. Прислушался. Ничего.

Хотя нет, ночной звук все же доносился. Задача найти его источник была, пожалуй, единственной целью, которая могла выманить его на улицу после захода солнца.

Тут он услышал еще один звук: мощный шелест над головой, который был знаком ему после той памятной ночи, когда он следовал за бродягами. Мартин вскинул лицо и на фоне туч увидел предмет, похожий на гигантскую летучую мышь, когда та закладывает крутой вираж.

Он чуть ли не кожей почувствовал, что за ним наблюдают, и тут же понял, что это такое. Из чащи за домом послышался механический клекот.

Солнце село еще не полностью, однако чужаки опять за ним охотятся. Эта птичка была разведчиком, а в лесу пряталось нечто, готовое его растерзать.

Мартин кинулся вниз по склону, к ручью, затем побежал вдоль русла, не обращая внимания на сухой треск хлеставших его осенних веток. Глаза ничего не видели из-за слез, вызванных великим страхом и паникой, а над головой, ни на секунду не затихая, кричала птица-шпионка, кругом Мартина расходилось шумное эхо от тех чудищ, которые скрывались в зарослях.

Он прибежал к крохотному озерцу — скорее даже к более широкому участку на русле Сондерса, где он, бывало, купался в летнюю пору, — и выскочил на край импровизированного причала. Усилием воли запретив себе нырять с ходу, он вместо этого сполз вниз и, ежась от ледяной воды, залез под настил и прильнул там к скользкой бревенчатой свае, стараясь как можно тщательнее укрыться за пришвартованными лодками. Здесь стояли белый ялик миссис Лейн, с которого старушка ловила дрянную рыбешку, его собственная шлюпка, на которой можно было поднять парус и с ветерком прокатиться по озерцу размером в тридцать акров, а также лодка какого-то охотника на оленей, раскрашенная камуфляжными узорами и не сходившая со своего места вот уже несколько лет.

Тут он услышал преследователей: негромкий плеск воды под ногами, звуки, напоминавшие бормотание в смеси с пощелкиванием и посвистыванием, и Мартин понял, что слышит их речь, причем язык был явно сложным и развитым. Но

вот вопрос: это и есть настоящие пришельцы или же речь идет о созданиях, которых выдрессировали подобно собакам? — и не исключено, что они умнее наших собак, — а потом в голову пришла мысль, что это могли быть механические организмы, какие-нибудь ожившие машины.

По деревянному настилу над головой что-то дробно простучало, он услышал возбужденный шелест дыхания, а затем пощелкивание, напоминавшее стук челюстей, но с примесью свистящего шипения, от которого на ум пришел повар, правящий режущую кромку ножа о стальной брусок. Клыки из нержавеющей стали? Откуда-то сверху вновь донесся протяжный вопль птицы-шпионки, и в нем совершенно ясно читалась нотка раздраженного вопроса.

Похоже, они его все-таки потеряли.

Что-то плюхнулось в озеро. Здешняя вода была чистой и глубокой, из темных глубин поднимались длинные ленты водорослей, и Мартин увидел под ногами громадную тень, чернее черного, с восемью мощными, раскинутыми в стороны конечностями.

Она плыла над широкими, плавно покачивающимися стеблями в его сторону, и Мартин впал в оцепенение от собственной беспомощности.

Пожаловала его смерть, уродливое завершение всего и вся, а он ничего не сделал, чтобы заслужить такую участь.

Подводный объект выполнил грациозный разворот и направился к причалу. Тень приближалась с каждой секундой.

Пропал бедный Мартин, угодил в лапы чужаков, и, наверное, сейчас ему предстоит разделить удел изуродованного подростка, чей труп он видел на поле. Видимо, стоит побороться, но как? Если нырнуть, то эта штука нагонит его за секунду, а если вылезти на берег, то там его поджидают горючие твари.

Что-то мягкое скользнуло по ноге. Водоросли? Какое-то плотное пятно... Оно тоже приблизилось, вот-вот ударит...

Мартин зажмурился, затаил дыхание. Услышал хлюпанье, но очень негромкое. Подкатила тошнота, вызванная страхом,

и, не в силах больше ждать, он решил встретить смерть с открытыми глазами.

В воде, совсем рядом, плескалась девушка.

Она слегка наклонила голову к плечу, вздернула брови, затем приложила длинный, изящный палец к губам. Словно с картинки сошла, являлась порождением кисти какого-нибудь голландского художника: вот насколько была она безупречна и полна сияния. Более того, в ней читались весьма знакомые черты, однако Мартин никак не мог сообразить, где видел ее раньше.

Археолога бил озноб от ледяной воды. Девушка быстро коснулась его плеча, и по телу расплылось тепло, вместе с которым пришло успокоение и неожиданное чувство защищенности.

Девушка подняла палец к уху, отрицательно покачала головой. «Не слушай» — вот что означал этот жест. Затем вытянула руку так, что ее раскрытая, вертикально поставленная ладонь была обращена к Мартину. Понятно, понятно: не слушай и не шевелись. Замри.

Да, но как мог он не обращать внимания на жуткий вой в небе? Это был самый страшный звук, который он когда-либо слышал. А как насчет механического клекота, который производили, наверное, гигантские стальные пауки над головой? От постукивания их жвал внутри все переворачивалось, в голову лезли картины истязаний, одна страшнее другой.

Девушка насупила брови. Чего вообще она хочет? Кто она такая? Хм, поразительно знакомое лицо...

На ее губах мелькнула улыбка, и он подумал, что в облике этой девушки заключено, пожалуй, само понятие женской красоты, с точки зрения любого мужчины. Словно подслушав его мысли, она легонько, ласково коснулась его щеки, от чего перед глазами встала Линди и сердце чуть не разорвалось от тоски.

Все это произошло буквально за считанные секунды. Девушка постучала пальцем по виску, закивала и улыбнулась — этот жест... он его знает... да-да, теперь ясно: перед собой он видел дочь Луизы Райт. Ее звали Памми, она работала стар-

шим продавцом в «Таргете»... и, судя по всему, умела читать мысли.

Кроме того, он заметил, что отвлекся от происходящего кругом, причем подводная штуковина, похоже, его потеряла.

Раздался резкий, громкий шелчок. Загудело что-то электронное.

Памми Райт нахмурилась.

Над водой прокатился гулкий, жестяной голос:

— Мартин Уинтерс, говорит капитан Дженнифер Мазл, Военно-воздушные силы США. Прошу выйти из воды.

Памми помотала головой, затем показала вниз и нырнула.

— Доктор Уинтерс, повторяю. Я — капитан Дженнифер Мазл, ВВС США. Ситуация взята под контроль, и вы можете спокойно выйти. Прошу подняться на причал.

Он видел, как фигурка Памми скользнула в гущу водорослей. Она совершенно непринужденно плыла между шеренгами черных теней, которые просто висели в воде, никак на нее не реагируя.

Мартин нырнул следом, загребая руками изо всех сил, поднимая шум и — в этом он был совершенно уверен — привлекая к себе внимание. Темные создания растопырили лапы и начали его оцеплять. Тем временем он успел опуститься на дно, в гущу водорослей, где царили сумерки и сильно давила вода, увидел большую рыбину, а затем и Памми — но она была уже очень далеко, с каждой секундой погружаясь на все бо́льшую глубину.

Как это у нее получается? Тело Мартина уже содрогалось от жестокого воздушного голодания, он был готов ринуться к поверхности, выбора не оставалось, лишь бы сохранить жизнь, он не в состоянии терпеть хотя бы еще секунду...

...и вдруг она оказалась рядом, подплыла снизу — а в руке у нее был синий баллон. Памми протянула ему резиновый шланг и, когда Мартин сунул загубник в рот, отвернула вентиль. При первом же вдохе по легким прокатилось щекочущее облегчение. Успокоилось измученное сердце, кровь быстрее заструилась по венам.

Памми резко дернулась в сторону, когда по спине Мартина скользнуло что-то жесткое и шершавое. Он не стал оглядываться, а просто последовал за ней. Страх так и рвался наружу, потому что сейчас появилась надежда и он не хотел ее терять.

Постой-ка... Тот женский голос... Может, и в самом деле там свои? ВВС США... Может, все кончилось, наверху безопасно, есть смысл вылезти?

Памми остановилась, развернулась, и вместе с пузырями из ее рта вылетело: «Нем!»

Он старался не отставать, опускался все глубже, но не мог нагнать исчезающий силуэт. Здесь уже царила темнота, от давления воды звенело в ушах, а легкие вновь надрывались от напряжения.

Кто-то еще появился рядом — юноша, такой же обнаженный, как и Памми, плывет энергично, на лице маска аквалангиста. В руках баллон, из которого Мартин с жадностью глотнул очередную толику воздуха.

Его спасали подростки, те самые, которые пропали из города, и — Господи, неужели?! — среди них мог быть и Тревор!

Он отчаянно плыл вперед и вскоре очутился в узком темном месте. Туннель. Сейчас Мартин понятия не имел, где находится, однако молодежь по-прежнему держалась впереди, и он удвоил усилия — насколько мог.

Неожиданно нечто вроде стальной пружины обвило щиколотку, и Мартина потащило задом наперед из туннеля. Одно из тех подводных чудищ! Он принялся отбиваться, но чем сильнее трепыхался, тем плотнее становилась хватка. Кроме того, опять заканчивался воздух в легких, а туннель был слишком узким, чтобы надеяться на чью-то помощь. Его тащило назад, он обдираал ногти, цепляясь за стены, лягался что было сил — тщетно. Нога как в замок угодила, борьба проиграна.

Сейчас его выдергивали из туннеля, скорость росла с каждой секундой, кругом потихоньку светлело.

Стенки туннеля были сложены из камня, теперь он мог видеть это отчетливо. Здесь — его последняя надежда. Мартин знал и понимал подземные ходы, лазы, склепы и так далее. Из последних сил он раскинул руки и лягнул свободной ногой. Пятка угодила во что-то неподатливое, захваченную шиколотку обожгло резкой болью сдираемой кожи. Похоже, эта штука не ожидала столь яростного сопротивления, и поэтому замок сползал к ступне. Мартин немедленно лягнул ее раз, другой. Отчаянный третий удар — и он свободен! Мартин тут же замолотил ногами, не позволяя стальным щупальцам — или чему-то другому, не важно — вновь ухватить себя за ноги.

Он втянулся обратно в тоннель, в темную узкую трубу, проскальзывая все глубже и глубже, пока наконец не застрял — а легкие уже не могли терпеть такую муку. Сейчас он вдохнет воду.

Сказано — сделано. Мартин тут же подавился, содрогнулся от спазматического кашля и непроизвольно сделал еще один вдох.

Оказывается, тонуть — больно. К тому же никаких волшебных картинок перед глазами не проплывало, он не видел вереницу кадров из прожитой жизни. Нет, сплошная агония, отчаянная тоска по несовершенному, несбывшемуся... а затем мрак.

Мрак. Мрак.

Воздух. Сладкий, заполняющий грудь — но, может стать-ся, это всего лишь воздух желаний, сновидений...

— Тащи! Ну!

— Искусственное дыхание, быстрее!

На спину что-то давит, он кашляет, изо рта хлещет вода, очередной вдох, долгий и сладкий, — и Мартин вновь в полном сознании, мокрый и дрожащий от холода.

Осенний пятнистый лес, жаворонки поют в прощальном свете дня, Малая Луна — любимая небесная бродяжка — пробирается между тучами. А вот и Памми, стоит над ним, и рядом с ней тот юноша из озера — тоже знакомый, только вот имя припомнить не получается.

Его вздернули на ноги.

— Живее!

Высоко над головой холодной трелью заливаются жаворонки.

— Не слушай! Нельзя!

— Почему?..

— Они наводятся на чувство страха. Если ты не боишься, тебя не найдут. Да шевелись ты!

Высказавшись, юноша побежал вперед.

Памми подхватила Мартина под локоть.

— Нам надо идти. Чужаки вот-вот поймут свою ошибку. — Она застенчиво улыбнулась, заливаясь румянцем. — Я слышала, как кто-то из них сказал: «А на озере кто-нибудь остался?» — так что сейчас они тупо пялятся друг на друга. Через секунду сообразят. — Памми опустила глаза.

— Вы понимаете их язык?!

Вместо ответа она дернула его за руку, мол, не отставай, затем непринужденно скользнула в лесную чащу, как если бы родилась в ней. Ее лицо светилось в полумраке, который становился плотнее с каждой секундой: с севера, порывая и поблескивая клыками-молниями, подтягивались тучи сворой голодных пантер.

Памми уже скрылась из виду, Мартин поднажал — и был остановлен могучим ударом со спины. В следующее мгновение перед глазами оказался суглинок, в нос ударил запах прелой листвы.

— Сохраняйте спокойствие, — раздался над ухом голос Дженнифер Мазл, капитана ВВС.

Мартин крикнул в сторону, где исчезла девушка:

— Спасите! Спасите!

— Я тоже ученый, доктор Мартин, и не собираюсь причинять вам зло.

— Тогда дайте встать!

Придавившая спину тяжесть исчезла, и он поднялся на ноги. Обернувшись, он увидел женщину в камуфляжной куртке, мятой панаме и очках с толстыми билинзовыми стеклами. Глаза крупные и печальные.

— У нас неприятности, — сказала она. — Дела пошли наперекосяк, поэтому мы нуждаемся в вашей помощи.

— Что это было? Те странные штуковины? Господи, я чуть...

— Доктор Мартин, очень прошу вас. Помогите нам разобраться.

— Да меня едва не убили! Здесь правительство замешано?

Она коснулась его руки, затем вцепилась в запястье.

— Надо же, как много страха.

За ее спиной Мартин уловил движение. Почуввав неладное, она дернулась, но в сей же миг получила по голове — и серьезно получила — дубиной. Женщина вновь повернулась к Мартину.

Теперь ее лицо выглядело несколько иначе. Кожа на щеке, куда пришёлся удар, несла на себе отпечаток грубой, сучковатой древесины.

Она пошатнулась. Лицо вздулась, покрылось рябью, обрело кремовый оттенок, отпечаток налился ярко-красным цветом.

Ничего себе! Кто она такая?!

Женщина зарычала, сделала быстрый шаг к Мартину. Вблизи ее физиономия — о Господи! — дрожала как студень, глаза налились жутким белесо-золотистым светом.

Мартин кинулся наутек. Не думая, ибо тут уже не до размышлений. Просто мчался не разбирая дороги, потому что увиденное секунду назад было настолько диким, что голова отказывалась работать, мысли смахнуло ужасом, который поднялся из глубин подсознания и отбросил этого цивилизованного, высокообразованного человека обратно к тем временам, когда люди были предметом охоты.

Кругом залязгали челюсти, с неба полились вопли, возбужденные, радостные... Сам воздух наполнился их триумфальным визгом.

Страх Мартина служил маяком, но он ничего не мог с этим поделать: та женщина обернулась монстром после полученного удара, в самое страшное из чудовищ, и с этим потрясением не мог сравниться даже тот ужас, который он пережил

при взрыве пирамиды — потому что в Египте речь шла о мертвой стихии, в то время как здесь... О, эта ужасная, гнусная морда живого и злого существа...

В следующую секунду он увидел Памми: девушка стояла на гребне скалы. Она призывно помахала рукой, и Мартин забрался наверх. Оба улеглись ничком, вжимаясь в грунт.

— Сотри все мысли, — приказала она. — Сосредоточь внимание только на собственном теле. Не думай ни о чем.

От нагретых солнцем камней исходило приятное тепло, потихоньку отпускала боль в измученных легких, успокаивалось натруженное сердце. Под холмом слышалась возня, затем негромкие голоса. В небе покрикивали птицы-шпионки, занятые патрулированием с воздуха.

— Ну все, — прошептала она. — Бегом!

В ту же секунду за край гребня ухватила чья-то черная лапа. Мартин ринулся вслед за Памми, выкладываясь из последних сил.

Дрогнули кроны деревьев, гроыхнуло раскатистое эхо, и с севера накатили шквалистые порывы ветра. Мартин бежал за улепетывающей девушкой, все глубже забираясь в чащобу, а с неба тем временем обрушились плотные желтые потоки ливня. Позади звучали вопли таинственных птиц и клекочущие голоса чужаков.

— Быстрее! — подстегнула его Памми.

Эта местность была ему знакома. Они находились на противоположном берегу Сондерса, в доброй миле от его дома. Здешняя земля числилась в собственности штата, входила составной частью в так называемую программу сохранения и рекультивации лесных угодий. Лес в этом районе был одним из самых плотных во всем Канзасе, со множеством оврагов и лощин, заросших буйным кустарником. Благодатное местечко для охоты, которой он баловался с детства. Изобилие фазанов, диких индеек...

Прошло то время... Мартин обнаружил, что из Трегора не выйдет охотника, потому что сыну не нравилась сама идея убивать животных. И еще вспомнилось, что они с Линди тоже

не раз бывали здесь, сразу после свадьбы, бродили нагишом, взявшись за руки, испытывая что-то вроде подспудного, священного единения с землей, которому невозможно дать точное определение.

Сейчас, впрочем, всех этих приятных чувств не было и в помине. Что и говорить, приходилось бежать под дождем, сильным ветром. Такая буря, чего доброго, и торнадо принесет.

Памми внезапно исчезла, как сквозь землю провалилась. Впрочем, нет: приглядевшись, он обнаружил в зарослях крошечную полянку, на которой стояла камуфляжная палатка. Знакомая вещичка, такие палатки продавали в городском магазине спорттоваров. Памми уже забиралась внутрь. Мартин опасливо приблизился, потому что за шумом дождя расслышал громохание каких-то барабанов, и чем ближе он подходил, тем громче становился этот звук. Тут полог распахнулся, высунулась нетерпеливо помахивающая рука. Вздохнув, Мартин полез в палатку.

Оказавшись внутри, первым делом он отметил гораздо более громкий барабанный бой. Во-вторых, воздух был уж очень спертый. Когда глаза привыкли к сумраку, кругом себя он разглядел толпу детей и молодежи постарше, общим числом человек двадцать. Сразу стало ясно, что перед собой он видит тех, кто исчез из города, когда их родители превратились в бродяг.

Мартин переводил взгляд с одного лица на другое, мучаясь надеждой и страхась, что она в который раз окажется обманчивой.

Нет, Тревора среди них не было. Силы сдали окончательно, он пошатнулся, пялясь в пустоту, не в состоянии даже решить, остаться на ногах или присесть. Все, он достиг конца веревочки, теперь осталось только повалиться.

Не в состоянии бороться со слезами, Мартин упал на колени и закрыл лицо, стараясь только, чтобы рыдания не вырвались наружу.

На плечо легла чья-то рука.

— Прости, — шептал он. — Прости меня. — Слезы вырвались из-под контроля, пролились безудержным, постыдным потоком.

— Пап, а пап?

Что-что? Почему такой знакомый голос?

— Пап...

Мартин вскинул лицо, увидел перед собой незнакомого подростка.

— Это я — Тревор.

И тут-то стало ясно: за коркой грязи на лице, за темными, впалыми глазами, под растрепанными волосами и замызганной камуфляжной курткой прятался его сын.

Бог ты мой, как же он изменился... Уже не мальчик, о нет. В чертах лица появилось взрослое выражение, знание окружающего мира — и многое, многое другое. Изменение столь радикальное, быстрое и всеобъемлющее, что за каких-то несколько дней Тревор превратился в незнакомца, которого не признал родной отец.

Но сердце... сердце-то не обманешь. Мартин распростер объятия, Тревор прильнул к отцу, и тот крепко-крепко сжал худенькое тельце. Да, этот мальчик повзрослел изнутри, но снаружи по-прежнему оставался подростком, хрупким и долговым, причем уже сейчас по ширине плеч было ясно, что вскоре он вымахает еще больше.

— Тревор... — сумел он выдохнуть. — Тревор...

Сын попытался мягко высвободиться, но Мартин лишь крепче прижал его к себе. Он уже никогда его не отпустит, ни за что.

— Отец... ты это... — Тревор откинул лицо и посмотрел ему в глаза. — У наших ребят из семей никого не осталось.

Первую секунду Мартин не мог понять, о чем идет речь. Затем дошло. Он был единственным из родителей, кто еще не превратился в бродягу. Он обвел взглядом выжидающие лица, встретил глаза, где пряталась одна и та же тень, зачас-тую со слезами. Кто-то зачарованно на него смотрел, кто-то отвернулся...

— Простите меня, — сказал Мартин.

— Я Джордж, — представился один из подростков. — Рад с вами познакомиться.

Мальчик протянул ладонь, они обменялись торжественным рукопожатием. Примеру последовали другие дети, причем некоторым едва-едва исполнилось лет десять. Выяснилось, что их здесь собралось двадцать два человека, в том числе десять девочек. Все по очереди представились, сдержанно и очень формально. Какой странный официоз... С другой стороны, прецедентов таким обстоятельствам не было, ведь так?

Между тем барабанный бой не прекращался ни на секунду.

Тревор бросил взгляд в сторону, прошептал:

— Барабан помогает заглушить звуки ночных «пастухов», чтобы малыши не пугались.

От знакомого голоса Мартина захлестнула очередная волна радости.

— Отец! Ты слышишь?

— Он сейчас сам не свой, — прокомментировала одна из девочек. — Дай ему время.

— Ребятки, вы что, читаете мои мысли?

— Ну, понимаешь, пап, мы действительно кое-что улавливаем, но это вовсе не то, что ты думаешь. Люди размышляют по-разному, а мысли отличаются даже сильнее, чем лица. Нельзя ничего понять, пока человек не научится организовывать свои мысли специальным образом, чтобы их передать. Мы до сих пор это осваиваем. Зато вот чувства... Пап, мне уже неловко за тебя, честное слово.

— А я знаю, о чем сейчас кое-кто думает! — гордо объявил Джордж. — Только что услышал, к примеру, «хорошо, я не прочь». — Он бросил быстрый взгляд на Мартина: — Сэр, это не про вас. Я бы никогда не стал так делать!

— Если я тебя поймаю в моих мыслях... — зловеще протянула одна из девочек.

— О, ну что ты, Сильви! Да разве я...

— А то. И между прочим, нам и напрягаться не надо, чтобы понять, о чем думают болваны вроде тебя, на это способ-

на любая женщина. Джентльмены, для нас вы прозрачны как стеклышко, даже и под молнию лезть не надо.

С этими словами она положила голову Джорджу на плечо. Юноша скрестил ноги и сел поудобнее.

— Что значит «лезть под молнию»? — недоуменно спросил Мартин.

Наступила неловкая пауза.

— Отец, мы бы хотели, чтобы ты тоже попробовал.

— Чего попробовал?

— Трев, не надо спрашивать! Ему так и так придется!

— Не суйся!

— Ребятки, да в чем дело-то?

— Отец, ты помнишь ту ночь, когда все случилось?

— Разве такое забудешь...

— Мама посадила Уинни на колени, а я стоял рядом. Ты держал меня за плечо и так сильно давил, что у меня чуть ключица не треснула.

— Прости.

— Ничего-ничего, это было очень кстати. Свет мимо тебя промахнулся, но попал в маму и как бы краешком задел меня. Я выскочил из собственного тела и повис в воздухе. Сверху видел и тебя, и всех-всех. Потом меня втянуло в небо, прямо над церковью. Я видел маму и Уинни, они светились золотом — облаком золотых искр — и тоже поднимались вверх, очень быстро. А у меня так болело плечо, что я свалился обратно... Сначала я был просто в шоке, потом оказался в церкви рядом с мамой. А ты в это время на нас кричал. Я... ты знаешь, пап, таким я тебя еще никогда не видел. Мне было тебя очень жалко. Очень-очень!

— Я хочу, чтобы вернулась твоя мать. И моя дочь.

Один из мальчишек потряс его за плечо:

— Доктор Уинтерс, мы победим.

Мартин узнал Джоуи Филдинга, сына Джорджа и Мойры, которые держали бакалейную лавку «Октагон».

— Что-то мало на это похоже, — негромко ответил он, стараясь не выдать голосом горечь и уныние.

— Со всеми из нас случилась та же история. В момент атаки у каждого что-то болело, и свет не смог проникнуть насквозь, он оставил в нас то, кем мы были. При этом мы потеряли ложь, мечты, почти все школьные знания, желания, мысли о самих себе, надежды на будущее. Словом, утратили весь багаж.

Вмешалась одна из девочек:

— Нас как бы сделали заново, превратили в чистые заготовки...

— Эй, поаккуратнее! Не видишь, как ты его напугала? — прошептала ее соседка.

— И ничего я не испугался... — пробурчал Мартин.

— Испугался, еще как. Мы странные, и ты нас боишься!

— Моего отца так просто не напугаешь, — решительно оборвал ее Тревор. — Он храбрый!

— И все равно ему придется это проделать.

До Мартина дошло, что разговор происходил на двух уровнях: один он слышал, второй был ему недоступен.

— Полагаю, мне следует узнать в деталях, о чем идет речь.

— Ты спрашиваешь, о чем речь? О том, что надо попробовать стать одним из нас.

Интересно, каким образом? В конце концов способности этих детей выглядели побочным эффектом неудачной попытки забрать их души.

— В точку, — кивнул Тревор.

— Ты же только что говорил, дескать, не умеешь читать мысли?

Сын потупился, ковыряя мыском земляной пол палатки.

— Кхм... Пап, мне это не сложно. Потому что я тебя хорошо знаю.

Их прервал Джордж:

— Темнеет.

Тревор вдруг резко обернулся к нему, потряс головой.

— А я говорю, нет. Нет, Тревор!

— Ребята, что случилось?

Сын обнял Мартина за плечи:

— Отец, они хотят, чтобы ты ушел!

— Ушел? Как?! Я не могу!

Один из детей, лет, наверное, десяти-одиннадцати, вытащил пистолет и передал его парню постарше. Мартин узнал «кольт» сорок пятого калибра. Ствол, впрочем, смотрел не на него, а чуть в сторону. Прозрачный намек.

Мартин секунды три пялился на оружие, затем вскинул взгляд. Юное, мальчишеское лицо. Но вот глаза, вечная странная тень в зрачках... Эти подростки и впрямь изменились. Он постарался как можно больше смягчить голос:

— Ребята, вы так, пожалуйста, не шутите. Мне и без того досталось.

Мальчишка направил пистолет ему в живот.

— Тревор! Тревор, скажи им, что я хороший отец, я... я... Дети, послушайте. Я вам нужен. Да-да. Конечно. Я смогу... э-э... заменить... ваших...

Лязг передергиваемого затвора.

— Памми, ведь ты мне помогла! Эй! Ты только что помогла мне унести ноги! А сейчас вдруг... Вы с ума сошли?!

— Отец, если ты не уйдешь... — Тревор закусил губу. Он не мог говорить из-за душивших его слез, это Мартин видел отчетливо.

— Сынок, скажи им! Я не смогу там выжить. Никто не сможет!

Парнишка с пистолетом поднялся на ноги. На его подбородке проглядывал легкий пушок, почти невидимый в сгустившихся сумерках. Сейчас дуло смотрело Мартину в лицо.

— Доктор Уинтерс, — негромко и спокойно промолвил он, — убирайтесь.

— Господи! Ну послушайте, прошу вас!.. Я все время в бегах, уже сил никаких не осталось. Тревор, прошу, помоги! Помоги отцу!

Сын смотрел на него странными, незнакомыми глазами — и Мартин наконец осознал правду. Ужас, которому они стали невольными свидетелями, превратил их в монстров. Всех до единого. Включая Тревора.

В следующий миг Тревор поднял руку, коснулся его щеки. Это не был жест мальчика, он принадлежал зрелому мужчине.

— Отец, выживает сильнейший. Рептиляне тебя найдут. Обязательно. Ты не умеешь прятаться, как мы. Если ты останешься здесь, то приведешь их прямо к нам.

Мартин отпрянул от пистолета:

— Не тычь мне в лицо этой дрянью!

— Отец, ты должен уйти.

Тревор обнял Мартина, тот прижал его к себе, почувствовал мелкую дрожь от всхлипов.

Не отпуская сына, он повернул лицо в сторону Памми:

— На кой черт вы меня спасали? Что вы за человек такой?!

— Дура она непрошибаемая, — сказал юноша с пистолетом и сплюнул.

— А вы суньте голову под молнию, — посоветовал чей-то голос из глубины палатки. — И все пройдет.

— Доктор Уинтерс...

— Памми, зовите меня Мартин.

— Доктор Уинтерс...

Она откинула полог. За палаткой, как прекрасно мог видеть Мартин, шел настоящий ливень, непрерывно озаряемый молниями, а поляну окружали подозрительные тени, на которые не хотелось смотреть.

— Это безумие, я не могу...

— Отец, ступай!

— Тревор, нет! Категорически нет!

Сын стоял перед ним, глаза в глаза; по его лицу катились слезы.

— Уходи, — сказал он и повернулся к парню с пистолетом: — Дай сюда.

— С чего это вдруг? — спросил тот, вздернув брови.

— Да с того, что я единственный, кто умеет с ним обращаться. — Он забрал оружие и поднял ствол к лицу Мартина. — Решайся, — приказал он.

Мартин смотрел в дуло. На руке Тревора шевельнулись мускулы, палец чуть напрягся на спусковом крючке.

— Тревор?..

Сын прищурился:

— Иди, отец!

Мартин пытался что-то придумать — какую-нибудь причину, мольбу, но куда там... Вот-вот грохнет выстрел, и Тревор превратится в такого же сироту, как и все остальные дети, но в отличие от них будет знать, что своими руками лишил отца жизни.

Мартин приподнял ладонь.

— Хорошо, я уйду, — негромко сказал он. — Да, сынок, я ухожу и хочу, чтобы ты знал: пусть я и не понимаю твоих мотивов, все же тебя не виню.

— Вот и уходи.

— Я знаю, что вы должны держаться друг за друга, заботиться о товарищах, что ты не можешь подвергать группу опас...

— Тьфу ты, черт! Пошел вон!

Оказывается, у Тревора изменился даже голос. А ведь какой ласковый был ребенок, в фазана отказывался стрелять... Нынче же он готов умертвить отца. Голос низкий, грубый, подернутый хрипотцой, оставшейся после страшных душевных мук, после осознания того, что ты поднимаешь руку на собственного родителя.

И Мартин ушел в молнии.

ГЛАВА 13

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

18 декабря, полночь

Уайли стоял возле тихих вод Сондерса, набираясь смелости перед попыткой перейти в другой мир. Если Тревору удавалось попадать сюда, Дейл, безусловно, мог проделывать это в обратную сторону, и такая возможность сейчас была крайне необходима.

Он немного побродил по берегу, выискивая какие-нибудь внешние признаки портала. В данный момент Мартин находился в смертельной опасности, парня надо было спасать, и на роль избавителя вполне годился сам Уайли.

Мартина можно было бы перевести на эту сторону. Если там археолог никому не нужен, то отчего бы не приютить его здесь? Пусть он не обладает практической сметкой и отличается раздражающей манерой не замечать очевидного, такие недостатки все же не причина оставлять человека на погибель. А сынок-то каков?! Родного отца вышвырнул. Боже милосердный...

Действительно, зачем же они его спасали? И как мог Тревор — подумать только: слишком мягкотелый для охоты на птичек! — в то же время вести себя столь жестоко по отношению к отцу?

Там бушевала буря. Здесь небо было чистым, высоко сияла половинка луны. Близилась полночь, но со стороны дома еще доносилось пение Брук. В свое время она лелеяла надежду на карьеру вокалистки, однако повседневная рутина, дети и некоторая нехватка звучности не дали ей заняться оперой. Слишком уж мягким был ее голос для профессиональной сцены. Впрочем, в тихий вечер, как, например, сегодня, пение Брук было поистине ангельским чудом.

Уайли знал, что она сидит возле окна и смотрит на луну, поджидая возвращения мужа. Брук никогда не протестовала против его полуночных прогулок, однако они вызывали у нее беспокойство. Голос ее служил своего рода путеводной, спасительной нитью на случай, если он слишком далеко забредет от дома.

Жена тянула старинную колыбельную, которой в свое время убаюкивала Ника, а сейчас иногда пела и для Келси. Мелодия из ее глубокого прошлого, ибо эта женщина принадлежала к одному из кельтских племен. Называлась песенка «Славный денек», и сейчас она плыла над тихо бормочущей водой подобно легкому ветерку.

Уайли швырнул камень в лунную дорожку, внимательно прислушался к всплеску. Ну и где этот пресловутый портал?

Может, он то открывается, то закрывается? Если верить кое-каким совсем уже заумным книжкам, которые Уайли читал о проблеме 2012, порталы располагаются по всему миру, особенно в точках пересечения так называемых геомантных линий. А что значит «геомантные», Уайли и сам не знал. Пожалуй, проще всего считать их энергетическими линиями планетосферы. Или с таким же успехом назвать их линиями навешивания лапши.

Сейчас он стоял на том месте, где Ник показал ему фокус с исчезающей галькой. Уайли швырнул еще один камешек. Тот блеснул в лунном свете и, тихо плеснув водой, утонул.

— Вот незадача...

Впрочем, был еще какой-то звук. Уайли нахмурился. Доносится с того берега. В жизни он такого не слышал.

Уайли прислушался повнимательнее.

Что это?

И тут все стало ясно. Кровь буквально заledenела в жилах.

Этот хлещущий звук мог исходить только от «пастуха», который, надо полагать, застрял в портале между двумя мирами.

Уайли не стал брать с собой помповик, потому что опасался, как бы пальба в чужую вселенную не привела бы к какой-нибудь катастрофе. Он прочел все, что можно, насчет параллельных миров, но вопрос этот был крайне не изучен, если не считать, что эксперименты на самом деле подтверждали их физическое существование. Впрочем, наука помалкивала о том, что могло в них находиться. Пожалуй, Уайли был единственным человеком, который выдвинул гипотезу, согласно которой некоторые животные обладали способностью пересекать «водораздел»: это был их защитный механизм, выработанный в ходе эволюции.

Должно быть, так и есть. Он лично, еще ребенком, видел кошкодлака, причем неподалеку отсюда. Здоровенная такая зверюга, вся черная и жутко страшная. А потом она — пф-ф-ф! — взяла и исчезла, прямо у него на глазах.

Хлещущий звук усилился. Придвинулся ближе.

Брук прекратила петь. Сквозь ночь донесся ее голос:

— Уайли?

Проклятие, он должен вернуться домой, взять оружие. Ник — молодец, все подготовил заранее. Сметливый парнишка. Предусмотрительный.

Сейчас хлестало прямо перед ним, но Уайли ничего необычного не видел. Звук был громким, оглушающим, а вот теперь начало щекотать, покалывать лицо и шею. Вскрикнув, он отпрянул назад.

Спина ударилась обо что-то жесткое, словно позади выросли железные прутья. Уайли протянул руку, коснулся их и увидел, что здесь вовсе не клетка, а конечности того существа, которое дети называли «пастухом». Хлещущий звук раздался над головой. Господи, он угодил ему под ноги!

Уайли рыбкой нырнул на траву, откатился в сторону. Звук за ним. Уайли принялся лихорадочно отбиваться, лягаться, и когда ступня угодила в нечто твердое, он увидел кусочек этой твари — блестящий панцирь в желтую полоску, фасеточный глаз и крючковидную клешню на коленном суставе.

Вопя во весь голос, Уайли покатился по склону.

Раздался пневматический вздох, что-то пшикнуло, и на землю брызнул кипящий желтый раствор. Жало размером с руку полоснуло по куртке и сразу исчезло.

Но на этом дело не кончилось: перед лицом лязгали механические челюсти, а хуже всего было то, что эта тварь уже ощупывала ему ноги, и Уайли понял, что при следующей атаке жало проткнет его как шпиговальная игла.

Дикий, раскатистый грохот в чаще.

Тишина.

Пусто. Совсем.

— Отец?

— Ник!

С холма, выходявшего на берег речушки, скатился сын. В руках — семейный помповик десятого калибра. Мальчик был в пижамных брюках, на ноге сиротливо болталась тапочка. В следующую секунду появилась Брук:

— Уайли! Ник! Что случилось?!

Над головой плыла величественная луна, в лесу перекликались ночные птицы, непоседливое семейство было объято священным покоем сельского Канзаса, а речушка мирно несла свои воды. Тишь да гладь.

Ник обнял отца, на них налетела Брук, суетливо зашарила руками и, выведенная из себя, едва не влепила Уайли пощечину, затем всхлипнула и вцепилась в мужа с сыном.

— «Пастух», — сказал Ник. — Я его слышал, он атаковал папу. Кажется.

Брук кивнула.

— Мартин в опасности, — сообщил Уайли.

— Мы знаем, — ответила жена.

— Только что прочитали последний кусок, — пояснил Ник.

— Я хотел до него добраться. Перетащить к нам.

Со стороны дома донесся слабенький голосок Келси:

— Эй, вы где?

— Идем-идем, лапочка, — откликнулся Уайли, и вся троица побрела к дому, где в дверях кухни стояла дочь, уперев руки в бока.

Келси обняла старшего брата — «Спасибо, что спас папочку», — затем прильнула к матери.

Уайли не очень-то удивился тому факту, что семья была в курсе событий. Келси, к примеру, прекрасно умела читать в своем восьмилетнем возрасте. Не исключено, что она тоже заглядывала к нему в компьютер, пока все остальные были чем-то заняты.

Брук поставила кофейник на огонь.

— Мне кажется, надо звонить Мэтту, — сказала она. — Чует мое сердце, без подмоги не обойтись.

— Готовиться к сражению с ними — значит признать, поверить в их существование, — глубокомысленно изрек Уайли. — А чем больше мы будем это делать, тем прочнее станет связь с их реальностью. И вот почему идея пригласить толпу полицейских к нам в дом не кажется очень уж умной.

— Значит, надо вообще держаться подальше от портала, ни в коем случае им не пользоваться, — заметила жена, наливая воду в кофеварку.

— Пап, она права, — кивнул Ник.

— Да, но как быть с Мартином? Он погибает. Прямо в эту минуту.

Ник подарил ему долгий, пытливый взгляд.

— Чего?

— Пап, пусть идет как идет. Ты все время лезешь на рожон, а мы не умеем воевать. Надо просто писать книгу и надеяться, что они сами как-нибудь ее найдут, что она им поможет. Но вот если кто-то из нас хотя бы одной ногой шагнет в тот мир...

Глаза Келси широко распахнулись, и Ник замолчал.

Брук разлила кофе по трем чашкам, присела за стол. Дочь залезла ей на колени.

— Ник, ты не засиделся? Поздновато уже.

Мальчик вновь внимательно посмотрел на отца:

— Ты разве не помнишь?

— Нет, не помнит, — ответила Келси за Уайли. — Он не может.

— Чего я не помню?! Вы о чем толкуете?

Очень негромко — почти неслышно — Ник промолвил:

— Я — защитник. Мама — куратор. А ты... ты — писарь. — Он бросил взгляд на сестренку, чьи глазки уже слипались. — А Келси у нас часовой. — Ник вздернул бровь. — Забыл?

Уайли призадумался. Бред, другого слова не подберешь.

Ник мрачно уставился в чашку:

— Вот именно, настоящий часовой. Она меня разбудила, потому что слышала «пастуха». Если бы не Келси... мы бы с тобой распрощались навеки.

Итак, своей жизнью Уайли был обязан семье, и в этот миг он испытал к ним такую крепкую любовь, что она побивала все прежние, доселе им испытанные эмоции.

— Спасибо... — прошептал он.

Со второго этажа донеслись чьи-то тихие голоса.

Келси сидела уже с закрытыми глазами, Брук вновь напевала «Славный денек», но еле слышно, совсем не перекрывая чужой разговор.

Уайли посмотрел в сторону неосвещенной лестницы, затем перевел взгляд на Ника — мальчик тут же вскочил и бросился наверх.

— Постой! — окликнул его Уайли, поднимаясь со стула. Брук же просто проводила их взглядом, не прерывая колыбельную.

Сын стоял перед дверью в кабинет, держа помповик наискосок перед грудью.

Уайли знал, что там никого нет и быть не может. Открыл дверь. Голоса зазвучали громче, разборчивее.

Но ничего еще не лезло в их мир, во всяком случае, не здесь, не вдали от портала.

— Книжка зовет, — сказал он Нику. — Манит и манит...

ГЛАВА 14

МОНСТР

18 декабря, позднее

Уайли видел рептилян, эффектных и вычурных под стать ядовитым змеям, чья мелкочешуйчатая кожа поблескивала в ярко освещенной комнате с белыми кафельными стенами. Потолок расчерчен люминесцентными светильниками, в центре помещения — металлический стол патологоанатома.

Так, где это место?

Ага. Ясно. Уайли принялся набивать текст:

«Вход в их логово располагается под горой Шайенн, однако сам комплекс устроен прямо здесь, под нами, что обусловлено, по-видимому, влиянием планетарной массы Земли и той энергии, которая струится по ее венам, которые называются геомантными линиями. В этой точке лежит узел, сосредоточение таких энергетических каналов.

В двенадцати милях от нашего дома находится географический центр континентальных Соединенных Штатов. В другой человеческой вселенной база чужаков расположена именно под ней, а в нашем мире, надо полагать, портал взаимопроникновения должен располагаться где-то поблизости, поскольку тут перегородка между вселенными наиболее тонка...»

Руки Уайли стремительно порхали над клавиатурой. Он едва обращал внимание на стоящих позади него Ника и Брук со спящей Келси на руках.

Крошечную семейную команду подхватила волна слов и понесла в ночь.

Уайли посмотрел на собственные руки, перевел взгляд на экран. События развивались полным ходом.

«Генерал Самсон нажал на поршень шприца, болезненно втянул воздух сквозь зубы, когда знакомая боль разлилась по руке, затем обожгла грудь, полезла в лицо и голову, расплываясь по всему телу. Ненавистная процедура, которой надо было следовать каждый день.

Сегодня, кстати, он вообще не собирался высовывать нос в проклятую человеческую атмосферу, однако инъекцию все равно пришлось сделать, ибо приказ еще никто не отменял: «Каждый обязан постоянно поддерживать себя в физической форме, позволяющей свободно перемещаться в текущих планетарных условиях». И ни одного словечка или намека на то, что можно не укалываться в день, когда не надо лезть наружу и дышать там гнилым воздухом.

— Время? — рявкнул он, входя на скотобойню. Под ногами хлюпала кровь, кругом воняло сырым человеческим мясом.

— 01044, — доложила капитан Мазл.

На стальном противне лежал труп. Самсон бросил беглый взгляд на останки Ала Норта, не выказывая никаких эмоций. Подумаешь. Он с самого начала презирал этого суетливого, омерзительно невежественного человечешку, напичканного идеализмом.

Разодранный, лишенный губ рот Ала успел подсохнуть, в обеих глазных впадинах чернели запекшиеся корки.

— Мазл!

— Да, сэр?

Самсон погрозил ей пальцем:

— Если сядете в лужу...

— Не сядем.

— Смотрите у меня. За срыв задания ответите головой.

— Ваши угрозы не к месту, сэр.

Она происходила из могущественной семьи. Генералу это сильно не нравилось, однако тут ничего не попишешь. Главное — вовремя остановиться.

— Я и не собирался никому угрожать.

— Хотя очень бы этого хотели. Как бы то ни было, я уже рассказала отцу, какой вы мерзавец.

Он постарался не принимать ее слова близко к сердцу. Папаша Мазл мог запросто распорядиться казнить любого, кто занимал нынешнюю должность Самсона.

— Капитан, приношу извинения, если мой стиль вас оскорбляет.

— Стиль? Да в вас привлекательности меньше, чем у скерика, а уж про вонь я вообще промолчу.

— Это из-за антиаллергенов, как вам прекрасно известно. Прошу не забывать, что вверенные мне обязанности не оставляют другого выбора. — Он показал на измочаленное тело генерала Норта: — И с вашего позволения, давайте-ка начнем. Если вы, конечно, и впрямь намерены пропихнуть эту дрянь сквозь портал.

— Вас бы очень устроило мое фиаско. Это я отлично вижу... Не дождетесь.

— Вся операция поставлена под угрозу, и если что-то случится, на своего папочку можете не рассчитывать. Рабов по-прежнему не хватает, и даже имеющееся количество мы не в состоянии обеспечить контролерами, поскольку линзы обветшали и едва-едва работают. Мы теряем по двадцать тысяч землян в минуту, и следующий миллиард должен быть наготове через четыре дня.

— А вот это уже не моя головная боль, генерал. Я лично занимаюсь только бездарным писакой, который сидит на той

планете... куда ваши люди не могут попасть вот уже пятьдесят лет, чтоб вам провалиться! — Мазл подошла к столу и хлопнула человеческий труп по груди. — Если наша задумка не выйдет, то мы оба предстанем перед Ехидной. Да-да, уважаемый генерал Самсон. Вы и я — и тут уже нас не спасут никакие силы Аваддона.

С этими словами она пересекла комнату и подошла к самцу, весь диалог простоявшему в молчаливом ожидании.

— Доктор, — сказала она, — пора и вам заняться своими прямыми обязанностями. Если, конечно, вы в состоянии.

Под мощным светом врач поблескивал крошечными кремовыми чешуйками. Мазл не знала его имени, однако внешний вид самца свидетельствовал о довольно высокой касте. Пожалуй, лучше быть с ним повежливее. Нет никаких сомнений, что он немало заплатил за шанс получить эту работу в надежде урвать свою долю трофеев с поработанной Земли.

Вопреки ожиданиям доктор даже не сдвинулся с места.

— Может, займемся все-таки делом? — сдвинула брови Мазл.

Самсон издал смешок:

— Лояльный слуга... Подобранный вами персонал внушает такие же надежды, как и ваши планы.

— Мне требуется больше энергии, — буркнул врач. — Сорок тысяч вольт как минимум.

— Обойдетесь и двадцатью.

— Капитан...

— Я сказала «двадцать»! Нечего прятать собственное невежество за грубой силой, лучше покажите, на что сами способны. Короче: или двадцать — или я занесу вас в карательные списки. Надоели ваши отговорки!

— Капитан, если хотите, чтобы окно продержалось долго...

— Нам не нужно постоянное окно! Хватит и нескольких часов.

Врач бросил умоляющий взгляд на Самсона, но тот никак не отреагировал.

— Ладно, — сказала Мазл в устройство связи. — Сколько вы можете ему дать? — Выслушав ответ, она посмотрела на

врача. — Предлагаю компромисс: вы получаете свои сорок киловольт, но только на одну минуту.

— Капитан, я подавал заявку на две.

— За работу! Живо!

Врач извлек из кармана узкий серебряный футляр, открыл его и достал инструмент с черной конической рукоятью и длинным лезвием — настолько тонким, что оно волосяной нитью мерцало в воздухе.

— У этого экземпляра наблюдаются артериальные повреждения средней тяжести, вызванные холестерином, — угрюмо сообщил он, — что соответствует картине старения, характерной для данного биологического вида. Неужели есть такая необходимость расходовать наши ресурсы...

— Данного вида? — раздраженно оборвала его Дженнифер. — А у вас что, есть много других аналогичных видов? Вы забыли, что во всем миллиарде изученных параллельных вселенных мы обнаружили лишь одну — вот эту самую! — разумную расу?! — Она сердито ткнула рукой в останки Ала Норта. — Если запрограммированная нами тварь сумеет выполнить свою задачу, мы все спасены.

— Я все же не...

— И кстати, уважаемый доктор. Вы разве не слушали последнюю сводку из дома? А? Забыли, что там творится?

— Я просто хотел сказать, что экземпляр слишком потрепанный, вот и все.

Их прервал Самсон:

— Хватит лаяться. У нас нет на это времени. На кон поставлено слишком много, мы опаздываем — так что начинайте работать!

— Я не собираюсь отвечать за последствия! Вы пихаете меня под руку!

— Будете саботажничать, доктор, я отдам вас психотехникам, — зловеще пообещал Самсон.

Докторская чешуя покрылась рябью и приобрела желтушный оттенок. Что и говорить, аргумент из аргументов. Экстракторов души боялись все.

— На каком основании? У вас нет таких прав!

— Это мы еще посмотрим, у кого чего нет. Хотите доказательство?

— Генерал, а вы сами не желаете попробовать? — ехидно спросила Мазл.

— Рот закрой... Всякая дура будет мне указывать, — повертел шеей Самсон, удерживая голос обманчиво спокойным.

— Как вы смеете?!

— Что, опять жаловаться побежишь? А ведь папочка стареет. Папочка уже не тот, кем был раньше. Скоро-скоро папочка потеряет власть — и тогда я выдавлю твою поганую душонку как гнойный прыщ.

— Жалкий блеф!

— Ой ли?

— Вы только болтать умеете, генерал. И все время забываете, что часики тикают. Вас легко отвлечь и вынудить сделать ошибку. Мне об этом еще папа говорил. — Мазл отвесила начальнику насмешливый поклон.

— А у вас... У вас эта кукла наверняка не работает!

— Почему не работает? Смесь биоматериалов с обеих Земель. Должна работать, никуда она не денется.

— Что ж, тем лучше, потому как ежели не получится... про-сти-прощай головушка. Все передохнем — прямо в этой норе, на глубине полторы тысячи кубитов под благословенным канзасским навозом.

Врач тем временем налаживал свой инструментарий.

— Вызывайте ассистентов, — бросил он, — если хотите, чтобы все вышло.

— Ассистировать буду лично я. Операция сверхсекретная.

— Не хватало только идиотов-милитаристов в няньки записывать, — пробурчал врач.

— Может, я талантлива. Может, меня даже обучали.

— Сомневаюсь. Я, например, купил эту должность, а ваш папочка тоже наверняка раскошелился. Если повезет, я, наверное, смогу даже получить разрешение отрастить зоб под потомство... Если очень-очень повезет.

Дженнифер презрительно повела плечом, раскрыла коробку, которую принесла с собой, и показала содержащуюся в ней красную жидкость, где плавали какие-то куски.

— Доктор, взгляните-ка. Это живой биоматериал с однолунной Земли.

— Шутите?

— Да нет, — неохотно подтвердил Самсон. — Людишки шляются между мирами.

— Быть не может, — решительно заявил врач.

— Мы полагаем, что это произошло по чистой случайности. Хотя... Не исключено, что унионисты приложили сюда свою лапу.

Проявив неожиданный интерес, к генералу подошла Мазл:

— Вы мне об этом не говорили.

— А с какой стати?

— Потому что это может поменять дело.

— То есть? — нахмурился врач. Ему тоже было что терять — как и всем прочим.

— Если мы потерпим неудачу не по своей вине, а из-за вражеских происков, Ехидна может... ну, смилостивиться...

— Да-да, как же! — фыркнул Самсон. — Все будет ровно наоборот. Уж я-то знаю, вращался при дворе.

— Подумаешь! Зато я, между прочим, выросла вместе с ее последним выводком, — гордо сообщила Мазл. — Моему яйцу выпала великая честь лежать в ее благословенной корзине!

— Ага, великая честь... Видел я, как они лежат, эти ваши яйца. Ни дать ни взять — транспортер: каждые десять минут новая кладка.

Оскорбленная в лучших чувствах, Мазл набросилась на презренного доктора-наймита.

— Марш работать! — взвизгнула она. — Чего стоим?!

Тот открыл черную лакированную коробку, посмотрел на окровавленный ошметок внутри.

— Оно не взорвется в нашем воздухе?

— Ни в коем случае.

Доктор опасливо вытянул продолговатый мокрый предмет. Губа. Человеческая.

— Мертвечина...

— Трупы всегда мертвые, но мы по крайней мере собираем их души.

Генерал Самсон подумал про миллионы образчиков, хранимых глубоко под этой камерой. «Урожай» тел имел определенную ценность после начала терраформинга, однако подлинным трофеем были, конечно же, души. Впрочем, пусть в это дело врач и Мазл свои носы не суют. Что же касается Самсона, то успех операции означал бы для него невообразимое богатство. Богатство того уровня, который гарантирует бесконечное снабжение идеальными клонами и, стало быть, вечную жизнь, доступ к которой имеет лишь высшая аристократия.

Врач разложил инструменты, взял ланцет длинными тонкими пальцами и срезал куски подсохшего мяса с краев глазных орбит Норта.

Затем, вооружившись двумя золотистыми шпателями, выдернул окровавленное глазное яблоко.

— Состояние этого глаза неудовлетворительное, — сообщил он.

— В каком смысле? — нахмурилась Мазл.

— Не годится для использования!

— Слепой?

— Да нет, видеть он будет. Некоторое время. В какой-то степени. Но... вы сами взгляните. Уже появились признаки распада.

— Почему это происходит? — спросил Самсон.

— Генерал, я знаю, что вы поднимаетесь на поверхность, потому что лично готовил ваш антиаллергенный набор. Представьте на секунду, что вы оказались в их мире без сыворотки. Вы начнете разлагаться, и этот глаз точно так же разлагается здесь.

— Но если глаз вернуть в тот мир, гниение остановится, верно? — возразила Мазл.

— Вы меня удивляете. Говорю вам: из этой затеи ничего не выйдет!

Капитан не сдавалась:

— К трупам можете пришить?

— Ну... естественно.

— Тогда пришивайте!

Врач осторожно коснулся левого глаза. Пальцы его работали с ловкостью и виртуозностью пианиста. Глубоко под ногами загудели исполинские генераторы, извлекавшие энергию непосредственно из земного ядра.

Облако крошечных искр рассыпалось вокруг глаза, и вскоре впадина засияла миллионами звездочек, каждая из которых была на самом деле невероятно сложным объектом, миниатюрной вселенной, составленной из мириадов звезд размером с пылинку на мушиной лапе.

— Биоткань может взорваться? — поинтересовался Самсон.

— Нет, — покачала головой Мазл.

— Я бы не стал это отрицать столь категорически, — добавил врач. — Там видно будет.

— Будет видно после взрыва?! Да нас к тому времени на куски разнесет! — вскричал Самсон, отпрыгивая от стола, на котором происходила операция.

— Было бы весьма кстати, — заявил врач, вернул инструмент в коробку и зажал глазное яблоко светящимися пальцами левой руки.

— Как у вас только язык поворачивается! — прошипел Самсон.

— Послушайте, я здесь потому, что... короче, так вышло. Вся эта затея — захват их планеты — в корне неверна. Злощастные создания не заслужили такого отношения просто оттого, что кое-каким риэлторам вздумалось погреть руки. К тому же я в армии по призыву, и выполнять грязную работу за жадных хапуг мне не улыбается... и я плевать хотел, если мои слова придутся кому-то против шерсти. — Он вставил глаз на место, раздался чмокающий звук. — Смотрите-ка, не взорвалось. Какая досада, жизнь продолжается.

— Вас бы надо отправить на психоэкстрацию, — пробормотал Самсон.

— А-а, вновь пустые угрозы? Вы двое — настоящие эксперты по блефу. Да только дело в том, что без врача вам не обойтись, стало быть, я в полной безопасности, так?

Врач вставил второй глаз, затем занялся губами, но тут же остановился, задумчиво разглядывая некий фотоснимок.

— Поторапливайтесь!

— Губы слишком толстые...

— Подрежьте тогда! — Самсон гневно взглянул на Мазл. —
Время?

— 01048.

Не сводя глаз с фотографии Норта, врач прижал какую-то поблескивающую тряпочку к присоединяемым губам, и те принялись менять свой контур, с каждой секундой все больше напоминая губы покойного генерала.

После этого он переключил свое внимание на половые органы и прямую кишку, по очереди доставая вырезанные части из коробки. В конечном итоге труп стал выглядеть вполне целым и нетронутым.

Наконец врач выпрямился.

— Готово, — объявил он.

— Тащите душу, — распорядился Самсон.

Дженнифер Мазл передала команду по мини-рации размером с кулак, и через минуту пара психотехников прикатила громадную стеклянную колбу, в которой сидела живая душа Ала Норта. Свет внутри лампы уже не ярился вспышками, не прыгал на стенки, а просто облеплял нить накаливания, которая тлела темным багрянцем.

— Считаете, все-таки получится?

— Постоперативная психоинъекция — наука не вполне точная, — заметил врач. — Итак, дело за вами, капитан.

Дженнифер подтянула труп Норта так, чтобы его голова свесилась за край стола, побрызгала в раскрывшийся рот из аэрозольного баллончика с яркими иероглифами, чей цвет был знаком любому обитателю всех трех вселенных,

потому что речь шла о лизоле — антисептике, мимо открытия которого не прошла ни одна цивилизация. После этого она взяла конец толстого черного кабеля, свернутого в бухту на полу, и засунула его глубоко в продезинфицированную глотку.

— Я так понимаю, душу «обстругали» согласно вашей спецификации, генерал Самсон, — полувопросительно сказал врач.

— Вы сами ее разрабатывали, я лично только подмахнул бумажку.

— Я просто хотел напомнить, что методика экспериментальная, все крепится на живую нитку, и если вы захотите вытащить его душу обратно, тело развалится на куски.

— Мазл! Нам не придется это делать?

— Были удалены любые связи, отвечающие за самостоятельность поведения.

— А мозг?

— Память зачищена, оставлены лишь последние два дня перед прибытием в Шайеннский центр, — ответила Дженнифер.

Один из психотехников перехватил лампу за цоколь, который составлял в обхвате дюймов девять, в то время как диаметр верхней части колбы достигал примерно четырех футов. Его напарник тем временем вставил кабель в донный разъем.

— Мазл, сколько лет этому оборудованию?

— Фирма моего отца закопала все машины в египетской пустыне, в местечке Дендера.

— Когда?

— Восемь тысяч лет тому назад.

— Крохоборы проклятые, на всем экономят... А если бы люди их нашли?

— Вот уж вряд ли.

— И все же... восемь тысячелетий. А нам теперь работать с такой рухлядью. Я считаю, это преступная безответственность.

— Поставлена задача создать изобилие для грязного мусора вроде вас, генерал, а вовсе не тратить средства на экстравагантную технику, без которой мы вполне можем обойтись. И не моя вина, что наша семья руководит успешным предприятием на протяжении двадцати поколений, в то время как вы являетесь всего лишь неимущим потребителем.

Труп прогнулся в пояснице.

— Мазл! Не отвлекайтесь!

Она вздернула бровь:

— Доктор?

— Все в норме, — огрызнулся тот.

— Заливайте, — приказала Мазл психотехникам.

Один из них принялся поднимать импеданс лампы, пока наконец душа не превратилась в пурпурную искорку, приплясывающую на конце нити накаливания.

Тело дернулось раз, другой...

— Вы уверены, что конвульсии не помешают? — уточнила Мазл у врача.

— Не требуйте слишком многого от старого оборудования.

Самсон саркастически фыркнул, но воздержался от комментариев.

Нить медленно сменила цвет с пурпурного на фиолетовый, затем раскалилась добела. Глаза трупа вдруг распахнулись, грудь неторопливо вздулась, мускулы затрепетали, по коже побежал румянец, затем изо рта вырвалось резкое, оглушающее шипение, как от треснувшего газопровода. «Да он вопит, — сообразил Самсон. — Крикливый мертвец».

Мазл показала пальцем:

— Обратите внимание.

Лампа, в которой до этого сидела душа, сейчас выглядела черной, как погребальный саван. Глаза Ала Норта, с другой стороны, были открыты. Распахнуты до предела.

Он плакал.

ГЛАВА 15

ПОСЛАННИК

19 декабря, предрассветный час

Выходит, они создали нечто вроде зловредного голема, монстра, который не способен нарушить полученный приказ. Но не только: Уайли понял, в чем тут дело. Чужаки использовали глаза, губы, язык и другие части, вырезанные из тела бедного Уильяма Наннелли, и пересадили их в труп Ала Норта. По-видимому, они рассчитывали на то, что смесь биотканей с двух разных Земель позволит этому созданию гораздо свободнее разгуливать по нашей планете, поскольку сами чужаки не могли к нам проникнуть по причине всеобщего скепсиса в отношении инопланетян и прочих пришельцев.

В отличие от давешнего «пастуха» и бродяг с той Земли данный монстр свободно войдет в наш мир.

Пока что единственным человеком, который оказался способен на такой подвиг, был Тревор. А вот теперь заявится еще один гость — на этот раз жаждущий крови монстр в полном смысле этого слова.

Уайли не желал больше писать, потому что надо было предупредить семью, однако пальцы продолжали неумоимо настукивать текст, таща за собой хозяина, принуждая его отправиться в путешествие, которое он не сможет остановить или хотя бы проконтролировать.

Он знал, что близится рассвет, но ничего не мог с собой поделать: ни перестать печатать, ни подать голос. Даже отвернуться от клавиатуры не получалось. Ник тем временем спал в мягком кресле, что стояло в углу кабинета. Брук, надо полагать, была в их спальне.

Итак, проблема заключается в том, что монстр собирается пересечь портал, подняться по холму к дому Дейлов и всех их умертвить — а семья-то спит! Текст не читают, не видят

опасности, причем Уайли не в состоянии их даже окликнуть. Время — вот что сейчас самое важное.

Стоило так подумать, как Уайли вдруг перенесло в другое место, словно в игру вмешалась высшая сила, некий колдун, управляющий всей катастрофой.

Он увидел темные уродливые груды, наваленные на тротуар, обрывки бумаги, одежды и всяческого пыльного мусора, вихрящегося в порывах северного ветра, — и еще был запах, густая сладкая вонь, которая безошибочно свидетельствовала о великом множестве разлагающихся трупов.

Уайли находился в Нью-Йорке двухлунного мира, а эти груды были сложены из останков людей, выпрыгнувших из окон своих квартир — по всей Пятой авеню, — и у него не было никаких сомнений, что похожую картину он найдет на любой улице города.

С каждой секундой в глаза бросались все новые детали: вот валяется раскрытая сумочка «Армани», вот швейцар, собственным револьвером выбивший себе мозги прямо на рабочем месте, о чем свидетельствовали засохшие потски на стене... Вереницы муравьев, ползающих по ласковому пожилому лицу... Велосипед, сиротливо валяющийся возле фонарного столба... -

Уайли с непринужденностью сновидца, оказавшегося в жуткой реальности, скользнул в переулок и увидел крошечный ресторанчик. Под навесом ни души, непочатая бутылка «Клико» одиноко стоит на столике официанта, рядом газета «Таймс», датированная шестым декабря, тем днем, когда был совершен налет на Нью-Йорк. Заголовок на первой полосе: «Мир потрясен загадочными трагедиями».

Под ветром пошелкивает полотнище флага у входа в импозантный особняк. «Картинная галерея», — понял Уайли, но внутрь заходить не стал. Ветреное, промозглое утро, настроение ни к чему...

Он пытается остановить пальцы, отодвинуться от ноутбука. Нутром чувствует, как поднимается, встает на подрагивающие ноги Ал Норт, кашляет, сипит, шатается из стороны в

сторону... Его придерживает гладкая, словно облитая кремом, Мазл в компании с блестящим, угольно-черным Самсоном. Когтистые лапы гибких, мускулистых рептилий не дают упасть ожившему мертвецу, держат его надежно, жестокие морды светятся хищным азартом...

Вжик! Нью-Йорк мгновенно уступает место океану. Крупная зыбь, испещренная барашками волн, сквозь которые продавливается темный силуэт круизного лайнера. Судно грузно валится с боку на бок от наката зеленых валов, Уайли приближается и замечает, что нос ушел под воду и всякий раз, когда волны ударяют о зализанные борта, в небо взмывается могучий, подхватываемый ветром султан брызг, словно здесь явится мини-шторм.

Людей не видно, их будто смахнуло с палубы как морскую пену, но Уайли уже находится внутри громадного ресторана, где от качки ездят стулья. Да ведь здесь люди! Множество людей: мужчины в смокингах, женщины в элегантных вечерних платьях — стоят напротив высоких окон. Чудовищная картина, ибо каждый из них превратился в бродягу, который сейчас медленно умирает от голода. Ковер под ними протерт до дыр, потому что люди не стоят на месте, о нет: они упорно переставляют ноги, уткнувшись в стену изможденными, серыми лицами.

Домой! Верните меня домой! Кто-нибудь, помогите!

А сейчас Уайли находится на кривой улочке, заставленной брошенными тележками, груженными мотороллерами. Надписи на незнакомом языке, собачий лай, обезьяний визг, жгучее солнце... И ни одного человека в виду. Но это еще не все: откуда-то прибывает вода, домишки раскачиваются подобно пьяной ночной потаскухе, с каждой минутой волны все охотнее облизывают, захлестывают улочку, подхватывают корзины, затапливают придорожные лотки с лепешками из пресного теста, когда-то уходившими по паре рупий за штучку...

Индия, какой-то местный мегаполис — ныне мертвый и погружающийся в море.

Один лишь Уайли чувствовал себя полностью живым в этом окаянном месте. Он стоял на перекрестке, разглядывая здание люкс-отеля, в чьих окнах болтались занавески. По ногам уже струится вода, до странности чистая, несмотря на плавающие в ней окурки, банки из-под газировки, полиэтиленовые мешки и размокшие, побуревшие куски хлеба.

Новый кадр: кругом деревья. Его родной лес. Уайли видит человека.

Ник! Брук! Келси! Да проснитесь же!

В его сторону решительно идет Ал Норт, но движения странные, деревянные, к тому же его фигура мерцает, словно он не полностью вписывается в эту реальность. Генерал то и дело натывается на ветки и всякий раз недовольно бурчит под вспышки синего пламени, которое окутывает его силуэт. За ним тянется голубая светящаяся дорожка из следов, оставленных на помятой траве.

— Мамапапа! Мамапапа! — В кабинет влзает Келси и обхватывает руками отца, который никак не может бросить печатать. Ник продолжает спать.

— Папа! Дядя Медведь в лесу!

Наконец-то просыпается Ник. Потряхивает головой. «Тихо, тихо, — говорит он сестре. — Папа работает.

Посмотри на книгу, сынок! Посмотри сюда!

Девочка залезает на колени к старшему брату.

— Да, Келси, медведи живут в лесу, — говорит Ник, проглатывая руку и трогает Уайли за плечо: — Пап, может, ты остановишься на секунду? Наша малышка хочет тебе сказать «доброе утро».

— Папочка, в лесу ходит дядя Медведь.

Уайли напрягается изо всех сил, чтобы ответить. Увы, руки заняты набивкой, а глотку словно парализовало.

Посмотри, что я пишу!

Он переключает регистр, теперь все буквы выходят заглавными. СМОТРИ СЮДА! ЭЙ, НИК! В ЛЕСУ АЛ НОРТ!!!

— Отец, как ты думаешь, может, есть смысл сегодня достать оружие из шкафа? — спрашивает Ник, и сонливая без-

мятежность в его голосе дает понять, что он *не* смотрит на текст.

— О нет, Ник, это же просто дядя Медведь!

— А вот мне кажется, что ружья следует подготовить. Понимаешь, Келси?

— Мапочка, он меня пугает!

— Ник! — Появляется Брук, бросает взгляд на Уайли. Он затылком чувствует, что жена смотрит на экран — но тут Келси подбегает к матери, и та вынуждена отвлечься.

ОПАСНОСТЬ! ОПАСНОСТЬ! ОПАСНОСТЬ!

Постой-ка... Вроде как пальцы повели себя чуть по-другому.

— Пап, мы, пожалуй, пойдем вниз.

Вся троица вышла из кабинета. Секунду спустя прекратился хруст клавиш. Уайли попробовал поднять руки — ура! Наконец-то!

Он выскочил из-за стола и слетел по лестнице.

— Доставай ружья! — крикнул он на ходу. — Ал Норт в нашем лесу!

Семья, как выяснилось, расположилась в гостиной. Двери оружейного шкафчика распахнуты, на кофейном столике лежит «магnum». На диване, подтянув под себя ноги, сидит Келси и сосет большой палец. «Она спасла нас всех», — подумал Уайли и подошел поближе к дочери:

— Деточка, а как выглядел дядя Медведь?

— Он ел землянику!

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у него рот испачкался красным!

Понятно. Горе-хирурги...

— Отец, — сказал Ник, — он только что был здесь, прямо к дому подошел. Я подумал было, что он зайдет, но что-то случилось, а может, ему какая-то другая мысль пришла в голову...

— Но он точно не вошел к нам? Ты уверен?

— Конечно, нет! Откуда я знаю, может, он в погребке сейчас... Или на чердаке. Или вообще превратился в невидимку. Понятия не имею.

— Хм.., — Уайли приблизился к окну.

Рядом встал сын.

— Вон он, — сказал Ник через пару секунд.

— Не вижу...

Ах да! Точно. Красноватое пятно в тенистых зарослях. Надо думать, кровь из ран. В следующий миг Уайли увидел металлический блеск.

Среди деревьев стоял бывший мертвец и держал громадный, уродливый пистолет.

ГЛАВА 16

ОХОТА НА ДУШУ

19 декабря, утро

Мартин стороной обошел поляну, где плясали тени чудовищных пауков, которых дети прозвали «пастухами», затем поднялся на гребень, ухотивший к его дому. Нет уж, туда он не вернется. От одного воспоминания о бесформенных руинах подкатывала тошнота.

Ливень кончился, и сейчас над горизонтом лежала вторая луна, изливая сияние на каменистые груды и кривые деревца, усыпавшие склон.

Он старался не думать о будущем, которого, по всей видимости, у него вообще не было, и, самое главное, отгонял от себя горькие мысли в адрес Тренора.

Впрочем, Мартин уже лишился сына — во всяком случае, того мальчишки, каким он его знал. Вместо него появился непонятный человек, видевший мир под совершенно иным углом. «Но я все равно тебя люблю», — прошептал Мартин в пустоту. Да, он всегда будет его любить, своего маленького мальчика, никогда не забудет, как прижимал его к груди, когда тот боялся ночных звуков, смотрел веселыми, доверчивыми глазками, восхищался своим папой.

Как бы далеко ни зашел Тревор за край известного Мартину мира, за ним всегда будет следовать отцовское сердце, пытающееся понять, помочь, поддержать...

Вновь уколола неприятная мысль: «Он выгнал меня. Вышвырнул». В который раз Мартин задался вопросом: что могло заставить сына опуститься до такого зла?

Мартин никогда не верил в легенду о дьяволе, знал, что христианский сатана был рогатым богом древнего колдовского культа из Северной Европы, причем прототипом для него послужил Пан, бог празднеств из римской мифологии. Другими словами, языческое идолище трансформировали во врага нового бога. Аналогичные превращения происходили на всем протяжении истории религиозных верований, вчерашние божества становились сегодняшними демонами.

Все же возникало впечатление, что баланс добра и зла в мире изменился, и вот почему Тревор совершил такой поступок, из-за которого Мартину предстояло потерять душу или, что куда более вероятно, попросту погибнуть, после чего его тело станет чьей-то собственностью.

Громыхнуло, вновь полил дождь, и в свете молний Мартин увидел оленя. В вышине прокричал козодой. Близилась заря, однако тучи были столь плотными, что ночная тьма отказывалась рассеиваться.

Он зажал уши, отвернулся, прижался лицом к скале. Расселина, в которой прятался Мартин, была едва ли пару футов глубиной, да и по длине он с трудом в ней умещался. Дождевые капли барабанили в спину, а шквалистый ветер нагло лез под разодранную штормовку ледяными, зимними пальцами.

Положение плачевное донельзя. «Не исключено, — подумал он с подкатившей тоской, — что пришло время сдаться».

Линди и малыш Уинни сгинули, и от этой назойливой мысли начинало казаться, что их вообще никогда не существовало. Трудно с таким примириться, а поступок Тревора был тем довеском, от которого тупая боль превращалась в подлинную агонию.

Но вот вопрос: каким образом можно покончить с собой, когда ты не осмеливаешься и пальцем шевельнуть? Не вернуть-

ся ли к палатке? Дети его застрелят... однако имеет ли он право заставлять Тревора принимать участие в этом злодеянии?

Перебивая ворчание грома, донесся очередной крик, на сей раз полный энтузиазма. Мартин посмотрел в сторону поляны. Где-то за ней течет Сондерс, к тому же из-за дождя речушка наверняка вздулась, превратилась в крайне опасную стремнину.

Если нырнуть в воду рыбкой, от удара головой он совершенно точно потеряет сознание, и лишь после этого тело разлетается по камням. Неприятная перспектива, но что делать? Не грызть же вены на запястьях, в самом деле...

Ну хорошо. Где конкретно этот ручей? Широкие возможности для догадок, однако если просто спуститься с гребня и затем придерживаться лошин, в конечном итоге они обязательно выведут его к Сондерсу. Если, конечно, не заберут по дороге пришельцы.

Мартин прищурился на темную местность и подумал, что она выглядит чужой, как поверхность другой планеты. Подумать только, а ведь когда-то он здесь бродил, всю жизнь охотился — здесь он жил.

Вот эти деревья, скалы, свирепеющая буря — все они останутся, когда сам он перестанет существовать. Голодные жуки вскоре найдут себе пиршественный стол в траве.

Мартин поднялся и, не обращая внимания на дождь, побежал в грохочущую тьму. Ветер сбивал с ног, громовые раскаты заставляли болезненно морщиться. Если бы не молнии, освещавшие путь во мраке, он бы попросту ослеп от такого ливня. Минуты через три раздался могучий звук, не похожий на все прежние: басовитее грома, но с примесью шипения и достаточно сильный, чтобы больно ударить в грудь.

Молниевые вспышки высветили туманную стену, стоящую на пути, и Мартину пришлось резко затормозить. Через секунду дошло: перед собой он видел чудовищную облачную воронку, до которой оставалось буквально несколько миль. По разбитой прерии на Мартина надвигался смерч.

Он запрокинул голову и зашелся криком, где можно было прочесть и отчаяние, и смех. На фоне облачной стены мель-

кнула легкая птичья тень. Похоже, «козодой» закладывал круг прямо над Мартином, и тот поспешил укрыться в чащобе.

— О Господи... Линди, прости меня, прости...

Ах, зачем только он вызвал их в церковь! Надо было прислушаться к голосу инстинкта, спрятать семью в штормовом убежище...

В свете следующей вспышки обрисовались окружившие Мартина силуэты. Краткое мгновение, но его хватило, чтобы он зашелся воем, как перепуганная дворняжка. Куда ни бросишь взгляд, всюду они, с каждой секундой все ближе и ближе, а в небе тем временем вырастал несущий смерть столб торнадо, в чьей воронке крутились темные предметы. Мартин видел автомобили, куски кровли, деревья, людские тела-мельницы. Он бросился в сторону смерча и тут же налетел на скрытые в чернильном дожде толстенные прутья с желтыми полосками. Коготь молнии полоснул по туче, и в серебристом мерцании Мартин разглядел передние лапы паука размером с небольшую лошадь.

В следующий миг его швырнуло на грунт с такой силой, что выбило воздух из груди. Голова приложилась о камень с неприятным сухим треском, отозвавшимся в челюстях, в глазах взорвались звезды.

Дрогнула земля, из легких высосало все без остатка — и в свете очередной вспышки он увидел, что нависшее было над ним чудовище взмыло в небо подобно летающему демону, а вернее, его слизнул приближавшийся смерч.

Из тьмы грациозно скользнул свет, разливаясь пугающим полярным сиянием. Оказавшись на спине, смагивая кипящую дождевую воду из глаз, Мартин увидел приближение смерти, да еще со множеством подробностей, о которых мы привыкли слышать в легендах: свет стекал жидким сиропом, белый и живой, а попадавшие в него капли тут же расплывались вихрящимися завитками пара.

Но не было умиротворенности, пресловутого оцепенения — только что-то случилось со зрением, Мартин прозрел на каком-то новом, всеобъемлющем уровне, кожа пошла мураш-

ками экстаза, он увидел настоящий лес из конических мебельных ножек, понял, что смотрит глазами младенца на комнату матери, где некогда сделал свои первые шаги, и это ощущение было подобно полету... чудесная и новая способность ходить, а не ползать... о счастье! Владыка наш небесный, детство — это царство Твое...

Сейчас он осознал, сколь ценным мог быть товар, именуемый «воспоминаниями». Все золото прожитой жизни можно полизать, пощупать, понюхать, вновь и вновь радоваться открытиям... Да, понял Мартин, человек — это устройство, которое в совершенстве записывает шорох каждого листочка, каждый эпизод, деньки быстротекущие и счастливые, так же как и серые. Какое невероятное величие — что за чудо из чудес! Не приходится удивляться, что Земля затратила пять миллиардов лет, чтобы создать нас.

Сейчас меня сунут в коробку, пришьют бирку и продадут какой-нибудь твари, которая лишена всех радостей, счастья и моральных принципов, внутренняя пустота которой побивает даже зияющую брешь смертного сна, она холоднее абсолютного космического нуля. Меня — мое бессмертное «я» — продадут как дозу наркотика.

Красная пелена. Голоса... нет, один голос. Золотые, ангельски совершенные звуки.

Красный цвет превращается в шум, бесцеремонные толчки, пощечины. Разливается огнем на губах. Кто-то трет наждаком его кожу... нет, полосует ее бритвой. Лезвие срывается, тычется в мясо.

Его разделяют прямо на поле.

Лицо Тревора в бисеринах дождя и слез. Тревор, древнее существо, вечный скиталец.

«Как и я...»

В путь! Отныне и вечно сын с отцом...

Визжит ветер, ливень и град осыпают пулями, кричит Тревор: — Закапывайся! Колай, говорю!

Мартин судорожно цепляется за землю. Кругом все стихает. Кажется, легкие окончательно лишились воздуха. Ноги

вздываются вверх, раздаются немыслимо низкий, басовый гул, в нескольких сантиметрах от головы все заливает электрический зеленый свет.

Затем от грохота чуть не лопаются барабанные перепонки, с неба валится грузовик, тшестно пробуривающий фарами стену дождя. Громадная многоосная машина, из тех, в которых перевозят домашнюю птицу.

Обрушивается ливень из кур.

Кудахтанье, клескот, гоготанье, разлохмаченные и перепуганные клубки в облаке перьев, как снежинки.

Навалившаяся на спину тяжесть исчезает. Он переворачивается навзничь, какая-то фигура протягивает руку помощи. Крепкий, сильный мужчина, но лица не разглядеть.

— Они вернутся в любую секунду и будут бить до упора!

Тревор ныряет во тьму, и Мартин не успевает задуматься или понять, что произошло секунду назад. Он просто следует за сыном, выкладываясь на всю катушку, и обнаруживает, что способен видеть в темноте, стоит только захотеть, — а еще он научился нестись, как подхваченный ветром ангел, может бежать долго-долго, и его сердце будет работать размеренно и неторопливо, как мощный двигатель.

Тревор останавливается, хватая парочку кур, мчится дальше. Мартин следует его примеру.

Чашоба смыкается плотнее с каждым шагом. Буря прошла, притащив за собой первую луну, крошечную и яркую, купающуюся в море звезд, но в то же время на севере и западе виден очередной массивный облачный столб. Похоже, ураганы не хотят прекращаться, как если бы потерявшая равновесие вселенная обязана на всех уровнях расходовать энергию до тех пор, пока не восстановится баланс.

Мартин слышит барабаны, становится ясно, что они направляются в сторону палатки.

— Тревор, они меня застрелят...

— Уже нет.

Сын с хрустом сворачивает курам шеи и кладет тушки возле брезентового полога. Вслед за ним аналогичную операцию проделывает и Мартин.

Раздается вопль, от которого обмирает душа, затем целая серия криков — и на них набрасывается дюжина свирепых теней, причем одна целится Тревору в лицо. Визжащая пасть, красные горящие глаза... к ней присоединяется еще одна тень, заводит жуткий хоровод.

Мартина обернула холодная кожа, воняющая чесноком и жидкостью для бальзамирования трупов, по груди полоснули когти, распоров куртку вместе с рубашкой, впиваясь в мясо с такой же легкостью, с которой нож погружается в расплавленный воск.

Все дело в страхе, ведь ему говорили об этом: страх служит маяком для этих тварей. Ладно, в таком случае он возьмет свой страх за ворот, сунет его в коробку и захлопнет крышку.

Тварь пялилась, морда ее была столь близко, что Мартин видел пылавшие огнем зрачки, разверстую пасть и белый язык, ворочавшийся как мясистая личинка на горячем камне.

В памяти всплыла Иисусова молитва Фрэнни Гласс, он принялся шептать ее вновь и вновь, чувствуя, как с каждым выдохом тает страх. Пусть Мартин и не был верующим человеком, эта молитва обладала силой, позволяющей отвлечь и успокоить перепуганное сердце.

Тварь отпрыгнула назад и подарила ему косой взгляд, где читалась смесь из разочарования, ярости и, пожалуй, насмешливого признания того факта, что этот жалкий человечишка сумел одержать верх.

Памми придержала для них полог, и отец с сыном залезли в палатку, где горело несколько свечей и по-прежнему звучал барабан. Освещение было неярким, однако Мартин без труда разглядел Ленни Уарда и Клэр Джеймс, которые отбивали ритм. В глаза бросилась эмблема школьной футбольной команды «Харроу Кугарс».

Зрение почему-то стало удивительно острым, он мог видеть мельчайшие детали, даже отражения свечей в чужих глазах. Более того, Мартин чувствовал сейчас запах юности, исключаемый этими подростками, запах молодой силы, исходившей от сына, распускающийся аромат девочек... Он увидел

их, по-настоящему увидел — и понял, что лишь в очень редкие моменты своей жизни ему доводилось воспринимать людей с такой невообразимой ясностью, любовью и всеобъемлющим участием.

Майкл Райан, школьная футбольная звезда и подающий надежды полузащитник, бросил в сторону Мартина коротенькое приветствие. В его глазах — как у всех этих подростков — плавала странная, непонятная тень.

И тут Памми принялась хлопать в ладоши. Тревор обнял отца, к аплодисментам присоединились все остальные, кроме, разумеется, барабанщиков.

— Что такое? — удивился он.

— Отец, — сказал Тревор, — а ты попробуй сам понять...

По лицу сына текли слезы, и Мартин еще крепче прижал Тревора к себе. К ним подошла девочка — кажется, ее звали Кристал — с зеркалом в одной руке и свечкой в другой.

На Мартина смотрело лицо. Грязное, мокрое, изможденное и осыпанное щетиной. Физиономия бомжа, бездомного бродяги, человека с низов, шахтера из земных недр.

Глаза с темным, очень темным блеском, резко контрастировавшим с желтым свечным пламенем. Вернее даже, они были угольно-черными, его глаза, и ничем не отличались от тех, что он видел вокруг себя.

Его душа словно заполнила палатку, смешалась с их душами, подхватила песню, которую он всегда знал, и вот теперь выпал шанс спеть ее во весь голос.

Сейчас он понял, что с ним приключилось: как и этих детей, свет попытался похитить Мартина, но потерпел неудачу.

Однако чего-то недостает. Что-то, несомненно, утрачено, но вовсе не его собственное «я». Он по-прежнему Мартин Уинтерс, хотя чувствует себя легче и полнее ощущает мир, хотя в этом мире не осталось улиц, заводов, компаний и даже археологических раскопок. Скорее, его новый мир был заключен в границах текущего момента, текущего местоположения. Состоял из дождя, деревьев и детей, набившихся в палатку. И он чувствовал жизнь полнее, чем когда-либо.

Все встало на свои места. Его не вышвыривали за ненужностью, наоборот. Дети поступили так, как поступали первобытные племена со своими шаманами, священнослужителями, целителями. Заставили посмотреть в лицо смерти — и тем самым освободиться.

Вот она, разница. Свет не поработил этих подростков, а, напротив, своей неудачной попыткой сделал их свободными.

Теперь и Мартин свободен. Сквозь слезы ему улыбнулся Тревор. Да, опасность была более чем реальной, все висело на волоске.

— Спасибо, — сказал он детям и сыну. Тот подошел, присел рядом, прижался к отцовскому плечу и мгновенно погрузился в сон. Заснул и Мартин. Жизнь продолжалась, неслась вперед, к неизведанному — и следующие несколько часов покажут, что припасла для них судьба: подарит ли новое существование или навеки задует последнюю горсточку искр человеческих душ.

ЧАСТЬ III

АВАДДОН

У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев.

Царем над собою имела она ангела бездны; имя ему по-Еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион.

Одно горе прошло; вот, идут за ним еще два горя.

Откровение Иоанна Богослова
Глава 9. Стих 10—12

*Я веду фантазий войско
Воевать моря и земли,
На шальном коне скачу я,
Меч пылающий подъявляю.
Приглашение к турниру
Мне прислала королева:
До нее езды — три косых версты,
За Луной свернуть налево.*

Неизвестный автор
Песенка Тома из Бедлама

ГЛАВА 17

ТЕРРОР

20 декабря

ежедневной почте с Аваддона генерал Самсон получил приказ явиться с докладом. Как всегда, депеша была переполнена требованиями и угрозами. Впрочем, на этот раз в пакете, заброшенном сквозь небольшой стабильный портал, находившийся под географиче-

ческим центром Северного полушария во всех трех мирах, он нашел лист толстой желтой бумаги.

Самсон сразу понял, что это такое: его вызывала Ехидна.

Сейчас он мрачно сидел в переполненном автобусе, направляясь на аудиенцию, после которой обычно ждет только одна и очень печальная дорога.

К этому моменту Самсон вернулся не только к своей любимой ипостаси — восхитительному угольно-черному цвету чешуи, оттененной гордым блеском ярко-красных глаз, — но и к тому миру, где не нужно накачиваться антиаллергенами и потом часами изображать из себя оборотня, мучаясь от сумасшедшего зуда под каждой чешуйкой.

Он не хотел умирать, но более всего страшила перспектива пыток. А ведь его будут пытать, конечно же, в качестве урока и назидания остальным. Произойдет это в каком-нибудь амфитеатре, под смех и веселые выкрики презренной черни, радующейся низвержению очередного влиятельного босса.

С него сдерут еще живую кожу, заставят плясать на холоде... Подбегут мальчишки, примутся втирать соль в его белые оголенные мускулы. Затем поджарят ляжки и отведут в банкетный зал, напавив перед этим шутовские одеяния.

Это все она, проклятая аристократка Мазл, вместе со своим ненавистным папашей, их рук дело. Интриганы!

Самсон надеялся, что победа над землянами наконец принесет ему вожаемое богатство и ту власть, что идет с ним рука об руку. А теперь выясняется, что голодающим миллиардам, которым завтра предстояло хлынуть сквозь четырнадцать порталов, вместо этого придется сидеть дома, отчего их ярость и склонность к мятежам лишь вырастет.

И разумеется, у него не будет никаких новых душ на продажу.

Впрочем, он еще не разбит, еще сумеет, наверное, выкрутиться и каким-то образом получить разрешение вернуться на Землю, потому что пусть у него не получается пока распахнуть порталы народу Аваддона, все равно есть возмож-

ность предложить хотя бы собранные миллионы душ, полные любви и радости — тех сокровищ, которые недоступны никому из его соплеменников.

К сожалению, не в сию минуту. Прямо сейчас он был просто злосчастным, испуганным пассажиром ветхого, битком набитого автобуса, едущего по проспекту Парадов к Дому Правительства. Из бака, установленного под крышей, доносилось неприятное шипение газа — надо думать, каменноугольного, якобы более щадящего для атмосферы в отличие от мощного топлива, доступного элите. Хотя, если честно, никого не волновал коричневый цвет неба, чего не скажешь про экономическую сторону дела: каменноугольный газ был дешевым и, подобно морским парусникам, лучше всего подходил для транспортировки плебеев и арестантов.

По обеим сторонам проспекта высились правительственные здания, и одно из них — самое большое и импозантное — являлось пунктом его назначения.

Полосы для движения автобусов были плотно заполнены, иногда по скоростной «запретке» нагло пролетала машина какого-нибудь высокопоставленного чиновника, над головой шмыгали воздушные кареты избранных. Самсон не утруждался вскидывать лицо, мрачно размышляя о том, что заслуживает совсем иную жизнь. Имеет полное право занять место среди элиты, может, даже в совете директоров.

Наконец они прибыли на улицу Радости, пересекавшую центр эспланады правительственного квартала. Злой вой сирены заставил автобус клюнуть носом при резком торможении. Шеренги одетой во все белое малышни заливались гимном, прославляя очередное достижение того или иного комитета. Мелодия никогда не менялась — в отличие от состава комитетов, которые были подвержены влиянию политического климата.

Площадь Стояний была запружена тысячами нагих арестантов. Все до единого связаны, некоторые вопят о своей полной невиновности, другие просто заливаются слезами, третьи стоически терпят. Адвокаты в кроваво-красных балахо-

нах, символах их профессии, спуют среди членов комитета и их друзей, надеясь завизировать заявки на куплю-продажу осужденных. Время от времени они отсылают нарочного в толпу заключенных, и тот, как правило, возвращается с какой-нибудь юной самкой, которую изнасилуют до смерти на ближайшей вечеринке.

В воздухе стоит кислая вонь от рвоты. Взвод Юных Вождей в небесно-бурой униформе и черных беретах уставным шагом марширует к первой шеренге и, вторя гимну, принимается резать глотки приговоренным. Один за другим валятся тела, забрызгивая соседей кровью. Дети соревнуются между собой в надежде заработать знак отличия.

Прошлой ночью возле городской стены произошла очередная стычка с унионистами, настоящая битва, в которой наши, судя по всему, победили. Разумеется, наверняка сказать трудно, но столь праздничное Утро Казней вроде бы подтверждает правдивость этой новости.

С унионистами практически покончено, их уже оцепили в районе холмов, оставив пяточок размером с небольшой парк. Предстоящая развязка не вызвала сомнений: их со всех сторон окружала исполинская планетарная столица, олицетворение могущества Корпорации, чье богатство превосходило воображение — в то время как то же самое можно было сказать о нищете плебейской массы.

И вот почему экспансия в двухлунный мир неизбежна. Демографическое давление необходимо сбросить, иначе «котел» взорвется и под ножами окажется сама Ехидна вместе со всеми представителями ее касты.

Умертвив по дюжине-другой арестантов перед видеокameraми родителей, дети отходят назад. Один из них, на которого успел помочиться кто-то из казнимых, продолжает насмерть забивать упавшего пленника. Добившись своего, он возвращается к дедушке, и тогда один из воснных в чине генерала, как и Самсон, раздавливает светящуюся грушу, которая активирует автоматическую дезинтеграционную систему, установленную на крыше потрепанного броневика. Без

малейшего шума пять тысяч заключенных превращаются в фарш. Затем генерал щелкает кнутом, и его громадный оранжевый сирикс, издав возмущенный стрекот, неохотно поворачивается. Впрочем, увидев, что они возвращаются в Центральное Стоило, животное меняет гнев на милость и охотно припускает тяжелой трусцой.

В автобусе — полная тишина. Самсона окружали «синие паспорта», выходцы с низов, ничем не отличавшиеся от тех несчастных, чьи трупы уже свежевали пауки-костосборщики, ползшие из своих подземных гнезд при первом запахе крови. Они сдерут мясо, оставят его на площади, а скелеты утащат к себе в логовища.

Каждый живущий плебей опасался, что окажется в следующей партии. В конце концов казенных сначала подвергали пыткам: чаще всего впрыскивали крепчайшую настойку красного перца под кожу и в анус, порой вдавливали таблетки плутония в зрачки. Самсон не раз видел оранжевые комки, в которые превратились глазные яблоки страдальцев, видел, как курятся паром трясушиеся головы.

Такая боль заставит признаться в чем угодно и, уж разумеется, в первую очередь назвать имена друзей и знакомых, якобы вовлеченных в очередной воображаемый заговор.

Не исключено, что кто-то назвал и его имя. Может статься, вызов к властям никакого отношения не имеет к политике...

Автобус дернулся, с натужным визгом завелся мотор. Дорожные обочины были заставлены останками взорванных машин, в том числе и других автобусов, где виднелись бледно-зеленые кости пассажиров. Позади нарастал оглушительный вой. Элита умчалась прочь в своих летательных экипажах, и теперь на площадь хлынула толпа голодных, к чьим спинам были пришпилены разрешения на сбор мяса. Фуражные мешки раздувались на глазах; сегодня в семьях будет суп.

Автобус затрясся, под оглушительную пальбу извергнул клубы дыма из выхлопной трубы. Тоже сейчас взорвется?

Самсон на миг задумался, чего ему хотелось бы больше: поставить точку в мрачном фарсе, именуемом жизнью, или

все-таки попробовать выкрутиться из нынешней переделки?

Послышались четыре ноты музыкальной заставки перед очередной новостной сводкой Морального Надзора. Хотя всех без исключения тошнило от этой полицейской службы и их объявлений, пассажиры возликовали и принялись хлопать в ладоши.

В динамиках затрещало. Короткое шипение, затем оглушительный свист и гудение. «Не упустите свое счастье! — раздался наконец записанный женский голос, исполненный проникновенного восторга. — Станции земной пересадки принимают колонистов. К предписанному пункту сбора необходимо прибыть не позднее полуночи».

На экранах в салоне автобуса появились дети, поющие и танцующие в каком-то фантастическом зеленом мире. «Все больше и больше людей приобретают билеты. Земля громадна, богата, и на ней всем хватит места для жизни и мечты».

Самсон, конечно же, знал, как на самом деле обстоит дело. Значительная часть суши затапливалась отведенными водами Мирового океана, обнажая при этом громадные проплешины морского дна, на котором нищие глупцы будут строить себе новую жизнь. Причина проста — морское дно богато метаном и сульфогидрилом, который расплавится на воздухе и превратит земную атмосферу в густонасыщенную смесь сернистых соединений, то есть в благословенный воздух Аваддона.

Терраформинг по дешевке, другими словами.

Каждая колонизирующая семья получит стадо людских рабов, которые перемрут за несколько недель или месяцев.

Впрочем, мясо землян вполне съедобное — если, конечно, не обращать внимания на его чрезмерную мягкость.

— Здание номер один.

Самсон поднялся с кресла, вышел из автобуса и торопливо пересек черный гидронированный тротуар. Откуда-то из недр города донесся грохот взрыва, послышался вой сирен, через минуту над головой пронеслось несколько сотен ярко-красных полицейских аэрокаров, напоминавших злых рас-

тревоженных шершней. Сделай что-нибудь хоть отдаленно смахивающее на подрывную деятельность, и тебя вмиг схватят щупальца-клешни, сбросят в море в сотне лиг от ближайшего берега. Причем с малой высоты, чтобы ты не разбился, а утонул, да еще на глазах прессы, которая обязательно слетится на спектакль. А еще бывает, что сбрасывают в гушу яхт и богатеи устраивают соревнование на меткость в стрельбе.

Причина всей этой жестокости проста: страх работает. Десять тысяч лет тому назад Корпорация представляла собой рыхлую конфедерацию компаний, куда затесались даже кое-какие племена и древние политические союзы. Вместе с экспансией конгломерата наступила эпоха слияний, затем произошла катастрофическая битва за две человеческие Земли, которые в конечном итоге уплыли из рук всех враждующих сторон. Вслед за этим последовали долгие столетия демографического роста в сочетании с постепенной консолидацией власти, пока наконец элитарный миллион не стал править страной с тремя миллиардами нищих.

Стараясь выглядеть уверенно, Самсон поднялся по ступенькам, смахнул пылинку с кителя, напоминая самому себе, что в контексте властных структур внешний вид играет свою роль. Здесь генеральские лампасы значат немало. В конце концов, ему ведь поручили самый, пожалуй, важный проект в истории Корпорации.

Отчего же в зобу стоит рвота?

— Самсон. Генерал, — выдавил он возле приемного окошка, сунул туда командировочное предписание, паспорт и книжку учета допусков к секретным материалам. Молодой писарь принадлежал к чистокровной породе, лицевая чешуя была мелкой, белой, а блестящую золотую радужку глаз хирургическим путем заменили на более мягкую, голубую — под цвет шелковой униформы разведслужбы.

Клерк просмотрел документы, нажал кнопку. Появились два гвардейца, один из плебейского сословия и в черной форме, как и Самсон, а второй из касты почище, одетый в веселенький зеленый цвет, который модники именовали Памя-

тью Неба. Впрочем, применительно к военной касте такой цвет означал серьезную власть.

Единственное место на всем Аваддоне, где можно было еще увидеть зеленое небо, находилось в самом сердце унионистского анклава, среди лугов и ручейков.

Писарь вернул документы Самсону, и тот проследовал за гвардейцами к лифтовому холлу, где помещался приватный подъемник, о котором ходили мрачные легенды. Многие военные возносились на нем до самых верхних этажей и никогда не спускались обратно. Ступив в кабинку, облицованную розовым мрамором, Самсон очутился в ином мире, где каждая деталь была шикарной и безупречной. Кнопок в лифте не было, им управляли со стороны, и Самсон всю дорогу стоял навытяжку, зная, что за ним наблюдают.

На ум пришла идея вспомнить прожитую жизнь, однако никак не получалось выкинуть из головы картинки воображаемых пыток и то, как он будет кататься по полу на глазах палачей и любопытствующей элиты, которая увидит и поймет, что именно трусость всегда составляла сущность Самсона. Он постоянно думал о смерти, мучился вопросом, на что это похоже, когда тебя больше нет, но сильнее всего боялся уничтожения собственной души.

И вот почему он достиг столь немыслимых высот. Сыграла роль его страстная готовность — которую он в себе презирал — пойти на что угодно, лишь бы доказать свою лояльность перед лицом начальства, пусть даже приходилось опускаться до лжи, зверств и бессмысленных убийств. Карьера Самсона была сплошным отчаянным рывком к безопасности.

Двери распахнулись, и в лицо ударил яркий свет. Он постарался успокоить свои сердца — увы, тщетно. Кардинальные ритмы синхронизировались до состояния паники, и Самсон понял, что столь возбужденное состояние наверняка отразится на датчиках охранной системы.

В коридоре появилась фигура, по-видимому, кто-то из членов совета директоров, но мужчина стоял спиной к све-

тильникам, и его лицо заливала тень, не позволяя распознать черты.

— У вас осталось двадцать часов до открытия порталов, хотя, как я понимаю, вы даже близко не готовы к началу вторжения.

Самсон всосал воздух сквозь зубы. Он узнал этот голос. Кажется. Похоже, к нему обращается не кто иной, как сам Белет, повелитель всех самцов, супруг Ехидны. По сути дела, царствующий монарх.

— Мы идем по графику, сэр.

— Вы лжец.

Самсон лихорадочно прикинул, как следует отвечать, хотя мысли путались от страха.

— Они не могут нас одолеть, в конце концов — они всего лишь человеки.

— Тут вы ошибаетесь, и я даже удивляюсь вашему скудоумслию. Да, нам известно, что вы самонадеянны, но это прощительно; в конце концов, мы все такие. Однако я все же надеялся, что вы не глупы.

— Никак нет, сэр...

— Так же как и земляне. Чистокровный землянин умнее нас, как вам, разумеется, известно. Им недостает только опыта, да и то лишь по причине юности своей расы, чтобы стать властелинами всех трех миров. Не забывайте, что они уже владеют двумя Землями.

Кажется, монарх не прочь поболтать. Самсон решил придумать какой-нибудь позитивный ответ:

— Да, сэр, они представляют собой более продвинутую эволюционную форму, чем мы, это истинная правда... хотя и понятия не имеют, с какой легкостью могли бы перемещаться сквозь порталы. Они невежественны.

— За что следует поблагодарить наших прародителей. Вы представляете себе, что может натворить у нас армия землян? Ведь они притащат с собой надежду, даже счастье, и все это попадет в руки люмпенов, которыми невозможно управлять иначе как террором.

— Такой оборот дел станет подлинным бедствием, однако мне не кажется, что об этом следует беспокоиться. Земляне крайне далеко отстоят от осознания того факта, что способны открывать порталы в любой момент, по желанию.

— Что там с унионистским прихвостнем в однолунном мире?

— Все в порядке, сэр.

— То есть? Вы его убили наконец?

— Я ожидаю, что получу сообщение об этом сразу по возвращении, — отвечивал Самсон.

— Другими словами, подтверждения еще не поступало?

— Сэр, я бы сказал, что поручение практически выполнено, коль скоро нам удалось запустить агента через портал... Да, я подтверждаю успешное снятие проблемы.

— Каким же образом вы сумели это проделать? Ведь мы, кажется, не можем попасть в тот мир?

— Э-э... Все же это удалось... более-менее. К тому же чем ближе подходит момент вторжения, тем легче это сделать.

— Итак, шпион более не опасен? Вы готовы поручиться?

Самсон сглотнул кислоту, скопившуюся в зобу, загнал ее обратно в желудок. Разведчика, о котором шла речь, унионисты не просто разместили в жалкой паре лиг от центра всей операции, но каким-то образом пропихнули в недоступную однолунную вселенную, где он жил сейчас в прямой параллели с наиболее опасным человеком двухлунной Земли — Мартином Уинтерсом.

Ничего не скажешь, впечатляющее достижение, но хуже всего то, что Самсон понятия не имел, удалось ли прикончить этого диверсанта. А с другой стороны, все прекрасно вышло с Нортон, так что есть основания надеяться на успех атаки.

— Генерал, я спрашиваю: вы готовы поручиться?

Единственным приемлемым ответом было, разумеется, «да». Любые другие слова означали пытки и смерть.

— Шпион мертв, сэр.

— В таком случае пойду обрадую жену хорошими новостями. Она, знаете ли, весьма обеспокоена этим аспектом операции.

У Самсона сперло дыхание. Срочно требовалось присесть, но рядом не видно ни одного стульчика. Как оно и было предусмотрено, свет вынуждал посетителей чувствовать себя голыми и беззащитными, заставлял чешую дрожать и дыбиться в стремлении ускорить теплообмен, иначе внутренняя температура тела поднимется, что приведет к замедлению жизненных и ментальных процессов.

Из страшной, мерзкой тени раздался визгливый женский смех.

Это могла быть только Она.

Свет потух. Когда глаза Самсона привыкли к сумраку, он пережил серьезное потрясение: оказывается, весь разговор происходил в присутствии Совета Директоров в полном составе, даже папаша Мазл присутствовал.

За спинами руководителей помещалось исполинское панорамное окно, выходившее на море Анубиса, и мучительная тоска захлестнула генерала, когда он увидел корабль, чья жемчужная капля плыла под солнцем и красными парусами, которые заставлял вращаться легкий бриз. Как чудесна должна быть жизнь простых, бесхитростных моряков, пусть даже тех, кто из-за своей профессии умирает слишком рано: смолокуры, канатовязы, скобельщики... По крайней мере в отличие от генерала или политика они не рисковали погубить свою душу.

— Пойдемте, — промолвила Ехидна и даже взяла его за руку. Вблизи ее лицо выглядело умопомрачительно: мерцающее облако из мельчайших чешуек, высокие скулы залиты розовым блеском, переходившим в нежные голубоватые тона вокруг улыбающихся, сияющих, восхитительно розовых глаз. Тело царицы, просвечивающее из-под газового шелка, сотканного из золотых паутинок, манило округлыми прелестями, вызывавшими страстное плотское желание. Она настолько отличалась от низкородных, бородавчатых, усыпанных лишаями самок, с которыми он сжал в автобусе, что вполне могла принадлежать к совершенно иному биологическому виду, происходила вовсе не от серафимов Аваддона, а от оби-

тателей какого-то другого, куда более величественного и удивительного мира.

Подчинившись хватке цепкой, холодной руки, он покорно последовал за Ехидной, миновал зал собраний и очутился в частных апартаментах. Самсон постарался опустить вставший дыбом затылочный гребень, но ничего не мог поделаться с запахом плесени, который начали вырабатывать его железы, набухшие от сильного эротического желания. Почувствовав его возбуждение, царица откинула голову и залилась довольным смехом, отчего ее муж толкнул генерала в спину и ревниво зашипел.

Детские игрушки усыпали легендарный золотой пол, малышня носилась под ногами взрослых. У семейного алтаря в дальнем конце павильона сидели камеристки, занятые своим делом: одни тихонько вышивали, попутно согревая черные яйца последней кладки, снесенной их госпожой, другие тайком прислушивались к разбирательству.

— Он побудет с нами, — объявила Ехидна, приблизившись к дамам.

Кресла принесли два юных модника столь высокого происхождения, что их чешуя походила на крем, лишь на малую толику уступавший белизне царственного лица.

Самсон обнаружил себя в компании самок высшего света. На фоне таких аристократок даже высокородная Мазл смотрелась бы блекло.

Генерал постарался скрыть ошеломление, которое пробило его с ног до головы.

Подтянулись дети, с интересом поджидавшие, конечно же, предстоявшего спектакля, ибо за Самсоном пока что остался лишь первый раунд.

Он бросил взгляд на противоположный конец зала, где неподвижно сидели директора. Непроницаемые физиономии, ничего не разобрать. Все глаза смотрят строго вперед. Предельная власть редко утруждала себя поступками, но когда это происходило, все хранили полное молчание. Что бы она ни совершила, абсолютное одобрение гарантировано. Конец дебатам.

Ехидна пристально посмотрела на Самсона, подалась чуть вперед и погладила ему шею.

— Какая любопытная чешуя, — пробормотала она, и в ее глазах удалось прочесть нечто иное, нежели презрение. Мелькнула мысль, что старая Ехидна, должно быть, умерла и ее заменили на свежего клона. Возможно даже, обновили заодно и душу, и теперь царица могла распоряжаться совсем иным набором воспоминаний, записанных в памяти. Когда имеешь дело с представителями высшей касты, никогда не знаешь, кто кем является в данный конкретный момент. Не исключено, что он сейчас лицезреет отнюдь не ту личность, которая в свое время взяла его под крыло и вознесла на карьерные высоты. Может статься, нынешняя ипостась царицы вообще не одобряет поступки, совершенные ее предшественницей.

Ехидна не отводила взгляд от его лица.

— Я не вижу в вас лжи, но только горячность и самовлюбленность. Еще я вижу, что вы презираете нас, высокорожденных. Не так ли?

Что на это скажешь? С другой стороны, освещение тусклое, поэтому будем надеяться, что никто не заметит нервозную дрожь его чешуи.

— Разумеется, ваше величество, я ненавижу старшие касты. Однако испытываю абсолютную лояльность лично к вам и к нам всем. Я лоялен к нашему любимому Аваддону.

Царица сжала пальцы у него на шее. Глотку генерала перехватило спазмом. Ехидна отлично знала, как это делается: надо просунуть оба больших пальца одной руки под зоб и нажать, отчего мясистый мешок провалится в трахею, перекроет ее и... дальше понятно. Удушение двумя пальчиками, никаких чрезмерных усилий. Специально для изящной женской ладошки.

Самсон уже не мог сделать ни единого вдоха. Что поделаешь, надо терпеть, ждать. Шевельнулся пенис. Секс и смерть идут рука об руку. Скукожилась, отдернулась крайняя плоть. Две девушки хихикнули. Одна из них томно развела свои нижние конечности. Дети подошли ближе.

Шло время. Ехидна не допускала и малой толики воздуха в его легкие. В глазах появились выпышки, атмосферное голодание заставило тело скрутиться, живот вздулся, голова откинулась. Под жемчужную россыпь детского смеха самопроизвольно опустошился мочевой пузырь.

В глотку ринулся воздух, мокро чавкнул, вернулся на место зобовый мешок. Самсон раскашлялся, попытался взять себя в руки, но все же не удержался и повалился навзничь, дрыгнув ногами.

Натужно сипя и выхаркивая сгустки мокроты, он слушал смех окружающих. Подбежали дети, принялись плевать и бить его по лицу.

— Мама, ты видела? Он нас обмочил! — крикнул один из них. Мигом спустя раздался голос ребенка постарше:

— Убей! Убей поганую тварь!

— Никто его не тронет, — промолвила Ехидна.

Подскочил мальчик с пылающим от возбуждения лицом. В кулаке — ритуальный горловой нож.

— Дай мне! Мама, дай мне! Я тоже хочу!

— Не лезь, щенок.

— Пап, а чего она ругается?!

— Дети, слушайте свою мать, — приказал Белет.

— Вы оба дураки!

— Не перечь родителям, не то получишь у меня.

— А ты не можешь, ха-ха! Не имеешь права!

— Заткнитесь все! — прикрикнула Ехидна и царственно сплюнула. — Марол, еще немножко, и я позволю твоим сестрам взяться за кнут.

Ее окружила стайка малышей. Пританцовывая, дергая мать за подол, они верещали:

— О, мамочка, мамочка! Ну пожалуйста, давай сейчас! Он заслужил! Ну пожалуйста!

— Потом обсудим. — Она громко хлопнула в ладоши, и дети немедленно удалились. — Итак, Самсон, послушайте меня. Вы должны отправиться назад и вернуться с победой.

— Конечно, ваше величество.

— Как смеешь ты мне лгать?!

— Вы только посмотрите на него! — прошипел один из модников. — Сейчас обделается со страху.

Меж тем мысли Самсона неслись вихрем. Похоже, удалось проскочить. С другой стороны, проблема со шпионом была ничтожной в сравнении с куда более серьезной головомойкой: в скором времени миллиард аваддонцев должен хлынуть сквозь порталы, а это попросту невозможно, потому как двухлунная Земля еще не готова, и вот почему его вызвали во дворец.

— Я признаю, что не смогу переправить туда миллиард плебеев, однако есть нечто иное, что я доставлю оттуда к нам. Ехидна, в мои руки попало величайшее сокровище из всех, и его я смиренно кладу к вашим стопам.

— Имейте в виду, Самсон, что преувеличения меня крайне раздражают.

— Ваше величество, мне удалось собрать и заточить человеческие души. Здоровенькие, крепенькие, свеженькие...

Ее глаза распахнулись. До сих пор аваддонцам удавалось отлавливать только уродливые душонки, которые нужно было просеивать, выискивая лакомые кусочки: сладкое воспоминание здесь, милосердный поступок там — все те вещи, которые вкусно пахли и были приятны на зуб. Их можно было посасывать вновь и вновь, как леденец, который никогда не растает.

— Горсточка новых душ ничего не изменит. — Она вздохнула. — Ладно. Раздевайте его. Снимайте кожу, да поживее. У меня мало времени.

Кто-то обхватил Самсона со спины, а спереди подскочил мальчик, тот самый, кто давеча порывался его убить. В руке посверкивал серебристый серп.

Ребенок улыбнулся генералу:

— Зато я никуда не тороплюсь. Сделаю все ме-едленно...

— Ваше величество?! Подождите, умоляю! Это вовсе не горсточка! Нет-нет, их много! Ваше величество!

Ехидна коротким жестом приказала сыну отойти.

— Ну мама-а-а! — обиженно заканючил тот.

— Много, говорите? Хм. Сколько же?

— Ваше величество, у меня их десять миллионов.

Наступившая тишина была абсолютной, немислимой. Вот уж действительно — величайшее сокровище в истории.

— Десять миллионов добрых душ?

— И поверьте, ваше величество, все такие славные, одна другой лучше, как на подбор. Аппетитные, бесконечно калорийные, чище любого прежнего воспоминания. Сказочно! Прошу отметить, богаты эмоциями. В ассортименте есть восторги, любовь всех оттенков. Лучшего товара и вообразить нельзя, ваше величество!

В ее глазах читалась напряженная работа мысли.

— Где они?

Рядышком кряхтел мальчик, чья мерцающая чешуя выдавала предельную готовность освежать генерала. Ох, тут надо быть поаккуратнее, не то Ехидна, чего доброго, прикажет казнить за дерзости.

— Ваше величество, они находятся под стабильным порталом и могут быть привезены в любой момент. Я подключил их к ядру двухлунного мира, вырваться они не могут. Готов всю партию немедленно доставить сюда.

Ехидна махнула сыну рукой, тот с досадой рассек воздух серпом перед грудью генерала, затем швырнул страшный инструмент в одного из директоров, который ловко увернулся, что-то прошипел и сплюнул.

Мальчишка сердито смотрел на Самсона, пока тот приводил себя в порядок.

— Ничего, ты еще вернешься, скотина, — сказал ребенок. — И тогда я с тобой поквитаюсь. — С этими словами он провел пальцами поперек генеральской глотки.

Самсон отпрянул и, не переставая кланяться, спиной вперед вышел из павильона. Когда золотой пол под ногами сменился на черный мрамор, он едва не расплакался от облегчения.

Во время спуска на лифте страх переродился в ярость. Как смеют они, эти хрюкающие, жадные ору! Ах, с каким удоволь-

ствием он бы содрал с них кожу живьем... даже с Нее, в особенности с Нее... Раз — и шкуру долой!

Лифт открылся, Самсон очутился в вестибюле. На пути к стальным выходным дверям он отметил, что гвардейцы стали вести себя по-иному. Восхитительно.

Распахнулись двери здания, глазам открылась широкая площадь, полная свободы. Сколь прекрасна жизнь — прекрасна, несмотря на утраты, боль, борьбу и все прочее. Жизнь раскатывает свой ковер, сладостно манит вперед...

Нет, но как они посмели?! Швыряться его жизнью ради развлечения какого-то юнца! Его жизнью! Спускаясь по ступеням, ему захотелось крикнуть в бурое небо: «Я выжил! Побывал на самом верху, держа билет в один конец, но выжил!» Впрочем, кричать он не стал. Просто уверенно шагал, как и подобает генералу.

Самсон уже направлялся к автобусной остановке, когда рядом — буквально впритирку, так что пришлось даже отскокить, — с неба упал чудесный, восхитительный «Сю», наилучший аэрокар в мире.

Машина зависла над землей, поблескивая желтым полированным капотом. За плотно тонированными стеклами ничего не разобрать. В следующий миг распахнулась пассажирская дверца, из салона выглянул незнакомый чистокровка.

— Это вы маршал Самсон?

— Генерал Самсон.

— Я не знаю, я всего лишь продавец, и мне поручено доставить вот это транспортное средство маршалу Самсону. Удостоверение при вас?

Самсон полез в карман кителя.

Продавец сунул генеральские корочки в считывающее устройство, раздался мелодичный звон. Похоже, машина его опознала. Чистокровка тут же выпрыгнул из салона.

— Прошу, маршал. Аэрокар в вашем полном распоряжении. Вам уже доводилось водить такие?

Самсон усилием воли не позволил отвалиться нижней челюсти. Невероятно: вместо казни Ехидна подарила ему один

из самых замечательных аэрокаров на свете, изумительную, восхитительную машину, которой могли владеть только избранные. Одно лишь обладание этим чудом катапультировало тебя в касту аристократии.

Он залез в салон. Изысканный интерьер, полированные детали из экзотических металлов зеленых, серебристых и золотых оттенков. Обивка бледная и податливая, как густой крем. Вне всякого сомнения, кожа человеческая, причем юная.

Самсон посмотрел на приборную доску, настоящий лес из сверкающих рычажков и кнопок, о назначении которых он не имел никакого понятия. По-видимому, в машине имелись все опции, доступные воображению.

— Я не знаю, как этим управлять...

— Не важно. Сюда встроена душа.

На секунду он потерял дар речи. За год компания «Сю» выпускала едва ли тысячу экземпляров машин, оснащенных душами. Покупка такой модели обошлась бы ему в сумму, равную десяти доходам за всю жизнь. Сидеть за рулем этого сокровища — значит входить в список самой могущественной элиты.

— А душа... человечья?

Продавец рассмеялся:

— Может быть, в следующий раз. Во всяком случае, здесь запечатана очень неплохая душа. Сообразительная, послушная. А ездить с психошофером-человеком тоже не самое простое дело, знаете ли. Конечно, они быстро водят, к тому же чрезвычайно умны, но... очень уж хитрые.

Действительно, иногда в новостях проскакивало, что такие души намеренно разбивали машины на кусочки в надежде сбежать, что есть глупость. Бежать им отсюда некуда.

Хотя водить умеют прекрасно.

Он с опаской спросил машину:

— Ты... там?

Пауза, затем:

— А ты кто такой?

— Новый хозяин. Отвези меня домой.

Очередная пауза, потраченная на осмысление надписей на удостоверении генерала.

Самсон не стал спрашивать, за что эту душу засунули в аэрокар. Какая разница? Лишь бы работало, а все остальное не имеет значения.

Когда генерал взмыл в воздух под пение двигателей, он решил позвонить Ехидне.

— Я рада, что вам понравилось, — прозвучал ее голос прямо в ухе.

— О, я даже не знаю, как отблагодарить...

— Есть два способа.

— Да?..

— Откройте доступ в оба человеческих мира, и я пожалуйю вам целый город. Преступлю закон о чистоте крови и разрешу носить Память Неба.

Аэрокар нырнул в лабиринт темных улочек древней столицы. Народ принялся вскидывать лица на шум, все кланялись, кое-кто даже припал на колени, в воздух приветственно поднялись головные уборы и руки с раскрытыми ладонями, означавшими лояльность и покорность могуществу Корпорации, ибо никто, кроме совладельца, не мог иметь машину, светившуюся фиолетовым сиянием души.

Дверца открылась, он вышел. Кругом широко распахнутые, изумленные глаза. Повсюду расцвели улыбки, затем раздались и возгласы восхищения, когда соседи прилипли к окнам, удивляясь и радуясь триумфу Самсона, ибо успех делает честь каждому.

Он поднялся по узенькой лестнице, где стоял густой запах кипящего супа, и попал в свою квартиру. Надо же, как его принимают... А впрочем, причина, кажется, ясна. Внизу, на улице, народ устроил себе настоящий мясной праздник. Сегодняшние казни просыпались дождем свежего пропитания, причем особое изобилие пришлось на долю именно их квартала. Наверное, все решили, что это его рук дело, и вот почему соседи так горячо его приветствуют.

К тому же не исключено, что это было действительно сделано по приказу Ехидны...

Когда настал час возвращаться в подземную штаб-квартиру в двухлунном мире, его ждал открытый портал. Самсон решительно приблизился к вратам между мирами. Волны силовых напряжений равномерно, устойчиво мерцали, проход был ясным и чистым, как никогда. Похоже, по мере приближения великой даты эффект взаимопроникновения усиливался.

Тут он сообразил, что в помещении есть кое-кто еще, а именно негодяйка Мазл. Она стояла возле хирургического стола и мрачно разглядывала тело Ала Норта.

К зобу подкатила волна тошноты: такого поворота он не ожидал.

Самсон торопливо переступил порог.

— Что с нашим агентом?!

— Так вы живы?

— Я спрашиваю: что случилось с нашим агентом!

Мазл ткнула рукой в сторону Норта:

— Эту штуку надо починить.

— Да, но ведь я сказал Ей... — Мысли тут же вернулись к злему, мстительному мальчишке, который поджидал его во дворце. Самсона передернуло. — Ладно, не вашего ума это дело.

— Мы собираемся полностью поменять ему мозг, — сказала Мазл. — Это позволит полностью отключить остаточную волю. Вот тогда, наверное, все и получится.

— Что значит «наверное»?! Я вам приказываю...

— Да-да, я знаю. Потому что в противном случае мой папочка отберет у вас все игрушки. А если я узнаю, что вы опять наврали моей родной тетушке, я лично помогу противному кузену содрать с вас кожу. И съем ее у вас на глазах. — Она улыбнулась. — Вы, Самсон, сущее ничто, и даже тот идиотский аэрокар не делает вас лучше.

Самсон отвесил ей насмешливый поклон.

ГЛАВА 18

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕИЗВЕСТНО

19 декабря

Ник сидел в кресле, погрузившись в чтение только что законченных страниц. За последние две недели отец общим счетом проспал, наверное, часов шесть, однако сейчас он лежал, уткнувшись лицом в клавиатуру как мертвец. Хотя мертвецы, конечно же, не храпят.

На часах — четыре утра. Пару недель назад Ник ни за что бы не осмелился выбраться из кровати и выйти в темноту, но ситуация изменилась, не правда ли?

— Так, что тут происходит?

— О, мам, привет!

— Ты почему не спишь?

— Да вот отец написал про разведчика...

— Что-то новое? Или мы все и так уже вспомнили?

— Да я бы не сказал... Понимаешь, когда я вошел, он спал, похрапывал даже, но при этом продолжал печатать. — Ник показал на ноутбук. — Вот это самое. Тут написано, как Самсон вернулся на Землю демонов... Что-то жуткое, ты не поверишь.

— Уайли, просыпайся.

— Мам, оставь его.

— Нет, так дело не пойдет, он должен лечь в постель.

— Да ты пойми: если его разбудить, он опять примется писать. Заработает себе сердечный приступ. Пусть лучше поспит.

Брук наклонилась и прочла несколько пассажиров.

— О Господи, что за страшное место... Аваддон.

— Я это слово прогуглил, оно означает «бездна». По крайней мере в нашем языке. А для серафимов это, наверное, «дом», а может, «приятное местечко» или что-то в этом духе. Они каннибалы, и даже дети занимаются пытками и убий-

ствами, как будто это игра. Содрать с соплеменника кожу им ничего не стоит. Нет, мам, таких живодеров нам не надо.

Брук озабоченно посмотрела на мужа:

— Пожалуй, я его хотя бы накрою чем-нибудь теплым.

Она сходила к бельевому шкафу, вернулась с одеялом и вместе с сыном укутала плечи Уайли. Ник сунул ему под щеку подушку, снятую с кресла.

— Не пил я сегодня, клянусь... — сонно пробормотал отец семейства.

— Ничего-ничего, отдыхай.

— Крошка, давай-ка я тебя трах...

— Тише ты!

Уайли выдал протяжный храп и почмокал губами.

— Ладно, мам, не бери в голову. Я ведь вырос рядом с ним, не забыла?

Она попыталась рассмеяться, но вышло неубедительно.

— Мам, послушай. Мне кажется, надо поразмыслить не только о том, кто такой наш отец и кто мы, а чем нам всем следует заняться. Понимаешь, я испытываю очень сильную привязанность к одному из персонажей, и мне хочется понять почему. Мы с Тревором словно братья. И еще: ситуация становится опасной. К примеру, Ал Норт попытался к нам пробраться, на отца напало какое-то чудище... Говорю тебе, здесь не так все просто...

В этот момент раздался звук, вернее сказать, пронзительный визг, как если бы сработал пожарный датчик, и на миг сын с матерью решили, что так и есть. В следующую секунду Ник уже был за дверью, из кресла вылетел отец, поднялась суматоха. И было от чего: в коридоре, рядом с распахнутой дверью в спальню, стояла Келси и визжала. Уайли и не подозревал, что маленькие девочки умеют так вопить, в особенности его родная дочь.

Брук подскочила к девочке, прижала к себе, но Келси заходилась такими рыданиями, что даже материнские объятия не могли ее успокоить.

— В моей комнате руки! И они меня трогали! А когда я кинула в них Грубияна, то увидела лицо — страшное!

— Ну деточка моя, ну что ты, нет никого у тебя в комнате, посмотри, видишь? Совершенно пусто, а вот я зажгу сейчас свет... ну, нет ведь никого?

— Брук, подожди. Келси, ты видела только руки, больше ничего?

— Да, папочка. Они хотели меня утащить, потому что стали меня трогать, и я их увидела. А потом они исчезли...

— А лицо? Ты же говорила, что видела лицо?

— Это когда я Грубияна бросила, он туда ударился, и лицо было все в крови. Оно страшное! А-а-а...

Уайли переглянулся с Ником. Глаза сына были спокойные, в них читалось понимание происходящего. Впрочем, он ничего не сказал.

И это правильно. Им всем нужно проявлять теперь особенную осторожность, потому что в доме находился невидимка, перед которым стояла только одна цель: убийство.

— Предлагаю спуститься и сварить какао, — сказал Ник. — Какао нам поможет.

— Николас, ты посмотри, какой час! Келси на ногах не стоит.

Девочка обняла мать за талию:

— Ну пожалуйста! Я пить хочу.

— Ладно, тогда только одну чашечку, да побыстрее, потому что моей крошке надо поспать.

С этими словами Брук подхватила ее на руки, и дочь обмякла на ее плече.

Пока семейство спускалось в кухню, Ник обратился к Уайли:

— Ну что, утром на охоту пойдем?

— На охоту? — переспросила Брук. — А как же школа?

— А у средних классов сегодня выходной, — непринужденно ответил Ник. — День учителя.

Уайли тут же понял, что пытался сделать сын. Он не мог говорить открытым текстом, коль скоро в доме прячется невидимка, который все слышит.

— А что? — подхватил он. — Давай сходим, постреляем фазанов. В кои веки добудем дичь на семейный стол. Ружья мы уже почистили, можем выйти прямо с рассветом.

— Давай тогда их достанем, — предложил Ник.

Уайли отчетливо ощущал, что в доме кто-то есть, и то же самое, наверное, испытывал Ник. Некто недоступный взгляду, причем совсем рядом, чуть ли не в затылок дышит.

Он отомкнул оружейный шкаф, вытащил малый дробовик, кинул его сыну, а себе взял помповик 12-го калибра.

— Зайди нам за спину, — сказал он Брук.

— Чего?

— Мам, встань у нас за спиной!

В десяти дюймах от собственной физиономии Уайли заметил какое-то движение. А вот и глаз проявился, затем кусочек изборозжденного шрамами лица. Стало ясно, кем является их непрошенный гость. Ал Норт решил сделать вторую попытку.

Запястье перехватила чужая рука. Уайли бросил взгляд вниз, морщась от боли. Как в стальной капкан угодил.

— Он папочку поймал! — взвизгнула Келси, и на сей раз Брук тоже прозрела, издала испуганный крик, вернее даже — дикий вопль.

Ник наудачу пальнул в то место, где должен был располагаться невидимка. В воздухе растеклось облако фиолетовых вспышек, по форме смахивающее на человеческое туловище. Увы, дробинки пролетели насквозь, угодили в стену гостиной, вдребезги разнесли окно и вырвали приличный кусок поролона из диванной спинки.

Рука исчезла.

В следующее мгновение Ник хрипел, прижатый к стене невидимой силой. Впрочем, чужие пальцы, сдавившие ему горло, были вполне различимы, так же как и обшлага черного потрепанного мундира. Уайли никто бы не назвал здоровяком, во всяком случае, в сравнении с Нормом, однако он не раздумывая бросился на помощь. Зажав шею Норта в замок локтем левой руки, он оттягивал его назад, а пальцами правой пытался расцарапать физиономию. В точках соприкосновения появлялись фрагменты лица, головы, шеи, на которой вздулись жилы. Самыми страшными были глаза генерала, сочившиеся кровью.

Брук не растерялась, подбежала к оружейному шкафчику и достала оттуда громадный серебристый «магнум» — за который, между прочим, пилила Уайли годами: зачем-де нам эта страшная штука? Револьвер ходуном ходил в ее трясущихся руках, к тому же она совсем не умела с ним обращаться.

Бах! Ба-бах!

Извергнув столб искр, фигура пролетела через комнату, снесла телевизор, под грохот и звон оплыла на пол — и осталась лежать. Перед глазами проявилась левая часть головы и шеи, вплоть до плеча. Затем стали видны обе ладони и большая часть левой руки. В следующий миг рука пропала, сдвинувшись в сторону, где должен был находиться живот, затем появилась вновь, но на этот раз пальцы были густо вымазаны кровью.

Единственный глаз горел яростным светом из глубины глазной орбиты, которая представляла собой настоящее месиво из шрамов. Да, хирургическое искусство в том мире оставляет желать много лучшего. До этого момента Уайли и не догадывался, насколько неумелым был тот врач.

В его сторону вновь потянулась рука, напоминавшая змею, но только вместо головки был кулак, а вместо жалищего языка — что-то вроде ножа, который вдруг вылетел, сверкнул стальным вихрем, но пронесся мимо Уайли, угодив вместо этого в стену. Раздался трескучий, шипящий звук, полыхнула голубая электрическая дуга, и в месте удара реальность словно свернулась.

Там, где за секунду до этого стояла совершенно обычная стена, образовался проход, окантованный рамкой из голубоватого мерцания, сквозь которую можно было видеть семейную кухню Уинтерсов, хотя с ней произошли метаморфозы: стол возле раковины покособился и пошел наростами, тостер превратился в бесформенный, оплывший кусок, а холодильник словно побывал в зубах огнедышащего гиганта.

Там стояли незнакомые существа. Одно из них повернуло голову в сторону Уайли, и тот сразу понял, что к чему. Внешний вид гуманоидных рептилий своей мерзостью побивал

воображение, превосходил все прежние описания, которые Уайли тщился перенести на бумагу. На гладкой, блестящей, бледной коже горели пустые, колющие глаза, резкими подергиваниями обежавшие комнату, после чего в зрачках вспыхнула искра злорадного удовольствия.

Себя они причисляли к серафимам, однако у людей для них имелось другое название. В каждой культуре, во все эпохи, на совершенно разных языках — но смысл всегда был одним и тем же: утонченное зло во плоти. Уайли смотрел в глаза существа, которое в обоих человеческих мирах именовалось демоном.

Келси бросилась бежать — к ним — в слепом, детском отчаянии, словно рвалась к спасению. Скорее всего она просто не поняла, кто они такие. Возможно, в ее глазах демоны вообще выглядели как полицейские: черная униформа, серебряные пуговицы, красные лычки. А может, ей в голову пришла какая-то иная «спасительная» мысль... Как бы то ни было, Келси вот-вот была готова прошмыгнуть сквозь голубую светящуюся рамку, напрямик в ту вселенную. В погибельный мир, где из людских тел выщелкивают души, а маленьких девочек превращают в безумных бродяжек.

Уайли бросил Нику свой помповик.

— Пали! — крикнул он. — Он поднимается!

— Келси! — взвизгнула Брук и кинулась вслед за дочерью, сиюсь ухватить ее за подол развевающейся ночной рубашки...

...и в следующий миг портал издал негромкое мокрое хлоппанье — так раковина заглатывает воду, — когда Келси пересекла рамку, которая осветила ее ярко-фиолетовым огнем, словно девочка попала на концертную сцену, залитую лучами лазерных фонарей.

Поджидавшая ее тварь с готовностью нагнулась и распростерла объятия, однако улыбка обнажила ряды игольчатых зубов, а в золотых лазах сияло не добродушие, а хищное нетерпение изголодавшегося волка.

Уайли нырнул за дочерью, почувствовал, как все тело окатила болезненная электрическая волна, в горло выплеснулась

рвота, но через мгновение он уже приземлился рядом с Келси. Дочь была холодной как лед, кожа посерела, и в голову пришла страшная мысль, что девочка успела лишиться души.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что у демона имеется нечто вроде нимба из белых, тонких и мягких волос.

— Привет, — сказал демон. — Я Дженнифер Мазл. Рада нашей встрече, Уайли.

Ее слова были ударами кузнечного молота через шелковую подушку: ложились мягко, но при этом размалывали все кости.

Он мигом обернулся и увидел голую стену. Все, нет больше двери.

— Тебе придется пройти со мной, — сухо обронила дьяволица. — Кто сюда попадает, остается навсегда.

Однако Уайли помнил мудрость, которая сквозь века передавалась от одного поколения людей к другому: он знал, что черти всегда врут, а посему подхватил дочь и прыгнул на стену.

Из-за спины раздалось «Ах ты, скоти...», но в следующую секунду Уайли был уже дома. Ник тем временем в упор расстреливал неудачливого убийцу. К ним подбежала Брук, приняла Келси на руки и подтолкнула Уайли к дивану.

— Отец, не суйся под ствол, — предупредил Ник.

— Стреляй из «магнума», черт возьми!

— Патроны кончились!

Очередной залп двенадцатого калибра сотряс дом. За спиной раздался хруст, затем злобное шипение, и в комнату вошел демон. Едва оказавшись в этом мире, он тут же превратился в человека.

— Уайли, ты арестован, — заявила Дженнифер Мазл.

Нет, какова! Может, она миры перепутала?

— Боюсь, моя сладкая, у нас ничего не получится! — возразил Уайли, подобрал с пола опустевший «магnum» и швырнул ей в голову. Удар разрядился вспышкой бело-фиолетовой энергии, из пострадавшей кожи повалил красный дым. Мазл пошатнулась, болезненно вдохнула воздух, поднесла непривычно длинную руку к нижней челюсти, помассировала

ее, затем выпрямилась и достала собственное оружие. Штуковина чернее ночи, с уродливым рыльцем.

Шестым чувством он понял, что ни в коем случае не должен позволить ей выстрелить. Дело вовсе не в физической опасности, их не разорвет на куски, но зато вылетит потусторонний огонь, вырвет души, швырнет их в лапы ловцов, превратит семейство Дейлов в первых «обездушенных» бродяг нашего мира...

Поэтому он прыгнул на дьяволицу и, пока Ник отгонял Ала Норта залпами из помповика, принялся кулаками месить непрошеную гостью, которая, судя по всему, носила под кожей броню. Впрочем, наверняка должно найтись мягкое, уязвимое местечко, нежный кусок ящерятины... Он бил без устали в живот, где по идее должен иметься некий шов, потому что Мазл в этом месте сгибалась, затем перешел на морду, но и здесь под чешуйчатой кожей оказалась структура под стать стальному панцирю.

Просто какой-то кремнистый желвак, да и только, ничем не напоминает живую тварь...

А что, если выдавить ей глаз? Он схватил морду обеими руками, сунул большой палец в орбиту и обнаружил там нечто столь податливое, что даже захрипел от наслаждения. Пусть знает наших!

За спиной забухали очень мощные выстрелы. Ник молодец, сообразил перезарядить «магнум», к тому же мальчишка умеет с ним управляться: надо правильно зажать рукоять обеими руками, чтобы скомпенсировать отдачу и уход ствола.

Не зря Уайли регулярно экзаменовал сына. Уж если в доме есть оружие, дети должны уметь обращаться с ним по всем правилам безопасности. Придет время, и Келси тоже будет учиться этому искусству.

Что-то тяжелое запрыгнуло на Уайли со спины. Похоже, даже «магнум» не помогает: вон сколько патронов потратили на Норта, а он все не сдается.

Тут под ноготь попал глаз. Настоящий, мягкий и скользкий. Дженнифер Мазл дернулась, зашипела, как разъяренная

кобра, распахнула пасть, где сверкнули острые змеиные зубы. Из глотки медленно полез язык. Он был узким и длинным, напоминая черный глянцевый кабель толщиной с палец.

Уайли в жизни не видел ничего более зловещего, даже не представлял себе, что когда-то доведется столкнуться с подобным.

Тяжесть свалилась со спины, Уайли полуобернулся — на полу лежал Ал Норт, над которым склонились сын и жена. У Ника в руке был один из охотничьих ножей отца, великолепный «Абба-Тек», и мальчишка умелыми движениями всаживал лезвие в живот врага, откуда выползали темно-фиолетовые кишки.

Тело генерала забилося в судорогах, затем замерцало подобно готовой перегореть лампочке, раздался удар грома, в доме полыхнула синяя молния, и в следующий миг исчезли оба врага: и Норт, и Дженнифер Мазл.

— Они здесь! — крикнул Уайли. — Все еще здесь!

Ник наугад полоснул ножом по воздуху. Его отец тем временем схватил помповик и выстрелил наискосок через всю комнату. На голову посыпались куски штукатурки, напомнив Уайли события в двухлунном мире, когда Рон Биггс разрядил свое ружье в потолок методистской церкви на Третьей улице.

На улице протяжно гроыхнуло, затем слышались голоса на непонятном языке, раздалось ворчание какого-то механизма.

— Что это? — прошептала Брук.

— Тихо!

По полу и стенам ползали тени, крупные и зловещие, но они явно не принадлежали землянам или машинам, созданным руками человека. И это понятно: чем ближе подходило двадцать первое число, тем тоньше становилась занавеска, отделявшая обе вселенные в этом весьма необычном уголке нашего мира.

Уайли прислушался, внимательно наблюдая за теньями. Пара согбленных фигур тащила нечто длинное и плоское, за-

тем этот предмет, напоминавший мешок, приподняли, и он слился с самой крупной тенью, которая медленно выплыла из поля зрения.

— Отец, что это было? — спросил Ник. — Чем они занимаются?

— Наверное, рептилианские санитары. Увозят этих мерзавцев.

— Господи, а ведь ты прав, — выдохнула Брук. — Да-да, так и есть. Подумать только... увидеть своими глазами... Боже милосердный, ведь они действительно существуют!

Тени пропали окончательно. Все в доме притихли. Семья собралась в кучку; и дети, и родители — каждый по своему — пытались взять себя в руки, совладать с невыносимым психическим потрясением.

— Мамочка, а можно, Грубиян немножко выпьет? Потому что ему хочется попробовать абсента.

— Что? Абсент?! — Жена подарила Уайли внимательный взгляд.

— Я тут ни при чем, — запротестовал он.

— Папочка держит бутылку в секретном ящике письменного стола.

— Нет там никакой бутылки. И секретного ящика нет. Откуда вообще может взяться абсент? Он запрещен к продаже!

— Вот как? Ну ничего, сейчас ваша мамочка все проверит, все увидит.

— Постой, нас тут едва не прикончили, а ты...

Но словно возвращение к своей обычной роли являлось самым желанным, единственно возможным поступком — и, вероятно, так оно и было, — Брук в сопровождении дочери отправилась инспектировать кабинет Уайли.

— Эх вы... — горько вздохнул он и поплелся следом.

— Пап, ты куда? Нельзя отвлекаться! Мало ли что...

— Бру-ук! Нет там никакого абсента!

— Отец, вернись немедленно!

— Сынок, посторожи пока, — сказал он Нику.

Уайли зашел в кабинет и увидел, что жена успела выдвинуть все ящики стола.

— В нижнем, — посоветовала ей Келси. — За фальшивой задней стенкой.

Уайли меж тем не отрываясь смотрел на письменный стол. Ноутбук исчез. Пишущая машинка, его любимая «Корона», оплавилась подобно тостеру на кухне Уинтерсов, и сейчас за край столешницы свисали застывшие потеки, словно это был не металл, а всего-навсего пластик.

— Компьютер пропал, — промолвила Брук и посмотрела на мужа. Ее глаза были готовы выпрыгнуть из орбит, ресницы набухли слезами.

— Отец, спускайся скорее! — позвал из гостиной Ник.

— Что значит «пропал»? — нахмурился Уайли. — Куда пропал? Так дело не пойдет!

Увы, ноутбук действительно исчез, а вместе с ним и то окошко, которое распахивалось в другой мир.

Уайли оцепенел, как жертва лоботомии. Или как человек, у которого только что похитили душу.

— А твоя копия... сохранилась?.. — перехваченным голосом выдохнул он.

Брук сунула руку в карман джинсов. Покачала головой:

— Флешка у них.

— Считай, меня ослепили...

— Пожалуй, они именно за этим и приходили, — нахмурилась Брук.

— Отец! Да ты слышишь или нет?! Выгляни в окно!

Да, теперь и он обратил внимание на низкий гул, доносившийся с лужайки перед домом. Звук мощного двигателя, работающего на холостых оборотах.

Уайли приблизился к окну, посмотрел вниз. Поначалу в глаза бросился плотный сгусток тьмы, но затем он понял.

— Отец, видишь? Они уже давно здесь!

Перед дверью стояла громадная машина. Черный глянцевоый «хаммер». Окна темные, как зев пещеры.

Итак, рептилиям удалось проташить сквозь портал технику.

Двигатель умолк, за тонированными стеклами что-то шевельнулось. Медленно распахнулись дверцы, и наружу полезло нечто, даже отдаленно не напоминавшее человека.

ГЛАВА 19

ПОРТАЛЫ

20 декабря

Всю ночь напролет свет обрабатывал город, «пастухи» патрулировали лес, ливень изливался сплошной стеной, барабаны не смолкали ни на секунду. Поначалу Мартин решил, что дети находятся в трансе, затем понял, что речь идет о куда более глубоком и масштабном явлении, о состоянии, которого он не мог достичь, несмотря на все перенесенные им потрясения. Впрочем, время от времени из мглы выплывала рука Тревожа, сын прикасался к Мартину, и тогда становилось ясно, что есть на свете понятия, которые никогда не исчезнут, каким бы изменениям мы ни подвергались: ребенок нуждается в родителях, а в семьях царит любовь, которой никто не сможет дать точного определения.

Ближе к вечеру его буквально облепили малыши, которые тянулись к самому взрослому человеку в своем окружении. Майк, Джордж, да и другие подростки постарше пытались было их утихомирить, но в конечном итоге махнули рукой, и Мартину пришлось по очереди баюкать детишек.

Красота человечества касалась Мартина мягкими крошечными руками этих сирот, смотрела на него сквозь широко распахнутые, восхищенные глаза. Одна из девочек по имени Тилли, которая до боли напоминала крошку Уинни, тонким голоском пропела ему:

— Ты должен стать солдатом. Нам без тебя не обойтись.

Она заглянула ему в глаза, и Мартин почувствовал, что Тилли проникла в его мысли. Ощущение как от аромата цве-

тов, от отдыха в траве зеленого луга. Крошечная, хорошенькая как куколка девочка вскинула подбородок, подняла руку и похлопала Мартина по щеке.

— Солдат, — сказала она.

С наступлением утра появились новые осложнения. В группе было двадцать два человека, каждый нуждался в пище, воде, более-менее приличных санитарных удобствах, а дети с трудом соблюдают гигиену. Организм требовал свое, но поскольку никто не мог выйти из палатки ночью, приходилось пользоваться захваченным из дома пластиковым ведром и полиэтиленовыми пакетами, которые то и дело рвались. Самые маленькие, судя по всему, не знали, что такое застенчивость, однако бедные подростки изнемогали от того, что приходилось все делать на виду; мальчишки держались как могли, девочки делали вид, что ничего не замечают.

В целом же это была наиболее сердечная, всепрощающая — и пахучая группа людей из всех, которые встречались Мартину. Самые сложные полевые условия, в которых ему доводилось вести раскопки, не шли ни в какое сравнение с текущей обстановкой.

Каждую ночь возле выхода из палатки дежурили два подростка, следившие за тем, чтобы никто не откидывал полог и, самое важное, даже носа не смел высунуть наружу. Барабанный бой был достаточно громким и заглушал звуки «пастухов» и «козодоев», так что малыши могли позволить себе поплакать о родителях, хотя не испытывали того страха, который мог привлечь чужаков.

С каждым часом Мартину все сильнее чудилось, что он угодил в ловушку. Дети категорически отказывались прекратить бить в барабаны или выходить из палатки хотя бы на секундочку, во всяком случае, до рассвета. Мартина тоже никто бы не выпустил, да он и не рвался наружу. Тревор не отходил ни на шаг. Стайка малышей словно прилипла к единственному взрослому человеку, и он не мог, не имел права лишить их такого утешения, каким бы иллюзорным оно ему ни казалось.

После того как они вынудили Мартина пройти инициацию и в какой-то степени трансформироваться, он обнаружил, что на Треворе выступил странный розовый пот, от которого сильно пострадала его и без того грязная рубашка. Мартин подумал, что знает, в чем дело: из-за сильного психологического стресса, когда Тревор был вынужден послать отца на верную гибель; лопнули кожные капилляры. Его сын потел кровью.

За долгую ночь Мартин проверил свои новые ментальные способности и обнаружил настоящие изменения. Мышление осталось прежним, однако в голове появилась новая информация, к тому же теперь он мог проделывать разные действия усилием мысли.

Тревор рассказал об ином мире, который ему довелось увидеть. Там все было как здесь, но он был населен другими людьми, к тому же никакого вторжения не наблюдалось. Проникнуть туда удалось через некий портал, и, самое главное, Тревор наткнулся там на книгу, которая повествовала об их страданиях.

Мартин, разумеется, был знаком с концепцией множественности миров и знал о последних открытиях, сделанных на Суперколлайдере Четырех Империй в Швейцарии, которые свидетельствовали о существовании параллельных вселенных. Однако тот факт, что имелись также порталы, через которые можно запросто ходить туда-сюда... м-да, на такое было бы любопытно взглянуть.

Взошло солнце, в палатке поднялась возня. Барабанный бой потерял ритм, затем вовсе умолк. Наступила полная тишина.

— И что сейчас? — обратился он к сыну.

— Мне кажется, с Уайли что-то не так. Похоже, серафимы проникли и в его мир, — ответил Тревор.

Мартин внутренним взором увидел легкое мерцание над Сондерсом. Возможно, здесь действительно располагалась «дверь» в иной мир, хотя с таким же успехом это могла быть паутина, усыпанная сверкающей росой. Кроме того, он заметил бродящих рядом «пастухов», которые внешне очень

смахивали на тарантулов. Их сконструировали серафимы специально с расчетом вселять ужас в человеческие сердца, и даже простое разглядывание этих тварей силой мысли заставило Мартина содрогнуться от страха и гадливости, к тому же «пастихи» что-то почувствовали и вскинули передние лапы, хищно выщупывая воздух.

Мартин поспешно отпрянул, закрыл свой внутренний глаз.

— Ну как, пап, что-нибудь увидел?

— Да, это дверь, иначе ее не стали бы так плотно охранять.

— Ладно, — вмешалась Пам, — предлагают воспользоваться моментом и перенести палатку из этого болота, а потом я отведу «фуражиров» в город, надо пополнить запасы. — Она бросила взгляд на Мартина: — Вы оставайтесь здесь.

На это возразить было нечего.

Вслед за подростками Мартин вышел на утренний воздух, который появляется после сильной бури, когда промытый до блеска солнечный свет словно чистит мир. Золотые столбы маршировали среди сосен, и Мартин, попав под один из таких лучей, пережил настоящее потрясение: пусть это всего лишь солнце, но оно кажется живым и разумным.

Пара ребятишек, прочитав эти мысли, бросили на него насмешливый взгляд. Похоже, придется привыкать к отсутствию уединенности даже внутри самого себя — хотя взамен Мартин приобрел новую эмоцию: чувство глубокого, всепроникающего единения с этими подростками.

Чудилось, будто его касаются ласковые, мягкие пальцы существа, которое искренне любит его, жизнь и все-все-все.

Что это — солнце в самом деле живое?

— Все на свете живое, — сказал Тревор. — Везде есть разум. В звездах, траве, деревьях, каждом крошечном животном. Причем у кое-кого этот разум высокоорганизован. Например, у пчел. Вот сходим к ним на поляну, сам увидишь.

— Нет, сынок, — покачал головой Мартин. — Пчелиный мозг микроскопический, там нет места для развитого разума.

Тревор тонко улыбнулся:

— Отпусти узду, и все будет в порядке.

Кругом поднялась возня; дети на новое место перетаскивали колышки, веревки, коробки с припасами; повсюду смех, пение... Никогда не подумаешь, что они работают сообща, к тому же очень организованно. Но это была чистая правда, потому что, например, когда палатка зашаталась и провалилась внутрь себя, из нее ровно в тот же миг вынырнула четверка подростков с туалетными ведрами и пакетами.

Ни слова команды; брезент будто самостоятельно скатался в рулон и был тут же оттащен в сторону. Группу носильщиков торжественно замыкал совсем крошечный мальчуган, полностью скрытый от глаз барабаном, который он держал на макушке.

Работа спорилась, и Мартин подумал, что они в самом деле напоминают деловитых пчел и что коллективный разум — естественно! — превосходит своей мощью любой индивидуальный компонент.

И тут его озарило: все разумы объединены! Так устроен мир. Надо лишь отдаться этому чувству. Отпустить узду, как выразился Тревор.

— Ладно, отец. Пойдем.

Понятное дело, Тревор умел читать его мысли.

— Тебя это огорчает?

— Но ведь я не могу читать твои!

— Ты ошибаешься. — И с этими словами сын вышел на ласковое солнце.

Плетясь следом, Мартин попробовал проникнуть в его мысли, и действительно кое-что получилось. Тревор размышлял о портале и о том, что через него надо еще разок пройти. Но ведь это невозможно! Вон какая река!

— Почему невозможно? Главное, не думать об этом и не волноваться. Сосредоточь внимание на собственном теле, почувствуй, как ложатся на землю ступни, бежит кровь в руках... словом, все физические ощущения.

— Почему?

— А разве ты сам не знаешь ответ?

Мартин был ошеломлен. Лишь сейчас он понял, что они переговаривались мысленно. Ему было известно, что не так

давно в Принстоне были получены ободряющие результаты в области телепатии, но этого удалось добиться с помощью имплантированных микрочипов.

— Зато здесь, пап, никаких имплант нет.

Тревор направлялся к довольно крутому холму, который отделял их от Сондерса и портала. Мартин мысленно заглянул за дальний склон и увидел, что «пастухи» до сих пор охраняют «врата», а речушка превратилась в настоящую стремнину. Стоило только послать мысль, как все «пастухи» до единого повернулись в их сторону, вскинув лапы. Некоторые даже направились к холму.

— Убери все мысли, займись только собственным телом!

Мартин загнал сознание в работающие мускулы рук, ног, в сердце и легкие. Хотя теперь нельзя было видеть «пастухов» внутренним взором, он ощущал их присутствие и знал при этом, что тревога во вражеских рядах улеглась.

Чтобы добиться успеха, надо вести себя как животное: видеть мир, не задаваясь вопросами. Нелегкая задача для преподавателя вуза.

— Если вдруг услышишь характерный треск, не высовывайся из тела, не допускай работы мысли, иначе они на тебя набросятся.

Но почему приходится это делать в одиночку? Опасность грозит весьма серьезная, а чем больше людей, тем легче справиться с угрозой.

На него посмотрел Тревор. В глазах читался ответ: «Такова моя работа. Наша работа».

К этому времени они взобрались на гребень холма, и Мартин понял, что за прошедшие несколько минут вода поднялась еще выше. Поток и до этого был угрожающим, однако сейчас черные, с серым отливом, воды несли с собой стволы деревьев, куски кровли, стен, лестниц, порой из мельтешащих волн показывались колеса перевернутых автомобилей.

На той стороне реки стоял их дом, унылый, заброшенный, с темными слепыми окнами. Вода сейчас плескалась практически у порога. Но дело осложнялось не только разбу-

шевавшей стихией: на склоне, подогнув лапы под себя, лежали пять «пастухов», готовые в любую секунду прыгнуть на любого смельчака, решившегося подойти ближе. Мало того: по гребню бродило еще несколько патрульных.

— Это невозможно, — заявил Мартин вслух.

К тому же с глазами происходило что-то непонятное, потому что вода приближалась с каждой секундой, хотя сам он не двигался с места. Чуть позже все стало на свои места. Он видел реку глазами Тревора. Сын съезжал по откосу в сторону патрулирующих «пастухов» и грохочущей реки.

Мартин мигом бросился вслед за своим последним ребенком, сию секунду остановить или хотя бы привлечь его внимание... и один из шатавшихся по холму «пастухов» тут же обернулся, направился к ним... но не обратил на Тревора никакого внимания, явно нацелившись на отца.

И действительно, Мартин испытывал жуткий страх, ничего не мог с ним поделать. Мерзкая тварь с такой скоростью перебирала лапами, что они рассыпали искры.

— Беги вниз! — прокричал он, подобрал булыжник и швырнул в «пастуха». Камень отскочил от черепа, тварь встала на дыбы, зашипела и вызвала на подмогу еще пару охранников.

С великому ужасу Мартина, Тревор тем временем спокойно шел топиться в реку.

— Сынок! Сынок!

От «пастухов» невозможно убежать, а Тревора ждет верная гибель в пучине. Хотя секунду... Он способен убежать! Надо лишь оставить позади страх, мысли, отпустить узду... Мартин замер, зажмурил глаза и опустошил разум. В голове тут же прозвучала молитва — молитва Фрэнни — и присоедилилась к шепоту его крови.

Когда он распахнул глаза, то обнаружил себя лицом к лицу с «пастухом». На него тупо пялились глаза, мерно двигалась нижняя челюсть. Он осторожно обогнул тварь кругом, миновал еще одного охранника, причем так близко, что заметил засохшие потеки яда на брюхе, из которого торчало не полностью втянутое жало толщиной с мясницкий крюк.

Тревор к тому времени успел зайти довольно далеко в воду. Мартин кинулся следом, принялся плыть.

Поток подхватил его гигантской лапой, на глаза попал солидный дубовый кряж, вырванный, надо полагать, из чьего-то сада в Харроу. Дерево неумолимо надвигалось, неся в своей кроне смерть. Мартина вот-вот подомнет, он запутается в ветках, захлебнется...

А Тревор по-прежнему брел вперед, хотя со стороны почему-то казалось, что вода ничуть не сковывает его движения. Парнишку отлично было видно, он в самом деле спокойно шел себе к середине реки.

— Тревор!

Мартин поднырнул, уворачиваясь от дубового ствола, пустился вплавь, почувствовал, как давит поток, через минуту оказался рядом с Тревором и увидел, что и вода, и ветки, и куски автомашин, домов, и даже трупы людей и животных не то чтобы обтекают сына, а проносятся *сквозь* него. По-видимому, в том мире не было наводнения, и ручей можно было запросто пересечь вброд.

Он посмотрел вниз и увидел, что через него тоже проносятся разные предметы, подхваченные течением: толстая ветка, оторванная человеческая рука, белесая и вздувшаяся, деревянная кухонная лопатка, покерные фишки — все это свободно проскальзывало, не оставляя по себе никакого ощущения. Через Мартина проплыла газонокосилка, затем кресло из местного кинотеатра, телевизор, вырванный с корнем кустарник...

Мартин сделал еще один шаг, и бурный поток исчез. Вместо этого он очутился на том берегу Сондерса. Позади, тихонько журча, по камням неспешно текла мелководная речушка.

— Отец, будь осторожен, я не знаю, что у них там творится.

— Я уже не слышу твоих мыслей.

— Здесь это не работает.

Мартин внимательно осмотрел противоположный берег. Крутой склон на месте, но там нет никакого движения, все залито золотом умиротворяющего раннего солнца. Такую

картину он наблюдал тысячи раз; летом, по воскресеньям, до этого доносится слабый колокольный звон из городка...

Итак, они миновали портал, а на этой стороне, в этом мире, Сондерс вел себя тихо, наводнения не было и в помине.

— Пошли разведаем вон тот «хаммер».

— Похоже на обычную военную машину.

— Их военные «хаммеры» всегда раскрашены под камуфляж, а вот этот, я боюсь, сюда перетащили серафимы.

— Они здесь?

— Судя по всему.

Тревор пошел вперед, быстро поднялся по знакомому холму к знакомому дому. Следуя за сыном, Мартин пережил настолько сильный приступ дежавю, что стало не только не по себе, но даже больно. Вот стоит дом — его дом, и в то же время чужой, хотя выглядит так же, как всегда, и все кругом прежнее... Но дом этот чужой.

Тревор замер.

— А ведь они любят пошуметь... — пробормотал он.

— С чего ты взял? Тишина мертвая.

— В том-то и дело. Смотри: его машина в гараже, но из дома не доносится ни звука.

Через открытую дверь гаража Мартин заметил «сааб».

— Он синий?!

— У них машины разного цвета. Синие, красные, белые.

Мартин в жизни не слыхивал большей нелепости. С какой стати кому-то захочется разъезжать в цветастом автомобиле? Машине полагается быть черной. Надо думать, этот Уайли — эксцентрик, что вполне сходится с его поползновениями выдать себя за литератора.

Сын подкрадывался к дому с опаской, потихоньку взбирался по склону, не спуская настороженных глаз с «хаммера».

Мартин осмелился на громкий шепот:

— Тревор!..

Сын сердито замахал руками: помолчи!

Тревор упал на четвереньки, затем вообще лег на живот. Между ним и домом стоял «хаммер», однако мальчишку, на-

верное, мог увидеть любой человек, выглянувший из окна и, уж во всяком случае, из «хаммера».

Тревор вновь подал сигнал рукой, на этот раз показывая, что Мартину следует подойти ближе.

Его пробило возбуждение. Он вскочил было на ноги, глаза Тревора округлились, нижняя челюсть отвисла — и в следующую миг раздался страшный грохот, над головой что-то взвизгнуло и рикошетом отдалось в лесу.

— Пошли вон отсюда! — раздался хриплый голос. — Вы у нас на мушке, под перекрестным огнем!

Очередной выстрел, да так близко, что в лицо ударил горячий воздух.

Мартин кинулся ничком.

— Нет-нет! — крикнул он. — Мы друзья!

Следующая пуля взметнула щебенку возле головы. Он попытался отползти назад, на гребень, чтобы потом съехать с откоса, однако из-за спины раздался еще один выстрел, на сей раз совсем близко.

Делать нечего. Мартин встал и поднял руки в воздух.

— Ну ладно, ладно, — сказал он.

Из лесу донесся мальчишеский голос:

— Отец, это какой-то мужчина. И с ним еще парень, прячется за машиной. Заднее колесо.

Тишина.

— Мы ничего плохого не делаем! — крикнул Тревор. — Нам нужно просто поговорить с вами!

Со стороны подъездной дорожки показался мальчик. В руках у него была винтовка, и, судя по всему, он знал, как с ней обращаться. Мартин догадался, что происходит. Это был исторический момент, первая встреча людей из двух разных вселенных.

— Здравствуйте, — сказал Тревор, вставая на ноги. Он вышел из-за «хаммера» и встал на виду. — Мистер Дейл, я — Тревор.

— Ноутбук у вас? — спросил Уайли.

— Нет...

— Это мой отец, Мартин, — пояснил Тревор. — Мы хотели еще раз почитать вашу книгу.

— Ее украли вместе с компьютером. Плюс к тому у нас тут были осложнения. Очень серьезные. Мне даже в голову не пришло садиться писать.

В воздухе носился неприятный запах, как от подгорелого мяса, и Мартин догадался, что пахнет из «хаммера». Подойдя ближе, он увидел почерневшие трупы нескольких серафимов. Из-за угла дома выглядывал один из «пастухов». На миг Мартин опешил, но тут же понял, что и эта тварь была мертва. Получается, они всех уничтожили...

— Стало быть, ты и есть Тревор, — сказал Уайли. — Эй, Брук, ты только посмотри! Вот люди из моей проклятой книжки, живые и настоящие!

К Тревору подошел мальчик с винтовкой.

— Привет, Ник, — поздоровался Тревор.

— Привет. — Ник протянул руку.

Тревор с опаской посмотрел на предложенную ладонь:

— А мы можем касаться друг друга?

— Понятия не имею.

Мартин смотрел во все глаза, так же как Уайли и его жена Брук, очень, кстати, привлекательная женщина. Из-за спины матери раздался голосок маленькой девочки:

— Грубиян считает, что можно.

Грубиян! Уинни тоже называла свою мягкую игрушку этим же именем. Впрочем, когда мать с дочерью приблизились, выяснилось, что Грубияном был не слоненок, а медвежонок.

— Мама, он плачет.

— Потому что их семья потеряла Линди и Уинни, — объяснила Брук. — Помнишь, в папиной книжке об этом было написано?

— А что тут у вас случилось? — поинтересовался Тревор.

— Пожалуй, нам всем лучше зайти внутрь, — сказал Уайли.

Дом был полон свидетельств о какой-то невероятной битве. Мартин притих, с каждой секундой изумляясь все больше и больше. Очевидно, никто из местных обитателей не по-

страдал, однако все говорило за то, что здесь произошло убийство, да не одно. Ковры пропитаны кровью, а за кушеткой, как ему показалось, лежало завернутое в простыню тело.

— Да, ребята, — кивнул Уайли, — признаюсь, пришлось потрудиться. Но ничего, мы их отучили отвлекать людей от завтрака, впредь неповадно будет. — Из кармана плотной кожаной куртки он извлек некий цилиндрический предмет коричневого цвета. — Сигару?

Мартин прикусил губу, не понимая, о чем идет речь. Судя по интонации, ему задали вопрос. Может, предлагают какой-то подарок? Между разными вселенными обязательно найдутся отличия — например, цветные машины, — но вот конкретно сейчас... что бы это могло быть? Вряд ли речь идет о жертвоприношении, они наверняка живут в более продвинутом обществе...

— Я считаю, что заработал кое-какие права в этом доме, — добавил глава семейства Дейлов, опасливо косясь на жену.

— Уайли... — К нему подошла Брук и с чувством обняла. — Ты самый поразительный мужчина на этом свете. — Она вздохнула. — Ладно, дыми в свое удовольствие.

— Мамочка! — ужаснулась Келси.

Уайли меж тем сунул цилиндр в рот, достал коробок спичек, зажег торчащий конец, после чего вновь посмотрел на Мартина. — Сорт «партагас», прямиком с личного склада Фиделя.

— Это табак, — пояснил Тревор. — Они его жгут и едят дым.

— Да, но... Табак таким не бывает, он похож на порошок... К тому же его в рот не кладут. Только в нос.

— Отец, мне кажется, у них нет сигар, — сказал Ник и посмотрел на Мартина. — А вы знаете, что он сейчас делает? — Сказав это, мальчишка нахмурился. — Ох, я только сейчас заметил. Какие у них глаза...

— Видно, сынок, ты не так внимательно читал мои книги, как тебе кажется, — заметил Уайли, поедая дым. Вернее, вдыхая его. Мартин одно время любил нюхать табак, но потом пришлось бросить, потому что не хотелось вливаться в

многотысячные ряды больных раком носоглотки. Пожалуй, подумал он, табак можно курить без опасений за собственное здоровье...

— Эти цилиндры делает ваш друг Фидель?

— Ну-у... сам-то Фидель умер, но сигары настоящие, кубинские. Добрые люди постарались, привезли их к нам в Канзас-Сити.

— В нашем мире табак не запрещен, но считается опасным. Его продают в виде нюхательного порошка.

— Да он и здесь опасен, из-за него рак случается. Впрочем, я лично обожаю свои метастазные палочки.

— Спроси его про Фиделя Кастро, — посоветовала Брук.

— Я понятия не имею, кто это такой, — ответил Мартин. — Трев, а ты знаешь?

— Нет.

Ник сказал:

— Кубинский диктатор, умер несколько лет назад. Коммунист.

— Коммунист... это... Трев, помоги, а?..

— В девятнадцатом веке один философ по имени Карл Ленин изобрел систему управления трудом, которая в этой вселенной превратилась в колоссальное общественное движение. Отец, ты не поверишь, но у них более столетия творился такой хаос, что просто слов нет. Вот почему они такие... отчаянные. Ты заметил, сколько тут убитых серафимов и «пастухов»? К тому же выясняется, что они огонь глотают... В этом мире люди воюют друг с другом так давно, что очень закалились.

— У вас не бывает войн? — удивился Уайли.

— Случается иногда, но... Конечно, бритты с французами постоянно спорят из-за африканских владений. К примеру, бурский контингент не дает покоя Британии на юге Африки. Русские одно время тоже воевали. С японцами.

— Секундочку. — Уайли затянулся сигарой. — Как насчет Сараево?

Мартин призадумался, покачал головой.

— Первая мировая война? — подсказал Уайли. — Вторая мировая?

Мартин не знал, что и подумать.

— Отец, — вмешался Тревор, — у них здесь войны просто колоссальные. — Он показал на книжные полки, забрызганные кровью: — Смотри. Книги о войне. Я некоторые из них почитал.

— Да, можно сказать, что на нашем шарике война не прекращается с момента убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году.

— Эрцгерцога убили?! Честно говоря, в это трудно поверить.

— Я так понимаю, у вас они до сих пор остались?

— Разумеется. Кстати говоря, Куба является американской колонией, и в ее администрации нет никакого Фиделя. А насчет того странного философа... я что-то такое слышал, но там ничего серьезного, просто какое-то малоизвестное политическое движение...

— О-о, а в нашем мире коммунизм был чумой на протяжении семидесяти лет, — сообщил Уайли. — Унес жизни полмиллиарда человек, да плюс мировые войны погубили еще триста миллионов. Чистая бойня.

Мартин посмотрел на стену гостиной, возле которой стоял внушительный оружейный шкаф.

— У нас такие штуки почти не встречаются.

— Молодцы, — одобрительно кивнула Брук. — Я всегда утверждала: насилие приманивает насилие.

Ник взял со стола предмет, похожий на небольшую пушку, и подул в дуло.

— Кто бы говорил, — бросил он загадочную ремарку.

Невероятно! Разве могут дети так разговаривать со взрослым человеком, да еще с одним из родителей?!

— Уайли, — решился спросить Мартин, — у вас есть какие-нибудь конкретные идеи о том, что нам следует сделать? В конце концов, у вас такой опыт...

— Рептилян тоже голыми руками не возьмешь, и очень похоже на то, что нам от них серьезно достанется, и в скором времени.

— Да, но... У вас ведь... Вы же стрелять можете?

— Дружище, если мне не изменяет память, ваш президент попытался обработать ядерной бомбой остров Пасхи, и ничего из этого не вышло. Так что я бы не стал утверждать, будто вашему миру недостает агрессивности. Но сам тот факт, что результат нулевой... Вы знаете, когда я писал эти слова, то — признаюсь честно — я думал, что меня стошнит. Нет, я серьезно! Потому что и в нашем мире нет ничего сильнее ядерного оружия.

— Но если вы постоянно воюете, это значит, что британский флот, к примеру, не будет сидеть на месте, поджидая объяснений. В отличие от нас. К моменту, когда супердержавы наконец-то очнулись и заметили что-то неладное, все было кончено.

— Первые бродяги появились в Англии.

— Крупной империи требуется много времени, чтобы расшевелиться. В нашем случае непростительно долго, даже если они могли хоть что-то противопоставить.

— Уайли, — спросил тут Тревор, — а вы догадываетесь, почему мы здесь?

— Прошлым вечером в этом доме состоялся семейный совет, и мы решили, что вы хотите установить с нами прямую связь. Загвоздка в том, что я не больше вашего понимаю, чем тут можно помочь. В смысле, вы ведь уже разбиты наголову, правильно? Не думаю, что сейчас это получится исправить. Скажу больше: боюсь, ребята, с вашим миром покончено.

Тревор не терял надежду:

— Вы могли бы продолжить писать без компьютера?

— Нет, дорогой мой, ничего не получается. Я пробовал взять ноутбуки Ника и Брук... даже розовый «макинтош» Келси... Увы. Не выходит. Волшебство пропало вместе с моей машиной.

— Мы это почувствовали, — кивнул Тревор, — вот и пришли. Потому что поняли, что у вас серьезные осложнения.

— Хм. Вы только не обижайтесь, но... Знаете, ребята, вы какие-то... слишком уж педантичные. Все у вас по полочкам,

по распорядку, дела делаете по пунктам, сначала А, потом В, потом С... Вам не кажется, что вы немножко заторможены? В умственном смысле?

— Мы не агрессивны, — пожал плечами Мартин. — По-видимому, учитывая ваши войны, коммунистов, вдыхание дыма, которое я истолковываю как символическую форму доминантного...

— Советую перейти на греческий. Потому что из вашего английского ничего не ясно.

— Если на то пошло, я действительно немного владею греческим языком. Занимался там раскопками, выполнял датировку Акрополиса, причем результаты оказались не столь возмутительными, как в других моих работах.

— О чем, разумеется, я и так знаю. Кстати, у нас тоже есть кое-какие странные руины. В тех же самых местах. Плюс похожие легенды и мифы. Война в небе, Великий потоп, всякое такое.

— Получается, здесь они тоже побывали.

— Мамочка, — вмешалась Келси, — а мы будем убивать дяденьку, который сидит в погребе?

— Какой дяденька? — насторожился Тревор.

— Отец поймал одного сумасшедшего из вашей вселенной. Он человек, поэтому мы вызвали знакомого полицейского, чтобы тот на него посмотрел. Скоро подъедет.

— Вы говорите про Ала Норта?

— Вид у него очень неважный, — заметил Уайли. — К тому же я не собираюсь убивать людей, не получив заранее разрешения полиции. Надеюсь, понятно почему?

— Можно его допросить? — поинтересовался Тревор.

— Да ради Бога. Хоть под килем его продергивайте, мне все равно. — Уайли замялся сигарой, вынул ее изо рта. — Вот, держите. Начните с глаз. Он тут же птичкой запоет.

Тревор нерешительно взял предложенную сигару, посмотрел на нее:

— А как это делается?

Ник только расхохотался.

Уайли рассудительно объяснил:

— Продергивание под килем — это одна из форм пытки, когда человека, который вас интересует, заставляют думать, что он вот-вот захлебнется. А что касается сигары, то если сунуть ее рабочий конец в большой глаз генерала Норта, бьюсь об заклад, он с готовностью выложит вам не только свой домашний адрес.

Тревор с гадливостью отбросил сигару.

Уайли ловко поймал ее, не позволив упасть на пол.

— Это же кубинские, помните? — Он с наслаждением затянулся, выпустил громадное облако. — Красота!

С этими словами он встал и направился в кухню.

Мартину пришло в голову, что хозяин дома хоть и был писателем по профессии, в нем читалась энергия и сила солдата. Мальчик был уменьшенной копией отца, к тому же, если судить по жестким, плотно сжатым губам, мать семейства тоже была готова убить человека не раздумывая. Одна лишь маленькая девочка казалась уязвимой, а может, такое впечатление возникало оттого, что ее плюшевая игрушка тоже звалась Грубияном и Уинни была таким ласковым ребенком...

Уайли тем временем распахнул крышку погребца:

— Эй, генерал, как вы там поживаете? Мы решили устроить вам пытку, так что готовьтесь. — Он закрыл погреб. — Это называется «размягчить».

— А что, если у него припасен какой-то козырь?.. — задумчиво сказал Ник.

— Сынок, мало иметь на руках сильный расклад, картами надо ходить вовремя.

— Мы понятия не имеем, что делать с Нортом, — заметил Ник. — И они тоже.

Все затихли. Против правды не попрешь.

Уайли откинул крышку мобильного, набрал номер.

— Мэттью, какого черта ты копаешься? Между прочим, я только что прикончил твою последнюю «партагас». — Он помолчал, выслушивая ответ. — Спрашиваешь, что у нас происходит? Пожалуйста: мир вверх тормашками, и это еще мягко

сказано. Так что бери ноги в руки, залезай в свою самоходную тележку и давай к нам на пятой скорости. — Уайли нажал кнопку отбоя. — Я же не могу ему все выкладывать по телефону, вот он и думает, что я опять затеял какой-то дурацкий розыгрыш. Но знаете... — Он оборвал себя на полуслове. Похоже, напускная бравада успела слететь, как морская пена под ветром. Уайли зажмурился. Покачал головой. — Я спас свою семью, — сказал он негромко. — Вдвоем с сыном.

Ноги у него подкосились, пришлось сесть и сделать длинную затяжку.

К дому подкатил пикап. Раздался хруст переключаемой передачи, машина заехала на дорожку, остановилась.

— Ну вот, сейчас мы подождем, пока блюстителю порядка пересчитывает трупы.

Парадную дверь распахнул высокий мужчина в полицейской форме, зашел внутрь. Его походка была уверенной, манера держаться такая же агрессивная, как и у всех местных жителей. По крайней мере так показалось Мартину.

— Что тут делает «хаммер»? — спросил он чуть ли не с порога. Мужчина нахмурился, повел носом, повернулся к Брук: — Он тебя загипнотизировал?

— Это ему награда за спасение семьи.

— От кого? Только не уверяйте меня, что в этом «хаммере» к вам пожаловал наркодилер. Машина военная, и я что-то не видел гражданских, которые бы на таких раскатывали... Да еще под цвет лимузина. — Он бросил взгляд на Уайли: — Или ты все-таки ее купил? Ежели так... Это будет последней крошкой соли на мои старые раны.

— Мэтт, у тебя за спиной стоит человек, который очень старается не обмочить штаны. Посмотри ему в глаза и скажи, что ты там видишь.

Поджарый узколицый мужчина обернулся, и Мартин увидел, что он носит не крошечный пистолетик, как у Бобби, а серьезную вещицу, почти не уступающую в размере той ручной пушке, которой владела эта семья. Мартин пару секунд разглядывал оружие, перевел взгляд на мускулистую ручишу,

что болталась рядом с кобурой, затем опасливо поднял лицо и позволил Мэтту заглянуть себе в глаза.

— Что с вами приключилось?

— Ну... видите ли...

— Скоротечное эволюционное изменение, обусловленное крайним стрессом, которому подвергается их биологический вид, — заявил Уайли. — Я ведь не ошибаюсь, Мартин?

— Пожалуй, я соглашусь.

— Что ж, давайте знакомиться. — Полицейский протянул руку. — Меня зовут Мэтт. Стало быть... это... привет.

— Привет...

— Так вы, значит... — Мэтт неопределенно дернул подбородком.

— Да-да, мы оттуда. А вот мой сын, Тревор.

— А-а, это ваша семья потеряла Линди и Уинни. Мне очень жаль, поверьте.

— Мэтт, я бы обязательно предложил тебе дружескую дозу скотча, но у нас просто нет времени. Зато есть один кум, которого мы связали и сунули в погреб. Очень странный — если угодно, «переделанный» — тип, в свое время занимавший генеральскую должность в военно-воздушных силах того мира, откуда пришел Мартин. Сейчас, правда, из него сделали монстра, который может свободно функционировать в обеих вселенных. Кажется, его сшили из отдельных кусков. В общем, трудно поверить... Помнишь того изуродованного парня? Мы к ним ездили вместе...

— А-а, Наннелли... Конечно, помню.

— Так вот: недостающие кусочки, оказывается, пришили к нашему генералу.

— Что?!

— Вот именно. Сделали это для того, чтобы появилась физическая связь с нашей вселенной. Чтобы у него было больше свободы действий. Теоретически. А на практике вышла полная ерунда. Потому что в нашем мире с трудом перемещаются именно серафимы, а не люди. А генерал — человек. Вроде нас с тобой. Был.

— Ну-ну. Кое-какие слова мне знакомы... Итак, ты хочешь сказать, что у тебя в погребке сидит... этот... с пришитыми кусочками...

— ...которые якобы должны были дать ему возможность свободнее чувствовать себя в нашем мире.

— А вот это и есть тот самый Мартин и его сын?

— Так точно, сэр.

Мэтт вновь оглядел представителей другого мира. Вытянул руку вперед. Мартин ее пожал.

— Ого, — сказал Мэтт. — Уайли, ты уверен, что у меня не галлюцинация?

— Еще бы, достаточно взглянуть на Франкенштейна из нашего погреба, который должен кое-что знать... Что, Мартин? Чем это могло бы вам помочь?

— Например, мы могли бы перекрыть доступ серафимам. Если понять, как закрывают порталы, то это бы сильно нам помогло. Мы готовы принять любую помощь, у нас нет выхода.

— Вы читали ту главу, где рассказывается про путешествие Самсона на Аваддон? — спросил Уайли. — Не заметили там никакой уязвимости?

— Они очень торопятся, — поразмыслив, ответил Мартин. — Значит, им надо ставить палки в колеса.

— Дело в том, что я подозреваю, чем именно должна закончиться моя книга: я вижу грязные, запущенные города, битком набитые голодными серафимами. Кстати, от Нью-Йорка, Вашингтона и Лондона не останется и следа. На их месте сплошной океан... Похоже, вы проиграете.

— А ваш друг умеет извлекать информацию? — спросил Мартин. — Ему известна методика?

— О да, — кивнул Уайли. — В свое время Мэтт служил на Ближнем Востоке.

— Значит, вы готовы ради нас подвергнуть генерала Нор-та пыткам? — продолжал уточнять Мартин.

— Еще чего выдумали! — возмутился Мэттью.

— А придется, — возразил ему Уайли. — Потому что после того, как серафимы покончат с этими ребятами, на очереди окажемся мы.

— Ничего, мы им глотки повывидаем, будь спокоен, — проворчал Мэтт.

— Знаешь, после того, через что довелось пройти нашей семье, я могу гарантировать, что достанется обеим сторонам. Нет уж, пусть лучше они здесь вообще не появляются, а ключом к решению проблемы является наш пресловутый Норт. Так что придется тебе засучить рукава и уделить пять минут своего драгоценного времени на спасение человечества.

— пытки запрещены!

— А он вообще не из нашей вселенной, так что законы на него не распространяются. Итак, Ник, неси сюда свой скейт-борд. И еще понадобится полотенце.

— Ты хочешь, чтобы я привязал генерала ВВС к доске и макал в воду?!

— В точку. — Уайли распахнул люк. Из погреба хлынула вонь, где явственно угадывался запах мочи и крови. Хозяин дома посмотрел вниз. — И снова доброе утро, генерал. К вам гости!

Глаза Норта смотрели в пустоту. Грудь не вздымалась. Уайли понял сразу: Ал Норт мертв.

ГЛАВА 20

СПРАВНЫЙ СОЛДАТ

20 декабря

Генерал Норт в жизни не испытывал столь мучительной боли. Хотя ему доводилось видеть пытки в Ливане — пленным загоняли пропитанные фосфором щепки под ногти и затем поджигали, — он не думал, что пережитые ими муки хотя бы близко напоминали его собственные.

Он вопил, это знание было объективной реальностью, бесстрастно разглядываемым, отвлеченным фактом — хотя при этом у него не вырывалось ни звука. Норт попал в этот странный мир — параллельную вселенную, вынужден был он при-

знать в конечном итоге, — в исполнение полученного приказа, а именно: ради совершения убийства. Не думал он, что когда-нибудь получит такое задание. «Однако шла война, мы были в отчаянном положении, военные и разведывательные службы обанкротились... так что вот и ответ, почему у тебя такое поручение, а приказы, как известно, не обсуждаются».

Постой, что-то не так!

Норт лежал на земле, прислушиваясь к голосам наверху. Мужчина, которого его послали убить, оказался настоящим тигром, а его сын-подросток ни в чем не уступал отцу. Если честно, они попросту смяли Норта, а ведь генерал был не самым слабым человеком, да и обладал превосходными навыками боевых единоборств. Он ожидал застать противника врасплох, а вышло так, что тот выдрал ему глаза голыми руками, к тому же мальчишка раздобыл где-то револьвер размером с наковальню и в буквальном смысле лишил взрослого человека кишок. Ребенок!

Нет, они не враги!

Что-что? Откуда этот голос? Такое впечатление, будто на Норта кричит его собственный разум из-за захлопнутой двери. Надо встать, каким-то образом выбраться отсюда, потому что этим людишкам полагается валяться мертвыми, а они разгуливают как ни в чем не бывало. Устроим бойню, уберем всех до единого. Включая женщин.

Нельзя!

Ну конечно, давайте откажемся выполнять законный приказ, отданный твоим прямым начальником, который к тому же является исполняющим обязанности верховного главнокомандующего. Положим, он недолюбливал Тома Самсона. Президент совершил серьезную ошибку, назначив того на высший пост. Но ведь идет война, все висит на ниточке, и в таких обстоятельствах ничего другого не остается, кроме как верить своему командиру.

Верить надо собственной душе!

Что это за голос? К тому же доносятся и другие слова. Кажется, «солдат». «Солдат, ты умираешь», — вот что говорит этот голос.

Но он еще не выполнил задание, надо вылезти и наконец покончить с этим проклятым делом!

Норт попробовал встать, ничего не вышло. Зажмурил единственный оставшийся глаз, вдохнул поглубже и оттолкнулся обеими руками. Реки мучительной боли хлынули по венам и залили хрипящую грудь. Закружилась голова. Пришлось упасть обратно. Сердце колотилось как бешеное, а ниже поясницы вообще не было никаких ощущений.

Он видел кое-кого еще в этом доме, видел черный «хаммер».

Это они. Они!

Должно быть, одно из вражеских подразделений, но даже им серьезно досталось на орехи от этой семейки. Мамаша, к примеру, разделалась с их экзотическим оружием с помощью — подумать только! — примитивного топора, а девочка-малютка — сколько ей? семь? восемь? — стояла в сторонке и заливалась смехом: «Мамочка прибила большого паука!» Крепкие ребята, ничего не скажешь.

Это был не просто паук, а так называемый «настух» — и «настухи» принадлежат врагам. Ты понимаешь, солдат? Очнись наконец, и ты увидишь, где правда, а где ложь!

Вновь распахнулся люк. На секунду глаз ослеп. Затем Норт разглядел чей-то силуэт.

— Он не умер! Он еще дышит!

Показалась голова еще одного человека, исчезла.

— Черт возьми, а ведь верно!

Женский голос:

— Убей его.

— Нет-нет, Брук! Я вызову «скорую», попробую его спасти... Проклятие! В вашем погребе расстрелянный человек, так что все остаетесь здесь! Ясно? Уходить запрещаю!

— Это была самооборона, он первый напал.

— Я понимаю, дружище, но порядок есть порядок. Дело серьезное.

— Он из нашей вселенной, — раздался новый голос.

Генерал Норт прислушивался к спору наверху. Эти мерзавцы научились лазать через портал, теперь начнут гадить. Вся операция под угрозой.

Так и радуйся! Это здорово, это означает победу! Прислушайся к собственной душе!

Мысли ворочались в голове. Надо отыскать способ выполнить задание. Всегда найдется способ, обязательно.

Наверху имелось огнестрельное оружие, причем много. Зато здесь, в погребке, нет ничего, кроме грязи. Табельный пистолет отняли. Ну хорошо, есть ли у него хоть какая-нибудь вещь, которой можно убить? Скажем, ремень... Да, он годится, но на удушение не хватит сил. Орденские планки с застёжками. Не подходит. Зубы? Можно кусаться, и даже очень глубоко... Стало быть, зубы. Хм... Прокусить шейную артерию, удерживая врага в замке левого локтя... Норт пошевелил рукой. Работает. Очень хорошо.

Стало быть, теперь их надо убедить, чтобы его вытащили наружу. А дальше он уже сам.

Норт подождал. Ничего не происходит, даже голоса смолкли. Какое-то время был топот над головой, затем послышались негромкие восклицания. Надо полагать, разглядывают результаты работы разведывательного подразделения.

Итак, они вызвали бригаду «скорой помощи», а теперь демонстрируют тому полицейскому ущерб, понесенный их домом. Так дело не пойдёт. Выбираться надо сейчас, иначе появятся санитары и увезут его.

Норт сделал глубокий-преглубокий вдох, позволил страшной боли овладеть собой. Он знал, как справляться с ней, уже приходилось такое делать, однако сейчас наступило время изменить подход. На выдохе он издал вопль.

Отлично вышло. А теперь крикнем ещё разок. Станный голос, напоминает визг потустороннего чудовища, к тому же боль разыгралась не на шутку.

Впрочем, люк распахнулся, и это главное.

— Ну чего ты орешь? — сказал незнакомец. — Санитары уже едут.

Вновь раздался прежний, более тонкий и тихий голос:

— Он из нашего мира, он злой, вы должны позволить нам...

— Ничего я вам не должен, доктор Уинтерс! Этот человек ранен, он находится здесь, так что это вы должны перестать вмешиваться и дать мне заняться моей работой!

— В нашем мире он преступник. Носит военную форму, а сам работает на противника. Мы имеем на него все права.

— Не сердите меня, — предостерег Мэтт.

— Эй, ребята, хватит, — вмешался Уайли. — Мартин, где ваш здравый смысл?

— Нам нужно забрать этого человека с собой, — не сдавался археолог.

— Вам нужно обзавестись морской пехотой, вот что я вам посоветую.

— У нас была морская пехота! И где она, вы знаете?! Нигде! Армию разметало в первую же волну нашествия. По всему свету. Все, им крышка. Так что если мы не сможем остановить серафимов, они пожалуют к вам.

— Мэтт...

— Ну вот что, голубчики. Еще секунда таких разговоров, и я полезу в кобуру. Так что помалкивайте..

— А вы знаете, что в нашей вселенной есть ваш двойник? С которым я дружу с детства, прямо как вы вдвоем с Уайли. Его зовут Бобби. Он исчез, и мы подозреваем, что он превратился в бродягу... Живой, но лишившийся души.

— И вас тоже это ждет, — подхватил Тревор, — когда они сюда заявятся. Будете плестись по дорогам, как об этом писал Уайли... А может, чего и похуже, как, например, вот этот генерал в погребке. Вывернут вас наизнанку и заставят работать на врага, а вам будет казаться, что вы помогаете своим. Вот увидите, и не исключено, что очень-очень скоро.

— Между прочим, за всю мою карьеру я ни разу не видел такой жуткой бойни, как в этом доме, — пожаловался Мэтт.

— Вам бы посмотреть на того паука, которого моя мама застрелила. Из него ка-ак брызнет! И вонь такая, будто бескон пережарили, — гордо сообщил Ник.

Прислушайся к ним! Они твои друзья!

Норт всосал воздух, вновь зашелся криком.

— Отдайте его нам, — взмолился Тревор. — Мы хотим узнать кое-что крайне важное!

— Поговорить с ним можно и в больнице, — предложил Мэтт.

Уайли насмешливо фыркнул:

— Ой, Мэтт, этого парня надо как минимум окунать в воду. Или задохнуть живую крысу в глаз. Как минимум, я говорю! Больница... Ты готов положить кобру в лечебницу?

— Ты на моем месте поступил бы точно так же. Раненых животных полагается класть в ветклинику. Согласно инструкции.

— Тьфу ты! Я же не об этом!

Медики должны были появиться с минуты на минуту, так что Норту предстояло выложиться до отказа и прямо сейчас — иначе пиши пропало. К тому же фронт работ расширился: придется убивать всех до единого, в особенности выходцев из его собственной вселенной.

Как вообще получилось, что дела пошли из рук вон плохо? Покончив с людишками, надо будет вернуться и предупредить генерала Самсона, что возникли осложнения. Очень серьезные.

Полицейский спустился вниз. Вот он, стоит прямо над ним. Сейчас — или никогда.

Когда дурачок нагнулся поближе, Норт взмахнул рукой и основанием ладони выбил оружие из кобуры.

Пистолет тяжело ударился о ногу, но боли не последовало.

— Ах ты!.. — воскликнул полицейский и дернулся было вниз, но Ал оказался проворнее. Он зажал рукоять, большим пальцем сдернул флажок предохранителя, указательный просунул в скобу спускового крючка.

Вскинул ствол.

— Эй, у него мой пистолет! Он отнял мой...

Норт выпалил вверх, сквозь половицы. Раздались панические вопли. Не имея понятия, удалось ли попасть в кого-нибудь, он выстрелил еще и еще... Наконец остался только один патрон.

К этому моменту коп успел вылететь наружу и присоединился к крикам.

Норт понимал, что обязан сделать, потому как знал, о каких ставках идет речь. Эти люди хотели извлечь из него информацию, которой он действительно обладал, причем было ясно, что они готовы вытягивать ее клещами. И у них получится. Наш опыт допросов третьей степени был детской игрой в сравнении с тем, на что, судя по всему, способны эти скоты.

Расскажи им! Расскажи все!

Имелся один портал, о котором они даже не догадывались. В отличие от Норта, поскольку он прошел именно этим путем, и вот почему такие сведения должны оставаться тайной.

Они не смогут уничтожить серафимов, тут опасаться нечего, однако вполне способны затормозить операцию, и вот здесь-то лежит корень проблемы, коль скоро с каждым новым днем после двадцать первого числа будет все сложнее проникать в этот мир, а в районе двадцать пятого декабря порталы вновь закроются, и Аваддон в очередной раз — и на следующие тринадцать тысяч лет — лишится доступа, если не считать самых мелких возможностей. Опять придется возвращаться к подрывной тактике, засылать провокаторов, устраивать диверсии, побуждать к войнам, вызывать голод и неразбериху, рассыпать семена алчности... словом, не давать ублюдкам становиться сильнее.

Чтобы держать в слабости твой народ! Послушай себя, генерал, ты думаешь как враг.

Он уткнул дуло в подбородок, пробормотал: «Будем надеяться, я его все-таки застрелил, аминь», — после чего нажал на спуск.

Его вынесло из погребца в кухню, где находился Уайли, убить которого он приходил, — и выяснилось, что хозяин дома не пострадал. Все они оказались в целости и сохранности.

Ал возликовал.

Мигом позже он понял, кем был человек, забрызгавший погреб мозгами, и вместе с этим открытием пришло озарение.

— О Господи милосердный! Простите меня, простите!

В памяти всплыл подземный центр, путешествие в бездну с женщиной по имени Мазл... Ведь она рептилянка! Капитан Мазл, генерал Самсон... Все они были оборотнями, пользовались специальными лекарствами, чтобы жить в здешнем воздухе, и еще они украли его душу.

Иглы, острые ножницы, срезанные куски плоти дрожат в серебристых тазиках... мозг вынули, мозг вставили...

У него похитили воспоминания. Обесчестили.

Солдат служит своей стране, а не им!

А ведь он работал на врагов...

На его глазах распахнулась входная дверь, в дом ворвались медики, бросились в погреб.

— Я расскажу вам все, что знаю! — крикнул Норт.

За врачами торопливо полез полицейский, семейство Уайли сбилось в кучку, Мартин с Тревором покинули дом и уже спускались по откосу к реке.

Ал кинулся наружу.

— Стойте! Послушайте меня! Я совершил ошибку, но дайте мне шанс всем помочь! — Он завопил в лицо Мартину: — Ты слышишь меня?! Я могу тебе помочь!

Никакой реакции. Он схватил Мартина за плечи — и словно провалился сквозь археолога. Мартина передернуло, он пожаловался:

— Что-то меня озноб пробил... как могильным холодом окатило.

— Отец, а ведь у нас серьезная проблема: на обратном пути придется лезть в стремнину. Помнишь, в нашем мире наводнение, Сондерс вздулся...

Ал не упускал из разговора ни слова.

— Эй! Вы меня слышите? — прокричал он в который раз.

— Точно. Перебраться вброд не выйдет.

— А если взять «хаммер»?

— Вот это мысль!

Нет! Нет! Идиоты, машину просто снесет водой!

Отец с сыном повернули обратно, вновь полезли на склон.

— В машине полно рептилианских трупов.

— Заберем с собой. У Мэтта с Уайли и без того немало хлопот.

— Там все, кстати, в потеках засохшего яда. Должно быть, они привезли того здоровенного «пастуха» в машине.

Послушайте! Послушайте же меня!

Мартин с Тревором принялись перекладывать трупы на задние сиденья.

Пустой номер. Ал прикинул ситуацию. «Итак, ты до сих пор существуешь, способен размышлять, видеть и слышать, можешь без усилий передвигаться... Но как, черт возьми, вступить с людьми в контакт?!» Он лихорадочно перебрал в памяти все, что знал о привидениях и так далее. Короткий ответ: никак.

Он сам превратился в проклятый призрак, вот в чем дело.

С одним, впрочем, отличием: здесь вам не какая-нибудь милая пухлая малютка вроде Каспера или — будем надеяться — визжащий монстр. Теперь Норт видел свою былую жизнь под куда более широким углом, мощь его разума неимоверно возросла. Он гораздо глубже проникал сейчас в природу заносчивости, которая превратила его в солдафона, видел ее полнейшую фальшь и сознавал, что абсолютно неверная самооценка была тем стержнем, который вел его по жизни вплоть до нынешнего фиаско.

Да, сейчас он понял, кем являлся, осознал совершенные ошибки, но вместе с тем понимал, что следует сделать, чтобы помочь людям этого мира вернуть все на свои места. Они способны наголову разбить Аваддон — эти люди, мужчина с сыном, но лишь после того, как узнают тайну, которой владел Норт. Ее надо рассказать — а он не может, не умеет заставить себя слушать!

Распахнув дверцы «хаммера», Мартин с Тревором тем временем перетащили два посеревших трупа в глубь салона, а затем мальчик, подумав секунду, сунул себе в карман один из их футуристических пистолетов, второй отдал отцу. Ал был знаком с этой моделью: электроцентробежный микропуле-

мет, способный выбросить ливень пластиковых пуль на скорости пять тысяч километров в секунду. Единственный звук, который издавало это оружие, был хлопок, с которым пули пересекали звуковой барьер, однако человека на расстоянии в полмили запросто разрезало напополам... Или дюжину человек. Да хоть тысячу.

— А ты умеешь с этим управляться? — спросил Мартин, разглядывая черный диск.

— Давай испытаем.

Эй, ребята, поаккуратнее!

— Что-то несерьезно они выглядят... — поделился сообщениями Тревор.

Мартин вытянул руку подальше от себя, направив три коротких дула в сторону небольшой рощицы. Нажал два спусковых крючка, сверху и снизу. Короткое ворчание, и три солидных дерева, каждое толщиной сантиметров тридцать, в буквальном смысле разлетелись на клочки. Превратились в опилки.

— Ничего себе! Что это за штуки?!

В армии США тоже такие есть. Только мощнее и на броневиках.

— Это оружие серафимов, — сказал Тревор, доставая темно-синюю коробку с иероглифами. — А вот боеприпасы к нему. Отличный подарок вышел бы для Уайли с Ником.

— Я вижу, они тебе понравились, да? Решительный характер, оружие, всякое такое...

— Отец, они — прирожденные победители. Весь этот мир работает лучше нашего, он более динамичный.

— То-то я смотрю, у них война продолжается сотню лет.

— Зато мы живем в мире царств и империй, где нет ни одного по-настоящему свободного человека.

— Неправда! Мы свободны.

— Пожалуй, это можно сказать про нас, да еще французов и англичан... По крайней мере на родной почве. Но взгляни на остальной мир! Громадная система настоящего рабства... пусть даже упорядоченного, в котором легко жить, но...

Ожил, взревел двигатель «хаммера». Алу оставалось только наблюдать со стороны, он больше не пытался их остановить. Не мог. Мертвые не в состоянии общаться с живыми, и тут ничего не поделаешь.

Вот, значит, как оно обернулось... Когда ты наконец прозрел и готов рассказать все, что им требуется знать, тебя никто не слушает...

Дверцы захлопнулись, машина покатила под уклон, к Сондерсу, который здесь вел себя мирно. Масса участков, где ручеек можно попросту перепрыгнуть, хотя и не в другую вселенную.

Им надо объяснить про штаб-квартиру серафимов, которая расположена глубоко под землей, на расстоянии нескольких миль отсюда, надо рассказать про все то, что он там видел...

Ведь если им удастся туда проникнуть, появится шанс высвободить миллионы плененных душ, разрушить системы энергоснабжения, может, даже каким-то образом сломать линзы. Это уж точно нанесет сокрушительный удар по планам Аваддона, и тогда Самсону с Мазл, мягко говоря, не поздоровится.

Он кинулся к «хаммеру», запрыгнул в салон через оконное стекло.

Эй! Послушайте!

— Вот и он, портал, — сказал Мартин Тревору.

— Как ты думаешь, машина туда пролезет?

— Но ведь ее перетащили на эту сторону?

А вдруг действительно портал недостаточно большой, и тогда «хаммер» не сможет проскочить? Это было бы хорошо, несчастные дурачки останутся живы.

— Как надо делать? Поедем прямо, насквозь? Я лично понятия не имею.

— Да и я тоже.

Пожалуйста, даже не пытайтесь.

— Придется рискнуть.

Я вас очень прошу.

Пока Мартин сдавал назад, Ал проделал все, что мог, чтобы передать ему свои мысли; более того, он залез внутрь тела,

оказался среди пульсирующих органов и хлюпающей крови. Затем Ал поднялся непосредственно в мозг, но и это не помогло. Серое вещество казалось ему дрожащим облаком крошечных вспышек, однако любые попытки воздействия не принесли успеха.

«Хаммер» с ревом двигался к portalу. Ал видел ромбовидный кристаллический объект гораздо яснее, чем это удавалось при жизни. «Врата» послушно раздались в стороны, пропуская машину. Стало быть, сейчас они окажутся в воде, где отец с сыном утонут.

Действительно, вот и река: черная, вздувшаяся, несет с собой каких-то отчаянно барахтающихся людей. Минутой позже «хаммер» с шумом плюхнулся в воду, портал сомкнулся и пропал.

Норт бросился вперед, перемахнул через поток, оказался в лесу на противоположном берегу, однако кругом по-прежнему была эта вселенная.

Он бегом пересек реку, выискивая «врата», — тщетно. Как же так?! Здесь не его родной мир, это неправильно!

Ал перепрыгивал с берега на берег, надеясь заметить мерцание портала.

Даже когда на глазах Норта погиб президент и он знал — ведь знал! — что в этом повинен Самсон, он ничего не предпринял. Вместо этого отправился в Шайеннский центр ради нового назначения, потому что хотел карьерного роста.

О чем он думал? Как мог он быть таким слепым?

В этом новом состоянии Норт увидел свое истинное «я», сумел заглянуть за изнанку самообмана, который диктовал его жизнь.

Пустое существование, жизнь без любви. Бесплезное, глупое путешествие сквозь года. Жена давно скончалась, а он так и не попытался обрести себе новую любовь, хотя именно в любви таится весь смысл человеческого бытия.

Сейчас он открылся сам себе, ясно увидел, что к великой катастрофе привела его собственная, целеустремленная слепота, и нет ему никакого оправдания.

Вспомнилось, как много-много лет назад, одним июльским вечером он сидел на веранде и слушал плывшую в воздухе музыку. Вновь увидел девушку — Нелли, — которая была полна любви к этому глупцу.

И ведь если бы он решился тогда принять ее, выбрать эту скромную, тихую гавань жизни... о, сейчас бы он плыл высоко, летал над всеми заботами, а не ворочался в темном колоде сожалений.

Кстати... Ведь он действительно погружается, и не просто в пучину отчаяния, а прямо в землю. Да-да, тонет в почве. Над собой он мог видеть воображаемые царства прошлого, где препятствия вроде стен между вселенными попросту ничего не значили, да и само время было лишь воспоминанием.

Норт падал, а хотел вознестись.

Надо подняться, там ждет рай, он видел рай и должен туда попасть!

Однако тут же проскочила мысль о тех душах, которые изловил Самсон. Там им не место, они должны быть частью рая, их в прямом смысле украли у Бога на продажу... сорвали эмоции и воспоминания как зрелые плоды, которым предстояло теперь быть пожранными в темницах демонских сердец.

Величайшее из всех зол: похитить доброту и запихать ее в ад, а ведь именно этим они и занимались — вернее, пытались проделать.

Значит, будем воевать. Дадим Самсону сражение.

Норт опускался все ниже, тонул в траве, а под ногами уже идем темные залы, слышал унылые стоны.

Но он не сдавался, пытался барахтаться. Над ним мерцали любовь и прощение, манила к себе свобода. Какую невыносимую муку довелось ему вкусить: узреть рай и быть не в состоянии к нему подняться.

А с другой стороны, не все, наверное, потеряно. Кое-что можно сделать — одно-единственное. Гарантий на успех никаких, но попытка не пытка...

ГЛАВА 21

НЕДРА

21 декабря, рассвет

Едва Мартин с Тревором ушли, Уайли обнаружил, что вновь способен писать. Сейчас он вместе с Брук перечитывал свежую главу.

— Они утонули? — спросила жена.

— Боже упаси! Здесь главное в том, что Ал Норт знает какую-то деталь, которая могла бы им помочь, однако его душа по-прежнему находится здесь, на нашей стороне, так что если он сможет сосредоточиться, я наверняка уловлю его мысли.

Брук прокрутила текст, почитала, прокрутила еще ниже.

— А что с ним такое? Куда он погружается?

— Думаю, в планетарное ядро. Что, если в зависимости от прожитой жизни твоя душа меняет вес? Если она слишком тяжелая — по сути дела, от недостатка любви или чрезмерной жадности, — ты тонешь. А потом, как мне кажется, навсегда там остаешься. И варишься в собственном соку, коль скоро ядро очень горячее.

— Однако вселенная имеет свой конец. Что произойдет тогда?

— Наверное, злые люди канут в забвение.

— Но ведь Ал Норт нам нужен. Прямо сейчас!

За окном светлело. Последними трелями заливались фебы и танагры. Зима вот-вот прогонит птишек на юг. В нынешнем году они что-то затягивали с перелетом. А впрочем, зима тоже выпала мягкая, надо думать, к февралю птицы вернуться.

Брук придвинулась к мужу. Уайли захлопнул крышку ноутбука.

— Ник? — негромко позвала она.

Нет ответа.

— Келси?

Тишина.

Брук шагнула в сторону:

— Нет, я так не могу. Норт где-то здесь, я его чувствую.

— Мир полон любителей подглядывать. Мы все время находимся на сцене.

— Все равно мне нужно уединение.

За прошедшие дни они несколько отдалились друг от друга. В то же время Уайли кое-чему научился благодаря уроку, извлеченному из разглядывания жалкой загробной жизни Норта. Любовь — великое сокровище, ради нее мы приходим в этот мир, ее надо брать всю, до последнего кусочка, потому что она не похожа ни на что иное в нашей жизни. Имена, факты, достижения, горькие неудачи — все остается позади. Но только не любовь. В раю лестница Якова носит другое название: Любовь.

Брук сложила руки на груди, это был их условный сигнал, что сейчас не время для любовных утех.

— Чувствую себя голой, — пожаловалась она.

— Весь мир — театр, — напомнил он.

— Не могу я этим заниматься на сцене! И потом... в голове все путается. Мартин и Тревор... Господи Боже, что с ними сейчас?!

Уайли привлек жену в объятия. Она прилегла рядом, и на какое-то время стало очень хорошо, уютно.

Впрочем, через несколько минут показалось, что он слышит не только биение ее сердца. Уайли приподнял голову:

— Что это?

— Какая-то дрожь... Может быть, от холодильника?

Тряска усилилась, задребезжали мелкие вещи.

— Отец!

— Всем сохранять спокойствие! — скомандовал он.

Из комнаты Келси донесся детский плач.

— Крошка, держись!

Он не мог ничего поделать, даже кинуться дочери на помощь, потому что дом ходил ходуном. Внизу что-то грохнуло. В голову пришло, что могла свалиться люстра в столовой или упал оружейный шкаф, который стоял возле стены в гостиной.

— Попробуем выбраться! — крикнул Уайли.

Брук стошнило. Он схватил ее в охапку и, с трудом переставляя ноги, рискнул вытащить из спальни.

Появился Ник — о чудо! — с Келси на руках. При виде детей Брук встрепенулась, прижала дочь к себе, и семейство принялось спускаться по шатавшейся лестнице.

По всему дому звенели оконные стекла, засыпая пол дождем осколков. Ник распахнул дверь на заднее крыльцо, они выскочили на веранду, которая оказалась мокрой, как корабельная палуба, потому что из бассейна выплеснулась добрая половина воды. Лес выглядел декорацией к фильму ужасов: деревья размахивали ветвями, кренились, из чащи то и дело доносился треск и гул падавших стволов.

Беглецы выбрались на середину двора, подальше от стен и леса. Землетрясение продолжалось пару минут, может, и три, однако показалось вечностью. В доме вновь раздался сильный грохот, мигнул свет в окне комнаты Ника. Уайли положил руку сыну на плечо. Только что рухнула его любимая двухэтажная кровать.

И после этого никаких иных звуков, кроме захлебывающихся, изумленных рыданий Брук. Смотрит на дом и не верит глазам.

Свистопляска земли закончилась.

— Вот вам и Канзас, — прошептала она, не осмеливаясь поднять голос.

— У Грубияна сердечный приступ, — объявила Келси. Затем добавила тоном совершенно взрослого человека: — Признаться, его здоровье меня очень беспокоит.

Уайли напряженно всматривался в лес, где, как ему показалось, он заметил некие вспышки.

— Вы знаете, — задумчиво сказал он, — а ведь там пожар...

— Так чего ты стоишь?! Надо звонить! — отреагировала Брук и поспешила к дому.

Он не торопился, увидел, как семья зашла внутрь, услышал возмущенный вопль жены при виде царившего разгрома, затем захныкала Келси, Ник принялся раздавать указания...

Вспышки мерцали в той ложине, что тянулась вдоль гребня, на котором располагался их дом. Кстати сказать, такая стратегическая позиция их жилища была далеко не случайна: они даже приплатили, чтобы иметь возможность сразу заметить пожар. Зная, с какой скоростью огонь может распространяться по лесу, Уайли на всякий случай запасся водяной канистрой, которую держал в гараже. Он приспособил к ней два велосипедных колеса, ручной насос, проверил, как все работает... Конечно, запас воды не очень большой, но здесь главное — вовремя поспеть к очагу возгорания.

Канистра нашлась возле стены, за машиной, которая намертво прижала ее бампером. Хуже того: гаражная дверь отказывалась открываться. Ладно, они и к этому готовы. Имеется топор, вон он лежит среди прочих инструментов. Когда Уайли покупал дом, то строил планы немножко поработать дровосеком, проредить запущенный лес в поте лица своего.

Не сложилось.

Он вздохнул, прикинул топор на вес и ударил им по металлическим жалюзи. На грохот примчался Ник:

— Ты чего вытворяешь?!

— Да вот, собрался ехать на пожар.

— Я тебе удивляюсь... — покрутил головой сын и дернул за какой-то рычаг, который Уайли раньше и не замечал. Затем мальчишка без усилий поднял дверь. Оказывается, механизм был заблокирован просто оттого, что отключилось электричество.

Ник принялся возиться с пожарным насосом.

— Нет, дорогой, ты, пожалуйста, оставайся с женщинами. Я сам туда отправлюсь.

— Отец...

— Ник, я тебя прошу. Им требуется мужское плечо.

— А как ты думаешь, что случилось? У нас ведь не бывает землетрясений.

— Не бывает. Надо полагать, это как-то связано с пожаром.

Сын сбегал в дом, вернулся практически мгновенно — с «магнумом».

— Отец, возьми. Я ружья уже зарядил, мы укроемся в гостинной.

Уайли сунул револьвер за ремень и направился к лошине, волоча за собой канистру. Чем ближе он подходил, тем отчетливее становилось сияние. Кстати, а вдруг полусотни галлонов воды не хватит? И вообще, что там горит?

Донесся автомобильный гудок. Вдоль подножия дальнего холма катила машина с электриками.

Уайли преодолел извилистую заросшую тропинку, непроизвольно замедляя шаги по мере приближения к источнику беспокойства. Когда он наконец продрался через последний кустарник, то даже не стал брать в руки шланг, не говоря уже о закачивании воздуха насосом.

С добрую минуту он не мог понять, что видит. Ни дать ни взять — дверной проем в небольшую комнату. Он робко шагнул вперед, давя подошвами сухую листву и хрупкие веточки.

Так и есть: настоящая комната, ее отлично видно. Какого черта? Можно подумать, здесь невеста каким образом появилась лачуга. В голову пришло, что теперь он знает, откуда взялись байки про ведьмину избушку в лесной чаще.

Эта странная дверь возникла вместе с землетрясением. Может статься, не просто вместе, а именно из-за землетрясения. Или наоборот.

Проем был высотой футов шесть, три фута в ширину. Внутри все было залито жестким светом, исходящим от единственной лампочки, подвешенной к потолку. Уайли подошел ближе. Сейчас он стоял перед входом, еще шаг — и он окажется в комнате. По правую руку располагался стол с миской, полной горячего супа: он мог видеть поднимавшийся пар. Слева — узкий топчан, покрытый серой, отсыревшей простыней. На противоположной стене окно, задернутое тонкой потрепанной шторой. Ему показалось, что за ней что-то движется, однако подробности рассмотреть не удалось.

Крохотное помещеньеце, впечатление производит очень убогое. Чья-то маленькая избушка. Но... откуда она взялась?

Уайли рискнул вытянуть руку вперед, раздался негромкий хлопок, ладонь тут же охватило влажное тепло. Он подвигал рукой вправо-влево и отметил совершенно удивительное явление: ладонь перемещалась гораздо медленнее, чем запястье, отставала от него фута на два. Боли, впрочем, не было, так же как и других признаков отсоединения кисти вместе с пальцами.

Он отдернул руку.

Что, если здесь находится дверь на Аваддон?

В этом случае важность совершенного открытия трудно переоценить. На Аваддоне имелись органы управления четырнадцатью линзами, которые представляли собой основные порталы в другой человеческий мир. Сегодня серафимы собирались хлынуть туда миллиардными толпами.

Стоит разрушить систему управления, и рептиляне потеряют шанс осуществить задуманное. «Врата», которым предстоит широко распахнуться нынешним вечером, окажутся заблокированы, а к двадцать пятому числу окончательно закроются на очередные несколько тысячелетий.

Тайна Рождества в том и состояла, что появление абсолютного добра приходилось на тот день, когда доступ злу прекрывался полностью.

Да, это портал, и крошечная комнатка находится на Аваддоне. К тому же понятно, где именно. Дверь вела в квартиру генерала Самсона.

«Землетрясение» было локальным. Именно оно привело к открытию портала.

Следует ли зайти? Осмелится ли он?

Не исключено, что здесь ловушка. Искушение.

Секундой позже Уайли отметил, что сияние начинает меркнуть. Необычная дверь закрывалась.

Шанс! Он упускает шанс!

А ведь как раз в этой лошине пять лет назад он угодил в лапы серафимов.

Хотя... Нет, что-то здесь не так, концы с концами не сходятся. Всякий раз, когда память возвращалась к той страш-

ной ночи, он отчетливо видел, что из ложины они выходят всей семьей: Уайли в компании с Брук, Келси и Ником. При чем все до единого возбуждены, охвачены восторгом. Включая самого Уайли.

Как такое может быть?

Над ним надругались несколько серафимов, пытавшихся пробраться в человеческую вселенную, которая не желала их принимать... и он после этого полон радости?!

Сияние быстро тускнело.

Уайли шагнул вперед. Комната сейчас выглядела неестественно, напоминала скорее фотоснимок.

Уайли хотел было войти, однако невидимая мембрана оказалась плотной, как крутой студень. Словно лезешь сквозь размяченную от жары восковую стену. Уайли нажал сильнее, продираясь через упруго-неподатливую массу.

Секундой позже он летел кубарем. Попытка остановиться не увенчалась успехом: Уайли приложился о противоположную стену и сполз на пол в изнеможении. Чудилось, будто из него выкачали всю кровь.

Тут по ушам ударил резкий звук. Снаружи царил самый дикий и разнузданный шум, который ему когда-либо доводилось слышать. Ревели механизмы, вопили люди — хриплый, режущий слух, совершенно инопланетный визг. Они перекликались на сложном языке, куда, как ни странно, затесались и кое-какие земные слова, в том числе английские. Голоса были неприятно близки, звучали со всех сторон и даже сверху. Похоже, эта комнатка расположена на первом этаже.

От суповой миски исходила маслянистая вонь канализационной жижи и переваренного мяса. Настораживал тот факт, что похлебка до сих пор издавала горячий пар, потому что готовый ужин означал, что хозяин квартиры может вернуться с минуты на минуту. И скорее всего им окажется Самсон.

Припомнив сказку о трех медведях и маленькой девочке, которая попала в их избушку и нашла там готовый обед, Уайли подумал, что люди и раньше проходили через подобные «двери». Если на то пошло, весь сказочный фольклор Север-

ной Европы можно истолковать как хронику контактов с Аваддоном.

Итак, Уайли мог либо выйти наружу и рискнуть пробраться в Дом Правительства, либо спрятаться в ожидании чудовищного хозяина.

А не украсть ли машину Самсона? С другой стороны, она оснащена душой, и не исключено, что та не позволит это проделывать.

Безопаснее всего просто затаиться.

Но в этой комнате не так много мест, где можно спрятаться — лишь занавеска, отделявшая поганое ведро, полное гнойно-желтой массы, над которой роились мухи, ярко-красные и разбухшие, как насосавшиеся крови клопы. Хотя секунду... да вы только взгляните на них — это вовсе не мухи, а крошечные летучие мыши!

Нет, здесь ему не спрятаться, рядом с таким туалетом находиться попросту невозможно, тем более что в гадком месиве проглядывают и гниющие останки руки какого-то серафима. Уайли, разумеется, знал, что они были каннибалами, он видел это место раньше, слышал мысли Самсона о том, что казнь, состоявшаяся на глазах сидевшего в автобусе генерала, означала обильную похлебку вечером.

Стало быть, вот откуда взялся суп. Но где Самсон? Ведь варево остывает, несмотря на царившую тропическую жару. Может, его арестовали? На Аваддоне с этим не церемонятся. Не исключено, что прямо сейчас генерала подвергает пыткам малолетний психопат, отпрыск Ехидны.

Вопли усилились, над головой что-то гроыхнуло. Хруст, скрежет, новые крики, топот ног по лестнице за стенкой. Жалобные всхлипы, затем краткая минута тишина. За дверью протащили нечто тяжелое.

Плохо дело. Стоит кому-то войти, поднимется трсвога и... Уайли не рискнул дать волю воображению.

Зря он отважился на вылазку, суп явно был ловушкой. Самсон наверняка на другой стороне, затеял что-то нехорошее для Брук, Келси и Ника.

Почему он раньше не догадался?! Идиот...

Уайли повернулся, собираясь выскочить обратно.

Да вот беда: портал исчез. Несколько секунд Уайли тупо разглядывал голую стену.

Заскрипела входная дверь. Медленно повернулась грубо обтесанная ручка, над головой с легким пыханьем мигнул свет. Оказывается, это даже не электричество, речь шла о лампе, работавшей на карбиде. У них дома такое освещение применялось добрых полтора столетия назад.

В этом мире даже электричества нет!

Дверь распахнулась.

В проеме возникла блестящая черно-пурпурная тварь. Вертикальные зрачки светились ярко-красным огнем, радужка золотистая. В руке она держала небольшой диск с двумя трубками. Уайли знал, что это такое, и решил пока не демонстрировать свой «магнум».

Медленно, не делая резких движений, он поднял руки вверх.

Тварь устало ухмыльнулась.

— Мы уж вас заждались, — хрипло сказала она. Ее английский был вполне сносным, хотя речь отдавала монотонностью, от которой на память пришел голос души, встроенной в аэрокар.

Обвели Уайли вокруг пальца...

— Где Самсон?

— Он решил погостить в вашей семье, мистер Дейл.

Вот когда Уайли понял, что означает выражение «ощутить ледяное дыхание смерти». В текущей ситуации эта расхожая фраза потеряла свою избитость и была бесстрастной констатацией мрачной правды.

Тварь причмокнула, с хищным интересом разглядывая пленника. Возможно, они действительно подвержены аллергии на перхоть, однако человеческое мясо есть могут, и это омерзительное создание было голодным.

— На сей раз вам придется пройти за мной.

Что еще остается делать? Уайли поплелся следом, они вышли на узкую лестницу, провонявшую застарелым, засох-

шим гнильем. Стены исчерканы каракулями; поначалу загогулины показались бессмысленными, затем он понял, что видит рисунки, чье качество не превосходило детскую мазню, причем выполнены они были как бы в негативе, где свет и тень поменялись местами.

По большей части изображения повествовали о пытках, убийствах и оргиях. Кое-где были запечатлены самцы-серафимы с торчащими пенисами, на других картинках оскалившиеся самки высиживали черные яйца.

Выйдя на улицу, Уайли получил возможность непосредственно познакомиться с некоторыми из них. Одна из самок внешне напоминала Дженнифер Мазл: бледно-кремовый цвет кожи, блестящие чешуйки. Что же касается глаз, то они были как у твари, в чью ловушку он угодил. Перехватив взгляд Уайли, самка медленно высунула язык и принялась катать его между пальцами.

— Потаскуха, — пояснил охранник. Откуда-то выскочили местные мальчишки в мешковатых футболках с рисунками каких-то крокодилоподобных зверей, выполненных столь умело, что выглядели они живыми и были готовы прыгнуть прямо в лицо. На одном из детей красовалась майка с фотографией группы «Нью Секс Пистолз», явно импортированной из земного мира, другой щеголял в футболке с громадным зеленым плодом в виде надкушенного яблока — с той только разницей, что вместо фрукта было сморщенное человеческое лицо. У этого мальчишки, кстати, в руках был ацтекский топор со стальной рукоятью и обсидиановыми лезвиями. Через секунду Уайли узнал и сморщенную физиономию. Она принадлежала Адольфу Гитлеру.

Дети разглядывали землянина сверкающими, но мертвыми глазами, головы поворачивались судорожными, дергаными движениями, характерными для ящериц. Уличный тротуар оказался деревянным и был собран из пиленых стволов, подогнанных с точностью, которой позавидовали бы индейцы инка. Впереди стояло транспортное средство, смахивавшее на похоронные дроги, хотя вместо стекла в тыльной части имелось лишь крошечное зарешеченное оконце.

В экипаж было впряжено коричневое животное с пугающими, яростными глазами; длинная изуродованная морда сочилась тягучими нитями пурпурной слизи. Челюсти, судя по всему, были стальными, да еще подпружиненными, если судить по характеру их движений. Размерами это животное уступало земной лошади раза в два, хотя при этом производило впечатление плотного комка жилистых мышц с узкой и чрезвычайно гибкой змеиной шеей. Завидев Уайли, «лошадь» издала рыгающий звук и принялась гарцевать заостренными копытами. Аналогичные животные двигались по улице, волоча за собой разнообразные вагончики и тележки.

Дверца экипажа распахнулась, и стражник резким жестом показал внутрь, после чего отвесил насмешливый поклон. На его губах — если, конечно, эти жесткие кожаные валики можно назвать губами — играла кривая ухмылка. Иглоподобные зубы сверкали в буром свете.

С неба донеслось шипение, и над головой промелькнула зеленая роскошная авиамашина в форме горизонтальной капли, с полированным лобовым стеклом на идеально гладком корпусе. Она настолько контрастировала с царившей на улице нищетой, что с трудом верилось в то, что все это принадлежит одному и тому же миру.

Засмотревшись, Уайли получил могучий удар по спине и ободрал голени о порог дверцы. Он гневно обернулся к обидчику, но тут же последовал второй удар, от которого загудело в голове, и он влетел внутрь.

Дверца захлопнулась, сухо шелкнул замок. На секунду его объяла крошечная тьма. Когда глаза привыкли, он принялся разглядывать внутренности этого гроба, который напоминал древний, обитый цинком ларь для хранения льда. Высотой не больше трех футов, длиной пять. На крыше, стенах и деревянном настиле виднелись многочисленные глубокие борозды от когтей.

Уайли осторожно, как драгоценнейший, уникальный бриллиант, извлек из-под пояса «магнум». Это, пожалуй, единственная надежда.

Пришлось изрядно поворочаться, пока наконец лицо не припало к зарешеченному оконцу. Они ехали не по широкому проспекту, который он раньше видел глазами Самсона, а какими-то задворками. Повсюду сияли неоновые иероглифы, висели многочисленные полотнища с непонятыми надписями. Место напоминало Древний Египет, но на новый лад. Мартин, наверное, пришел бы в восторг...

Хотя чему тут радоваться? Страх, который сейчас испытывал Уайли, был несколько необычным. Поразмыслив, он догадался: собранные знания об этом мире позволили понять суть беды. Уайли обладал душой, а эти твари могли ее вынуть и засунуть в проклятую лампу. Они умеют вышелушивать воспоминания и встраивать их в собственные души — как бы пожирать. Или, скажем, возьмут и запихают тебя в автомобиль, не говоря уже про иные механизмы. В этом месте выражение «одушевленная машина» приобретает новый и мрачный смысл.

«Лошадь» оказалась весьма медлительной, повозка наконец свернула за угол, миновала некое заведение, смахивающее на ресторан. За ярко освещенными окнами Уайли увидел сверкающие алые стены и золотой потолок. Свет исходил из шаров, витавших в воздухе. В глубоких, покойных креслах сидели серафимы в прекрасных, облежавших их костюмах, отливавших мерцающим блеском.

Здесь он совершил одно из самых удивительных открытий в своей жизни: среди рептилий находились и люди! Уайли встрепенулся, прилип к оконцу, силясь разглядеть побольше. Вот сидит мужчина в шубе, на голове шапка из меха горностая. Он не признал этого человека, хотя тот явно был из мира шоу-бизнеса — скажем, какой-то рэпер или рок-звезда. А вот и женщины, в шелках и мехах. Другие мужчины носили смокинги, строгие деловые костюмы, кое-кто был даже в кафтанах или египетских балахонах-галлабеях. На глаза попал кардинал, увенчанный красной скуфейкой, в черной мантии с алой оторочкой.

Столы заставлены золотой посудой, со вкусом украшенной гирляндами зеленых и белых цветов. На блюдах высятся

горы мяса: жареные куски людей и серафимов. Торжественный ужин был в полном разгаре.

Ресторан скрылся из глаз, вновь потянулись блеклые улочки бесконечного мегаполиса с мириадами торопливых, ко всему равнодушных обитателей.

Ошарашенный Уайли обмяк на полу. Пару минут он просто лежал, рассеянно прислушиваясь к скрипу колесных осей, покачиваясь на ухабах вместе с повозкой. В голове упорно стояла картинка с кардиналом, мужчинами в смокингах и их спутницами в вечерних нарядах.

Кто они такие, черт возьми?

Богачи, это понятно, достаточно простого сравнения с голодными толпами, запрудившими городские улицы. Люди, земляне, прожигатели жизни, благоденствующие в аду.

Но был ли этот ответ полным? Ведь серафимы — хамелеоны. Другими словами, здесь вообще речь могла идти вовсе не о людях, а о рептилянах, вернувшихся домой, как бы из командировки или на побывку. Надо полагать, двухлунная Земля кишмя кишит этими созданиями. За это говорит тот факт, что они проигнорировали загрязнение атмосферы, глобальное потепление не знало удержу...

Вероятно, серафимы-оборотни заправляли делами в том мире уже несколько столетий. Занимали посты кардиналов, играли высокие общественные роли вроде министров и королей. Взять хотя бы Самсона. В конечном итоге тот добился-таки верховной власти над самими Соединенными Штатами — и при этом был рептильянским лазутчиком, оборотнем, поддерживавшим свой внешний вид с помощью наркотиков.

Уайли задался вопросом: а нет ли аналогичных «ряженных» в его родном мире? Кто мог бы разбрасывать семена гибели для души человеческой? Кто мог бы поощрять алчность? Нагло врать, что загрязнение окружающей среды не играет-де никакой роли...

Действительно — кто?

Здесь он сообразил, что от таких мыслей недалеко и до шизофрении. Разум отказывался работать, хотел забиться в

нору поглубже, спрятаться в самом недоступном месте, где можно гулять в зеленых лугах мечты, наслаждаться ароматом цветов... и, самое главное, напрочь отсечь от себя этот страшный мир, выскоблить мозг от малейших знаний и воспоминаний о нем.

Каждая дрожащая клеточка его тела, каждый ведомый ему инстинкт, каждая капля крови говорили об одном: *ты не должен был узнать эту тайну, твое появление здесь нарушает все правила, но ты в капкане, и ради сохранения секрета они уничтожат не только твое тело, но и бессмертную душу.*

Ну хорошо, пусть он и впрямь угодил в капкан. Разве это причина впадать в ступор? Надо приложить все силы, чтобы отплатить им их же монетой, обернуть ситуацию. Он обязан попытаться.

«Господи, — мысленно вскрикнул он, — что это за вселенная? Как она работает? И самый важный вопрос: как я могу спасти ситуацию?» На ум пришел Мартин с его бесконечной молитвой, и Уайли решил последовать примеру. Он взывал к той исцеляющей длани, что воскресила Озириса после того, как египетский бог был убит и разрезан на куски собственным братом, а в свое время воскресила и Христа по истечении его мук. К той невидимой руке, что связывала добрых людей вервями любви...

Похоже, близится конечный пункт назначения. Повозка повернула в очередной раз, остановилась. Уайли выглянул сначала из одного окошка, потом из другого, однако на глаза попадались все те же скелетоподобные деревья, некогда могучие, с пышными, полными жизни кронами, а ныне царапающие бурое небо серыми мертвыми ветвями.

— Мистер Дейл? Будьте любезны.

Когда Уайли вылез из «катафалка», тварь добавила:

— И, если можно, автограф?

Боже милосердный, да ведь это его «Дни чужаков», изданные в мягкой обложке! А вот и авторучка «Монблан» в протянутой когтистой лапе. Донельза изумленный, Уайли машинально взял книжку, раскрыл на титульном листе.

— Вы хотите конкретно на чье-то имя?

— О да, конечно! На мое, если не возражаете.

Уайли недоуменно вскинул глаза — и обнаружил перед собой абсолютно нормального человека, да еще знакомого: это был Луис Боулз, старший сенатор от Юты, председатель Спецкомитета по разведке при конгрессе США.

Боулз расплылся в улыбке, затем судорожно дернулся и вновь приобрел облик длинномордого вампира с поблескивающей чешуей и глазами, источавшими свет злой энергии.

Уайли дописал — Сенатору Бойлзу... — и тут увидел, что авторучку сжимает такая же когтистая лапа. Перевел взгляд на левую руку, в которой была книга, — та же история. Длинные, тонкие, бледно-смуглые пальцы заканчивались черными когтями. С тщательным маникюром.

Он посмотрел на свои запястья, выглядывавшие из-под обшлагов куртки. Узкие, изящные, облиты мерцающим блеском змеиной кожи. Повертел в пальцах «Монблан», подивился игре света на мелких чешуйках. Коснулся щеки — и содрогнулся от пробившего все его существо озарения.

Уайли не попал на чужую Землю.

Он сам был оборотнем.

Вернулся домой.

ЧАСТЬ IV

ГОЛУБОЙ ОГОНЬ

Солдат нашел в колодеце свечку с голубым огнем и подал ведьме знак, чтобы она его опять вытянула наверх. Она и потянула его, но, когда уж он приближался к краю колодца, ведьма протянула руку и хотела отнять у него свечку. Солдат заметил, что у нее недоброе на уме, и сказал: «Нет, свечи я тебе не отдам прежде, чем почувствую землю под ногами». Тогда ведьма пришла в ярость, спустила его обратно в колодец и ушла прочь.

Братья Гримм. Синяя свеча

Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец, доколе будешь скрывать лице Твое от меня?

Доколе мне слагать советы в душе моей, скорбь в сердце моем день и ночь? Доколе врагу моему возноситься надо мною?

Псалом. Глава 13. Стих 2—3

ГЛАВА 22

ГИБЕЛЬНОЕ МЕСТО

21 декабря, вечер

З

а стенами палатки бушевала ночь. Землетрясения начались сразу после их возвращения из параллельной вселенной, и сейчас толчки следовали без перерыва, заставляя почву мелко дрожать. Как было

известно Мартину и Тревору из книги Уайли, это означало, что в других уголках планеты наступает ад. Серафимы собрались затопить людские мегаполисы и подавляющую часть обитаемой суши, подняв при этом океанское дно и превратив его в новые континенты. Оставалось лишь несколько часов до момента, когда распадутся четырнадцать искусственных порталов, которые они построили, — и сквозь эти врата хлынет миллиард голодных рептилий.

Три раза крошечная группа детей и подростков слышала в небесах неземной рев, вслед за которым с тяжким гулом обрушивались торнадо и принимались маршировать по степи.

Пам и Джордж сообразили разбить палатку у подножия небольшого холма, что позволило бы избежать прямого попадания смерча, но вот если ураган вздумает пройти по этой поляне... тогда пиши пропало.

Над головами громыхало, визжал ветер, а Ленни Уард и Клэр Джеймс без устали колотили в барабаны. Где-то неподалеку гоготали и скрежетали «пастухи». Мартин полагал, что чужаки, вероятно, даже не хотят нападать на палатку. В конце концов, людей окружили, заперли в лесу, так что нет необходимости с ними возиться, они ничем не опасны.

Когда «хаммер» проехал сквозь портал и угодил в наводнение, Мартин с Тревором едва не утонули. Впрочем, оставшиеся на этой стороне подростки, как выяснилось, предвосхитили подобное развитие событий и поджидали их с веревками, собравшись около стремнины. Дело могло кончиться плохо, но все же путешественникам в параллельный мир удалось пересечь вздувшиеся, разъяренные воды.

Тревор заснул, положив голову отцу на правое плечо. Слева притулился один из мальчишек. Пара малышей устроилась у Мартина на коленях.

Мужчина размышлял, причем не в одиночку, а с телепатической помощью со стороны Пам, Джорджа и Майка. Молодые люди были настоящими экспертами в этом искусстве, их мысли намного опережали его возможности. Трансформация, по-видимому, в гораздо большей степени затронула

детей и подростков, поскольку их разум был гибким и не столь заскорузлым от накопленной «культурной» мудрости.

Для ментального состояния, в которое они были погружены, у человечества уже имелось подходящее название, вернее, даже несколько: бходи, сатори, многие иные термины. Впрочем, речь не шла об озарении, снизошедшем благодаря действию некоей высшей силы. Они не были просветлены извне, их способности возникли совершенно естественным путем.

Человек покинул сады Эдема животным, однако эти ребята нашли путь назад, не неся с собой пыльный налет цивилизации, но взяв от нее сострадание, сознание ценности индивидуума, умение сбалансировать личные и коллективные нужды. Они вернулись в Эдем людьми в истинном смысле этого слова. Понимали, что значит быть ландышем и расти под дождем. Не испытывали горького одиночества. Ведали, что такое любовь.

Но увы, их было очень мало в этом великом и перепуганном мире.

А ведь нечто подобное однажды уже происходило: в южной Франции и северной Испании, тридцать тысяч лет тому назад, когда дух снизошел на детей и подростки принялись раскрашивать стены пещер рисунками волшебных животных, существовавших только в их сознании...

Пам потрясла Мартина за плечо и нахмурилась.

Ай-яй-яй, он позволил себе отвлечься как раз в тот момент, когда подростки читали книгу Уайли в его памяти.

— Ты их видишь? — вдруг спросил Тревор. Голос сына был бесцветным и монотонным, как если бы он разговаривал во сне.

— Что?

— Я покинул собственное тело и не могу долго разговаривать, иначе придется вернуться назад. Давай ты тоже выходи, мне нужно тебе кое-что показать.

Пам кивнула. Они могли запросто читать информацию, хранящуюся в его мозгу, даже если сам он находился в другом месте. Мартин сделал глубокий вдох, медленно выпустил воз-

дух, а вместе с выдохом заставил душу выйти из тела. Очутившись за стенами палатки, он увидел Тревора в компании с несколькими подростками. Ливень хлестал всюду, но добраться до них не мог; то же самое относилось и к «пастухам». Внешне они выглядели как обычно, хотя Мартин понимал, что это иллюзия: его мозг попросту трансформировал их ментальные сущности в знакомые формы, коль скоро тела каждого из мальчишек по-прежнему находились в палатке.

Тревор махнул рукой, и Мартин двинулся в указанном направлении, попутно стремясь освободиться от любых предположений, очистить мысли до такой степени, чтобы мир, над которым он плыл, мог в незамутненном, чистом виде проникать в его сознание.

Впрочем, в этом состоянии было нелегко разглядеть то, чего ты не ожидаешь или не хочешь увидеть. В ночи возникли яркие огни Уичито и Канзас-Сити, еще дальше мерцали светлячки более мелких населенных пунктов.

Другими словами, он видел мир безопасный, то есть не тот, что существовал в реальности. Поэтому пришлось приказывать самому себе: «Поставь преграду воображению, избавься от всех мыслей, и когда ты бросишь взгляд вновь, то не увидишь ни собственных воспоминаний, ни надежд, а лишь фактический, физический мир».

Перед ним появилась Линди. Она до сих пор шла вперед, но выглядела столь истощенной и усталой, что была готова упасть в любой момент. Взгляд остекленевший, как у мертвеца, движения медленные. Она направлялась в сторону целого сонма большегрузных, вместительных автомашин, где встречались и автобусы, и многоосные фуры, прицепы и так далее. Другие бродяги уже забирались внутрь, и Линди — это Мартин мог видеть отчетливо — страстно желала к ним присоединиться, потому что здесь ее ждал конец пути, больше не придется переставлять сбитые, стертые до волдырей ноги.

Вновь прибывших разбивали на две группы. Этим занимались солдаты в обычной армейской форме США, но страшно исхудалые, чего нельзя было сказать о серафимах в свер-

кающих черных костюмах, белых перчатках, с полированными шлемами на головах. Рептиляне и люди работали вместе, хотя Мартин знал, что солдаты сами являлись бродягами.

Раздался треск, и группа землян, которых за минуту до этого отвели на небольшой пустырь, разлетелась на ошметки, засыпав почву оторванными руками, ногами и головами.

Неподалеку стоял пикап с откинутым бортом, откуда выглядывал солдат, сидящий за непривычной конструкцией дисковидной формы. Впрочем, Мартин знал, что это такое, потому что у Тренора в палатке имелась похожая штука, которую он взял из дома Уайли.

На глазах Мартина к растерзанным трупам бросилась горстка бродяг, вооруженных ножами и пилами, и принялась срезать мясо. Расчетливые серафимы, надо полагать, кормят пленников останками их товарищей по несчастью. Логично. Более экономный способ трудно себе представить.

Он окликнул жену, однако его голос не мог быть услышан кем-либо из людей. И вы только взгляните на ее ступни! Совершенно очевидно, что она не сможет работать, ей суждено пройти селекцию. А крошка Уинни? Один Бог ведает, что с ней случилось...

Мартину показалось, что он вот-вот сойдет с ума от душевной боли, вызванной сознанием собственной беспомощности.

В этот миг его окутало невидимое облако, теплое и ласковое, полное сочувствия и в то же время способное защитить от любых нападений. Мартин позволил себе подумать, что наконец-то на него обратило внимание то Верховное Существо, которому он постоянно возносил молитвы на протяжении последних дней. Впрочем, тут же стало ясно, что это не Господь Бог, а чья-то душа. Возникло ощущение, что у этого человека было волевое лицо и сердце солдата: целеустремленное, дисциплинированное.

Когда он попробовал открыться этой душе, применив заученную технику выхода в астрал — причем у Мартина это и раньше более-менее получалось, — незнакомец вбросил ему

воспоминание из собственного детства: летний вечер, мальчик на велосипеде, желтый свет над крыльцом, порхающие мотыльки у лампы, с веранды спускается дряхлый пес, идет навстречу ребенку, повилывая хвостом.

Мартин распознал попытку передать — на многоуровневом языке, посредство которого души общаются между собой, — что в свое время этот человек и был тем самым мальчиком, который любил свои собаки. Поскольку мысли Мартина уже не сдерживались электрохимическими фильтрами, встроенными в мозг, он в ту же секунду понял смысл сообщения: некогда эта душа тоже была доброй и ласковой, хотя и очень давно. С другой стороны, сейчас она знала о совершенной ошибке и страстно хотела вернуться к тому детскому состоянию.

Непрощенный визитер совершил зло, однако хотел объяснить, что сам по себе не является злым человеком.

Затем Мартин увидел иероглифы, чрезвычайно яркие и броские, однако пока что было неясно, исходят ли они от этой души, или же в самом деле являются частью физического мира. Для ответа на такой вопрос требовался настоящий эксперт, а Мартин делал лишь первые шаги.

Прозвучал ментальный голос Тревожа: «Вот что я хотел тебе показать. Откройся генералу Норту, пусть он послужит проводником».

Мартин вновь увидел лицо своего нового провожатого, вернее, только глаза. Умоляющие.

Мартин, разумеется, умел читать иероглифы, однако их насчитывалось свыше двух тысяч штук и перевод требовал экстраординарных усилий, к тому же чем дальше отстояла надпись от момента создания Розеттского камня, который являлся основой науки о древнеегипетской письменности, тем менее точным становился смысл истолкования. Мартин сразу понял, что видит знаки эпохи Древнего Царства, если не сказать еще более ранние, и что они представляют собой смесь слов и чисел. По краям шла вязь иератического письма.

Он в жизни не встречал более сложных иероглифов, однако — как во всяком трудном тексте — встречались и более

простые слова, с помощью которых можно начать расшифровку. Какие изумительные иероглифы, выписанные с тщанием и заботой... Мартин наше «ур», что значит «ласточка», затем «уаджет», левый соколиный Глаз Гора, который до сих пор можно видеть на аптечных рецептах, где он выглядит как иероглиф. По ходу чтения Мартин встретил картуш Нармера, первого фараона Древнего Царства. Один из кусочков текста стал ясен — «связь», — однако за ним шло непонятное число, написанное рядом с иероглифом «медь».

Постой-ка... Ого! Да ведь это похоже на инструкцию по созданию электрических соединений!

Помещение постепенно заполнялось душами детей. Пришла Пам и передала ментальную проекцию длинного туннеля с припаркованной автомашиной. Затем Джордж показал картинку со Скалистыми горами, вход в Шайеннский центр НОРАД, легко узнаваемый благодаря своим знаменитым стальным дверям.

При виде этого изображения генерал Ал Норт пришел в возбуждение, Мартин отчетливо ощущал его негодование. Но почему? Им было известно, что людские души где-то складированы, так что, вероятно, отсюда следует сделать вывод о том, что хранилище расположено под Скалистыми горами.

В голову — будто в руку — сунули карту в сопровождении алой вспышки гнева. Карту явно взяли с сервера «Гугл», ее центр находился чуть западнее Холкомба.

Мартина пробил дрожь. «Наезд», — мысленно скомандовал он, затем приблизился еще ближе. Сейчас масштаб карты позволял видеть индивидуальные дороги, более того, конкретный перекресток.

Он немедленно понял, почему серафимы с такой тщательностью «зачищали» данный канзасский район. Не только потому, что в нем жил Мартин и находился портал в другой человеческий мир, но и оттого также, что здесь хранились людские души: в географическом центре континентальных Соединенных Штатов, располагавшемся в нескольких милях от

поселка Лебанон, сразу за границей округа, к которому относился Холкомб. Вот тут, под этим перекрестком.

Должно быть, эта точка обладает невероятной геомагнитной важностью, хотя те люди, которые в свое время проводили измерения, наверняка нанесли результаты съемки на какой-нибудь легкомысленный кусок картона.

Хотя нет, не так. Их разум управлялся серафимами, они выполняли работу рептилианских геодезистов и инженеров.

Восторг, в который пришел Норт, передался Мартину в образе танца. В нем зазвучала музыка, весело тренькнули струны. Похоже, генерал уже давно пытался сообщить эти сведения, изнемогал от усилий достучаться до людей, которые вплоть до сего момента не обращали на него внимания.

Мартин не понял, каким образом все они очутились под землей, но зато обратный путь запомнился отчетливо: пришлось пробираться сквозь скальный массив такой невероятной толщины, что становилось не по себе. Его электромагнитное, крайне чувствительное тело перемещалось в плотном камне, вызывавшем приступы клаустрофобии.

Затем, безо всякого предупреждения, он вылетел в ночное шквалистое небо. На секунду глазам открылись канзасские степи, потом все заволгло тучами, но вот и они остались внизу. Вторая луна изливалась мягким светом на облачные башенки от горизонта до горизонта.

Мартина буквально тащило вверх; на одной из башенок он увидел смеющихся, поющих детей, манивших его к себе. Увы, среди всех этих детских лиц он искал и не находил только одно лицо: Уинни.

Над башенкой в высоком небе парили особняки и дороги, громадные и текущие голубые пространства... затем облака пропали, луны исчезли, сквозь Мартина прокатились волны чистого наслаждения.

Это было удовольствие от великой любви — зрелой, богатой и заполненной звучными обертонами долгой совместной жизни, — возвышенной версии той любви, которую он знал с Линди. Появилось и новое ощущение: кто-то невидимый

хотел войти в него, стать им... Кругом звучал детский смех, идеальную мелодию держал громадный хор...

Что-то больно хлестнуло по щеке.

— Отец! Отец!

А? Чего от него хотят? К раю явно не имеет никакого отношения, так что пусть оставят его в покое...

Очередной удар, на сей раз сильнее. Ну уж нет, убирайтесь прочь!

Опять?! Тьфу!

— Отец!

Тревор. Он здесь, физически, потому как не бывает душ с капельками пота на верхней губе. Сын зажмурился и — шлеп! — Мартин увидел звезды.

— Что такое? Почему ты меня ударил?

Мальчик упал ему на грудь, смеясь и всхлипывая одновременно, отчаянно стискивая в объятиях, будто не осмеливался поверить.

— Отец! Наконец-то! Мы боялись, что ты не вернешься!

В жизни Мартин не испытывал такой тяжести. Возвращение в собственное тело можно сравнить разве что с ношением свинцового пальто.

— Сколько... я?... — Он поник головой. Невозможно произнести вслух. Ведь он побывал в раю...

Тревор пожал отцовское плечо: «Я тоже там был».

Мартин пригорюнился. Не хотелось ни думать, ни разговаривать, ни слышать эти проклятые барабаны, вообще здесь находиться... Потому что он желал быть *там*, где ты никогда не устанешь дивиться распускающимся цветам. Суть бессмертия не в том, чтобы вечно жить в старом, знакомом мире, а в том, чтобы вечно открывать для себя мир новый, еще не познанный.

— Где расположен тот геодезический маркер? — спросил Тревор. — Кто знает, где он?

Поднялось несколько рук.

— В степи, неподалеку от Смит-центра, — сообщил Тим Грант. — Рядом с ним устроена часовня, человек на двадцать. А вообще место безлюдное.

— Ты забыл про миллионы украденных душ, которые держат под землей.

— Если верить книжке Уайли, именно туда попал Ал Норт, — заметил Тревор. — Пусть само хранилище находится в Канзасе, однако вход в него расположен в Колорадо, на той военной базе.

Мартину, впрочем, казалось, что Шайеннский комплекс не играет особой роли. Просто-напросто очередная рептилянская хитрость, отвлекающий прием.

Нет-нет, ключом является часовня. Если они туда доберутся, то смогут, наверное, найти уязвимость, которую стараются спрятать серафимы.

— Послушайте... Если задуматься над тем, с каким старанием они «зачищали» этот район Канзаса, принять во внимание степень их интереса именно к нашему округу — а ведь мы, в конце концов, живем в глухом уголке, — я бы сказал, что геодезический маркер действительно расположен над центром хранилища, именно там мы найдем их слабое место.

Атмосфера в палатке наэлектризовалась.

— Дотуда не так уж далеко, — раздался чей-то голос.

— Проникать внутрь придется в материальной форме, — добавил Джордж, — иначе мы не сможем воздействовать на материальные предметы.

Лязгом челюстей напомнили о себе «пастухи». Барабанички вновь взялись отбивать ритм.

— Я иду с тобой, — негромко сказал Тревор.

Мартин не ответил, во всяком случае, вслух. Конечно, сына здесь не удержать. Он встал, вслед за ним поднялся и Тревор, затем Пам. Впрочем, остальные продолжали сидеть. Ощущалось нечто общее в их настроении, какая-то договоренность, но что именно, он не мог разобрать.

Встал Майк. Его девушка вскрикнула, но тут же зажала рот ладонью. В следующую секунду она тоже вскочила на ноги, обняла его, и Мартин понял, что юные сердца этой пары давно уже обручены.

Она не вышла из палатки, осталась внутри в окружении малышей.

Сейчас лес притих, «пастухи» убрались прочь, не найдя в этом месте запаха страха. В западной стороне полыхали зарницы. Эти бури когда-нибудь закончатся? Видимо, нет, во всяком случае, не раньше чем серафимы прекратят мучить несчастную Землю. Поднявшееся океанское дно источает из себя потоки метана из гидратов и многомиллиардных тонн погибшей морской живности, не говоря уже про сероводород и прочие газы, которым Мартин не мог дать названия. Через несколько дней атмосфера изменится, серафимы смогут вдохнуть здешний воздух полной грудью, а люди и подавляющее число животных и насекомых вымрут.

Первая луна плыла в высоком небе, свет ее был ярким и горьким, а в ночи стояла такая тишина, что можно было слышать шепот травы, когда ее касался легкий ветер. Звук, знакомый любому канзассцу в предурожайный сезон.

— Стоп, — негромко скомандовал Майк.

Почувствовав неладное, Мартин убрал молитву на задний план подсознания.

Тревор показал вверх. Секунду-другую Мартин видел только небо. Затем на фоне луны мелькнуло пятно мрака, уродливое и рубчатое, как крыло летучей мыши. А вот еще... и еще... По мере привыкания глаз к темноте он смог проследить за движениями тварей в небе и сообразил, что там роится вовсе не парочка «козодоев», а целые дюжины — да нет, сотни! Настоящий столб, возносящийся на немыслимую высоту.

Тысячи тушек в лунном свете.

Что-то скользнуло Тревору в ладонь, и Мартин понял, что сын захватил с собой рептиляньское оружие, которое своей смертоносной мощью побивало даже внушительный арсенал Уайли и Ника.

— Ну вот что, — вдруг подал голос Майк. — Вы, доктор Уинтерс, опять взялись за свое, хотя остальные не испытывают никакого страха. И причина тут простая: мы делаем ровно то, о чем вы думаете. Поэтому, доктор Уинтерс, вы должны использовать свою молитву, держать ее в голове постоянно... потому что я почувствовал, что вы вот-вот приметесь раз-

мышлять о долине смертной тени, убаюкивать себя псалмом, — и я вам это категорически запрещаю.

Мартин послушно вызвал в памяти молитву Фрэнни и принялся повторять ее вновь и вновь. Конечно, он не был верующим человеком. Если на то пошло, его можно было назвать «христианином джефферсоновского толка», другими словами, почитающего Христа как человека, но не принимающего идею воскрешения. Да и Зуи, надо полагать, был совершенно прав, заявив, что молитва, взятая сама по себе, является лишь формой эгоцентризма...

Он встrepенулcя. И Майк, и другие дети — все они пристально смотрели на Мартина.

...Четырнадцать частей Озириса.

...Четырнадцать стояний Крестного пути.

...Четырнадцать сакральных построек.

...Четырнадцать черных линз...

— Теперь вы видите, доктор Уинтерс?

Он кивнул, хотя на самом деле до сих пор терялся в догадках. В прошлом под великим магическим числом понималась семерка, цифра полной октавы и завершенной жизни. Но что могло символизировать число «четырнадцать»?

— Это число воскрешения, ключ к небесам, — сказал Тревор, — а серафимы ненавидят энергию воскрешения, потому что им она недоступна. Вот почему они воруют души: чтобы в похищенной доброте ощутить вкус рая. Вот причина их появления здесь. Они пожаловали вовсе не за рабами и земельными участками, а за людскими душами.

Они пересекли разоренный лес, мимо вывернутых с корнями деревьев, прошли по задним дворам полуразрушенных домов, за которыми высилась чудом уцелевшая белая колокольня методистской церкви на Третьей улице, и, самое главное, им удалось выскользнуть из-под столба «козодоев», которые не могли их видеть, потому что не находили следов страха.

Добравшись до лужайки семейства Пам, он обнаружил, что ее жилище тоже пострадало, хотя не от бури, а от рук серафимов, которые — спохватившись, что некоторые из жертв

вдруг обрели новые способности в результате вторжения, — разнесли их дома на куски в поисках любых крупниц информации об этих зловредных микробах.

Пам припустила бегом и скрылась в руинах. Внутренним взором Мартин увидел вспышку-картинку, ключ от замка зажигания крупным планом, однако знал, что в первую очередь сердце влекло девушку к ее старой комнате и комнатам всех тех, кого она любила. Мартин видел Пам стоящей посреди оплавленных, перекрученных останков семейного очага и понимал, что сейчас она испытывает уже знакомый ему страх и гнев от созерцания уродливой мешанины, в которую была превращена часть ее жизни.

Никто не промолвил ни слова, это было ни к чему, потому что каждый мог явственно ощущать ее ярость, даже Мартин, — а еще через мгновение он услышал нарастающий шелест крыльев и отчаянные вопли «козодоев», которые воспринимали ужас девушки в образе яркой путеводной звезды.

«Приводной маяк» немедленно погас, едва Пам сообразила, к чему ведут ее несдержанные эмоции.

Все замерли. На высоте едва ли сотни футов кишел рой летучих шпионов. Из темного леса донесся лязг и скрежет «пастухов», которые уже маршировали в их сторону, клацая стальными челюстями.

На подъездной дорожке стоял пикап, однако вблизи выяснилось, что он был усеян крошечными дырочками в форме кратеров. Неподалеку от машины лежали темные груды: то ли наваленная ворохом одежда, то ли расстрелянные люди — сказать было невозможно.

Когда все уселись, Пам вставила ключ в замок.

— Если бывают на свете чудеса, то сейчас самое время... — прошептала она.

Двигатель скрежетнул, заглох.

Тут же раздался тяжелый удар, и потолок кабины продавился настолько глубоко, что ударил Мартина по темени, вынудив пригнуться, что вышло весьма кстати, поскольку металл уже раздирали гигантские когти.

— Отец, еще ниже!

Вновь неохотно зарычал мотор.

— Ну пожалуйста! — взмолилась Пам.

Кабина была глубокой, сдвоенной, и Тревор с Майком забрались в самый дальний уголок. Затем и Тревору пришлось улечься между сиденьями, когда с неба спикировала пара «козодоев». Птицы энергично вертели шеями, а клювы, усеянные узкими зубами, широко разевались при каждом вопле и схлопывались с грозным лязгом.

Приземлились и другие птицы, затем еще и еще, пока наконец Мартин не раскашлялся от их вонючего дыхания, мешанины из сероводорода и гнили, из-за которой начинало драть в горле.

Один из «козодоев» пробил лобовое стекло, и его зубы оказались в опасной близости от Мартина. Не вставая с пола, Тревор выстрелил.

Грохота не было. Птичья голова попросту развалилась на куски, верхняя и нижняя челюсти ударились в противоположные дверцы, глаза взорвались облаком студенистого крошева, откуда торчал исполосованный язык. «Козодой» выдернул изуродованную морду из кабины и свалился на асфальт, отчаянно вопя и хлопая пятидесятифутовыми крыльями с такой силой, что вздрогнула земля.

Под завывания и рев остальные птицы поспешно отлетели прочь и закружили в воздухе, как поденки над ручьем.

— Слава тебе, Господи... — пробормотала Пам, когда мотор наконец завелся. Она включила передачу и быстро выехала на улицу, попутно раздавив раненую тварь, которая билась, визжала и царапалась под колесами подсакивающего пикапа.

— Извините за задержку, — сказала девушка.

Они добрались до Харроу, где ненадежный, истерзанный грузовичок сменили на другую машину — полицейский автокар Бобби, который с распахнутыми дверцами стоял на перекрестке Главной и Школьной улиц. Ключи болтались в замке, бак был полон еще на четверть. Вдобавок между передни-

ми сиденьями торчал охотничий карабин. Все залезли внутрь, за руль сел Мартин.

В полном молчании они проследовали по 36-й автотрассе, совершенно безлюдной и пустой, если не считать отдельных брошенных машин.

— Какое страшное оружие... — заметил он Тревору.

— Патроны на исходе, — пожаловался сын.

— Я чувствую приближение рептильянского света, — вдруг сказал Майк. — Надо торопиться.

Мартин оглядел небо, выискивая какой-нибудь оранжевый диск. Ничего не нашел, но все же выжал педаль газа, разгоняя полицейский автокар до ста двадцати, затем и до ста тридцати миль в час. Спасибо Бобби: он держал машину в отличной форме.

— Здесь направо, — посоветовал Майк.

— Как? Я думал, мы едем в Смит-центр...

— Маркер находится на сто девяносто первой трассе.

Мартин свернул на север, к 281-й. Поля лежали вспахан-ными, но в целом местность была совершенно пустынной.

— Налево, — сказал Майк.

Примерно через милю Мартин увидел небольшой монумент, стоявший у самой дороги. Неподалеку от него находилась скромная деревянная часовенка.

— Ну вот, — кивнул Майк, — добрались. Что теперь?

Все вышли. Мартин захватил с собой карабин.

Майк протянул руку, и мужчина, поколебавшись, отдал оружие ему.

— Восьмизарядный, — сказал подросток. — Полуавтоматический.

— Ты смотри, поаккуратней с ним. Он заряжен.

— Разберемся.

Мартин направился к часовне, выкрашенной белой облупившейся краской. Дверь оказалась не заперта и распахнулась от толчка рукой. Несколько лавочек, стол, на стене распятие, причем не вполне обычное, поскольку все его четыре оконечности были одинаковой длины. Кто мог поста-

вить такой крест в сельской канзасской глуши? Символ этот очень древний, ибо солнечный крест обозначал солнцестояние и равноденствие, был связан с глубинами человеческой памяти и знаний, бравшими свое начало во времена, когда люди мыслили не так, как сейчас, а творили чудеса, потому что полностью отдавали себя Богу и действовали, следуя тончайшему инстинкту, а не результатам мучительных раздумий.

— Кто она такая? — вдруг спросила Пам.

На секунду Мартин замер в недоумении, затем тоже ее увидел: в углу часовни стояла тень, до того неподвижная, что поначалу казалась всего лишь сгустком мрака, но вот глаза... сверкающие, да и сама она такая гибкая, хищная...

Дженнифер Мазл прыгнула на Мартина. Мгновением раньше он принимал таинственную тень за статую, в следующую секунду уже лежал на полу, сбитый с ног.

Рептиляньские лапы стиснули шею, сдавили горло так, что голова чуть не лопнула, в окна хлынул плотный свет, в дверь ударило могучей волной, вылетели стекла, а створку сорвало с петель и швырнуло в противоположную стену, сбив при этом распятие.

Мартин смотрел в поганую морду, в вытарашенные глаза, с которых слетели контактные линзы, обнажив вертикальные зрачки серафима. В свете, залившем часовню, он видел детей, которые двигались без суеты, целенаправленно. В голове стоял шепот их мыслей.

Майк дернул голову Мазл назад, рептилянка распахнула вопящую пасть, и оттуда вывалился длинный черный язык. Тревор сунул дуло карабина ей в глотку и нажал спусковой крючок. Жилистое тело отшвырнуло к стене, голова разлетелась на ошметки, фонтанируя зеленой кровью.

— Осторожно! Свет!

— Мартин, избавьтесь от мыслей! — крикнула Пам.

— Отец, не думай!

Когда Мартин сосредоточился на собственном теле, он почувствовал, как возвращается душа, и сообразил, что подлый свет пытался тайком ее похитить, а он этого даже не заметил!

Тем временем Пам прошла в угол, где до этого стояла Мазл, — и исчезла.

Первую секунду Мартин полагал, что девушка проникла сквозь закамуфлированный портал, однако гулкий звук шагов объяснил ему, в чем дело. Хитроумные двери вроде этой уже встречались ему в ряде египетских храмов, а особенно в перуанском Куско, — двери, о существовании которых вплоть до сегодняшнего дня ведали только индейцы инка. Но найти нечто подобное в Канзасе... Факт, достойный изумления.

Уделяя внимание лишь дыханию и телесным ощущениям, оставив позади все мысли и страхи, он обнаружил, что способен двигаться в свете без затруднений, не подвергаясь опасности. Дети, к примеру, вообще не придавали этому значения.

Мартин пересек полуразрушенную часовню, очутился в углу, почувствовал, как что-то плотное отодвинулось во мраке, затем ноги нащупали крутые черные ступеньки.

Итак, они одолели погибельный свет, и если бы только человечество вовремя научилось разбираться в собственной душе, весь мир сумел бы повторить то же самое. Увы, серафимы заразили нас ложью, что мы, дескать, представляем собой лишь вещественные тела, что нет никакой души, открытой для познания и науки... Да и сама наука якобы представляла собой странное занятие, не имевшее отношения к царству Божьему, в то время как на самом деле любая подлинная наука так или иначе касается рая и просветленного состояния, именуемого сатори.

По мере спуска менялся характер воздуха, он становился плотнее и теплее, появился затхлый запах. Давала о себе знать атмосфера Аваддона, которая скоро объемлет весь мир. Рептилянский воздух был тяжелее и в первую очередь заполнял углубления и низины.

Мартин замыкал вереницу, громыхая по чугунным ступенькам. Снизу просачивался слабый свет. Над головой нависал лишь мрак.

Прошло много времени, а лестница и не думала кончаться, и Мартин припомнил пассаж из книги Уайли, где рассказывалось о спуске Ала. Генерал очутился на глубине нескольких миль под землей.

Свет потихоньку усиливался, принимал все более отчетливый голубоватый оттенок, внутренности узкого колодца проявлялись на глазах.

— Это наш поводырь, — сказал Майк.

Мартин знал, что голубой свет души являлся также цветом добрых миров, в то время как Аваддон был бурым. Земные миры, напротив, носили бледно-голубой оттенок, причем не только из-за воды и неба, но также и благодаря свечению душ усопших.

— Мы все правильно делаем? — спросил он.

Они спустились на добрую пару сотен ступенек, и Мартин начинал страдать от клаустрофобии. Пришлось отогнать мрачные мысли о глубине или тесноте. К слову сказать, чтение главы о спуске Ала под Шайеннский комплекс далось ему нелегко, потому что он на личном опыте знал чувства человека, окруженного со всех сторон камнем.

— Боже милосердный... — донеслось снизу восклицание Пам.

— Что?

Мартин достиг последней ступеньки. Поначалу в глазах запестрило от обилия цветов — золотой, зеленый, красный, желто-коричневый, — не позволяя разобрать, что к чему. Затем он понял. «Это самое удивительное помещение в мире». Конечно, Мартин уже видел его, но из астрала, без той особенной живости красок, которые дают настоящие, телесные глаза.

— Отец, не возбуждайся. Спрячь мысли.

— Но разве можно в таком месте ни о чем не думать?! Неужели ты не видишь, где мы? Именно здесь я читал те иероглифы. А сейчас попал сюда во плоти... и кругом — ты посмотри только! — все яркое, живописное. Кстати, вот самый великолепный образчик барельефа эпохи Древнего Царства на

нашей планете. Хотя находимся мы в самом центре Соединенных Штатов!

— Отец, послушай. Если ты не утихомиришься, нас ждут серьезные неприятности. Тем более что здесь тебе не Соединенные Штаты. Это Аваддон, и стоит им сообразить, что мы сюда проникли... Тогда все, пиши пропало.

— Получается, мы пересекли портал?

— Да нет же, находимся мы на Земле, но окружены физической реальностью Аваддона.

— Хватит болтать, — вмешался Майк. — Время не терпит. Пошли разведем, что здесь к чему.

Вслед за подростком Мартин пересек комнату, где Ала Норта лишили жизни и души. Впереди их ждал низенький дверной проем, являвшийся, по сути, источником того живого света, который пронизал плоть и заставлял плакать от одного лишь прикосновения.

И здесь Мартин понял почему. Он находился в пещере, залитой голубым огнем: настоящий подводный грот, которого коснулся свежий солнечный луч с поверхности. Внизу расстилалось море стеклянных ламп, каждая три фута высотой, стоит на громадном черном цоколе, все колбы светятся... Точные подобию настенных изображений храма в Дендере, однако с той разницей, что огоньки под стеклом прыгали, метались, мучительно извивались, заполняя помещение вечным мерцанием.

Сначала Тревор, затем Пам и Майк — все медленно опустились на колени. К ним присоединился и Мартин, потому что здешний свет был не просто живым, но прямо-таки сочился воспоминаниями, в которых проглядывали миллионы летних рассветов, роса на лепестках, картины борьбы и счастья — и даже звучали голоса, чей хор не поддавался исчислению.

Здесь пребывал цвет человечества.

— Отец, что нам теперь делать?

— Понятия не имею.

ГЛАВА 23

УНИОНИСТЫ АВАДДОНА

21 декабря, последние часы

Уайли понял, что его обвели вокруг пальца, когда за окном ящика увидел все те же проклятые торговые улочки. Вдоль обочины были навалены груды сельскохозяйственного инвентаря, бухты веревок, корзины и малярные кисти, топоры и мачете, отполированные до блеска.

Пусть он тоже оборотень, но принадлежит все-таки другой стороне. Унионист — это Уайли сейчас отчетливо помнил. Они оказались правы, считая его разведчиком. Он и был им, правда, не очень умелым, коль скоро позволил ухватить себя за задницу в самый неподходящий момент.

Уайли придирчиво осмотрел каждую пядь своей передвижной темницы, однако выяснилось, что чертов ящик был прочен, как сейф. Время от времени возница распахивал лючок и испражнялся внутрь. Уайли старался держаться подальше, но вот от запаха спасения не было. Праздный вопрос: его фекалии тоже желтого цвета?

Повозка остановилась, хотя дошло не сразу, что поездка закончилась. Последовала серия щелчков, дверь прошипела и распахнулась. Снаружи по-прежнему грязно-бурое небо, от которого болят глаза.

Кажется, наступает кульминационный момент, расплата за ошибку.

— Скоро ужин, — сообщил его тюремщик. — Мне обещали отдать твои руки.

Его *руки*. Господи, что за место такое... Пока Уайли болтался в ящике, не оставалось ничего иного, как размышлять о прошлом. Если присмотреться — в смысле, повнимательнее, — то не обнаружится никаких следов Уайли Дейла до 26 декабря 1995 года, той даты, когда он совершил переход в человеческую жизнь, которую для него столь тщательно под-

готовили. Организация, которая направила его на Землю, заранее пустила слух о существовании романиста «Уайли Дейла», однако «Дни чужаков» — книга, написанная им собственноручно, была на самом деле искаженным воспоминанием о его прибытии в однолунный мир.

Когда глаза привыкли к свету, он обнаружил, что находится перед гигантским зданием, чья уменьшенная копия была ему хорошо знакома: речь шла о штаб-квартире тайного общества «Череп и кости» Йельского университета. Реальный же прототип, как выясняется, был чудовищным, уродливым монолитом высотой футов двести.

По контрасту с остальной частью города, где звучала мешанина из воплей, визга, рева, паровых свистков, грохота колес, гиканья, смеха и прочих менее разборчивых звуков, здесь царила полнейшая тишина.

Общество «костевиков» было основано Уильямом Расселом, чей сводный брат Сэм занимался поставками опиума в Китай, когда англичане решили вернуть то золото, которое они потратили на импорт китайского чая. К чести других британских капитанов, следует отметить, что они отказались принимать участие в торговле наркотиками, пусть на дворе и стояла всего лишь середина девятнадцатого столетия. Зато у Сэма Рассела совесть промолчала.

— Ну, доволен? — спросил он ухмыляющегося тюремщика.

— Ясное дело.

— Чтоб ты подавился моими пальцами, черт проклятый.

— Ничего, под соус все проскочит.

— На двухлунную Землю собрался?

— Как же, туда задаром не пускают.

Похоже, рептиляньские толпы променяют одну нищету на другую.

— А сколько это стоит?

— Все, что у тебя есть. Если повезет. К примеру, за моего искусственного сирикса с больной челюстью и вот эту телегу билет не купишь, хотя для меня это целый дом, я в нем живу. Когда он не занят.

— Стало быть, ты бедняк?

— Беднее некуда, и вот почему я... — Возница умолк, насторожился, и Уайли последовал его примеру. Донесся унылый вой, смахивающий на погребальный плач, поначалу тихий, но с каждой секундой громкость нарастала.

— На колени!

Уайли не стал спорить. Едва он успел пригнуться к жесткой земляной корке, из которой торчали крошечные кулачки грибов, похожих на миниатюрные человечьи мозги, с неба на них свалилась кавалькада летучих мотоциклистов в золотой металлической униформе, полированных золотых шлемах и масках. Зависнув на высоте примерно одного фута, они принялись чего-то ждать, взреывая двигателями неукротимых серебристых машин.

Через несколько секунд раздался мягкий шелест, появился аэрокар, который можно сравнить разве что с драгоценным камнем.

Уайли, конечно же, знал, кто его владелец: маршал Самсон. Возница меж тем смиренно опустил голову; есть смысл сделать то же самое. Металлический щелчок, приближаются чьи-то шаги, останавливаются рядом.

— Привет, Уайли. — Голос чуть ли не причмокивал от удовольствия. — А ведь я с самого начала тебя подозревал. Так и говорил себе, мол, не иначе, это Уайли... Знаешь, я впечатлен. Да-да. Ей, разумеется, я не мог этого сказать, но должен признать — операция была гениальная.

— Спасибо.

— Кстати, я только что закончил насиловать твою жену... Взять его!

Последовал могучий удар в спину, Уайли подхватили и швырнули в беззвучно распахнувшиеся двери, за которыми находилось нечто вроде пещеры.

Когда он пересек темный коридор и Самсон отпер внутреннюю дверь, при виде широченного золотого пола в Уайли пробудились воспоминания. Именно этот паркет послужил причиной скандала и раскола, стал в унионистских гла-

зах символом алчности самодержавия, которое заправляло этой стороной планеты.

К ним навстречу вышла высокая, усыпанная драгоценностями женщина с безукоризненно уложенными белоснежными волосами, облеченная в самые дорогие одеяния из всех, какие только видел Уайли. Лицо было столь белым, что буквально светилось; чешуйки прельщали своей крохотностью, черты лица отличались изысканной тонкостью. Он знал, что перед ним стоит печально знаменитая властительница этого мира, Ехидна, чей род на протяжении неисчислимых тысячелетий владел контрольным пакетом Корпорации.

Все самки, занимавшие эту должность, именовались Ехиднами. Когда одна изнашивалась, ее тут же меняли на клона без каких-либо публичных объявлений. Вопрос о наследовании вообще не поднимался — в отличие от Униона, который представлял собой примитивную демократию, в которой постоянно кипели страсти.

— Заходи, Шпион, — сказала она. — Хочу позлорадствовать перед ужином.

Очутившись в громадном зале, Уайли увидел Ли Раймонда, Роберта Мугабе и Энн Коултер, занятых игрой в кости на столике, сделанном, по-видимому, из цельного куска огромного сверкающего бриллианта чистой воды с изумрудной и рубиновой инкрустацией. Игра была ему знакома. Она именовалась сенет и являлась древнеегипетским предшественником триктрака, известного также под названием нарды. В людском мире истинные правила сенета были неизвестны, серафимы позаботились о том, чтобы их скрыть, но здесь, где не было нужды таиться, любители сенета делали ставки на души.

Уайли не был уверен, что игроки являются землянами; возможно, они просто похвалялись своими достижениями, а посему сохраняли человеческий облик.

— Я и не подозревал, что вы настолько глубоко просочились в земное общество.

— К сожалению, этого нельзя сказать про оба людских мира. Боюсь, пока что придется довольствоваться только од-

ним. — Ехидна подмигнула. — Но зато он наверняка станет нашим. Понятно, унионистская падаль?

Коултер тем временем обернулась рептилянкой весьма болезненного вида с крупными бородавчатыми чешуйками. Ее черный язык то и дело облизывал игольчатые зубы, пожелтевшие от чрезмерного увлечения жевательным табаком. Уайли понял, что она его вожделеет. Мугабе — который, судя по всему, был ее супругом — засеменил вслед за Коултер, пытаясь прикрыть ее наготу плащом.

— Энн хочет тебя поиметь перед трапезой, — пояснила Ехидна. — Она любит насиловать еду.

Они приблизились к высокому окну, зашторенному плотным занавесом.

— Открывайте! — рявкнула Ехидна в сторону Самсона. — Вот, проклятый унионист, полюбуйся!

Увидев вблизи черную стену со множеством громадных рычагов, Уайли догадался об их назначении. Эти скалярные органы управления, как ему было ведомо, относились к линзам, расположенным на двухлуинной Земле. В ту же секунду, однако, занавес распахнулся, и он узрел лужайку (до того зеленую, что возникало подозрение на вмешательство маляра), заполненную толпой разодетого народа. Среди рептилян попадались и люди, по крайней мере если судить по их внешнему облику. Конечно же, здесь нашлось место и политикам (этих было особенно много, причем все до единого улыбались), и военным, чьи мундиры выдавали принадлежность доброй дюжине стран, и представителям различных королевских семейств, рок-звездам, президентам корпораций, медийным персонажам, проповедникам, муллам, гуру — словом, общественных, моральных и политических лидеров всех мастей. Среди толпы сновали нагие юные рептиляне обоих полов, чья чешуя была отбелена до такой степени, что придавала своим владельцам вид серебряных монеток, едва вышедших из-под пресса. Они разносили подносы, полные жареных пальцев, ушей и бокалов шипящего шампанского.

Сбоку от лужайки размещался длинный ряд хитроумных газовых мангалов, выполненных в черных тонах с хромиров-

кой. Уайли узнал модель «Стартморс», коль скоро именно такая стояла у него на заднем дворе дома. Впрочем, здешние жаровни были чуть ли не промышленными, с двенадцатью горелками вместо обычных четырех. Кое-где на вертелах извивались, сучили ногами еще живые жертвы. Позади каждой жаровни стояло по столбу с растянутой, свежесодранной бледной кожей, свидетельствовавшей о юности бывшего владельца и, стало быть, сочности приготавливаемого кушанья.

Ехидна показала на пустой вертел:

— Это для тебя.

Уайли захотелось удрать, провалиться сквозь землю, покончить с собой... что угодно, лишь бы избежать участи, казавшейся неотвратимой. Однако он понимал, что за пиршеством стоит кое-что еще: званый ужин давали отнюдь не по поводу его поимки, по крайней мере не только. Здесь отмечали колоссальное событие, которое должно было произойти в долине позади небоскреба.

Там, в центре низины, находилась огромная круглая линза чистейшего черного цвета, в чьей зеркальной поверхности отражалось болезненное солнце. А вокруг линзы, простираясь во все стороны, стояли многомиллионные концентрические ряды серафимов, готовых по первому сигналу хлынуть сквозь портал. Он видел мужчин, женщин и детей, слышал клекот сиринксов, писк и уханье прочих животных — но самое главное, поверх всего этого шума стоял раздраженный визг самих серафимов, споривших за место в очереди и обвинявших неуклюжих соседей в попытке разбить корзины, полные удлинённых черных яиц, которыми были заняты руки всех женщин.

Уайли смирился с тем, что сегодня ему предстоит умереть. Он прожил годы в крайне опасной обстановке, со стертой памятью, и, надо думать, это был лишь вопрос времени, ему так и так было суждено наткнуться на небольшую дверь в лесу. С другой стороны, он любил свою семью, энергичную, немножко вздорную, но самую-самую замечательную. Что с ними станет? Может, они тоже оборотни и давали себе разрядку, возвращаясь к прежнему облику? На ночь дети с головой заку-

тывались одеялами, Брук любила по утрам надолго уединяться в ванной...

Энн скользнула ближе, и ему пришло в голову, что тут есть шанс внести в праздничную атмосферу кое-какую сумятицу. В этом кастовом обществе Коултер наверняка обладает определенными привилегиями. Время работало против Уайли, однако отвлекающий маневр все-таки не помешает.

Он повернулся к ней:

— А по-другому никак нельзя?

Энн уперла руки в бока:

— То есть?

Уайли направился к ней — а заодно и к стене, перед которой она стояла.

— Стража, — лениво бросила Ехидна, — глаз с него не спускать.

Самсон тут же шагнул вперед, а за ним и весь тяжелооруженный почетный эскорт.

Уайли, разумеется, до сих пор был связан, однако сумел-таки допрыгать до Энн Коултер. Ее чешуя вздулась, пошла волнами, из-под век начала сочиться черная субстанция, воющая серой.

— Энн, — прошипел ее супруг, — вы себя компрометируете!

От самки повалил пар. Она обожала связанных мужчин, это было очевидно.

Уайли понял, что если у него есть хоть какой-нибудь шанс, то его надо реализовывать именно сейчас. Он распахнул рот и облизал зубы, старательно подражая местным шлюхам.

Энн хихикнула. Ее дыхание несло с собой прелый запах смерти.

— Эй, кто-нибудь! Детей хотя бы уведите! — крикнул Мугабе. Действительно, рядом уже собиралась стайка малышей, желавших понаблюдать за веселым представлением.

— Это часть их воспитания, — заявила Ехидна. Сейчас к ней присоединился ее супруг. Уайли позабыл имя громадного, импозантного самца с мерцающей кожей и бдительным взглядом, одетого в блестящий черный костюм. Во всяком

случае, здесь речь тоже шла о древнем правителе, принесшемся сквозь века на гребне пенистой волны из бесчисленных клонов.

Уайли запрокинул голову, и от поцелуя Коултер рот заполнился вкусом чужой табачной жвачки.

Он прыгнул вперед и вверх, вложив в это единственное движение все силы, сердце, душу и разум. В отличие от людей рептилияне не ведали множества физических ограничений. Они не испытывали особенной боли, любви или удовольствий, хотя отличались чрезвычайной силой, и Уайли тоже был силен, поддерживал себя в прекрасной физической форме — и сейчас понимал, откуда в нем такая страсть к физическим упражнениям. Взять хотя бы тот случай в бассейне фитнес-клуба в Уичито. Помнится, он напугал народ, когда стремглав носился от одного бортика к другому, орудуя руками и ногами как машина. Тогда он не догадывался, откуда у него такое тело, и знал лишь одно: ему требуются плавание, бег, бокс, карате, все прочие спортивные дисциплины, которым он предавался с наслаждением, можно сказать, пожирал.

Стражник с самого начала совершил роковую ошибку. Он видел в Уайли лишь человека, а посему связал тоже как человека, стараясь не испортить нежную кожу куда более хрупкого создания, нежели серафимы. Вот почему Уайли с легкостью разорвал путы на руках.

К сожалению, у него отобрали оружие. Сначала специально позволили поносить, чтобы он проникся некоторой надеждой, а потом забрали — и очень радовались его горькому разочарованию. «Продам, — заявил стражник, вытаскивая «магнум» из-под пояса Уайли. — Говорят, такие штуки высоко ценятся».

На краткий миг между Уайли и пультом управления никого не оказалось. Он наудачу дернул один рычаг, затем другой, потом еще и еще... Он даже заурчал от удовольствия, что все так ловко вышло.

Взревела Ехидна, ее супруг — Белет, всплыло в голове — прыгнул на Уайли, но в полете врезался в Мугабе, который не успел уйти с дороги. Обернулся Самсон, и Энн Коултер

вдруг полоснула по нему свежесрезанным ножом, распоров кожу и обнажив мускулы. Генерал взвизгнул. Конечно, приятно, когда с тебя сдирают старую, линяющую кожу, однако получить таким ножом по живому мясу... Чистая пытка.

Коултер — унионистка! Ее человеческий камуфляж гениален: она с такой одержимостью проповедовала конечные цели Корпорации, что заставляла людей корчиться от смеха.

Уайли подскочил, ногой ударил Белета в голову, почувствовал, как лопнул череп. Забрызганный собственными мозгами, что-то бормоча, король повалился спиной вперед на подбежавшую стражу.

— Аэрокар Самсона! — крикнула Энн. — Живее!

— Но там чья-то душа!

— Я знаю, идиот! Шевелись!

Негромкий, шепчущий треск, и Коултер разлетелась на тысячу красных кусков. Стражник развернул пулемет на Уайли, тот нырнул ничком, заодно пихнув Ехидну на линию огня.

Ноги вместе с нижней частью туловища королевы брызнули фонтанами крови, самостоятельно пробежали несколько шагов и повалились возле изумленного стражника, в то время как верхняя половина мокро шлепнулась на пол, издавая шипящие вскрипы, размахивая руками и выдирая собственные волосы под радостный гомон детей, которые принялись происходящее за веселую игру и окружили разорванную Ехидну хероводом, пиная ее в голову и грудь.

Под треск пулеметов Уайли кинулся на выход, сверху на липких канатах съехали охранные «пастухи», но он уже был снаружи, где его поджидал аэрокар. Мотоциклетный эскорт аккуратными рядами стоял рядом, однако на машинах не было седоков.

Он уронил мотоциклы на бок, как фишки домино, нырнул внутрь аэрокара. Из всех сил дернул дверцу вниз, ожидая, что душа, выполнявшая работу шофера, станет сопротивляться попытке угона.

— Здравствуй, брат, — промолвил аэрокар, и при звуке этого голоса Уайли пережил потрясение, словно его окатили

ледяной водой или он стал свидетелем самого первого утра новорожденного мира.

Он не слышал родного брата лет тридцать, но обмануться было невозможно.

Старший брат служил в армии и погиб от рук корпоративных наемников, которые похитили его душу, когда Уайли был еще маленьким. В гостиной их дома, под стеклом, хранились его многочисленные ордена и награды, среди которых имелась даже «Медаль за доблестную службу». Уайли отправился в земной мир потому, что такой поступок требовал отваги, а он хотел доказать, что тоже способен на героизм ради защиты Униона.

Машина взмыла в воздух.

— Брат, — сказал он, — они украли твою душу?

Аэрокар не ответил, и Уайли пробило беспокойство. Аваддон был местом, где процветал обман... Что, если...

Впрочем, когда он глянул вниз, на линзу, то обнаружил, что там дела пошли из рук вон плохо. Свою привычную черноту линза сменила на сердитый красный цвет, в то время как ее поверхность кипела подобно магме. Окружавшая линзу чудовищная толпа тщетно пыталась вырваться из ловушки, однако линза не давала рептилиям убежать, и они валились в нее со всех сторон. Над этим колоссальным кострищем вздымались облака пара и дыма.

— Они гибнут? — спросил Уайли.

— Думаю, они проходят через портал. Но это неправильно. Так нельзя.

— Брат, твоя душа все время была заточена в этой машине?

— Черт возьми, нет, конечно! Аэрокар я украл. Вчера. Я вообще постоянно перепрыгиваю из тела в тело. Для меня физический организм — все равно что акваланг, с которым я ныряю в вещественный мир. К тому же... Ай-яй-яй!

По днищу простучала раздраженная дробь, машина тут же подскочила вверх, и от резкой перегрузки потемнело в глазах. Когда Уайли пришел в себя, мимо окон проносились вспышки.

— Страйдерная пушка, — пояснил его брат.

Речь шла об оружии, которое стреляло импульсами дискретной сверхвозбужденной электронной плазмы, и каждый такой сгусток был способен превратить любой аэрокар в щепотку золы.

— Выводи нас из-под огня!

— Я?! Я же не умею!

— Ты еще в подростковом возрасте был отличным пилотом.

— Откуда ты знаешь? Ведь ты был... мертв.

— Я просто оперативник, как и всякий другой член нашей семьи. Специально подстроил все так, чтобы Корпорация решила, будто поймала мою душу.

Злой алый свет заполнил салон, и машина бешено закувыркалась в воздухе.

— Вспоминай свои летные навыки! Скорей!

От этих слов прорвало плотину памяти, и перед глазами Уайли встала картинка: он сидит за пультом управления аналогичной машины, орудует двумя рукоятками, стреляет в небесные мишени и в целом отлично проводит время в учебных воздушных боях и при отработке маневров уклонения.

Уайли мечтал о карьере пилота, однако тесты на профпригодность выявили несомненные способности к разведке, к тому же — сообразил он задним числом — наверняка вмешался брат, который к этому времени уже был агентом-оперативником. Сейчас это всплыло в памяти: вся его жизнь мальчишкой-унионистом, обучение... и кое-что еще, до того мучительное, что он поморщился, как от боли. У него была девушка. Более того, они поженились. Да-да, здесь, на Аваддоне, на территории Униона, который оставался единственным нормальным местом для жизни, у него была семья.

Машина затряслась, последовала очередная вспышка, и на сей раз салон заполнился дымом. Сработала пожарная сигнализация.

— Управляй!

Уайли схватил рукоятки, бросил аэрокар вбок, заметил внизу характерный всполох страйдерной пушки, тут же к ней развернулся, опустил нос, полностью открыл дроссель и выжал рукоятки до отказа.

Аэрокар спикировал на пушку подобно ястребу. Плазменные сгустки заполнили небо. Артиллеристам приходилось теперь брать его в вилку, однако хаотичные броски машины означали, что сам пилот не был уверен, куда свернет в следующий миг.

Он был у них чуть ли не над головой, когда пушка перешла с прицельного огня на стрельбу по площадям. Плохо дело, законы вероятности теперь на их стороне.

— Ты безоружный? — крикнул он брату.

— Разумеется! Я же спортивная модель!

— Это я на всякий случай спросил. Держись крепче!

— У меня киль болит! Сейчас отвалится!

Понятно. В правильно спроектированной нервной системе одушевленной машины любые ощущения действовали так же, как и в обычном теле.

Уайли выровнял аэрокар в линию горизонта. Сейчас он барражировал над открытой местностью, прямо по курсу лежали охотничьи угодья какого-то вельможи. Очень впечатляющее зрелище, а загородные особняки вроде этого он уже видел в Англии.

— Дюжина перехватчиков на подходе, — сообщил брат.

Уайли нырнул в лес, завиялял между стволами.

— Ты меня разобьешь!

Он решил последовать совету, который Тревор дал своему отцу: выкинь лишние мысли. Его руки замелькали над консолью, машина пронзила лес, вынырнула на просеку, затем понеслась вдоль ручья. Здесь, далеко от города, загрязнение чувствовалось не так сильно, даже в пределах границ Корпорации, где простое упоминание глобального потепления грозило смертной казнью. Впрочем, у них практически любой поступок влек за собой высшую меру. Казни служили не только в качестве инструмента демографического контроля, но и отвечали на традиционное требование толпы: «Хлеба и зрелищ!»

Тут он увидел стену, которую правильнее было бы называть с большой буквы. Она была построена Корпорацией вокруг Униона. Серая массивная плоскость — и прямо перед ними. Уайли резко взял рукоятки на себя, мысленно взмолился, а в следующий миг все кругом переменялось.

Тучные поля, заросшие свабом и борогровом, фруктовые сады с плодовыми деревьями, чьи ветви гнулись под тяжестью зрелых ласкосов, спурлов и напов. Море зелени, а небо имело пыльно-голубой оттенок вместо грязно-бурого, и Уайли знал, что сегодняшней ночью удастся даже увидеть несколько звездочек. В этой стране было преступлением не упоминать глобальное потепление.

— Ну ладно, теперь я сам, — сказал аэрокар.

— Очень кстати, потому что я не знаю, куда лететь.

— Я уже передал наш пароль, но есть шансы, что ВВС вышлют ребят проверить, кто мы такие, так что нам лучше не дергаться. Маневры на уклонение противопоказаны. А вообще... мы дома, брат.

Сердце Уайли захолонуло при виде богатой зелени унионистской земли, пронесившейся под ними. Какие славные домики! Можно разглядеть даже узоры на ставнях! Большинство жителей Униона занимались фермерством, в том числе и сам Уайли. Глаз крестьянина сразу сказал ему, что кое-где поля были не убраны.

— Что-то припозднились они с урожаем.

— Это зима припозднилась, еще слишком тепло. Если сражается только одна восьмая часть планеты, нам не победить, мы лишь отсрочим гибель. В этом году Гольфстрим остановился на целых четыре месяца. Авалон практически вымерз, хотя здесь, в Ацтлане, почти весь маис выгорел от засухи.

— А что делается в Корпорации? У них наверняка те же проблемы.

— Там фермерство считается теперь противозаконным. — Брат сделал паузу. — Ты заметил, чем они сейчас питаются?

— Заметил...

Аэрокар приземлился на щебеночной дорожке возле скромного, выстроенного из песчаника дома, на чьих древних стенах едва проглядывали барельефы с изображениями змей, приносящих радость и удачу. Но это был родной очаг, то самое место, тоска по которому ныла разверстой раной в его душе все эти годы.

Уайли выбрался из машины.

— Жаль, что мы не можем зайти в дом вместе, — сказал он.

— Ничего, брат. Вот доведу дело до конца и навсегда вернусь в свое природное тело. С огромным удовольствием, между прочим.

— А пока что прикажешь мне в одиночку здесь болтаться?

Распахнулась деревянная арочная дверь. Оперевшись изящной когтистой лапкой на косяк, в тени стояла одинокая женская фигурка.

Не может быть!

— Талья?

— Актриэль?

— Да.

Утвердительный ответ вылетел машинально. Это было его настоящее имя, Уайли являлся сотрудником службы информации министерства обороны. После обучения на военного летчика он занимался разработкой директив и прокламаций, а в земной мир его направили благодаря литературному таланту и умению легко вступать в контакт.

Когда Талья вышла на свет, за спиной дважды просигналил аэрокар, после чего взмыл в небо и стремительно помчался обратно, на территорию Корпорации. Актриэль проводил его печальным взглядом; ему хотелось, чтобы брат вышел, но при этом он понимал, почему тот не мог свободно жить в своем настоящем теле даже короткий промежуток времени, ибо всякий раз это означало необходимость возвращаться к жалкому существованию, к мучительной работе.

Талья приблизилась с понурым видом, источая слезы. Он привлек ее в объятия, радуясь, что воистину вернулся домой, да еще из такой немыслимой дали.

— Я все позабыл, — сказал он.

Она ткнула носом ему в плечо.

— Но где твой муж, Талья? Где семья? Конечно, ты не одинока. Ведь минули годы.

Держась за руки, они вошли в приглушенно освещенный, уютный дом. Хлынули воспоминания, когда он оказался в просторном центральном зале, чьи белые стены и небесно-

голубой потолок были испещрены рисунками цветущих выюнков. Здесь находился очаг его матери, возле комода до сих пор стояли высокие отцовские сапоги, в которых он собирал урожай. Рядом — сапожки поменьше и покороче, которые надевались на прополку грядок.

— Ты до сих пор держишь ферму?

— Она была и пребудет всегда.

— Конечно.

Унионистская цель поддержания экологического баланса означала, что никакие изменения в характере землепользования не происходили без серьезного на то основания.

Она взяла его за руку.

— Я до сих пор нужна тебе?

Он обнял ее, ощутил биение двух сердец. Эта любовь... как мог он оставить ее? Вот его драгоценность, альфа и омега души. Ведь он мог крестьянствовать здесь вечно, не расставаясь с ней... так почему же он ушел?

И тут в памяти всплыл образ маленькой Келси, гордого и сильного Ника, детей обоих миров. Его детей, которые находились сейчас на переднем краю вместе с матерью, — и если он здесь останется, то тем самым бросит семью.

Мучительный момент, равного которому он еще не переживал. Красота супруги поражала, ее чешуйки были столь крохотными и бледными, что она выглядела как куколка. Волосы тончайшим облаком белого дыма плавают вокруг головы, глаза синевой соперничают с земным небом, а глубиной с бездонным океаном.

О, как он любил эту женщину, подругу юности и детства, драгоценную спутницу.

Но есть клятвы губ, а есть обеты крови, и его долг перед детьми на однолунной Земле был обетом крови.

— Я так рада, что все кончилось, — сказала Талья, заглядывая ему в глаза. Человечество запомнило серафимов Корпорации под именем нефилимов, архонов, демонов. А вот жителей Униона люди именовали ангелами или дайкини, небесными танцорами.

— Я тоже рад.

— Но ты вздыхаешь, о мой супруг.

Он прижал ее крепче. Здешние дома были простыми: большой центральный зал, в одном крыле кухня, столовая и кладовка, в другом — спальни. В таких домах они жили вечно, практически в буквальном смысле. Не имели возраста, здесь никогда ничто не старело. Унион пребывал в лоне Бога, а все остальное не имело значения.

Он позабыл, как чудесно могут пахнуть женские волосы, припорошенные цветочной пылью, которая и сейчас потихоньку осыпалась на сияющие брови и лоб, почти столь же мягкий, как и человеческая кожа. Красотой Талья не уступала Брук, однако полная правда состояла в том, что даже в глазах серафимов люди были невероятно прекрасны. Вот почему адепты Корпорации так любили их насиловать. Вот почему унионисты так дорожили ими и защищали как могли. В людях имелось нечто такое, что делало их близкими, очень близкими к Господу, и это заставляло защищать их и боготворить.

Келси, Ник, Брук. Дружище Мэтт. Сигары и абсент. Что за наслаждение принять образ человека, выглядеть человеком, целовать губы людей, гулять по их славным улочкам, заглядывать в священную синеву их небес, подставлять лицо чистому дождю и слушать ветер в ночи, смотреть телевизор, ходить в кино и жевать поп-корн, ощущать теплые человеческие ладони на его человеческой коже, погружаться в темные глубины женщины...

— Опять ты витаешь далеко, — промолвила Талья.

— Просто я переживаю потрясение. При виде тебя. От воспоминаний о тебе. От того, что... о, Талья, ведь я столько позабыл! — Он вновь притянул ее к себе. — И столько пропустил...

Впрочем, она отлично понимала и сама. Знала его до мелочей. Они с детства были вместе, вылупились в одной корзине, их яйца согревали одни и те же нянечки. Семьи задолго до их рождения решили тесно переплести судьбы своего потомства.

Он отвернулся, пытаясь скрыть слезы.

— Я принадлежу тебе, — сказал он, мучаясь болью от попытки разорваться надвое. Вновь обнял ее и вновь ощутил, как сильно тоскуют руки по Брук.

Они встретились глазами, где стоял молчаливый вопрос, несший в себе темный смысл. Затем она вскинула ладонь.

Мягко светилось ее кольцо из электрума. Его кольцо. Он взял ее пальцы и поцеловал. Она негромко, гортанно рассмеялась, и его захватило желание столь сильное, что из-под каждой шейной чешуйки выступили капельки. Она принесла полотенце, ласково вытерла ему кожу, и от этого прикосновения желание только усилилось, сейчас оно словно не вмещалось в границы его трепетавшей плоти, было непостижимым, запредельным, в буквальном смысле фантастическим.

Но если он это сделает, то не сможет покинуть ее; во второй раз такой поступок будет слишком жестоким. А ведь у него дети, семейный обет и еще одна любимая жена. Он знал, что как только окажется рядом с Брук, то потеряется в чудесах человеческой жизни и человеческой любви.

— Все решится через несколько минут, — негромко сказала она, закрыла деревянные ставни, и в вечернем свете он увидел ромб, висящий в воздухе. В его гранях отражался другой дом, где только что зажгли свет, и сейчас возле одного окна стояла небольшая фигурка.

Келси. Ждет, когда папа вернется домой.

— У меня есть мазь, которая делает изменение необратимым, — сказала она. — Выбирай.

Он взял ее за руки:

— Мы всегда знали, что это задание опасно. Сейчас у меня другая жизнь. Есть дети, которым нужен отец.

О, как он надеялся сейчас на чудо...

— Ты меня позабудешь.

— А ты найдешь кого-то другого, — возразил он.

— Пожалуйся, не смейся над моей любовью.

Он уйдет, оставив ее вечно тоскующей. О, если б только заранее знать, что все будет так сложно!..

Но ведь он знал. И она знала.

Талья принялась натирать его мазью, и он позволил ей это сделать. Снадобье проникало глубоко, в самые сокровенные уголки его клеток, и чем дальше, тем более странным

выглядел старый знакомый дом. Он заметил, что здесь держат ставни закрытыми; стульев нет, зато имеются трехногие табуреты; вот прялка и ткацкий станок, очень древние и явно используемые до сих пор, но кто, скажите на милость, в наши дни выделяет домотканое полотно? Вместо кухонной плиты — очаг из бутового камня, вместо кастрюль — чугунные горшки удивительной архаичной формы. Свечи взамен электричества... словом, чудеса, да и только.

Затем произошло неожиданное: она сама принялась натираться мазью.

— Нет-нет, ты не должна!

— Послушай-ка, солнце садится, и Келси, не ровен час, перепугается. К тому же Ник вполне может прострелить нам головы, если мы появимся возле дома в темноте.

— Брук?!

— Что? Ты удивлен?

Выходит, Талья была с ним всегда. Пока они меняли серафимский облик на человеческий благодаря мази, он обнял ее и воскликнул:

— Так это ты и есть! И ты все это время знала?

— Ничего я не знала, пока не отправилась вслед за тобой через портал Самсона. Вот тогда и поняла.

— Тебе удалось улизнуть от Корпорации, вернуться домой и встретить меня здесь, хотя вполне могла остаться на той стороне, в безопасности!

— Чтобы тебя оберегать. Вспомни, какая у меня роль.

— Ах, Клан Кураторов... — Он рассмеялся. — Воистину, ты ангел-хранитель.

— А чего вы ожидали, мистер Пьянчужка, Курильщик и Сорвиголова? Разве человек в здравом уме пойдёт добровольцем на подобное задание?

— Это было необходимо.

— И вот почему я так тебя люблю.

Она улыбнулась, и в тот же миг ее лицо замерцало, по щекам пробежала разглаживающая волна, лоб расширился, скулы стали не столь заметны, глаза втянулись под надбровные дуги, приняли менее раскосую, человеческую форму,

ноздри увеличились, губы смягчились и покраснели, зубы перестали быть игольчатыми. Судя по внутренней дрожи, с ним происходило то же самое.

Речь не шла о превращении, типичном для оборотня: трансформация ДНК происходила на фундаментальном уровне. Когда его брат завершит службу, этот дом станет принадлежать ему. Здесь он вернется в свое прежнее тело, найдет жену, приведет ее сюда, со временем появятся яйца и нянечки огласят эти стены жизнерадостным смехом — вновь и вновь, из года в года, из века в век.

Но Талье и Актриэлю суждено умереть в человеческом обличье.

Она покрепче взяла его за руку:

— Готов?

— Как я выгляжу?

— Идеально. Хотя постой... о, пропала твоя родинка под левым ухом.

— Да кто это заметит?

— Вспомни, какая у тебя дочь. Она унаследовала твои инстинкты: выслеживать и подглядывать.

— Мазь для детей будем брать?

— Для рожденных на Земле? Хм. Их ДНК рассчитана на оборотничество, но они не обладают нужными навыками. Останутся как есть, с добрыми серафимскими сердцами в славной человеческой оболочке.

— А ты всегда будешь держать меня на коротком поводке?

— Всегда.

Когда они очутились в знакомом лесу, он на краткий миг ощутил, что его душа принадлежит обоим мирам. Затем Брук пожаловалась:

— У меня такое чувство, будто я что-то собиралась сказать, но забыла.

Он покачал головой:

— А я словно очнулся после сна, который не смогу забыть.

— Сон? О чем?

— В том-то и дело, что забыл.

Она приблизилась и поцеловала мужа.

— Нам всем пришлось нелегко. Пора ставить точку. Здесь и сейчас. — Брук посмотрела в сторону дома. — Пришло время возвращаться к нормальной жизни.

— Думаешь, получится?

— Уверена. Вот смотри: ты заметил, что сейчас уже шесть часов, однако ничего не произошло? Никаких катаклизмов 2012 года.

Луна желтела над восточным горизонтом, готовясь взойти во всей своей красе.

Супруги притихли, причем по одинаковой причине.

— Уайли, а ты не знаешь, что мы с тобой делаем в лесу?

— Ну как же, мы ведь... — Он запнулся. — Слушай, действительно... А, вспомнил! — улыбнулся он. — Я решил, что ты в лесу, и пришел тебя поискать.

— Нет, это я пришла тебя искать.

— Я был в пещере?

— Кажется. Главное, что ты нашелся.

— Такое ощущение, будто я на Марсе побывал. В миллионе миль от дома.

Она вдруг прильнула к мужу. В сгущавших сумерках он чувствовал себя очень одиноким. Странно. Ностальгия... но по чему? К примеру, отсюда до его дома едва ли с четверть мили. И другого дома нет...

— Дети, наверное, совсем заждались, — напомнила она.

Супруги стали взбираться на холм.

За ними по пятам следовала любовь, которая столь громадна, что ее невозможно охватить взглядом, даже догадаться о ее существовании, хотя на самом деле именно она является тем молчаливым связующим звеном и фундаментом, на котором зиждется мир, — и эта любовь держалась рядом, словно хотела погреться в теплых лучах того открытия, которое они совершили вместе.

— Эй, куда вы запропастились? — сердито крикнул сын, едва они вышли из лесу. — Темнеет уже!

— Я потерялся, — сказал Уайли. — И нашелся.

— Потерялся?! Каким образом? Я уж думал, тебя убили!

Ник обнял Уайли, и тот почувствовал, как в подростке кипит юность и привязанность к отцу. Подбежала Келси, прижалась к его колену и протянула Грубияна, словно подношение домашнему божеству.

Проследовав за детьми в умиротворяющий, светлый дом, Уайли услышал голос другого отца, чья тоска и отчаяние нахлынули, едва он переступил порог.

На память пришла книга, а вместе с ней Мартин и Тревор, их борьба за спасение захваченного мира.

— Работа ждет, — вздохнул он.

Ник поднялся следом.

— Они в страшной опасности, — сказал сын. Помолчав, он добавил: — Я кое-что написал.

Уайли замер. Медленно повернулся к Нику:

— Вот как?

— Отец, неужели ты думаешь, что я не знаю о себе всей правды? После того, что со мной приключилось? После того, что я для тебя сделал?

Он посмотрел на сына совершенно другими глазами, увидел словно в первый раз.

— И кто же ты такой?..

— Правильнее было бы спросить: кто мы такие? Отец, ведь наша семья не такая, как прочие, мы общаемся с другими мирами, обладаем особенными способностями, и я это знаю, можешь не тратить время, пытаясь меня переубедить. Вот почему они пытались нас убить, вот почему у них ничего не вышло. Я защищал нас, всю семью — и за это мне кое-что причитается.

— Ого!

— Ты должен довериться мне, и больше никогда — слышишь? никогда! — ты не сунешься в портал, не поставив меня в известность. Потому что такова моя обязанность: тебе помогать!

Кадр из хроники воспоминаний. Лачуга в лесу. Странные фокусы выделяет память, это даже не сон, а нечто менее существенное, вроде летней дремы, сюжет из детской сказки, ничего больше.

— Ну... э-э...

— Солнцестояние на подходе, и Мартин с Тревором в нас нуждаются. А ты тем временем вдруг решил забыться в размышлениях, хотя более неподходящий момент придумать сложно. — Ник перевел дух. — И если честно, я много чего написал. Например, весь рассказ о том, что вы с мамой делали на Аваддоне и кто ты такой есть на самом деле... Почитаешь потом, на досуге, потому что прямо сейчас время не терпит. Отец, слышишь — у нас и секунды нет лишней!

Он зашел в кабинет.

Снизу крикнула Брук:

— Что там у вас происходит?

— Ник только что написал свой первый рассказ. — Он сел за ноутбук. — Талья... Замечательное имя. Но почему Актриэль? Нельзя было выбрать имя посимпатичнее?

— Отец, потом прочитаешь. Сейчас надо писать, потому что тогда произойдет что-то новое.

— Не выйдет. Не получается у меня.

Ник схватил его за руки, положил их на клавиатуру:

— Не выдумывай!

Через пару секунд в голове послышался шепот. Он наступал несколько слов.

— Про Тревора! Отец, пиши про Тревора!

В него словно угодила молния, пробила насквозь, и Уайли увидел яркое изображение: огромное помещение, залитое странным, можно сказать, беспокойным светом, голубым и живым сиянием, которое красноречивее любого крика говорило о переживаемых муках.

Пальцы с каждой секундой набирали скорость.

— Наконец-то, — пробурчал Ник. — Эй, Тревор, дружище, слушай внимательно!

Уайли сидел за столом и в то же время находился глубоко под землей, где сейчас звучал чей-то новый голос: «Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: “Совершилось”».

Может быть, и совершилось, но только не для тех семи людей, что боролись в темном подземном аду за свои жизни и жизнь целого мира.

— Отец, там есть портал, а они почему-то его не замечают!

— Знаю.

— Тогда напиши об этом! Если знаешь, то прямо скажи, где он находится!

— Но ведь они не могут к нам попасть, не могут прочесть!

— Пиши пока, там видно будет.

В тишине и мраке громадной пещеры, где Мартин со своими друзьями пытался вскрыть ловушки, в которых томились плененные души, медленно вплыл в фокус и начал распаиваться тайный проход на Аваддон.

ГЛАВА 24

ПОВЕСТЬ О СЕМИ ВОЙНАХ

Солнцестояние, 21 декабря в обоих мирах

«Чем ближе подходила полночь, тем сильнее мерцали темные линзы, разбросанные по двухлунной Земле. Впрочем, этого никто не видел, за исключением рептиляньских солдат и тех бродяг, которые построились в шеренги, терпеливо поджидая новых хозяев, чтобы отвести их в еще сохранившиеся города и на те земли, где до сих пор не закончилась лихорадочная суeta по возведению примитивнейших жилищ посреди груд из разлагающих трупов морской живности и людей, лишенных души...»

— Отец!

Он остановился. Вернулся в мир своего кабинета. Оглянулся на Ника, еле сдерживаясь, чтобы не закричать на сына. Неужели так трудно помолчать?!

— Отец, ты должен сосредоточиться на Мартине и Треворе.

— Извини.

— Не надо извиняться, лучше займись делом!

Он вздохнул; вновь запорхали пальцы над клавиатурой.

Внизу малышка Келси рыскала в ночи другого мира в поисках Уинни. Что касается Линди, то Брук ее уже отыскала. Жена Мартина находилась в кузове грузовика, который мчался к Денверу, где рептиляне наметили создать крупный переселенческий центр для голодающих миллиардов, присланных из Корпорации. Там ее поджидала очень простая судьба: как и всех прочих бродяг, Линди уморят рабским трудом.

На солнечной стороне планеты колоссальные равнины, поднявшиеся из пучин Тихого океана, были накрыты непролицаемым туманом, потому что обсыхающая земля выделяла триллионы тонн кипящих газов. На месте Индии и Китая образовался новый океан, в чьих взвихренных водах плавали острова, на самом деле представлявшие собой скопища мебели, ларей для хранения льда, бревен, ковров, игрушек, стеновых панелей, дверей, цветочных горшков, пластиковых стаканчиков, грузовых паллет и герметичных, непотопляемых контейнеров, а на поверхности этих островов вздымались холмы из мертвой домашней скотины, собак, обезьян и всяческих тварей вперемешку с человеческими трупами, над которыми носились стаи чаек, воронья и пеликанов с набитыми зобами и подклювными мешками.

Семейство Дейлов видело эту картину новым, освобожденным разумом, и Келси, наблюдая за происходящим, тихонько напевала Грубияну, баюкая его на руках, словно он вмещал в себя целый мир. Она пела старинную колыбельную, которой ее научила мать, «Славный денек», чья мелодия в незапамятные времена пришла от тихих домашних очагов Уинна в Ирландию. Песенка, которая была общей для ангелов и людей. Ее голос плыл над лестницей, поднимаясь от одинокой лужицы света, где она сидела, держа на руках не только Грубияна, но и всех тех, кого потерял мир. Тихий детский голосок мурлыкал: «Славный денек, — пропел козодой, — вереск покрылся новой листвой...»

За окном величаво плыла ночь, Венера блистала на тихом горизонте.

Келси пела не только для Грубияна, но и для Уинни, для того серебристого льда, что покрывал ее щеки, для ее красного коротенького пальтишки, чьи полы рвал зимний ветер, и для всех крошечных комочков, которые плавали в океане и были разбросаны по всей Земле, остались там, где прошли бродяги, потому что каждый из этих комочков был некогда ребенком, который не выдержал жестокого испытания. Выбракровка в духе Корпорации не была рассчитана на чистых сердцем, как среди людей, так и среди ангелов.

В кабинете Ник вместе с матерью, которая пришла ему на помощь, пытался заставить Уайли сосредоточиться на том единственном месте, где решалась судьба мира: на узилище душ.

— Мартин с Тревором и другими детьми... Ты их видишь? — прошептала Брук.

Уайли тяжело вздохнул, словно вязал свитер и сейчас его ждал особо хитрый узел. Единственным звуком в доме был голосок Келси, певшей на нижнем этаже.

— Ну ладно, — сказал он, — сейчас попробую.

Захрустели клавиши. Впрочем, перед глазами почему-то стояла линза из египетской Гизы. Сейчас она пылала сердитым красным цветом, из нее выскочил красный луч — настоящий столб, который отразился от разрушенного города и пустыни, придав ей инопланетный, марсианский вид.

С лучом пришел и звук, поначалу дребезг, словно кто-то поднял металлические шторы, потом резкий щелчок, за ним другой, еще громче... Линза замерцала, подернулась рябью, и от нее вдруг хлынули серафимы; каждый нес с собой как минимум сверток, а то и чемодан, кое-кто держал портфель либо тянул за собой сумку на колесиках; одни в черных рабочих комбинезонах, другие — в шляпах и пальто — напоминали собой служащих; многие несли детей или корзины с яйцами, вели малышей за руку. Помахивая отрывными корешками приобретенных билетов, они проследовали мимо гостиницы «Менахаус» в сторону Каира, заполонили холмистые берега Нила.

Вновь раздался звук, на сей раз чудовищное хлюпанье, словно из вулкана изверглась лава. Одни колонисты оберну-

лись, другие продолжали идти вперед, охваченные стремлением во что бы то ни стало добраться до тех уголков новой земли, которые они купили. Кое-кто уже лез в автобусы, разбитые при взрыве пирамиды, и пытался завести моторы, в то время как их спутники вытаскивали из салонов трупы погибших туристов, изумляясь их изящным, разноцветным одеяниям.

С грохотом, который на протяжении нескольких часов будет отзываться эхом по всему миру, из дыры, которую раньше закрывала линза, в небо взметнулся плотный столб. Сама линза оказалась в стратосфере, после чего, крутясь, как сорванный осенний лист на ветру, меняя цвет на черный, оплывая и деформируясь, упала наконец в аравийской земле, неподалеку от Мекки — города, заполненного трупами тех, кто погиб во время молитвы, города, окруженного пустыней, где вповалку лежали останки бродяг, не выдержавших палящего солнца.

Никто не видел этого падения, кроме Уайли, Брук и Ника — да еще, пожалуй, Мартина с Тревором. Души Линди и Уинни, заточенные в глубоком подземелье, уловили сигнал, пришедший снаружи, и впервые за все то время, что она провела вне собственного тела, Линди догадалась, что ее вовсе не закопали живьем, что она не находится в гробу, из которого невозможно вылезти, но и почему-то умереть не получается... Нет, здесь что-то другое, и она принялась выкрикивать имя самого сильного и верного человека в ее жизни.

— Я слышу жену, — сказал Мартин. — Линди меня зовет!

В воздухе появились черные мерцающие ромбы: генерал Самсон готовился к перевозке душ на Аваддон.

Одинокая, продрогшая Уинни, которая до этого испытывала постоянную тягу к какой-то великой, но недостижимой радости, сейчас очутилась в объятиях своей новой подружки Келси, услышала колыбельную, что напевала ей мать каждую ночь — «...вереск покрылся новой листвой...», — и успокоенно заснула, зная, что кто-то наконец спасает ее от чудовищ, по чьей милости она здесь оказалась.

В Мекке, неподалеку от аль-Хаджара аль-Асвада, появился новый черный камень из того же материала и той же фор-

мы, что и его предшественник, который упал здесь тринадцать тысяч лет тому назад во время неудачной попытки Аваддона завладеть человеческими мирами. Оставшаяся после него дыра была засыпана, а рядом — в качестве назидания — выстроена пирамида, после чего рептиляне потратили чертову дюжину тысячелетий, чтобы вытравить из памяти человечества это предостережение.

Остатки вещества, выброшенного из портала подобно вулканическому залпу, достигли верхней точки траектории и посыпались вниз. Находившиеся под ними серафимы увидели руки и ноги своих соотечественников, туловища, головы, башмаки — которые то и дело попадали в переселенцев. Грунт забрызгали потеки желтого мозгового вещества, покатались оторванные головы, напоминавшие колоссальные градины или валуны, которыми обстреливают из осадных орудий. Рептиляне пригнулись, желая защитить детей, пожитки или корзины с яйцами, но их всех разнес на клочки упавший с небес бесконечный вихрь, составленный из кусков тел.

Рев ужаса и скорби вырвался из глоток, но тут же потонул в мокрых, глухих шлепках, по мере того как еще живых серафимов засыпали курганы из трупов.

Брук на секунду коснулась руки мужа. Уайли вскинул глаза и понял, что каждый из них охвачен восторгом, к которому, пожалуй, примешивалась и некоторая грусть при виде муки, испытываемой другими, — хотя она не шла ни в какое сравнение с яростью той битвы, что разворачивалась сейчас на территории Корпорации: грызня стояла до того свирепая, что от нее содрогались даже жемчужные стены, опоясывавшие Унион, и трепетали листья в мирных землях, находившихся под ее защитой.

Фаворитов Ехидны, которые верховодили страной на протяжении столь долгого времени, разрывали на куски. Уайли попытался было найти Самсона, но потерпел неудачу. Очень жаль, что не удалось его обнаружить, поскольку генерал, хорошо знакомый с людскими обычаями и тем, как работали порталы, не будет побежден вплоть до самой своей смерти.

— Отец, мы нужны им, — сказал Ник, не открывая глаз. — Нужны сейчас!

— Я ничего не могу поделать, повествование разворачивается само по себе.

Ник решительно отодвинул Уайли от ноутбука.

— Эй!

— Отец, это очередной обман! Они завораживают тебя картиной собственного уничтожения, чтобы ты не смог двигаться в нужном направлении.

Сын принялся печатать, и когда Уайли попытался все же остановить его, вмешалась Брук. Она придержала мужа, отрицательно качая головой.

Веки Ника сомкнулись. Его пальцы летали по клавишам.

Перед собой мальчик видел громадное помещение, подсвеченное бледно-голубым пламенем, которое растворялось вдали эфемерным туманом. Эта дымка немножко мерцала, и через секунду стало ясно почему. Свет исходил от миллионов ромбовидных ламп, каждая из которых стояла на постаменте, к которому шел толстый черный кабель.

Мартин весьма неплохо знал крупные картуши, высеченные на стенах храма богини Хатор в дендерском комплексе. Он не выполнял датировку этого храма, но после прочтения главы о злоключениях Ала Норта ему стало ясно, что общепринятое мнение о том, что овальные линии картушей являлись всего лишь окантовкой иероглифов, было в корне неверным.

В каждой из ламп дрожал радужный огонек, обволакивавший медную нить. Огонек извивался, прыгал на стенки стеклянной колбы, скручивался вокруг проволоки, рассыпался миллионами искр.

Все эти огоньки были душами, и он понял, что с нами сотворила многовековая аваaddonская пропаганда: она заставила забыть про науку о душе, чтобы мы оказались беспомощны в момент, когда три Земли вновь пересекут галактическую плоскость, и тогда у рептилян появится шанс вернуться — и как раз это они пытаются сейчас проделать. Козни рептилян привели к тому, что мы позабыли истинную сущность этих ламп,

которые служили узилищами для душ. Они «облагодетельствовали» нас поколениями ученых, которые считали душу сверхъестественной идеей, а посему даже не пытались заняться ее изучением. Но ведь не существует ничего сверхъестественного, есть лишь явления, которые делятся на две группы: одни были поняты, подверглись анализу, обмеру и взвешиванию, а другие еще ждут своего часа. Вплоть до сегодняшнего дня никому и в голову не приходило, что узоры, индуцированные в полях электронов вследствие изменяющихся условий в человеческом теле, сохраняются после смерти и становятся своего рода разумной и обладающей воспоминаниями плазмой. Напротив, считалось, что любая электромагнитная активность в нервной системе попросту прекращается со смертью тела.

Вот почему Земля Мартина оказалась беззащитна, когда вернулись серафимы... И нашу Землю ждет то же самое, когда в один злосчастный день на нее неизбежно обрушатся алчные, голодные, свирепые рептиляне, отыскавшие очередной дьявольский способ к нам пробраться.

Над океаном Самсоновых ловушек для человеческих душ вспыхивали и мерцали длинные ряды порталов. Еще немного, и все будет кончено. Души, судя по всему, это чувствовали и отчаянно бились о стенки своих стеклянных камер.

Вдоль узкого прохода между рядами ловушек разнесся звон: юный Майк, подобрав по дороге булыжник, пытался разбить одну из колб.

Прокатилось эхо, нарастая с каждой секундой, пока наконец вся пещера не стала звучать как один исполинский колокол, который затих лишь после того, как Майк выбился из сил.

Тревор сказал:

— Кажется, здесь какой-то шов.

Он стоял между рядами, внимательно разглядывая места крепления ламп к цоколям...

— Отец, что дальше? — спросил Ник.

— Я не знаю, теперь ты писатель.

— У них почти не осталось времени!

— А ты потерял нить. Такое случается.

— Отец, теперь давай ты.

— Не могу. Сейчас все идеи исходят только от тебя!

Ник нахмурился, замер на стуле. Ничего не получается. Уайли терпеливо ждал, в мыслях царила пустота.

— А что там с генералом Нортотом? — неожиданно спросила Брук и попала в точку. Вопрос сработал, пальцы Ника вновь замелькали над клавиатурой.

Ал Норт бывал не прав, совершал ошибки, но он никогда не уклонялся от исполнения своего долга, во всяком случае, насколько его понимал. Он знал, в чем состоял его грех и к чему это в конечном счете приведет, однако до тех пор, пока в нем сохраняется хотя бы кроха самосознания, он приложит все силы для исправления причиненного вреда.

Впрочем, его поступки действительно привели к чудовищной катастрофе, и никакие героические усилия не смогут загладить столь колоссальную ошибку. Он уже не был способен выбраться на поверхность, однако имелась возможность для маневра — здесь, глубоко под землей.

— Смотрите! — Мартин показывал на звезду, внезапно появившуюся в пещере. В тот же миг что-то скользнуло по его ногам. Он посмотрел вниз, увидел чешую, радужно-пурпурную в голубом сиянии, но загадочная тварь тут же исчезла.

Секундой позже вскрикнул Майк, барахтавшийся в кольцах удава.

Все это Ал Норт видел с необычайной ясностью — и даже спокойствием, как человек, полностью принявший все то, что несла с собой его жизнь, и готовый сейчас расплатиться по счетам. Он понял секрет ада: попадавшие сюда души отказывались от своего права на существование. Для них уже не оставалось места ни в этом мире, ни в какой-либо другой вселенной, вплоть до скончания времен, когда на смену нынешнему творению придет новая идея.

А там, возможно, что-то поменяется, но никак не раньше. Тот, кто вершит зло, соглашается с этим.

Как бы то ни было, он хотел загладить причиненное горе, и сейчас имелся определенный шанс. Охваченные ужасом,

все позабыли о своих новых способностях и о том, что могут вверить себя Господней благодати, которая всегда готова их поддержать. Он простил им эту оплошность. Надеялся на их спасение.

Было нечто величественное в том, что он смог превозмочь собственный гнев, горькое разочарование и самовлюбленность, чтобы обрести эту, казалось бы, незначительную вещь: крошечную надежду.

Да, оно было мизерным, это чаяние, но энергия такого поступка, совершенного потерянной душой, в действительности колоссальна, и ничтожной искорки доброты, которая до сих пор таилась в нем, с лихвой хватило на то, чтобы распечатать десять миллионов ловушек одной мгновенной электрической вспышкой.

Вырвался рев голосов, бледное голубое сияние усилилось в миллионы раз. Воспоминания, думы, мольбы, облегченные восклицания — могучий, рычащий поток людского изумления и радости хлынул на Мартина и его спутников, залил их картинками счастливых минут, любимых лиц, пробежки вдоль берега моря, трепетной осенней листвы, рождественских гирлянд, танцующих девушек, мужественных пловцов в голубой воде, пикников, радостных щенячьих мордочек — под аккомпанемент песни, в которой миллионы раз повторялась одна и та же строка: «Аллилуйя!»

В разгар этой литургии из недр пещеры, из разверстых дрожащих порталов извергнулись миллионы громадных змей, сгоравших в огне доброты, которую они не могли вынести. Их кольчатые тела вспыхивали столбами пламени, съеживаясь и осыпаясь прахом под неумолчный визг, который тонул в море священного песнопения.

Эти гады представляли собой разновидность нечисти вроде «пастухов» и «козодоев», были созданы специально, чтобы наводить ужас на землян, но их выпустили слишком поздно, они уже не были способны спасти сокровище Самсона. По всей видимости, он взял змей напрокат и оттягивал до самого последнего момента, не желая тратить деньги.

Песня закончилась. Пышущие жаром змеиные кости засыпали разбитые стеклянные колбы. Порталы мигнули в последний раз и потухли.

Дикий вопль Самсона прокатился замирающим эхом. Генерал плюхнулся на табуретку в своей унылой каморке и уронил голову. Снаружи ревел город. Очередной переворот, вновь костры из аристократов, а теперь вот и удача отвернулась.

Вновь ждет нищета, да еще в революционную эпоху.

Наступила и миновала полночь, а буйные толпы этого даже не заметили. День остался за слабенькими землянами.

Махнув рукой по лицу, Самсон мигом принял человеческий облик. За окном уже появились факелы. Затопали шаги по лестнице, в дверь ударил тяжелый кулак.

Он шагнул сквозь быстро бледнеющий портал, но не в прежний, знакомый ему мир Мартина. У Самсона родился новый план. Если существует месть, он хотел испытать ее полной чашей.

— Отец, он в нашем лесу!

Уайли с Ником достали ружья и устремились на поиски генерала. Брук и Келси обменялись взглядами, соглашаясь с тем, что мужчины сошли с ума.

И все же чаша оказалась пустой. С холма, возвышавшегося над домом, они могли видеть огни Харроу. Доносился негромкий колокольный звон одной из церквей. Падал, шептал в кронах, рисовал бледные контуры снег в темных ветвях зимнего леса. Здесь покой и умиротворенность были столь глубокими, что представлялось невозможным, чтобы Самсон проследовал именно этим путем.

Вернувшись к дому, они на пару минут задержались на веранде.

— Пояс Ориона, — сказал Уайли, когда снежные облака разошлись, открыв окошко, куда заглядывали звезды.

— И его лук, — добавил сын.

— Ник, ты у меня молодец.

— Спасибо. Пап, послушай...

— Да?

— Она настоящая? Эта книга?

— Я тоже думал, что Самсон в нашем лесу. Оказывается, нет.

Они вошли в дом и развели огонь в камине, чтобы женщины не замерзли. Брук приготовила поп-корн, много горячего какао, а Уайли ухитрился даже подлить себе приличную порцию виски.

Остаток тихого вечера они провели за беседой о мелочах, которыми заполнена обычная, повседневная жизнь.

— Уже за полночь, — заметил Ник. — Похоже, мы выиграли.

К этому никто ничего не добавил, и спустя некоторое время Ник сел за партию в карты с Келси и Уайли, пока Брук доставала праздничный коньяк: столетнюю бутылку, из которой отпивали по глоточку в минуты великой победы.

Завтра начнутся рождественские каникулы; когда дети улеглись, Уайли прильнул в объятия Брук, и ему показалось, что это произошло впервые за очень и очень долгое время.

Во время завтрака радио сообщило: «Вчера наступил конец света, хотя, судя по всему, этого никто не заметил. Гуру и мистики всевозможного толка пробубнили свои мантры на горных вершинах от Китая до Шотландии, но Цыпленок Цыпа остался дома. Сегодня у нас первый день, который не отмечен в древнем майянском календаре, дата, для которой у них не было цифр. А впрочем, не приходится удивляться: ведь они сами вымерли давным-давно».

Ближе к полудню Ник обнаружил свежие следы в том районе леса, где располагался портал Самсона.

— Может, это мы их оставили? — предположил Уайли.

— Вчера я надел кроссовки, а ты, между прочим, вообще выбежал в носке. На одну ногу.

— Я? Бродил по лесу без обуви? В разгар зимы?!

Ник кивнул:

— Вот и получается, что это не наши следы.

В свое время поверх дырок, пробитых пулями в досках над погребом, они бросили половик и теперь, как по команде, повернули головы в ту сторону. Коврик исчез, пол был без единого изъяна.

— Брук, ты что-нибудь делала с той дорожкой, которую мы положили в кухне?

— Эту дрянь я убрала в чулан, где для нее самое место. В следующий раз, когда решите поменять обстановку в доме, не забудьте спросить разрешения. В письменном виде.

— Отец, но ведь все произошло на самом деле! Я серьезно! И мы... — Сын запнулся. Слегка нахмурился, покачал головой. — Забыл... Прямо на языке вертелось, а я забыл...

Уайли позвонил Мэтту, однако никаких сообщений о появлении незнакомого бродяги в Харроу, да и во всем округе Лотнер, не поступало.

— А как насчет трупа у нас в погребе? По нему что-нибудь решили?

— Ты хочешь, чтобы я приехал за тобой со смирительной рубашкой?

— Так ведь ты сам собирался меня арестовать!

Молчание. Затем:

— Ах да. Нелегальное хранение абсента, не говоря уже о воровстве моих сигар.

Стало быть, Мэтт ничего не помнит про Ала Норта.

Они поболтали о текущей численности популяции фазанов, которые всюду плодились на радость охотникам.

— Мэтт собирается завтра птичек пострелять, — сказал Уайли Нику. — Пойдешь с нами?

Сын поднял на него глаза:

— Значит, он все позабыл?

— Так ты пойдешь или нет?

— Конечно, да!

Уайли договорился встретиться с Мэттом до рассвета и побродить по охотничьим угодьям в округе Смит.

— Слушай, но ты уверен, что в последнее время ничего странного не происходило? Скажем, угон какого-нибудь автомобиля?

— В нашей глухомани? Да здесь таких преступлений сроду не было. И вообще, что за муха тебя сегодня укусила? Очередная попытка спятить? Я с полоумными на охоту не хожу, так и знай.

— Зачитай-ка мне сводку за прошлый вечер.

— Сводку?!

— Да ладно тебе, все равно никто не узнает. Ну прочитай, а?

— Тоже мне, начальник выискался... Ладно, слушай.
«16.32. Мисс Уикс опять выпустила своих курей на проезжую часть. Наложено штраф. 18.05. Возгорание в автомашине. Потушен владельцем транспортного средства. 20.22. Несовершеннолетние подростки курили, заводили громкую музыку за лавкой Уилсонов. Проведена воспитательная работа, отпущены домой». Доволен теперь?

— И что, это все? Вот за это мы тебе деньги платим?

— Ну-у, вроде бы исчез грузовичок из сарая Джима Риггса. Но я лично думаю, что здесь опять постарался его сынок Уилли. У парнишки болезненное чувство юмора.

Итак, вот уже долгое время ничего особенного не происходит в этом тихом уголке Канзаса. Если, конечно, предположить, что за пропавшим пикапом не торчат уши Самсона.

Хотя нет, секунду: был ведь еще случай со злосчастливым Уильямом Наннелли.

— Мэтт, что новенького по делу Наннелли?

— А ничего. В отчете патологоанатома сказано, что лицо ему обгрызли лисицы. И еще он был под кайфом. У них там вообще полно любителей амфетаминов. Черт знает что... Кстати, его семейство решило не подавать на тебя в суд, чему я лично удивляюсь, если вспомнить, как ты их терроризировал.

— Стало быть, все у нас в порядке?

— Если не считать тебя, то да.

Ночь прошла без приключений. Уайли с Ником поднялись в полпятого и к восходу солнца уже вовсю охотились. Уайли не изменил себе: мазал с каждым выстрелом, и все его фазаны счастливо встретили завтрашний день.

А вот Ник обеспечил семью рождественским ужином.

ЭПИЛОГ

НАСЛЕДНИКИ

овые миры создаются в двух местах: на руинах старой вселенной и в головах выживших.

Пойманные души мгновенно вернулись во всех без исключения бродяг — кроме погибших, разумеется, которые совершали теперь совсем иное путешествие.

Те, кто вновь обрел жизнь, обнаружили себя в непривычных и невозможных обстоятельствах, подобно тому, как это происходит с лунатиками. Линди с изумлением увидела, что едет в кузове, а за рулем грузовика, так же как и вокруг нее, находятся люди, понятия не имевшие, зачем и куда направляются.

Они остановились в первом же населенном пункте. Все страдали от голода и жажды, многие были больны, почти каждый, в том числе Линди, жаловался на инфицированные раны на ногах. Вылазку сделали в Лоре, штат Колорадо, но поселок оказался безлюден. Электричества нет. Телефон молчит.

Линди помнила все до момента своего появления в методистской церкви на Третьей улице; дальше лежала сплошная лагуна. Впрочем, ей было известно, кто она такая и откуда. Что бы ни случилось, она обязательно вновь попадет в Харроу, найдет Мартина, Тревора и милую крошку Уинни.

Задача не была столь уж невыполнимой, коль скоро повсюду стояли брошенные машины и грузовички. Она подыскала себе небольшую легковушку с почти полным баком. По всей видимости, дом лежит в трехстах милях к востоку, и бензина хватит с избытком.

Вместе с товарищами по несчастью она проникла в небольшое кафе. Молоко скисло, к яйцам невозможно было

подойти из-за невероятной вони, к тому же газовая плита не работала, и Линди пришлось довольствоваться горсточкой печений, запивая их водой. Люди по-братски разделили найденные хлопья к завтраку, банки с бобами и консервированным супом, после чего расстались, потому что каждый теперь стремился только к одной цели: попасть домой.

К слову сказать, Линди была этим даже довольна: ей не хотелось ехать в незнакомой компании, ведь никогда не знаешь, что может случиться. Во всяком случае, мир рухнул. Затем, по неизвестной причине, закончился ее кошмарный сон про гроб, в котором ее погребли заживо, и вот она свободна. Судя по всему, пришлось пройти пешком многие мили, но об этом она ничего не помнила.

Автомобиль был оснащен GPS-навигатором, однако спутниковых сигналов поймать не удавалось, поэтому Линди решила просто ехать по 70-й трассе на восток. На дороге постоянно попадались брошенные машины, порой целые вереницы длиной в несколько миль; их приходилось объезжать по обочине, подсакивая на ухабах. К счастью, ничего не случилось, и вскоре она въехала в знакомый маленький Харроу.

Тут и там стояли кучки растерянных людей, выглядевших как погорельцы, пришедшие посмотреть на пепелище.

Раздался голос Уинни: «Я вернусь».

Слова прозвучали столь ясно и разборчиво, что на секунду Линди решила, будто дочь сидит позади. Что за наваждение? Тут на глаза попалась методистская церковь, и она испытала приступ сильнейшей паники, из-за чего пришлось немедленно остановиться посреди проезжей части.

— Мам?

Линди зажмурилась. Она потеряла и детей, и мужа, все пропало. Нет больше Уинни, и этот голос не принадлежит Тревору.

И тут распахнулась автомобильная дверца.

Линди смотрела в лицо самого прекрасного и замечательного мужчины на свете. Силы иссякли, она не смогла даже выбраться из-за руля. Ее затрясло, руки сами собой потяну-

лись к Мартину, а затем ее подхватило, вынесло из машины, она очутилась в крепких объятиях, губы встретились с губами, наступило Царствие небесное.

На свете есть тысячи слов, которые произносят шепотом, но ни одним из них не выразить все значение этой встречи. Глаза мужа и сына были почему-то очень темными; впрочем, как сказали Мартин и Тревор, у нее тоже. В этих глазах лежало будущее человечества, и пусть оно пока что выглядит темным, впереди их обязательно ждет свет.

— Что с нами произошло? — спросила Линди по дороге к Коптящим холмам и дому.

— Землетрясение, — помолчав, ответил Мартин. — Поражена вся планета, и, боюсь, испытания далеко не закончились. Впрочем, мы нащупываем новые пути, учимся исправлять ситуацию.

— Очень многое изменилось в худшую сторону, — кивнул Тревор.

Например, их дом, как вскоре убедились Линди. Он был в таком плачевном состоянии, что мать семейства разрыдалась.

— Как мы сможем это исправить? — стонала она, не в силах поверить, что в самом деле видит изуродованную мебель, безнадежно разоренную кухню. — Что это? Разве землетрясение на такое способно?

— Произошел катаклизм 2012 года, — объяснил Мартин. — Индейцы майя действительно многое знали. Они рассчитали дату возвращения... э-э...

— Зла, — без обиняков сказал Тревор. — Здесь побывало зло, но оно потерпело неудачу. — Мальчик сделал паузу. — Положительная сторона в том, что борьба трансформировала нас. Вот почему, как мне кажется, полагается любить своего врага.

Тревор погрузился в молчание, и в наступившей тишине Линди услышала голос. Не отдельные слова, а настоящий хор, составленный из инженеров и физиков, архитекторов и строителей, которые объединили свои усилия, сообща разрабатывая планы восстановления.

— Мы вновь соберем разбитый мир, — твердо сказала она.

— Мы изменились, — добавил Мартин. — Человеческий разум уже не тот, каким был прежде, а многие люди — недобрые, на мой взгляд, — попросту исчезли... Или я ошибаюсь?

Стало ясно, что чудовищное нападение обернулось очистительной купелью: чувствовалось облегчение оттого, что уже не давило бремя зловредных душ.

Линди первой произнесла слова, которые никто из них не решался высказать вслух с момента встречи:

— Что с Уинни?

Мартин покачал головой:

— Наверное, она не перенесла испытаний...

— Что ты имеешь в виду?

— Мам, тебе нужно всего лишь открыться. Не надо думать, просто... присоединись к нам. Попытайся стать частью нас.

— Моя дочь исчезла! Где Бобби? Где полиция, где ФБР?! Пусть ищут! Но где объявление о нашем пропавшем ребенке? Где, я вас спрашиваю?

Мартин обнял ее. Линди поначалу попыталась вырваться, затем все-таки обмякла в его руках, потому что провела целую вечность в каком-то несуществующем месте, безуспешно пытаясь отыскать мужа, вновь почувствовать его рядом.

— Чем моя девочка виновата? Почему так случилось? Она едва-едва начала жить...

Горькую правду надо принять, хотя это ой как нелегко. Разве справедливо, что ее драгоценную крошку постигла та же участь, что была уготована людям злым?

Наступил вечер. Тревор устроился на полу крошечного отцовского кабинета, потому что его комната сильно пострадала, а нарушать обстановку в комнате Уинни никто не хотел.

Поскольку электричества не было, а на дворе стояло двадцать второе декабря, дом быстро погрузился в темноту, и мысли о пропавшей дочери стали еще горше. Несмотря на зимний холод, под лоскутным одеялом, которое Линди сшила сразу после замужества, было замечательно тепло. Жаль только, не удалось принять душ, потому что водопровод тоже

не работал, но это не помешало ей вновь стать Мартину женой, и их тела были очень рады.

Мамочка?

Линди распахнула глаза. Вскрикнула. Мартин ласково погладил ее по щеке:

— Спи, любовь моя, — подвинулся ближе и поцеловал.

— Из ада — в рай, — прошептал он. От этих слов все ее сердце, кровь и душу заполнила глубокая радость.

Мамочка?

Линди вскочила с постели, подбежала к окну.

— Это она!

Подошел Мартин, обнял за талию со спины.

— Радость моя...

— Помолчи!

Мамочка, привет!

— О, крошка, моя крошка, я тебя слышу! Где ты!

Тишина.

— Она там! Мартин, она там, мы должны разыскать ее! Мартин, «козодои»...

— Тише, тише! Успокойся. Нет больше «козодоев».

— Откуда ты знаешь?!

Мартин вновь попытался привлечь ее к себе, но Линди решительно отодвинулась.

— Прислушайся!

— Любовь моя...

Безнадежно. Жена слишком сильно страдала. Как и все они.

Появился Тревор.

Отец, делай, как она говорит.

Он обернулся. Сын подошел ближе, кивнул на окно.

И тут Мартин услышал негромкий гул автомобильного мотора. По телу пробежал электрический разряд страха. Ведь у них нет оружия!

Минутой позже, когда машина подъехала к дому, он увидел старенький дребезжащий «седан» с единственной работавшей фарой.

— Это Бобби, — сказал он.

Линди кинулась бегом, за ней Мартин и Тревор.

Машина свернула на подъездную дорожку, распахнулась водительская дверца, и в неярком освещении салона Мартин увидел, что на переднем пассажирском кресле сидит маленькая фигурка.

Линда подскочила к автомобилю, дернула дверцу на себя и... Вот она, ее девочка, уже в материнских объятиях! Линди затанцевала, закружилась, держа на руках молчаливую, робко улыбающуюся Уинни.

— Малютка моя! — причитала Линди, осыпая лицо ребенка поцелуями.

— Привет, — промолвила Уинни, и ее слова эхом отразились в каждом из членов семьи.

— Дружище, она пришла полчасика назад.

Мартин посмотрел на Бобби, обнял старого приятеля:

— Я уж думал, ты совсем пропал.

— А я так думал про тебя. — Бобби бросил взгляд на Линди и Уинни. — Даже не знаю, как объяснить... Сам в толк не возьму.

— Мне казалось, она погибла, — сказал Мартин. — Я видел ее тело.

Отец, все изменилось.

Мысли детей прозвучали в унисон.

Итак, у него есть сын, который владеет телепатией, а дочь только что воскресла из мертвых. Родители отвели девочку в дом, дивясь тому, что с ней все в порядке и что она выглядит нормальным, здоровым ребенком.

Бобби решил немножко задержаться.

— Нет, ты только глянь, что они с вашим домом сотворили.

— И не говори...

— Я не вполне понимаю, что случилось, но точно знаю, что ты играл в этом важную роль. И еще я научился слышать мысли. Люди думают о произошедшем, и очень многие из них сейчас вспоминают тебя.

«Мы все теперь способны слышать друг друга», — прозвучал голос Тревора у них в головах.

«Для копов наступают интересные времена», — подумал Бобби, опасливо оглянувшись, издал смешок и отвел Мартина в сторону.

— Имей в виду, твоя дочка какая-то странная, — прошептал он.

«Да, я очень изменилась, — подтвердила Уинни. — Почему в доме такой беспорядок?»

«Вот кто в этом виноват...» Линди прислала ментальную картинку: оскалившаяся Дженнифер Мазл в ее истинном, рептилианском обличье.

Уинни вскинула ладонь, и из воздуха ей в руки упал старый плюшевый друг. Грубиян насквозь промок, был покрыт коркой льда и грязи. «Заблудился, бедняжка».

Она бродила по дому, и все, к чему Уинни прикасалась, тут же возвращало себе прежний вид. Девочка открыла холодильник. «Придется сходить в магазин, купить продукты». Затем — вслух — она добавила:

— Кроме яблок. Я не воришка, я просто подобрала их с земли.

Из карманов Уинни достала пять небольших яблок. Холодные, немного увядшие, очевидная падалица. Мартин, как и остальные, испытывал сильный голод. Пока все молча угощались, он задался вопросом, откуда могли взяться фрукты, и перед внутренним взором появилась яблоня из сада миссис Райт. Земля у подножия дерева была усыпана опавшими плодами.

Уинни подошла к отцу, обняла его за колени. Он подхватил девочку и отметил, что она потеряла в весе, в ней чувствовалась какая-то эфемерность. Мартин знал, что держит в объятиях великое чудо и что в эту минуту такие чудеса миллионы раз повторились по всему миру. Он поцеловал свое чудо, оно рассмеялось, и в голову пришло, что прямо сейчас в его руках находится надежда на будущее.

«Вот именно», — подтвердил Тревор, похрустывая яблоком.

Семейство совершало путешествие в новый мир, и то же самое происходило по всей Земле. Новое человечество поднималось из руин прошлого, с каждой секундой к великому хору воскресших и живых присоединялись голоса, близился

конец многовековой иллюзии, что между живыми и мертвыми существует непроницаемая завеса.

Открылась ранее неведомая страна, из которой возвращались путепроходцы.

Уинни свернулась калачиком в уютных отцовских объятиях. Бобби протянул руку и коснулся девочки. Она ощутила в нем потоки энергии, которая местами была несколько колючей, и разгладила все эти острые углы. Слезы набежали ему на глаза. Он не отрывал от девочки взгляда, упивался ею. Она позволила Бобби обнять себя и рассмеялась. Уинни вернулась из очень далеких краев.

— Ты пахнешь розами, — прошептал он.

Она грызла яблоко и думала о том, что такое жизнь на самом деле. Вспомнила о своем прежнем теле, которому предстояло стать прахом и воспоминаниями. «Жизнь — величайшая тайна мира», — подумала она.

Вокруг нее притихли мысли других людей.

Смерть нашла собственный конец, они просто этого еще не осознали, хотя Уинни понимала, что произошло и почему. Ей была ведома истинная причина: на Земле остались только добрые люди, ибо только добрый человек способен раскрыть следующий секрет, найти истинный смысл жизни, в которой нет места смерти.

Со временем она все им объяснит, расскажет, что родилось новое человечество и что предстоит открыть совершенно новый образ жизни... а пока что Уинни просто положила уставшую голову отцу на плечо.

Этой ночью она будет спать самым сладким сном, в своем доме, в окружении родных людей, слившись воедино с их любовью и Любовью всеобщей, — в мире, который был спасен.

*Еще не много, и не станет печестивого; по-
смотришь на его место, и нет его.*

*А кроткие наследуют землю, и наслаются
множеством мира.*

Псалом. Глава 36. Стих 10—11

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. И сделалась тьма по всей Земле	7
Пролог. Темная линза	7
Глава 1. Танцы в темноте	22
Глава 2. Последняя нормальная ночь Уайли Дейла	42
Глава 3. Ночной дозор	57
Глава 4. Отравитель	80
Глава 5. Бункер	95
Глава 6. Вне закона	106
Глава 7. Западня	121
Глава 8. В глубинах человека	131
Глава 9. Ночь охотника	136
Глава 10. Невинность	152
Глава 11. Гора лжи	171
Часть II. Погибель душам	190
Глава 12. Дети тайны	190
Глава 13. Дела семейные	209
Глава 14. Монстр	215
Глава 15. Посланник	227
Глава 16. Охота на душу	232
Часть III. Аваддон	241
Глава 17. Террор	241
Глава 18. Происхождение неизвестно	261
Глава 19. Порталы	272
Глава 20. Справный солдат	292
Глава 21. Недра	305
Часть IV. Голубой огонь	320
Глава 22. Гибельное место	320
Глава 23. Унионисты Аваддона	339
Глава 24. Повесть о семи воинах	361
Эпилог. Наследники	374

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Страйбер Уитли
2012. Битва за человека

Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25